Протоиерей Андрей Ткачев

Мы вечны!
ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТОГО НЕ ХОТИМ

КНИГА 2

Русское слово
Симферополь
2013

ББК 86.372-43
Т 48

По благословению
Блаженнейшего Владимира,
Митрополита Киевского
и всея Украины

Ткачев Андрей, протоиерей.
Т 48 **МЫ ВЕЧНЫ! Даже если этого не хотим. Кн. 2.** — Симферополь: Родное слово, 2013. — 608 с.
ISBN 978-966-27-66-00-4

Клирик киевского храма в честь преподобного Агапита Печерского протоиерей Андрей Ткачев — ведущий православных телепередач и постоянный автор популярного в Украине журнала для молодежи «Отрок.ua».
Книгу составили статьи и интервью, напечатанные в разные годы. Ее, как и другие книги отца Андрея Ткачева, отличает живость изложения, близость к современным проблемам молодежи, попытка найти простые принципы для построения настоящей христианской жизни, отсутствие стремления дать готовые ответы на сложные и неоднозначные вопросы. Книга адресована всем, кому до 16 и старше, и будет интересна как воцерковленному читателю, так и тому, кто ищет свою дорогу в Церковь.

ISBN 978-966-27-66-00-4

© Ткачев А., протоиерей, 2013
© «Родное слово», оформление, макет, 2013

НАЙТИ СЕБЯ В РОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

КУЛЬТУРА – МИРОВОЗЗРЕНИЕ – РЕЛИГИЯ

Даже самый далекий от сельского хозяйства человек сумеет отличить девственную, непаханную землю от возделанного поля. Разница между землей, по которой прошел плуг, и землей, которую не тронули человеческие руки, называется «культурой». Это знакомое с детства и вездесущее слово в переводе с латыни означает «возделанный, преобразованный».

Человек — единственное существо, живущее не только в мире природы, но и в мире культуры. Птица летает в воздухе, рыба живет в воде. Волк всегда будет волком, и ягненок не изменит своего нрава. И только человек может творчески изменять, возделывать как себя самого, так и мир вокруг себя. Творчески измененный человеком мир — это и есть мир культуры.

Говорить о конкретном человеке всегда означает прикасаться к нему как к жителю конкретной эпохи и носителю конкретной культуры. Вы завязываете галстук или топчете босыми ногами свежесобранный виноград. Вы отращиваете или, наоборот, бреете бороду. Панталоны вам смешны, фрак старомоден, а вот пиджак — в самый раз. Дело здесь не только в личном вкусе. Каждый раз вы поступае-

те, исходя из культурных предпочтений. Сами же эти предпочтения всегда коренятся в более глубоких слоях жизни.

Люди разных эпох по-разному здоровались, по-разному готовили пищу; по-разному оплакивали умерших и по-разному праздновали вступление в брак. Но никогда это не делалось абы как. Это всегда сопровождалось ритуалами. Традиции углублялись, и вся жизнь пропитывалась ими, осмысливалась как единое целое, как нечто важное и неслучайное. Помним ли мы о том, что, протягивая друг другу руку при встрече, мы исполняем ритуал? Это знак того, что рука твоя пуста, то есть безоружна, и бояться тебя не стоит. Это пожатие двух безоружных рук — знак мира и безопасности.

Помним ли мы, что, чокаясь, сдвигая бокалы, мы хотим, чтобы вино перелилось из чаши в чашу в знак того, что вино не отравлено? Это знак доверия, знак общения и единения в питье от общей чаши. Не зря эскимосы трутся носами при встрече. Не зря евреи выливают кровь закланного животного, прежде чем его съесть.

Всё это знаки культуры. Знаки, которые нужно читать как иероглифы. Люди всегда со страхом присматривались и с удивлением знакомились с чужими культурами. Сегодня наступило время, когда человеку присматриваться и знакомиться приходится со своей собственной культурной традицией, к которой он принадлежит от рождения.

И всякий раз культура указывает на нечто большее, на то, чем она питается, — на культ, то есть на религию.

Культура, напомним, — это возделанность. Можно, простите, «жрать», а можно «вкушать».

Первое — дикость и требование природы, второе — культура. Но как, когда и что вкушать? Какую пищу считать нечистой, а какую благословенной? Какая пища достойна богов, какая — людей, какую можно есть только животным? На эти и подобные вопросы отвечает «культ». Из него, как из корня, вырастает любая оформленность жизни.

Сам же он (культ) является осознанным мировоззрением и четко установленной нормой в отношениях с высшим миром, от которого зависит мир земной.

Эту ясную, как день, забытую, как многое очевидное, мысль в конце XIX — начале XX века высказал о. Павел Флоренский. Он впервые громко заговорил о том, что первичны метафизические вопросы. Те самые «проклятые», по Достоевскому, вопросы: «кто мы?», «зачем мы здесь?», «что будет дальше?». Человек носит в себе огонь поиска и хочет понять сам себя. Прикосновения души к иному миру рождают религию. Сформировавшиеся обряды рождают культ и вслед за ним — жрецов, храмы, обряды, предания. Ни один участок жизни не будет выпущен из внимания. Труд и отдых, брак и война, жизнь и смерть, еда и одежда — религия на всем поставит свою метку. Отсюда и мировоззрение, психотип, если угодно — ментальность. И вот уже готовая ментальность рождает различные культурные формы, примерить которые или объединить невозможно, не объединив прежде или не под-

рубив их внутренние корни. Итак, вначале — культ, затем — культура.

Весь быт наш пронизан религией, даже если мы этого не осознаем. Монгол осознанно питается молоком и не пашет землю. Монгол боится потревожить сон земли. Этому его научили предки, и носки сапог монгола загнуты — сон земли нельзя нарушать даже случайно. Это — вера, ставшая культурой.

Европеец уступает место даме. Это отголосок почитания Девы Марии и в Ее лице — всех матерей мира. Узбек сидит в автобусе, тогда как рядом стоит женщина. Это отголосок веры в первичную виновность женщины, в ее вторичность по отношению к мужчине. Американка подает в суд на мужчину, уступившего ей место. Это плод веры в полное равенство полов и протестантское понятие справедливости.

Мы можем не вникать в эти вещи. Они сами втянут нас в круг своих проблем и понятий. Вы, к примеру, пошли на секцию дзюдо, чтобы закалиться физически и научиться защищаться. Но уже через несколько месяцев вы научитесь считать по-японски до десяти и выучите еще добрый десяток японских терминов. Время от времени, посадив вас на корточки, учитель будет рассказывать вам предания о великих мастерах, вы услышите притчи и афоризмы Востока, ваша душа ощутит любовь к Японии, к этой далекой и малознакомой стране. Если занятия продолжатся, то вам станут интересны не только удушающие и болевые приемы, но и чайная церемония, и каменные сады, и поэзия дзен. Изменится взгляд и походка, изменится

образ мыслей. Боевое искусство пропитает вас чем-то большим, чем вам хотелось, — мировоззрением. Корни души начнут пить воду из неведомых прежде источников, вначале — из новой философии, затем — из новой религии. Так будет всегда, когда вы займетесь чем-нибудь серьезно. Начиная заниматься йогой для улучшения самочувствия, вы рискуете года через два стать индуистом. Если вы — успешный менеджер западного образца, то протестантские собрания вам будут ближе, чем православная всенощная. И хорошему органисту трудно не любить католическое богослужение.

Если мы только раскроем глаза, мы увидим, что мир наполнен религиозными идеями. Эти идеи формируют мировоззрения, сталкиваются, воюют, рекрутируют на свою сторону миллионы сторонников. Не разобравшись в этом сплетении идей, нельзя понять современный мир. А не понявши мира, в котором живешь, без толку пытаться изменить его к лучшему.

Новейшая история на наших глазах лепит из пестрого и многообразного мира одну глобальную цивилизацию. На всех континентах молодежь слушает одинаковую музыку, одинаково двигается в ее ритмах и жует при этом одни и те же жевательные резинки. Курс на уплощение жизни, курс на единый глобальный стандарт таит в себе немало угроз. В этих условиях забыть о своих корнях, потерять лицо, порвать связь с прежними поколениями означает попасть в жестокий глобальный миксер, превращающий племена и народы в однообразное месиво абстрактного человечества.

Перед всеми нами сегодня стоит одна архиважная творческая задача, а именно: познать свою родную культуру и найти себя в ней. Неплохо также познакомиться с теми культурами, которые входят в соприкосновение с вашей. Собственно, всем этим мы и планируем заниматься.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Пицца тем лучше, чем тоньше в ней тесто. А человек тем хуже, чем тоньше его личный культурный слой. Тонкий культурный слой — это неспособность и невозможность, а главное — нежелание пускать корни. Не в том, конечно, бытовом смысле, как это часто понимается: пристраивание дома к дому, обрастание связями, поиск влиятельных друзей и прочее. В этом смысле человек без корней очень энергичен и часто успешен. Но эта деятельность есть именно то, о чем поется во втором антифоне Литургии, то есть в псалме 145-м: *Изыдет дух его, и возвратится в землю свою, в той день погибнут вся помышления его.*

Непоседливая активность требует не памяти о прошлом и не тревоги о будущем (что и есть культура). Она требует жадного внюхивания в воздух момента. По сути, требует звериного чутья и метафизического безразличия ко всему, что нельзя намазать на хлеб. Я говорю не о ней.

Человек глубокий похож на море. Человек неспешный и основательный похож на боль-

шое дерево. В море живут рыбы, а в ветвях дерева укрываются птицы.

Человек тонкий, как тесто в хорошей пицце, похож на мох. Птицы в нем от непогоды не спрячутся. Его или олень съест, или человек соскоблит ногтем от нечего делать. Его и жалко, но и помнить о нем долго не получается. *«Изыдет дух его, и возвратится в землю свою...»*

Если человек лично глубок или если он принадлежит к культуре серьезной и основательной, то совершенно невозможно предугадать те ходы и те слова, которыми надо начинать с ним разговор о Христе. Зацепить такого человека могут слова, которые нам хорошо известны, но нас лично никак не трогают. Так, знакомый рассказывал о друге — мусульманине, уверовавшем во Христа после прочтения длинного родословия в первой главе Евангелия от Матфея. Что он там нашел? Чему поразился? У нас дьяконы и священники как наказание читают этот длинный перечень накануне Рождества. А он, воспитанный на уважении к отцу и отцу своего отца, понял, что в Евангелии все очень серьезно и очень не случайно. Имена говорят о том, что эта история долго отслеживалась, записывалась, осмысливалась. Она долго приуготовлялась. Ей можно доверять! Конечно, родословие — это Ветхий Завет в лицах. За каждым именем — личность, а за каждой личностью — драма греха и покаяния, борьбы и усталости, драма ожидания Мессии. Но даже на уровне начального знакомства ей, оказывается, можно удивиться.

Теперь фразу эту произнесем иначе: удивиться можно, но не каждому. Нужно иметь

за душой нечто, чтобы приходить в веру там, где другие просто проходят мимо. Хотя есть и другие пути. Не зря же произнесено святым Павлом предупреждение против родословий и басней бесконечных.

Или вот новелла из «Декамерона» Боккаччо, которую цитировал покойный Митрополит Антоний (Блюм). Это же гимн нестандартному мышлению! Там дружат еврей и христианин. Последний склоняет еврея к вере, а тот говорит, что примет решение, не иначе как только посетив Рим. Но тогдашний Рим утопал в том разврате и той роскоши, в ответ на которые пришла Реформация. Христианин, соответственно, друга от поездки отговаривал. Еврей все же поехал. А вернувшись, объявил о желании креститься. Удивлению и радости друга не было предела. Но потом начались расспросы: почему? Как додумался? Еврей честно рассказал, что слышал и видел многое. Многому поразился. Представители духовенства ведут себя часто так, словно они — враги веры. А на главного врага веры похож его величество Папа. «Так почему же ты хочешь креститься?!» — был недоуменный вопрос. «А потому, что если бы с вами не было Бога, то при таких начальниках вы бы давно исчезли. А вы не только не исчезаете, но даже и умножаетесь. Ваша вера не человеческая. Она от Бога». Таков был ответ. Это ответ человека, для которого прошлое — не пустой звук, а будущее — не синоним густого и непроглядного тумана. Мастера дзен-буддизма после именно таких диалогов достигали своих прозрений и озарений.

Они бы не постыдились тому еврею из книги Боккаччо ноги помыть, потому что он мыслил вопреки мелкой логике, сверхлогично. Говорю это нарочно, потому что к евреям у нас отношение известное, а мудрецов Востока уважают даже очень. При этом дзен-буддисты проходят сложные практики, чтобы расширить сознание и вырваться из мертвой хватки бытовой логики. А этот мелкий торговец никаких практик не проходил. Ему сверхлогичность досталась в наследство в виде генетической памяти о Непредсказуемом Боге и неисчерпаемости бытия.

Кто будет верить, если море обмелеет, а деревья рухнут, поваленные ветрами? Кто будет верить, если останется только мох, который некому есть, поскольку и олени вымерли, а люди не скребут по камням ногтем от нечего делать?

Достоевскому было достаточно из всего Евангелия одного рассказа о трех искушениях в пустыне, чтобы глубоко прочувствовать: есть Бог, есть сатана, есть между ними борьба за человека, и всё в Библии — правда. Но кто такой Достоевский? Он дерево или море? Нет. Он — лихой бандит из эпохи 90-х или белогвардеец из фильма про Чапаева. Вам об этом любой школьник скажет. Хотя нет. Какие могут быть белогвардейцы, если Бетховен — это собака, а Моцарт пишет рингтоны для мобилок? Достоевский — это имя одного из ураганов, которым раньше давали только женские имена. Теперь женские имена кончились, ураганы от глобального потепления умножились, и одному из них дали имя Достоевского. Я так говорю, потому что один мой друг от этого урагана пострадал.

Ему крышу снесло. Пришел ко мне (или я к нему) с главой «Русский инок» и плачет. «Это что, — говорит, — здесь всё — правда?» Спать перестал, только читает и плачет. Полное несогласие с духом мира, который на всех языках, включая медицинский и матерный, запрещает серьезно относиться к серьезной литературе. Но где он теперь? Я не знаю. Наши пути разошлись. И чего ждать от будущего, если даже его, человека тонкого и глубокого, со временем закрутил и куда-то унес другой ураган. Наверное, с женским именем.

Чтобы пицца была тонкая, ее надо вертеть в руках, как клоун делает в цирке, вертя тарелку на кончике пальца. Человека тоже нужно вертеть и крутить, утончая уровень душевной вместимости до такой степени, чтобы события десятилетней давности казались седой древностью.

В каком-то фильме тетя, всего лишь на пятнадцать лет старше племянницы, уговаривает ту не связываться с молодым мужчиной, который тоже старше племянницы примерно на столько. Тетя говорит: вы из разных эпох. Когда он был маленький, ему нужно было встать с дивана, чтобы переключить программу по телевизору. Племянница делает круглые глаза и спрашивает: зачем? Тетя с видом человека, нашедшего в пустыне пресную воду, выпаливает: пультов не было! Племянница продолжает потухшим голосом: ты откуда знаешь? Тетя победным голосом: мы с ним одного возраста.

Вот так. Была эпоха мученичества и эпоха Вселенских соборов. Были эпохи кругосветных путешествий и фундаментальных научных от-

крытий. Были эпохи крушения колониальной системы и освоения космоса. Были.

Теперь остались эпохи мобильной связи, телевизионных пультов и зубных щеток на батарейках. И весь трагический фарс этого обмельчания в том, что все эти ничтожные отрезки времени действительно воспринимаются как эпохи.

Иной раз подумаешь: вот жили люди и было их мало. Но были они сильны и умны, тверды и могучи, как скалы. Потом они плодились и множились, жили и грешили, и бывшие скалы со временем превратились в горы щебня. Раздробились, изменились в качестве. А теперь каждому камушку щебня предстоит превратиться в каменную крошку, ну а затем в пыль. И уже бывший щебень кажется осколком скалы, настолько много вокруг мелкой крошки. Скоро и крошка покажется камнем, настолько много станет пыли. Но в конце концов пыль заменит собою всё, только она останется. Ветер развеет ее. Это и есть конец.

Скалу можно взрывать или крушить кайлом. Щебень можно трамбовать и насыпать куда надо. Но что делать с пылью? Она вездесуща. Она набивается в нос при ходьбе и оседает на одежде. Ее можно стряхивать и пылесосить, ничего более. Крайнее измельчание — признак полной бесполезности.

О волах ли печется Бог? Пылью ли мы интересуемся? Человек в поле нашего интереса. И есть у Церкви сегодня особенная задача, особенная миссия, отличающаяся от прямого свидетельства. Это культурная миссия, призванная не дать человеку обмельчать. Не дать ему

обмельчать до такого критического состояния, что с ним невозможно будет говорить на темы серьезные, вечные.

И тема эта трудна, почти неподъемна. Особенно, если толком не знаешь, что делать, а только ставишь диагнозы эпохе. Вот так, удобно севши напротив окна и, кстати, в пиццерии. Тесто здесь делают тонкое. Оттого и пицца хороша. Она всегда хороша тем более, чем тоньше тесто. А человек — наоборот, в отношении культурного слоя, разумеется.

«ЧЕЛОВЕК — ЭТО ПРОДУКТ ЧТЕНИЯ»

Если бы я не любил поэзию Бродского, если бы я вообще был глух к рифмованным и ритмичным звукам и сочувствовал только плотной ткани прозаического текста, то и тогда одна фраза из Нобелевской речи заставила бы меня уважать Иосифа Александровича. Он сказал: «Человек — это продукт чтения». То есть не меньше, чем родившая его эпоха и воспитавшие его родители, человека формируют, лепят, делают прочитанные книги. Книга — это письмо в бутылке, написанное главным образом не для тех, кто рядом, а для кого-то, живущего не здесь и не сейчас. Главный читатель всегда за пределами видимости. В этом есть нечто грустное и божественное одновременно. Грустное потому, что книга — это свидетельство человеческой глухоты, свидетельство невозможности докричаться и достучаться до современника. Человек пьет суету, как воду, и

взглядом скользит лишь по поверхности. «Что Пушкин? Сложный человек, посредственный семьянин. Стишки, правда, временами хороши...». И только бронза, сковавшая тело, дает окрепнуть связкам, а голос, очищенный от повседневности, звучит беспримесно и чисто. Еще хуже, если пишущего человека расслышали, но неверно поняли. Но в любом случае, будь мы поумнее и повнимательнее, самые главные мысли выговаривались бы нами с глазу на глаз, устами к устам, и половина типографий вынуждена была бы закрыться. Но и тот факт, что крючочки и точечки, смело стоящие на бумаге и говорящие всем одно и то же; тот факт, что эти значочки-буковки способны сквозь столетия доносить до людей сердцебиение далекого автора, говорит о божественной природе письменности и о бессмертии человека.

* * *

Вот история из жизни моих друзей. Муж читает «Дэвида Копперфилда», жена рядом убирает вещи в шкафу. Не поворачиваясь к мужу лицом, она окликает его и не слышит ответа. Окликает еще. Поворачивается и смотрит на мужа с удивлением. Взрослый мужик впился глазами в книгу, и глаза его влажны. Он не видит жену, не слышит ее голоса и вряд ли сейчас способен назвать свою фамилию. Через минуту он с гримасой боли отрывается от текста и упавшим голосом говорит сам себе, никому, просто говорит: «Стирфорд обольстил малютку Эмли». Это финал. Дальше ехать некуда. Если такое возможно, то дело не в мастерстве

Диккенса и не в чувствительности его читателей. Дело в том чуде прикосновения друг к другу сквозь столетия; в чуде, на которое способен только человек и имя которому искусство.

* * *

Между Гомером и временами осады Трои лежала пропасть, сопоставимая с той, что лежит между нами и Мамаевым побоищем. Кто знает, что чувствовал он сам, когда описывал похороны Гектора и рыдания его матери? Но вот спустя столетия бродячие артисты в Эльсиноре ставят античную пьесу, и Шекспир устами Гамлета произносит: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба? А он рыдает». И мы, чувствуя иррациональную силу и правду этих слов, смешиваемся воедино, где и когда бы ни жили: Гекуба, Гектор, Шекспир, Гамлет, Козинцев, Смоктуновский, режиссеры, читатели, зрители... Вселенная людей сжимается до размера ладони. Мы чувствуем ее тяжелое единство, как будто взвешиваем в руке слиток благородного металла. Бессмертный дух, затейливые буквы, горящая и легкая бумага. Всё вместе — чудо!

* * *

Речь не идет сейчас о Книге книг. Речь идет о книгах вообще. Хотя бы потому, что все книги как-то связаны с Библией. Древние хроники связаны стилем и смыслом с книгами Царств. Любовная лирика разных народов узнает свои черты в Песне Песней. Письма, притчи, послания, рассказы — все эти жанры есть в Писании, и любую хорошую книгу можно считать расширенной и истолкованной цитатой

из Библии. Святитель Николай Сербский пишет: «Многие говорят — читайте Библию. Я же скажу — прочтите Библию, а затем 5 лет не читайте ее. Читайте всё, кроме нее, а через 5 лет опять прочтите Библию. Тогда вы поймете, что Она такое». Если кто-то исполнит эти слова на деле, он скажет нам не только о глубине, о вечности и точности Божиих слов, о том, что они слаще меда и драгоценнее отборных каменьев. Он также поведает нам о том, что те за 5 лет прочитанные книги тоже не были прочитаны даром. Во многих из них есть лучи того же света, только эти лучи рассеяны, а не сфокусированы. Он скажет нам о том, что многие страницы потрясали его, будили совесть, рождали глубокие и чистые мысли.

Библия принципиально переводима. Есть много книг, и старых и современных, смысл которых теряется за пределами породившей их культуры. Писание не таково. О нем нельзя сказать то, что говорит главный герой в фильме «Ностальгия». Он слышит стихи Тарковского в итальянском переводе и говорит читающей их девушке: «Выбросьте это. Стихи не переводятся». Под этими словами, с некоторыми оговорками, подписались бы многие переводчики и знатоки литературы. Но эти слова не про Библию. Она создавалась Богом, то есть вдохновлялась и затем проговаривалась и записывалась, как Слово, через немногих обращенное ко всем.

* * *

Интересно то, что люди пишут справа налево, слева направо и сверху вниз. Но никогда — снизу вверх. Письмо — это знания, а знания

всегда сверху. Это — дождь на землю, а не пар от земли. И отношение к письму традиционно сакрально. Поэтому европейцы долгими столетиями учились читать по Часослову и Евангелию. Евреи учили детей читать именно с целью общения с Богом через книгу. Таковы же и интуиции мусульман. Во всех мировых культурах через обучение грамотности человеку давали ключ к хранилищам премудрости. В новейшие времена ситуация изменилась. Человеку дают ключ, но не говорят, где дверь. Обладатель ключа становится похожим на деревянного мальчика. Он ищет некую дверцу, попадает в руки разбойников, посещает страну дураков, и в реальной жизни всё заканчивается не всегда так счастливо, как в сказке, содержащей намек на притчу о блудном сыне. Но всё равно это похоже на окружной путь паломника. Путь совершается не по полному бездорожью. На этом пути есть знаки, и путник обязан их читать.

У нынешнего путешественника почти всегда в руках путеводитель. В нем могут быть ошибки, он может устареть. Но он есть. При помощи письменных знаков люди сверяют маршрут, ходят кругами, топчутся на месте, пока не дойдут до нужной точки и опять-таки не прочтут нужную надпись над воротами в Изумрудный город.

Нужно читать. И нужно учиться читать то, что нужно. Нужно читать хотя бы потому, что поговорить бывает не с кем, а человек не может жить не разговаривая.

Человека действительно делают книги. Оказался он в притоне или во дворце, в болоте или

на вершине горы — во все эти места его привели путевые письменные знаки — книги. Было бы лучше не уметь читать, знать Истину и не заблуждаться. Но раз уж мы заблудились, ищем дорогу и обучены грамоте — иного пути у нас нет. Человек современный — это всегда продукт чтения.

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Литература рождается, высекается, как искра, от столкновения жизни и смерти. Например, когда жить незачем, но и умирать страшно. Или — жить хочется, а смерть — на расстоянии вытянутой руки. Этих сочетаний жизни и смерти может быть много. Как два умелых борца, жизнь и смерть сплетаются в жаркой схватке, и в быстроте меняющихся положений они похожи на неразделимое многорукое, двухголовое чудовище.

Могучая, сильная литература, литература, не утрачивающая силу и смысл в переводах, — это литература империй. Империя может позволить себе размышлять о душе и Боге, о суете и вечности, о пользе страданий и расслабляющей опасности комфорта. Более того, империя обязана об этом рассуждать.

Прочие народы, как правило, не вырываются из кольца собственных проблем и не способны выйти на всечеловеческий уровень. Эти малые литературы понятны только носителям их языка, а в переводах интересны лишь историкам и эрудитам. В них либо плач о своих страданиях, либо печальные песни об ушед-

шем героическом прошлом. Для действительности у них остаются сарказм, завистливое брюзжание, обиды, насмешки и прочая бессильная гниль, никуда не зовущая и отравляющая сердце.

* * *

Миру еще далеко до превращения в одно культурное пространство. Но яркие признаки этого неизбежного будущего уже хорошо видны. Дело не в том, что китайцы играют европейскую музыку или американцы ставят Чехова. Дело в том, что молодежь всех континентов конвульсивно движется под одни и те же ритмы. Всемирное братство будет достигнуто не как взятие вожделенной и казавшейся недосягаемой высоты, а как критическое понижение планки требований до того уровня, что и «курица перешагнет».

* * *

Литература будущего будет литературой одной всемирной империи, в которой человек будет задыхаться от смыслового голода. Как и в гниющем от пороков и роскоши Риме, господствующими жанрами будут авантюрный роман, сатира, комические пьесы о сегодняшнем дне, «римейки» древних трагедий и, конечно, порнография.

Всеобщая грамотность человечества странным образом превратится в проклятие, а не в благословение. Дядя Гамлета убил своего брата и законного короля, влив ему яд в ухо. В наши уши (и глаза) тоже вливается разнообразный яд.

Это делается через «трубочку» культурной коммуникации и под названием «духовная пища».

Литература способна легче и раньше добиваться того, над чем бьется политика. Например, с точки зрения сказок мы давно уже — члены Евросоюза. Карлсон, Пеппи, Русалочка, Дюймовочка, Красная Шапочка, Щелкунчик прописаны в нашей памяти, в детских снах, в музыке и кинематографии.

А ведь это — дети шведки Линдгрен, датчанина Андерсена, француза Перро, немца Гофмана. Эти и другие иностранные писатели давно уже стали «нашими», так же как святого Егория и святого Николу в древности наши предки считали русскими. Книги этих писателей влияют на нас, воспитывают целые поколения, и, с точки зрения детской книги, мы давно преодолели и стерли многие государственные границы.

* * *

Книга неотделима от автора. Но их связь не поверхностна. Она не выводится из фактов биографии, из «эмпирического» человека. Боящийся женщин, ежегодно теряющий по одному зубу, несчастный и одинокий человек — это эмпирическая оболочка автора «Снежной королевы». Круглолицый человек с веселыми глазами, любитель пива, как и большинство жителей Британских островов, «повседневный» Льюис так не похож на автора своих романов.

Вся литература — это протест против плоских трактовок человека, утверждение многоэтажности, глубины и неисследимости человеческого существа.

Чехов отстранен и наблюдателен. Толстой масштабен, огромен. Достоевский прозорлив, волшебен, раскален до последней степени. Этих трех читают, изучают, ставят на сцене больше всех прочих, писавших кириллицей. Все эти трое причащались в детстве.

Пусть один тихо растерял веру и тихо умер. Пусть другой громко отказался от веры и рухнул, как большое дерево. Пусть третий притащил и продолжает тащить тысячи людей за шиворот ко Христу, чтобы, притащив, поставить перед Ним на колени. В творческих интуициях все эти трое — действуют как православные христиане.

Книга — городское явление. Книгу можно читать в селе, но издавать книгу можно только в городе. У нас долго не было городов. Сплошь — сельское население и сельская культура. То, что называли городом в XIX веке, сегодня бы уже так не назвали. Но стоило появиться культуре европейского образца, с университетами, периодической печатью, общественными движениями, как появилась и настоящая литература. То, что на Западе шлифовалось и огранивалось столетиями, у нас взорвалось всеми цветами радуги в десятилетия. Те же процессы параллельно произошли и в музыке, и в живописи, и в философии. Мы были скрыто, в потенции гениальны. Стоило только дать движению толчок и начало.

Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин, Соловьев, Розанов тоже причащались в детстве.

Смерть писателя — это когда писать не о чем. Смерть, возведенная в квадрат, — это ког-

да писать есть о чем, но читать некому. От обеих смертей да сохранит нас Господь.

Проситель бьется головой в закрытые двери кабинета начальника. Осадное орудие методично лупит в стену осажденного города.

Писатель бьется головой о смысл жизни, обо все, что связано со смертью и возможностью жить снова и вечно. Если он об эту стену не бьется, то, возможно, он не писатель, а болван, научившийся грамоте по недоразумению или по причине всеохватной, как эпидемия, страсти к образованности.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЧНОСТИ. СЛОВО О ГОГОЛЕ

«Пророк, не устроенный в быту», «великий человек, не умеющий обустроить свою частную жизнь», – таким казался в глазах обывателей персонаж нашей статьи. Николай Васильевич Гоголь, человек, перед которым нам хочется снять шляпу и поклониться. Человек, которого мы несколько побаиваемся.

Писатели не всегда были «инженерами душ». Богословы и политики столетиями сохраняли власть над общественными процессами и претензию на то, чтобы до конца времен влиять на человеческие умы и на социальную жизнь. Николай Васильевич — один из первых вторгшихся в несвойственную до него писателям сферу. Он осмелился учить людей искусству жить. Люди имели право на него за это обидеться. Учить, думали люди, имеет право

тот, кто сам овладел предметом. Люди были правы, но, как всегда, частично.

Гоголь не мог похвалиться внутренним комфортом, семейным счастьем, личной святостью. Он был безбытен, неприкаян; родная рука не поправляла ему подушку в дни болезни. Но всё же он мог сказать нечто касающееся человека вообще. Из «господина сочинителя» он перешел в разряд пророков, а это и опасно, и малоприятно одновременно.

Если бы Гоголь женился, он бы не был тем, кем мы знаем его сегодня. Те развернутые пеленки с зеленым и желтым, о которых писал Розанов, не дали бы развернуться гоголевскому таланту. Чтобы говорить для всех, нужно быть не связанным со всеми, отличным от всех, то есть бессемейным. Пророк бессемеен по определению, иначе Ксантиппа замучает Сократа, и огненные глаголы погаснут в соленой влаге споров о насущном.

Если бы Гоголь жил только в России, он не написал бы о ней ни одной пророческой строчки. «Лицом к лицу лица не увидать». Россия (то бишь и Украина тоже) была бы напрочь ему непонятна, если бы не глядеть на нее из Италии или Швейцарии. Любому человеку для осмысления своей прожитой жизни нужно удалиться хоть на дачу, хоть в ближайшее зарубежье, откуда привычное приобретает мифические, вечные черты. Талант тем более зависим от путешествий. Перемещения в пространстве так же плодотворны для людей искусства, как временное воздержание в браке для крепости семейных уз.

Николай Васильевич несколько юродив в литературе, и значит, несколько свят. Любой юродивый — бомж. Николай Васильевич, по неизбежности, тоже. Может быть, потому он и любил Италию, называл ее своей, что бомжевать в Италии легче, чем в России. Спать на лавке, пить воду из фонтана, утолять приступы голода сорванным с чужой ветки немытым фруктом можно только в южных широтах. Наши бомжи гораздо несчастнее и незащищеннее. Точно так же наши писатели более зависимы от власти, более склонны рассчитывать на подачки, менее способны выжить в одиночку в сравнении со свободными певцами теплых краев. Те поют для себя обо всем, что видят. Наши поют под заказ. Петь у нас и быть свободным — так же тяжело, как ночевать на лавке холодной осенью. Николай Васильевич умудрился не подчинить свой творческий голос конъюнктуре. Но нельзя сказать, что это ему ничего не стоило.

Его книги обрамлены пожарами. Сгоревший «Ганс Кюхельгартен» в начале творческого пути — это буква «А» гоголевского алфавита. Сгоревший второй том «Мертвых душ» — это буква «Я» в том же алфавите. А ну-ка найдем еще хотя бы одного такого писателя, который начинал и заканчивал свой путь творческим аутодафе! Трудно будет. Большинство пишущей братии не так нежны с родными детьми, как с написанными текстами. Дать сотню баксов бабе на аборт — легко. Сжечь свою примитивную рукопись — никогда в жизни! Если литература — это процесс и в ней важна преемственность, то

хорошо бы людям, знающим, как писать, но не знающим — о чем, научиться у Гоголя беспощадности к своим бессмысленным творениям.

На смену цивилизации Фауста должна прийти цивилизация Достоевского. Это сказал Освальд Шпенглер. Но Достоевский сам признался, что он, как и многие другие, вырос, вышел из гоголевской «Шинели». Значит, будущая православная цивилизация, востребованная нынче как никогда, цивилизация, чей призрак маячит на мысленном горизонте, вырастает в том числе и из Гоголя. Ведь он — «христианнейший писатель». Этим высоким именем можно назвать многих, к примеру Диккенса. Диккенс много и проникновенно, с огромной степенью внутренней достоверности пишет о кротости, молитве, о силе добра и внутренней слабости зла. Но он ничего не пишет о Литургии. А Гоголь — пишет. Первый из всей писательской братии Николай Васильевич включает в поле своего внимания литургическую жизнь Церкви. Его интересуют Таинства! Не отдельно мораль, не отдельно текст Нового Завета. Но Таинства как средоточие новозаветной жизни. «Если люди не поедают друг друга еще, то тайная причина этому — ежедневное служение Божественной литургии», — пишет Гоголь в своих «Заметках» о Божественной службе. Чтобы сказать эти слова, мало быть талантливым. Нужно быть прозорливым или сверхчувствительным.

Говорят, он и сам хотел быть монахом. Какое счастье, что ему этого не благословили. Он бы не смог стоять в строю, он бы не смог до конца слиться с братией. Он так и остался бы «штуч-

ным» и уникальным продуктом. А значит, его возможное монашество обернулось бы возможным крахом религиозных идеалов. К мирской жизни он тоже был плохо приспособлен. Оставалось только умереть.

Сорок два года — такое число получается при нехитрых вычислениях, которые мы производим, отнимая от даты смерти дату рождения. Много это или мало? Если брать Моисеевы слова из 89-го псалма, где говорится, что дни лет наших — 70, если в силах — 80, то — мало. Если сравнивать с Пушкиным, умершим в 37, или Лермонтовым, умершим еще более молодым, то — не так уж мало. Что вообще значит «мало» или «много» перед лицом вечности? А ведь о ней говорил и думал чаще других покойный. Разве не он некоторых живых нарек мертвыми душами?

Светское-советское литературоведение избегало разговора о вечности, но кормило читателей ужасами о писателе, переворачивающемся и агонизирующем в гробу а-ля персонаж из «Вечеров на хуторе...». На самом деле он умирал с молитвой. В его ногах по его же просьбе была поставлена икона Божией Матери, и, когда в забытьи писатель говорил о лестнице, мы можем смело предполагать, что думал он о Деве Марии. Ведь о Ней говорит церковная служба, знакомая Гоголю с детства: «Радуйся, Лествице небесная, Еюже сниде Бог». И еще запомнили в доме Толстых, где умирал писатель, последние его слова: «Как сладко умирать».

Мемориальными досками, памятниками и музеями от таких масштабных фигур, как Го-

голь, не отмажешься. Без сомнения, он сказал меньше, чем понял, а почувствовал больше, чем сказал. Творчество подобных писателей — это незамолкающий крик и вызов грядущим поколениям. Каждое из них, в том числе и наше, обязано вчитываться в скупые строчки гениальных текстов, хотя бы для того, чтобы избежать многих бед, угрожающих невнимательному потомству гения.

МЕЛОДИЯ ДЛЯ СТРАННИКА

Если когда-нибудь я все же умру —
не дай Бог, конечно, — прошу написать
на моей могиле такую эпитафию:
«Для него необходимым
и достаточным доказательством
существования Бога была музыка».

Курт Воннегут

Человек не произошел от обезьяны. Он богоподобен и лишь живет в теле существа, отдаленно напоминающего обезьяну. Спросите меня, откуда я это узнал? Конечно, из Библии, — но не только. Для того чтобы понять, что человек — небесный странник, заблудившийся на земле, достаточно произнести одну фразу: человек изобрел скрипку.

Человеку нужно пить и есть, воевать и размножаться. Значит, ему нужно придумать и сделать лопату и топор, колыбель и лук со стрелами. Но если движущий мотив человеческой жизни — это только сохранение и продолжение рода, то зачем человек придумал скрипку?

Какие такие чувства могут быть в потомке обезьяны, чтобы их нельзя было выразить ничем осязаемым — ни картиной, ни скульптурой, ни зданием? Что такое может родиться в душе примата, о чем нельзя ни сказать, ни написать, ни пропеть, а нужно долго (столетиями) придумывать инструмент, требующий нежных пальцев и небесного слуха, и потом, полжизни учась играть на нем, заставлять инструмент плакать и смеяться?

Играющий на скрипке не может быть воином. Точно так же он не может быть и пахарем. Бранные крики — не для его ушей, и тяжелые инструменты — не для его пальцев. Он бы и не прокормил себя, и не защитил, если бы не был нужен. От лица всего человечества, которое грубыми руками держит оружие и с натруженной спиной идет за плугом, один лишь скрипач переливает душу в звуки, а люди, слушая его, согласны с тем, что музыка бывает нужнее хлеба.

Сотни лет человек изобретал и совершенствовал музыкальные орудия. Они были ему нужны для отдыха и для особых дней — дней печали и радости. Долгие годы люди, забыв обо всем, перенимают у мастеров секреты извлечения живых звуков из мертвых струн или клавиш. Если бы человек только ел и размножался, он бы не тратил на это силы.

Хлеб — самая привычная и самая трудно дающаяся человеческая еда. Если бы человек был сыном приматов, он бы рвал то, что свисает с ветвей, или выкапывал то, что растет из земли. Он счел бы ненужным трудом ради наполнения

брюха пахать и сеять, жать и молотить, скирдовать и молоть. Слишком трудно и долго все это ради того, чтобы снять спазмы в желудке. Сладость и «трудность» хлеба — доказательство того, что человек не животное.

Точно так же сложность и практическая ненужность музыки говорят о том, что человек не сводим к инстинктам. Парадоксальная и невидимая, как Сам Господь, музыка нужна человеку.

Каждая флейта и каждый рояль осязаемо и очевидно доказывают, что человек — это небесный странник, заблудившийся на земле.

КИНО И ХРИСТИАНСТВО

Одним из символов XIX века стал паровоз. Шумный, сильный, наглый, как сама эпоха, самоуверенно бегущий вперед, к близкому, как тогда казалось, всеобщему счастью, паровоз был больше, чем средством передвижения. Он воплощал эпоху. Дымный шлейф из его трубы североамериканские индейцы считали дымом из ноздрей дьявола. Святителя Игнатия (Брянчанинова) стук железнодорожных колес наводил на мысль о саранче из Апокалипсиса, у которой *шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну* (Откр. 9, 9). Были, впрочем, и те, кто слышал в этом стуке музыку. Да не какую-нибудь, а оду Бетховена «К радости» на слова «Обнимитесь, миллионы» (между прочим, ныне — гимн Евросоюза). Эта музыка звучит у Тарковского в «Сталкере», в самом конце фильма, когда де-

вочка-калека двигает взглядом стакан, а за окном грохочет проносящийся поезд.

Нам трудно сегодня понять тот подъем и воодушевление, которые овладели людьми на заре научно-технической революции. Укрощенный пар и открытое электричество казались настоящими предвестниками земного рая. Неизлечимо больной Белинский перед смертью часто ходил смотреть на строящийся в Петербурге вокзал и предавался сладким грезам о будущем всечеловеческом счастье. Да что там Белинский! Умный и тонкий Чехов считал и электричество, и пар проявлениями гуманизма.

Сегодня, когда наука ушла дальше самых дерзких мечтаний, мы знаем, что счастья она не приносит. Мы, дети XXI века, привычно разговариваем по мобильному телефону, привычно садимся в самолет, но не ждем от этих технических чудес больше, чем они могут дать. А тогда, подобно персонажам Достоевского, люди всерьез слышали в железнодорожном лязге «стук телег, подвозящих хлеб страждущему человечеству» («Идиот»). В эту славную эпоху и было суждено появиться еще одному виду искусства — кинематографу. Его появление также было мистически связано с паровозом. Первые публично показанные кадры, первые сокровища из сундука «великого немого» — это кадры, запечатлевшие поезд, прибывающий на станцию.

Много воды утекло с тех пор, как барышни в парижском кафе бросились бежать от поезда, летящего на них по белой простыне экрана. Фотография ожила. Братья Люмьер вошли в

историю, но мы и сегодня можем вскочить от испуга, если вдумаемся, какое же грандиозное явление вместилось в четыре буквы — кино.

Техническое изобретение не только решает, но и рождает проблемы. Есть конь, есть телега. Теперь вопрос: куда ехать будем? В нашем случае вопрос звучит: что будем снимать? Вопрос этот возник с момента появления кинематографа и до сего дня не потерял актуальности. От того, как на этот вопрос ответить, зависит и вопрос соотношения кино и христианства.

Человек умеет на всех своих трудах оставить след своего внутреннего мира. Можно сказать и так: человек не умеет не оставлять на всех своих трудах следы своего внутреннего мира.

К моменту появления синематографа господствующие страсти и грехи уже давно заявили о себе и поспешили занять почетные места в ложе человеческого тщеславия. Кино это отпечатлело. Оно родилось в безбожную эпоху, в преддверии неслыханных войн и небывалых потрясений. Ждать от кино духовности с самого начала бессмысленно. Не та среда, не те родители.

Кинематограф быстро научился исполнять роль портрета движущегося и увековечивать всякий люд в его мелкой и исчезающей сиюминутности. Первая ниша кино — бытописание, документалистика.

Прачки стирают белье, как это трогательно! Солдаты чистят оружие — как это патриотично! Отраженная действительность, что ни говори, имеет свои плюсы. Глаза б мои не видели, как итальянское семейство накрывает стол

ради свадьбы своей дочери. Но если на пленку снимут, то вроде бы интересно.

Потом в ход пошли все жанры. Была, например, эротическая фотография. Почему бы не появиться эротическому кино? Был дядя, который зажигал магний и говорил, что «щас вылетит птичка». Потом он же крутил ручку нового аппарата. Были тети, которые в томных позах застывали перед вспышкой магния. Потом они же томно двигались перед жужжащей камерой. Кино не выдумало грехи. Оно их увековечило и растиражировало. На кино пенять и грешно, и несправедливо. Всё, что у нас есть, на душе и за душой, кино сделало ширпотребом.

В одном из советских фильмов, где главную роль играет Андрей Миронов, показана эта удобопревращаемость кино из высокого искусства для масс в инструмент оболванивания и развращения. Мистер Фёст (т.е. Первый) приносит чистое и возвышенное кино в погибающий от пьянства и бандитизма городок. Вслед за ним мистер Секонд (т.е. Второй) приносит жестокое и развратное кино. Коммерция борется с искусством, похоть борется с идеалами. Чем дело закончилось — не скажу. Смотрите старый и добрый советский кинематограф. Но тут есть натяжка. Кино не потом испортилось, а испортилось сразу. Оно впитало все жанры настоящей жизни и отобразило их вскоре после появления. И триллер, и порнография, и глупенькая мелодрама появились сразу. Потому, что кино придумал человек, и детище отобразило в себе все интуиции того, кто его родил.

«Так что же нам делать, о чем же нам петь? Над чьими плечами моя голова?» Этот вопрос Юрия Шевчука уместно задать и христианам, вовлеченным в кинотворчество и киноиндустрию. Им (нам) стоит освоить значительную часть поля, занятого ныне кинематографом. Исключая откровенно греховные жанры, нужно освоить и драму, и комедию, и трагедию, и историческую драму. Стоит потоптаться на том поле, труженики которого паразитируют на христианстве, но не исповедуют его вслух.

Христианское кино — это ведь не обязательно кино о Христе и Церкви. Это кино о чем угодно: о футболе, о семейной жизни, о дружбе в окопах, обо всем, что придет на ум. Но это кино, снятое человеком, в чьем сознании и совести Христос занимает центральное место. У такого человека больше ограничений в творчестве. Не обо всем он скажет громко и не всё покажет крупным планом. Нравственные и эстетические ограничения для такого творца то же, что классическая форма для поэта средневековья. Она, как известно, отсеивает посредственность и закаляет гения. Художник, помнящий о Боге, сумеет заметить много такого, на чем не задержится уставший и презрительный взгляд агностика. Высмотреть всех букашек, но слона так и не заметить — печальный талант всех не умеющих молиться.

Кино не создавалось как средство для миссионерства или как лекарство для измученных душ. Но ничто не помешало киноискусству уже вскоре после появления стать мощным средством воздействия на души миллионов. Это воз-

действие разное. Кино, как наркотик, может обезболивать, а может дурманить. Как нож, оно может быть в руках и бандита, и повара в ресторане. Но те фильмы, что составили «золотой фильмофонд» мира, внутренне связаны с Евангелием. Мы ведь дышим воздухом христианства. Вот пример, лежащий на поверхности.

Братья продали Иосифа в Египет. А когда пришли туда же за хлебом, не узнали брата, ставшего вторым после фараона. Евреи не узнали Христа, пришедшего не во славе, а в образе раба. Понимаем ли мы, что тема «неузнанности» есть центральная тема Писаний? И отсюда же — тысяча тем кинематографа. «Огни большого города» — об этом. Там маленький человек приносит себя в жертву за того, кого он любит. Он дарит любимой счастье, но остается неузнанным. Это — образ Христа, Который всё для нас сделал, но неузнанным до сих пор остается. Чаплин мог об этом не думать, но такой фильм мог родиться только в мире, воздух которого пропитан Евангелием. Об этом «Старший брат» по пьесе Вампилова. Об этом гоголевский «Ревизор». Великое множество произведений искусства украшено библейскими идеями. Эти идеи умеют пробиваться сквозь самый неподатливый материал с упорством травинки, прорастающей сквозь асфальт.

Стоит пересмотреть под этим углом зрения хотя бы свои любимые, лежащие на полке фильмы. Даже такое простое путешествие обещает быть увлекательным.

ОБ ЭКОНОМИКЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

АЗБУКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ

Записки Дон Кихота

Экономика – слово, обозначающее некую таинственную и всемогущую реальность в мире человеческих отношений. В газетах и на телеэкранах: «рентабельность», «конкурентоспособность», «инвестиции». На кухнях и в курилках: «сколько стоит?», «где взять денег?», «одолжи на месяц»...

Готов вместе с Настасьей Филипповной согласиться с мыслью Лебедева о том, что «мы при третьем коне вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: „мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий"... Но... за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...» (Ф.Достоевский. «Идиот»). Лебедев, как известно, был специалист по части толкования Апокалипсиса. Уникальность этого литературного персонажа требует отдельного, специального разговора, что мы и сделаем в свое время. Сейчас же вернемся к нашей теме и к нашему миру, где всё, вплоть до калорий, растраченных в любви, подсчитывается и переводится в банковские знаки.

Экономика холодна, как межзвездные пространства. Имея вид науки бесспорной, не терпящей возражений, экономика претендует на

управление жизнью человечества в одиночку. Ей не нужны помощники в лице морали или метафизики. Она сама, опираясь на свой ум, свои вычисления и свою целесообразность, осмеливается диктовать жизни условия. Кому рожать детей и сколько рожать, а кому вовсе не рожать и стерилизоваться. Кого лечить и спасать, а кого не лечить, поскольку дорого и бесполезно. С кем воевать и с кем разделять сверхприбыли, а кого оставить без работы и обречь на эмиграцию или попрошайничество. Для всех этих явлений у экономики есть своя холодная аргументация. Если вы хотите стать убийцей миллионов, но не хотите сесть при этом в тюрьму, обоснуйте свое людоедство экономически. Это дело испытанное. Люди ему верят.

«Помилуйте, — вскричит стесненный человек, — но это бесчеловечно!» «Зато экономически оправдано, выгодно и, значит, неизбежно», — ответят ему. Миром, дескать, правит экономика, а у нее нет ни чувства сострадания, ни прочих сантиментов.

Всё это ужасно и привычно, но не утрачивает ужасности из-за привычности.

Я согласен показаться похожим на Дон Кихота Ламанчского, согласен и на неизбежные в этом случае насмешки, но всё же скажу то, что думаю.

Без нравственности и религиозности экономика не имеет права на существование. У человека, пользующегося экономикой как инструментом, должна быть высокая цель и положительный нравственный идеал. Иначе

выстроенные им системы будут безжалостно пережевывать живых людей, не делая исключений для самих изобретателей системы. Как там говорил драгоценный Лебедев: «Не верю я, гнусный Лебедев, телегам, подвозящим хлеб человечеству! Ибо телеги, подвозящие хлеб всему человечеству, без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества, что уже и было...»

Это было сказано по поводу промышленного шума в человечестве, в котором одни видели залог будущего счастья, а другие — залог будущего людоедства (см. роман «Идиот», часть третья).

Мечту о создании земного рая на основе эгоизма и экономических законов разрушила сама история. Но веру во всемогущество денег еще придется разрушить. И еще смелее и активнее следует восстать против выдавливания морали из области денежных отношений, ибо экономика — это не просто сфера действия морали. Это — сфера проверки морали на предмет ее наличия или отсутствия.

Капитализм, как известно, родился и развивался в протестантской среде. Католику с его упованием на благодать и ожиданием Царства Небесного, равно как и православному человеку, прибыль не нужна. Сытость желанна, покой нужен, здоровье не помешает. Но прибыль — не нужна. Капитализм — это огромное количество энергии, накопленной для Небес, но растраченной протестантизмом ради земных целей.

Отнюдь не желаю ругать швейцарских часовщиков и английских мануфактурщиков. Хочу лишь сказать, что из-за спины экономического преуспеяния выглядывает религиозное мировоззрение. Оно же выглядывает и из-за спины экономической отсталости. Надеюсь, понятно, что в первом и во втором случае это будут разные мировоззрения, хотя оба — религиозные.

Тот протестантизм, из чрева которого выползли капиталистические отношения, был явлением горячим и молитвенным. Отцы новых экономических систем молились Богу, не расставались с Библией и были неприхотливы в быту. Нынче всё это — вчерашний день. Сегодняшний капитализм сделал возможным выпуск таблеток, которые никого не лечат и даже не создавались с целью кого-то лечить. Они произведены, чтобы впихнуть их в потребителя при помощи рекламы и прочих манипуляций с сознанием и получить прибыль. Всё! И так — во всех сферах хозяйствования. Это и есть то, о чем говорил Лебедев: превращение благодетелей человечества в людоедов и приближение четвертого коня, бледного (см.: Откр. 6, 6—8).

Православие никогда не раскроет уст, чтобы проповедовать труд ради прибыли. По крайней мере, только ради прибыли. В этом смысле мы всегда будем отставать, проигрывать в экономических состязаниях и соревнованиях. Но Православию есть что сказать человеку о труде, о законном заработке, о хлебе насущном.

Например, можно сказать о том, что в труде есть наслаждение. Есть у столяра удовольствие, которое неизвестно Ангелам. А именно — ощущать теплоту выструганной тобою доски и видеть, как в твоих руках разрозненные куски дерева превращаются в табурет, в стол, в детскую игрушку. Мастер и ремесленник отличаются друг от друга степенью любви к своему делу.

Православие — вера восточная. А Восток — дело тонкое, и там всегда было полно людей, которым деньги нужны не для того, чтобы их было больше, а лишь для того, чтобы в доме не закончилась мука и масло. Если западная душа суетится и мечется, если ей всего мира мало, то Восток доволен тем, что есть. Он благодарен, и ему хватит.

Самое красивое место на земле — это православный монастырь. Там трудятся, но не ради прибыли, а ради общего блага и для того, чтобы не быть праздным. Чувствуете разницу? Один трудится, чтобы тратить на удовольствия. Другой трудится потому, что ни о чем, кроме прибавочной стоимости, думать не умеет. Монах трудится, чтобы смирить себя, чтобы хлеб даром не есть, чтобы быть для других полезным, наконец, чтобы иметь возможность нуждающемуся брату помочь. И сама природа платит монахам благодарностью. Вода в монастырских колодцах вкуснее, чем в колодцах соседних сел. Цветы в монастырях цветут краше и пахнут лучше, чем в любом саду. И яблоки монастырские вкуснее, чем у Мичурина, а хлеб душистее, чем на столе у царя Соломона.

Трудиться, чтобы есть. Трудиться, чтобы разбогатеть. Разбогатеть, чтобы не трудиться. Разбогатеть во что бы то ни стало. Украсть украденное, ограбить грабителя, украсть у того, кто украл украденное. Полный кошмар и глубина безумия.

Я сегодня ел, и дети мои сыты. Солнце так роскошно садится и гаснет в море. Сколько мне лет? Впрочем, какая разница? Разве не вечность впереди?

Господи, как много беды пришло в мир вместе с экономической грамотностью.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Знаете ли вы Павла Ивановича? Какого, спросите? Ну как же! Милейшего человека средних лет, приятного обращения, не то чтобы толстого, но и совсем не худого. Не очень высокого, но вовсе и не низкого. Неужели не вспомнили? Да Чичикова же! Чему вас только в школе учили? С тех пор как бричка с кучером Селифаном умчалась из города N, Павел Иванович не растворился, не канул в Лету, никуда не исчез. В русской жизни, как в зеркальной комнате, Чичиков стократно отразился в каждом из зеркал и стал почти вездесущим. Николай Васильевич специально наделил Павла Ивановича чертами типическими, расплывчатыми, общими. Автор творческим чутьем уловил будущее. Он понял, что Собакевичи и Маниловы нуждаются в сохранении для грядущих потомков. Типы эти уже тогда были исчезающими и

нуждались в детальном и тщательном увековечивании. Их фигуры, манеры, голоса и причуды Гоголь прописывает с той тщательностью, с какой египтяне древности мумифицировали усопших, помещая каждый орган в специальный глиняный коноб*, и только мозг выбрасывали вон, поскольку не знали о его функции. А вот главного героя автор пишет, как импрессионист, — широкими мазками, не вдаваясь в детали, но создавая яркое чувство: «Этого господина я знаю». Гоголь чувствовал — будущее за Чичиковым, Чичиков — хозяин настоящей и будущей эпох. Пока он вынужденно улыбается, обделывая делишки, пока он еще шаркает ножкой. Но это пока. В будущем он преобразится и приосанится. Это сегодня он один — и вынужден мелькать на фоне мелкого и крупного люда. Будет время, когда Чичиковых будет много и уже народ, мелкий и крупный, будет сновать на их фоне. Вот потому и не прописан детально портрет Павла Ивановича, что предстоит ему стать лицом типическим, с чертами общими. Что, собственно, и совершилось уже.

* * *

Чичиков — это русский капиталист периода первого накопления капитала. Его главная черта — **умение делать деньги из воздуха.**

Пусть американские Форды проповедуют о том, что ключ к богатству не золотой, а — гаечный. Чичиков — человек русский, с глубоким чувством национальной гордости и соответ-

* Коноб — кувшин, умывальник, высокая деревянная посуда. — *Прим.ред.*

ственным презрением ко всякой «немчуре». Заниматься изобретательством, улучшением производства ему недосуг. Долго, да и ненадежно. Деньги нужно брать умом и сразу.

* * *

Пишу и думаю: уж не являются ли «Мертвые души» настольной книгой у творцов ваучерной приватизации, дефолтов, купонов, бартерных схем — словом, у тех, кто обогатился в известные времена за одну ночь или за неделю, оставив народ с фигурой из трех пальцев? Если да, то я снимаю шляпу. У бедных работников гусиного пера или шариковой ручки всегда найдется довольно снобизма для взгляда сверху вниз на плохо образованного миллионера. А ну как миллионер потому и с миллионами, что хорошо знаком с классикой и читает ее не для отдыха, а для жизни?

* * *

Иудину страсть к деньгам назвал *корнем всех зол* (1 Тим. 6, 10) еще святой апостол Павел. Деньги открывают доступ ко «всем тяжким» и именно за это ценятся. В последней главе первого тома «Мертвых душ», где впервые сообщаются подробности биографии Чичикова, не зря говорится, что деньги сами по себе наш герой не любил. Он не был скупым рыцарем и вообще рыцарем не был. Жизнь в нищете и ежедневные походы в подвал, где в бликах сального огарка в сундуках мерцает злато, были не по нему. Он, скорее, поставил бы подпись свою под фразой Филиппа Македонского, сказавше-

го, что осел, груженный золотом, откроет ему ворота любой крепости.

Деньги можно любить за их умение превращаться в каменные дома с фонтанами, в бриллиантовую заколку к галстуку, в богато сервированный стол, в женскую любовь, в общественную значимость... Да мало ли еще во что могут превращаться золотые монеты и банковские билеты! Нельзя ли сказать, что это и есть тот философский камень, который искали алхимики, камень, дающий доступ ко всем удовольствиям?!

Так что прочь донкихотство, прочь пение под окном и глупые поединки. Прочь романтизм — и да здравствует трезвая практичность! Нужно доставать деньги. Именно доставать, а не зарабатывать, потому что зарабатывать — значит трудиться долго и получать мало. Честным трудом, говорят, не построишь хором, а жизнь бежит, и так многого хочется.

«И в тебе, и во мне есть часть души иудиной», — так говорит в одной из проповедей на Страстной седмице архимандрит Иустин (Попович). Гоголь говорит примерно то же. Он говорит, что быть слишком строгим не нужно. Стоит проверить себя: нет ли и во мне частицы Павла Ивановича? А ну как и я ценю деньги больше всего святого? И для того именно ценю, что ими надеюсь купить или сласти запретные, или власть, коли не над миром, то над родным городом, по крайней мере!

Вопрос не праздный, как и все вопросы, поднятые Гоголем.

* * *

Как тип исторический, Чичиков имел на Руси много препятствий к тому, чтобы развернуться. Заветные мечты не раз ускользали у него не то чтобы из-под носа, но из самых рук. Как герой гоголевской поэмы, он, претерпев тысячи унижений, взлетал на нужную высоту, но изменения судьбы внезапно сбрасывали его вниз, и опять начиналось тяжелое восхождение.

Вскоре после описанных у Гоголя времен пришла отмена крепостного права. А ведь это целая смена эпох. Как ручей, пересохло помещичье сословие. Маниловы или сыновья их сделались дядями Ванями, и стук топора, вырубающего вишневый сад, возвестил о новом историческом периоде. Пришел шумный, как паровоз, и гордо высящийся, как заводские трубы, капитализм. Для Чичикова это то же, что для рыбы вода. Государственные подряды, частная инициатива, всеобщая и открытая любовь к деньгам. Но...

Начало странно лихорадить государство, то самое, что казалось незыблемым. Чиновник долго грабил с чувством собственной значимости. А мужик столетиями пахал, лукавил и терпел. Все немножко пили, немножко скучали, немножко болтали о том о сем. Как вдруг пошли стачки, листовки, призывы к восстанию. Какие-то комитеты, партии, слова о свободе. Все расшаталось и взбеленилось. Как перегретый котел паровоза, империя вскоре взорвалась. Последствия этого взрыва повлияли на историю даже самых отдаленных стран. Нас

и сейчас еще пошатывает от ударной волны того взрыва, которая хоть и ослабела, сто раз обойдя вокруг Земли, но всё еще не исчезла. Мир изменился до неузнаваемости. Чичикову пришлось надолго затаиться.

Он вышел на свет в 20-х годах прошлого столетия при НЭПе.

* * *

Мне неизвестно, приходило ли в голову кому-либо то, что я сейчас скажу, но Чичиков воскрес на страницах творений Ильфа и Петрова. Как и в начале «Мертвых душ», в начале «12-ти стульев» главный герой приходит в уездный город N в поисках авантюрных и легких заработков. Правда, заходит он пешком, а не въезжает в бричке, и под штиблетами у него нет носков, но это — дань отшумевшему лихолетью. А так — перед нами всё тот же пройдоха, **умеющий делать деньги из воздуха**. Пройдясь прогулочным шагом через пространство первого романа, доказав всем свою смекалку и непотопляемую живучесть, он появляется во втором романе, чтобы сразиться с собственным двойником.

Господин Корейко из «Золотого теленка» — это ведь тоже Чичиков. Это сребролюбец и ловкач, который скрывается под образом мелкого служащего, как и сам Пал Иваныч когда-то, но не потому, что стремится обогатиться, а потому, что не может воспользоваться уже накопленным (читай — наворованным) богатством. Бендер и Корейко связаны между собой, как тело и его тень. Так, в фильме Алана

Паркера «Сердце Ангела» герой Микки Рурка ищет себя самого. Они встречаются, и встреча не сулит добра. Пересказывать фабулу фильма и содержание романа нет смысла. Одним они известны, другие пусть ознакомятся. Но в виде рубахи-парня с одесским акцентом и криминальными замашками Чичикову тоже не удалось прожить долго. НЭП свернули. Пройдохи затесались в аппарат (не для того, чтобы обогатиться, а чтобы выжить) или не по своей воле уехали умирать на стройки века. Чичиков опять исчез.

Гоголь мучительно писал свою поэму. Обремененный даром провидца, он ее и не закончил. Русь неслась куда-то, как ошалелая. Гоголь чувствовал это, и завершение работы ему не далось потому, что выписанный тип должен был еще долго жить и развиваться, а гоголевская Россия должна была исчезнуть.

То, что Чичиков «живее многих живых», это ясно. Но куда всё движется? Все эти философские отступления о русской душе, о быстрой езде, вопросы: «Куда несешься ты, дай ответ?» — не от предчувствия ли надвигавшейся бури?

* * *

Еврей с рождения получает в наследство ум и настырность. Если у него есть вера, то он может стать наследником пророков. Если веры нет, но есть совесть, то станет он скрипачом, или шахматистом, или ученым. Если же нет ни веры, ни совести, то будет он крайним материалистом, циником и персонажем анекдотов.

Русским не подобает слишком уж ругать евреев, потому как они похожи. Если у русского есть вера, то будет он стремиться к святости. Если веры нет, но есть совесть, то будет он честно строить и храбро воевать, а после бани в субботу выпивать с друзьями по маленькой. А если нет ни веры, ни совести, то будет он злым на весь мир лентяем и пьяницей.

* * *

Чичиков — человек без веры и совести, но с честолюбием и образованием. Такой не сопьется. Но не из любви к добродетели, а из гордости. Для такого в мире всегда полно людей доверчивых, верящих на слово, не вчитывающихся в каждый пункт договора о купле-продаже. А значит — можно жить, и причем — неплохо. Мы пережили целый многолетний период чичиковщины, с различными МММ, с обманом вкладчиков, с быстрым обнищанием сотен тысяч людей и обогащением единиц. Павел Иванович жив, «жив курилка». Он растиражировался по миру и удивляет заморский люд своей изворотливостью и наглостью. Он теперь торгует не мертвыми плотниками и кузнецами, а живыми девушками для чужих борделей. Он научился разбавлять бензин водой и взламывать банковские счета.

Правда, нации потихоньку стираются, и Чичиков уже не совсем русский. Он смешал в себе черты русского и еврея, но того и другого в их падшем — безверном и бессовестном состоянии.

Дорогой Николай Васильевич! Нам было смешно, когда ты пел нам плачевные песни, и только спустя время мы поняли смысл этих песен. Да и все ли поняли?

Доброе у тебя сердце и острый у тебя взгляд. Оттого и все портреты твои грустны.

Однажды мы свидимся, и дай-то Бог, чтобы и тебе, и нам эта встреча была в радость.

Когда тело мертво? Когда душа его покинет.

А когда душа мертва? Когда она Господа забудет.

Умереть, в смысле — пропасть, душа не может. Но отлучившись от Бога, уже не живет, а лишь существует.

Вроде мы закончили разговор, а он опять начинается.

«Мертвые души». Так о ком же это сказано?

НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИКИ

Есть такое выражение: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным». Эта сентенция содержит большую долю правды, но чтобы сделать ее стопроцентно правдивой, нужно добавить еще одно слово: «только» военным. Точно так же будет справедливым выражение: «Здоровье — слишком серьезное дело, чтобы доверять его только врачам». И «экономика — слишком серьезное дело, чтобы сводить ее только к деньгам».

* * *

На обывателя ежедневно обрушивается лавина информации, в которой он в принципе разобраться не может. Слыша об инвестициях, котировках, демпингах, картельных сговорах, ценах на нефть и платину, простой человек должен чувствовать себя заложником в большой игре, от которой он полностью зависит и на которую совсем не влияет. Чувство глубокой несправедливости сложившейся ситуации заставляет взяться за перо в интересах «простого» человека.

* * *

Понимаем ли мы с вами (все те, кто не учился на экономическом факультете) что-либо в экономике? Должны понимать, если мы вообще хоть что-то понимать способны.

Например, зависит ли экономика страны от такого качества, как трудолюбие? Конечно, зависит. Но трудолюбие — это не экономическая категория, а, скорее, нравственная. И честность — тоже нравственная категория, и от нее тоже зависит экономика. И исполнительность, и аккуратность, и трезвость — это нравственные категории, от которых напрямую зависит экономика любой страны и любого региона. Не делайте вид, что вы этого не понимаете на том основании, что не учились на экономическом факультете.

Если в некой стране (назовем ее условно N) преобладающими типами будут лентяй и жулик или жулик и пьяница, то не стоит заниматься экономическими расчетами — никакие инве-

стиции эту страну не спасут. Заливайте воду в решето, позвольте Сизифу бесконечно закатывать на гору свой вечно срывающийся камень. Всё это точно такие же бесполезные и бесконечные занятия, как и оздоровление через инвестиции той страны, где мелкие воры, лодыри и пьяницы встречаются на каждом шагу.

* * *

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов по поводу внутренней связи между тремя вышеназванными типами. Вор, конечно, в своем роде — талантлив. Он даже может быть гением, но именно «в своем роде». По отношению к созидательному труду он — воплощенное лентяйство. Настоящие ценности создает настоящий труд, чьи свойства очень похожи на свойства неутомимо трудящейся природы. Природа творит незаметно и постоянно. Точно так же создаются великие культуры и цивилизации. И ничто так не противоречит психологии вора, как это постоянство созидательного труда и медленное накопление его результатов. Вор хочет пользоваться накопленным и получать всё сразу. Вряд ли его мелкая душа способна на мысли о вечности. «Жизнь коротка, и надо брать от нее всё», — это именно «символ веры» паразита, неважно, «тырит» ли он мелочь по карманам или проворачивает махинации с ценными бумагами.

* * *

Итак, вор — это лентяй по отношению к созидательному труду. А лентяй — это вор по не-

обходимости. Из всех любителей полежать на печи только Емеле повезло с волшебной Щукой. Всем остальным надо по временам с печи слезать. Голод заставляет.

Пошарив по пустым горшкам, лентяй пойдет на двор глядеть — не лежит ли чего без присмотра? Если лежит, то он это утащит и, скорее всего, пропьет, так как «жизнь коротка, и надо брать от нее всё». Так лентяй плавно превращается в пьяницу. Так кредо лентяя совпадает с воровским «символом веры».

Их тянет друг к другу, словно магнитом. Шулеру-наперсточнику, как воздух, нужны лодыри, мечтающие разжиться «на халяву». Пока второй мечтает, первый реально богатеет, и эта схема незыблема везде, где есть идея «быстрого заработка без особых усилий». Потом обманутый идет топить горе в водке, а обманувший — обмывать успех.

Нравственно испорченному человеку нельзя помочь материально. Он будет вечно недоволен, вечно будет сравнивать себя с теми, у кого «больше», будет ворчать, завидовать, кусать ласкающую руку. Мир вечно будет казаться ему злым и несправедливым. Свои претензии он дерзнет предъявлять даже Творцу мира, и примитивное безбожие будет казаться ему аргументированным мировоззрением. Сказанное об отдельном человеке в полной мере относится к отдельным народам.

Нужно изменить внутренний, невидимый мир, чтобы заметно изменился мир окружающий. Нужно нравственно исцелиться или, по крайней мере, начать этим заниматься, чтобы

внешние усилия перестали быть похожими на заполнение бочки без дна. Реформирование отраслей хозяйства, законотворчество, головоломки с выбором экономических моделей наталкиваются на лень, воровство и пьянство и разбиваются в пыль, как волна о гранитную набережную. В теории всё хорошо, но «человеческий материал не вмещает теорию».

* * *

У стран, которые живут богаче нас, есть своя длинная история. В этой истории есть место самоотречению, великому терпению, долгим периодам нищеты и разрухи. Там есть место кропотливой работе мысли, вынашиванию идей и настойчивой реализации этих идей, реализации, иногда растягивающейся на столетия. Нельзя завидовать чужому дому, не зная и не желая знать историю этого дома.

Человек бежал марафонскую дистанцию, выиграл золото, еле остался жив от перегрузки, а какой-то болельщик-зевака просит у него медаль «поносить». Некрасиво.

* * *

Мы хотим жить лучше? Законное и безгрешное желание. Давайте начнем с благодарности и умеренности. Благодарности Богу за то, что Он есть, и умеренности в изначальных претензиях. Иаков просит у Бога хлеб есть и одежду одеться (Быт. 28, 20).

Просьба звучит несколько странно, не правда ли? Разве не ясно и так, что хлеб едят, а в одежду одеваются? К чему такой речевой оборот?

Оказывается, к тому, что у некоторых столько одежды, что ее впору есть, и столько еды, что ею можно обвешаться, как одеждой. Праведник просит только необходимого, и если затем Бог одарит его богатством, то у этого явления будут нравственные корни. Смиренная душа от изобилия даров не возгордится и не испортится.

Мало того, современная культура потребления грозит уничтожить землю путем истощения ресурсов и загрязнения среды.

«Воздержание» и «умеренность» скоро станут синонимами выживания и будут рассматриваться ведущими аналитиками и экономистами мира как основополагающие принципы развития человечества. Культура производства материальных благ, не уравновешенная культурой их потребления, угрожает миру не меньше ядерной войны. И если эту проблему решать, то это будет вторжением норм этики в сферу экономики.

Собственно, этика всегда вторгается в экономику, всегда тайно ею руководит (а не наоборот), всегда питает ее изнутри. Как только отмирает одна из этических систем, как только ослабевает или вовсе исчезает одно из мировоззрений, тотчас начинает замедлять свой ход, а затем замирать и рассыпаться соответствующая экономическая система.

Мы еще не нашли себя. Не нашли ни своего лица, ни своего места. Работу стоит продолжать (а может — начинать). И это не просто научная работа, доверенная узким специалистам. Это труд всенародный, причем народу предстоит

самая важная задача, а именно — сформулировать свой этический идеал, на основании которого можно будет создать эффективную экономику.

ЧЕХОВ В СУПЕРМАРКЕТЕ

Невысокий, аккуратно, но старомодно одетый человек стоял в одном из столичных супермаркетов между полок с товарами. На нем был хороший костюм из английского сукна, белоснежным был накрахмаленный воротничок, а взгляд умных глаз из-под пенсне был озадаченным и несколько тревожным. Если бы остановиться и присмотреться к нему, то в душе ожили бы строчки, когда-то слышанные в детстве: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Правда, никто к нему особо не присматривался.

Это было то самое вечернее время, когда окончился рабочий день и множество народу, возвращаясь домой, заходит в супермаркеты за продуктами для ужина. Эти жители города привыкли ко всему. Их не удивишь ни крашеным «ирокезом» на голове молодого «неформала», ни японской татуировкой на худеньком плечике сопливой девчушки. Им ли удивляться, увидев человека средних лет, одетого в костюм XIX века? Может, это актер, зашедший в магазин в гриме и реквизите. Может, это какая-то очередная рекламная акция. Не всё ли равно? Завтра опять на работу, вечер такой короткий, и очереди у касс длинны. А ведь надо успеть

поужинать до тех пор, как начнется сериал или политическое шоу.

Но у него самого, у этого необычно одетого человека, в душе не было ни одной привычной мысли. В душе был ураган, состоящий из удивления, любопытства, страха, горького разочарования и еще Бог знает чего. Все написанное им оживало в его памяти, словно прочитывалось вслух тихим голосом невидимого суфлера.

Астров. Те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!

Кто внушил нам молчать о самом главном?

Марина. Люди не помянут, зато Бог помянет.

Астров. Вот спасибо. Хорошо ты сказала.

«Дядя Ваня»

«Люди не помянут, зато Бог помянет», — повторил он еще раз и с удивлением стал рассматривать ледяную горку с морепродуктами. Многое, почти всё, в магазинах ему, в принципе, было известно. Сыры, колбасы, вина, хлеб. Всё это было понятно. Непонятными были только изобилие товаров, множество сортов и непривычная упаковка. Да еще то, что покупали их не дворяне и не кухарки дворян, а обычные люди, составляющие теперь обычную человеческую массу.

Те ряды, где продавалась бытовая химия, порадовали его. Всю свою медицинскую практику Антон Павлович (а это был именно он) страдал от грязи и антисанитарии. «Человек не

должен жить в грязи, — думал он всегда, — ни в грязи бытовой, ни в грязи нравственной». Его сердце разрывалось на части, когда он, будучи доктором, входил в крестьянские избы и видел на полу лежащих вповалку людей и телят, а вокруг — чад, вонь и беспросветная нищета. Эти люди, живущие спустя сто лет, были чисто и красиво одеты.

Чтобы понять их жизнь, ему было мало одного дня. Но только на день его отпустили. Впрочем, ничего, ничего. Ему бы ведь только насмотреться, напитаться впечатлениями, а *там* будет время всё это осмыслить.

Больно поразили ряды сигарет и алкоголя, и память, как в школе, стала повторять ранее написанный текст.

Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они не боялись голода, холода и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, — сколько свободного времени у нас остается в конце концов! Все мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам.

«Дом с мезонином»

Люди, проходящие мимо и толкающие перед собой тележки с покупками, никак не походили на людей из осуществившейся мечты.

Это не были красивые, как олимпийские боги, свободные и благородные существа, посвящающие досуг наукам и искусствам. У них были машины, но меньше трудиться и меньше бояться за жизнь они не стали. Их трудом стало теперь обслуживание машин. У них была теперь целая куча новых потребностей, рожденных развитием цивилизации, и, значит, рабство их усилилось. Они боялись голода и холода еще больше, потому что не добывали пищу и тепло сами. Все те же машины привозили еду в магазины, и по каким-то трубам приходили теперь в дома вода и тепло, и жизнь от этого стала не вольготнее, а, наоборот, уязвимее и неувереннее. «Число табачных фабрик и винокуренных заводов, должно быть, возросло до невероятности», — подумал Антон Павлович, и ему стало стыдно за все мечты, так простодушно переданные бумаге и так странно воплотившиеся в жизнь. Он видел сегодня в городе и аптеки, множество аптек, и понял, что люди стали болеть больше и сложнее. Он видел их бесцветные, затравленные глаза, и ему опять становилось стыдно за то, что он так незрело и по-детски рисовал себе будущее человечества. То и дело писатель хотел вздохнуть и спросить: «Отчего все так, Боже?» Но он вовремя вспоминал, что не ему в его нынешнем положении задавать такие вопросы, что в ответ на его земные неутоленные вздохи он и послан на землю; и тогда он сдерживал вздох, продолжая смотреть, замечать детали и думать.

«Поговорить бы с кем-то», — подумал он, хотя знал, что это не входит в условия договора.

«Только на день и только в роли наблюдателя», — было сказано ему. «Да это и к лучшему», — успел подумать он, как тут же мысль его, с проворностью иглы, соскальзывающей на заезженную бороздку пластинки, соскользнула в написанное ранее.

Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже не глупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво и спрашивал: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?»

«Ионыч»

«Почитать бы их газеты, узнать бы, есть ли у них паспорта и смертная казнь?» Но даже у отделившейся от тела души сила ума небезгранична. Он успел устать за день.

Писатель уже побывал сегодня в метро, поднимался на крышу одного из высотных зданий, откуда с замирающим сердцем долго смотрел на краны новостроек и на людской муравейник. Непременно надо было зайти в больницу, в операционную или хотя бы в приемный покой. Надо было бы послушать, о чем говорят

коллеги, какие у них проблемы, мечты, дерзания. Но вот он зашел в супермаркет и провел в нем непозволительно много времени. Темп жизни, постоянная спешка, давка в транспорте, сам этот транспорт, фантастический для человека, видевшего только паровоз и городских извозчиков, — всё это к концу дня давило, мучило новизной и невообразимостью. И здесь, в помещении, под ярким искусственным светом, среди изобилия товаров Чехов уже не хотел спешить. Скоро должны прийти за ним те, *светлые*, двое, которые привели его посмотреть на осуществившееся будущее. О, этот день дал ему столько пищи для ума, что до Страшного Суда должно хватить. Всю свою жизнь Антон Павлович трудился и боролся, страстно мечтал и тревожился о человеке. Многое из того, что он видел сегодня, мелькнуло перед ним, как воплотившаяся греза. Но в целом ему было больно. «Счастье так же далеко от этих людей, как далеко оно было от нас. И в то же время оно одинаково близко и к ним, и к нам», — подумал он и, сказав «нам», горько усмехнулся. «Нам? Нам теперь нужны их молитвы больше, чем им наши книги. Нужно, чтобы они не повторяли наших ошибок, не были так же ужасающе глухи и слепы ко всему, что нельзя положить в рот. Этого, кажется, я в них не заметил».

Медленно двигаясь среди товарных рядов, с любопытством поворачивая голову туда и сюда, он дошел до стеллажа с книгами. (В наших маркетах ведь торгуют книгами, не правда ли?) Там он остановился, глядя на людей, листающих толстые журналы или другую литера-

туру. Он уже увидел тех двоих, пришедших за ним и стоящих у выхода, когда слух его среагировал на знакомый текст. Это были его слова, но произносил их не тайный суфлер внутри его сознания, как было раньше, а молодой мужчина, держащий в руках раскрытую книгу его, Чехова, пьес.

Мы будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем.

«Дядя Ваня»

— Здорово, правда? — сказал мужчина своей спутнице и закрыл книгу.

— Ты хочешь это купить? — спросила она, глядя в сторону.

— Ну да.

— Для себя или для Пашки в школу?

— И для себя, и для Пашки.

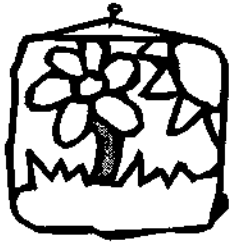
— Ладно, бери и пошли. Домой пора.

Ему тоже было пора. *Те двое* сделали знак глазами, и их нельзя было не послушаться. Он пошел к *Хранителям*, благодарный Богу за отпущенный день, за эту странную экскурсию, а внутри у него звучало продолжение только что слышанного текста, продолжение, звучащее сейчас как нельзя кстати.

Мы услышим Ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка.

«Дядя Ваня»

ГЛАВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ



ПАСТУХИ И ПЛОТНИКИ

Христос был плотником.

Его руки держали инструменты, до Него и после находившиеся в руках миллионов тружеников. Топор, сверло, рубанок... Пот льется ручьями по лицу работающего с деревом человека. Пот лился, без сомнения, и по лицу Христа. Мышечная боль по утрам напоминала о вчерашней проделанной работе. И Христос, просыпаясь, чувствовал боль в плечах и спине, чувствовал, как не хотят сгибаться натруженные пальцы. О чем Он думал, строгая доску, прилаживая друг к другу части будущего дверного косяка? Возможно, Он думал о будущем Древе, о Кресте. О том, как человек подобного ремесла на заказ подгонит друг к другу два бруса — вертикальный и горизонтальный. О том, что этой нехитрой и страшной конструкции предстоит стать Великим Жертвенником, а Жертвой будет Он Сам.

Возможно, в такие мгновенья Иисус останавливался и смотрел вдаль. А затем вновь возвращался к работе, зная, что для того Он и пришел, чтобы вознестись на Древо.

Эти мысли становились ярче, когда на теплые и свежие стружки капала кровь. Нельзя без порезов и царапин трудиться с железом и деревом. Рано или поздно нож или сверло сорвутся, скользнут по сучку, вопьются в тело. Человек перевяжет рану и продолжит трудиться. От заказа зависит, будет ли хлеб на столе. Сын Божий, *все чрез Него начало быть* (Ин. 1, 3), живя среди людей, не ел хлеб даром.

И крови Он не боялся. Она уже пролилась однажды, на восьмой день после Рождества, когда Иисуса обрезали по Закону. Тогда впервые к Нему прикоснулось железо, потекла Кровь и Он по-детски заплакал.

Обливаясь потом и временами ранясь до крови, Он думал о том поте и той крови, которым еще предстояло пролиться.

* * *

Пастухи и плотники? Читая Библию, от вас некуда деться. Авель, Иаков, Давид — пастухи. Пастухам, а не священникам или старцам объявляют ангелы о Христовом Рождестве. А мы — менеджеры, компьютерщики, шоферы, продавцы — мы даже не знаем, как пахнет состриженная баранья шерсть. Ни разу не сторожили стадо ни днем, ни ночью. Не кормили животных с руки, не спали с новорожденным ягненком в обнимку. Не стоит удивляться тому, что вам, а не нам являются ангелы. Великое приходит к простым. К сложным людям приходят лишь ночные кошмары и преждевременная старость.

* * *

И образ плотника загадочен не менее. Как червь, поедая различные книги, наугад открывая толстые фолианты и потрепанные брошюры, нашел я там, где не искал, пророческую похвалу древоделу.

«Тщательно и хорошо учись плотницким приемам; после того, как постигнешь **искусство мер**, станешь мастером. Необходимость для плотника — иметь острые орудия; как

только выдается у него свободная минута, он принимается их точить... Так же поступают и солдаты. Им следует тщательно изучать это искусство». Это классический самурайский трактат «Книга пяти колец». Автор — легендарный Мусаси Миямото. Этот человек, воспитанный в схватках и искавший мудрости, сравнивал хорошего плотника с мудрецом, ставил его в пример воинам. XIX век, феодальная Япония, самурайский трактат... Плотник подобен Творцу. Он «обтесывает столбы и бревна теслом, ровняет полы и полки, делает прорези и ажурную резку; точно делает замеры, исполняет все точно-точно, до последней мелочи и умело, — таково искусство *(хо)* плотника».

Послушаем теперь, как Бог смиряет Иова и что Он ему говорит:

Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее (Иов. 38, 3 — 6).

Бог обращается к человеку, как Строитель, Мастер. Он говорит о «мерах, верви, камнях, положенных в основание». Он построил мироздание, как человек, разбивший шатер для своего обширного семейства.

Стремиться к совершенству значит стремиться быть похожим на Творца. Стремясь к мудрости, японцы избирали, как пример для подражания, искусство людей, строящих дома и изготовляющих предметы быта.

Неожиданная находка. Глубокое прозрение. Ведь и Христос, сотворивший всё, был на земле плотником. Очевидно, Япония предчувствовала Христа еще до прибытия на ее землю первых миссионеров.

Мысль отдаляется от Японских островов и от Вифлеемских пастбищ. Мысль переносится домой, в мое «сюда и сейчас».

Пастухи, рыбаки, плотники.

Давид пасет овец. Павел шьет палатки. Христос помогает Иосифу.

Какие поступки родятся из этих мыслей? В какие дела превратятся эти яркие образы Писания?

Пока неясно, но думать об этом надо.

РЫБАКИ И РЫБКИ

Если мужчина не любит футбол и рыбалку, то в семи случаях из десяти у него не будет темы для разговора со случайным знакомым-попутчиком, соседом по палате. Отбросьте разговоры о женщинах и политике, и — о, ужас! — можно смело забывать родной язык. Всё равно на нем не о чем говорить и не с кем. Остальную информацию, типа «который час?», «погода хороша, правда?», «туалет вон там», можно получить и передать с помощью жестикуляции и междометий. Жизнь так и хочет превратить тебя в молчальника, хотя на подвиг ты принципиально не способен. Какие-то умелые руки превращают действительность в плоский блин, тогда как жизнь, в принципе, больше похожа на слоеный пирог с разными начинками.

* * *

Правда ли, что бывают неинтересные люди? С точки зрения первых глав Бытия, нет. Существо, о котором сказано: *Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему* (Быт. 1, 26), по определению не может быть неинтересным. А что говорит повседневная жизнь? О, лучше не слушать, что она говорит, иначе цветы перестанут пахнуть и хлеб потеряет вкус.

* * *

Очевидно, надо копать на том месте, где стоишь. Пока люди не научились копать и бурить, по Аравийскому полуострову бродили нищие бедуины. Они не жаловались на судьбу, молились пять раз в день и не ведали, что можно жить иначе. Теперь их не узнать. Пески и камни, на которых ничего не растет, были разрыты и многократно просверлены. Море маслянистой черной жидкости, над которой столетиями бродили бедуины и их верблюды, вышло наружу и преобразило и пустыню, и ее жителей. Тот, кто не согласен, что нужно копать, пусть едет в Саудовскую Аравию и отказывается от прежних мыслей.

Сокровища всегда в глубине. Если это справедливо по отношению к золоту и нефти, то должно быть справедливо и по отношению к человеку, ради которого создан мир и без которого вселенная не имеет смысла.

* * *

Попробуем копать там, где я ничего не понимаю и немею подобно рыбе. Начнем с рыбалки.

Рыбак должен уметь копать. Одно дело купить наживку, другое дело накопать червей самому. Опарыш, макуха, хлебный мякиш — это баловство, деликатесы для рыб. Человек сам приучился гортань баловать и рыб начал развращать. Люди должны есть хлеб, а рыба должна клевать на червя. Это азбука и прописная истина. Вот он, бедняга, насажен на крючок, на него уже поплевали, и через пару секунд его агонизирующие движения под водой станут приманкой для вечно голодной рыбы. А пока умирающий червяк зовет на смерть ни о чем не думающую рыбу, человек на берегу (на мосту, на лодке) будет думать, глядя на поплавок. О чем он будет думать?

* * *

Знает ли он, загорелый человек средних лет, обжигающий губы окурком и напряженно смотрящий на воду, что он отдаленно похож на других людей, тоже однажды ловивших рыбу? Не в выходной день для развлечения, а в будни для прокорма семьи забрасывали они сети в море и услышали: *Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4, 19).

По количеству людей, усеивающих с удочками в руках берега наших рек и озер, видно, что мы не так уж далеки от апостолов. Даже в слякотные зимы, когда лед тонок, чернеют замерзшие тела рыбаков на льду любого водоема. Это значит, что даже зимой Господь может звать нас на проповедь.

Нет, неспроста крещеные люди, никогда не читавшие Евангелия, в единственный выход-

ной встают ни свет ни заря и идут на речки. Есть в этом явлении тайна, и я готов смотреть на этих рыбаков так же внимательно, как они на свои поплавки.

А знали бы они, как однажды наполнились сети Петра (см. Лк. 5, 5—7). Как рыбы, упорно избегавшие сетей Петра всю ночь, по слову Иисуса Христа с радостью, наперегонки устремились, чтоб стать добычей. Каждой хотелось послужить Христу, исполнить Его слово, и лодка от множества рыб стала тонуть...

* * *

В ту эпоху, когда нынешние рыбаки учились в школе, Закон Божий не преподавался. Но зато в те годы была побеждена неграмотность, и теперь каждый может читать всё, что захочет. Можно читать о том, как умножалась пища в руках у Спасителя. Умножались ячменные хлебы и опять-таки рыба.

Часть печеной **рыбы** и сотовый мед дали воскресшему Христу по Его просьбе и убедились, что это Он воскресший, а не призрак. И когда в третий раз явился Господь ученикам на озере Генисаретском, то был на земле разложен огонь, а на нем — **рыба** и хлеб (Ин. 21, 9). Само слово «рыба», сказанное по-гречески, стало аббревиатурой краткого символа веры. Мы без труда расшифровываем, что значит ЦУМ, США, КГБ. А для христиан древности слово «ихфис» расшифровывалось как «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель». И Тертуллиан писал о Крещении: «Мы, рыбки, вслед за Рыбой нашей Иисусом Христом рождаемся в воде».

* * *

Фу-у! Можно вытереть пот с чела и отдышаться.

Воду нельзя копать, но в нее можно нырнуть. Мы, кажется, нырнули, и если в таком духе говорить о рыбалке со случайным собеседником, то я согласен не молчать, но оживленно развивать тему.

* * *

Одно меня продолжает смущать — футбол. Как ни кручусь вокруг этого явления, ни за что не могу зацепиться.

СКАЗКА О РЕПКЕ

Сказка — вещь серьезная. Научная гипотеза может быть чепухой, но не сказка. Сквозь толщу веков, как сквозь плотные фильтры, просочилась сказка, и в скупости ее слов, в наивности ее образов сказалась душа народа, родившего ее. Чтобы обратить на нее внимание, нужно быть очень серьезным человеком, а если точнее: ребенком, стариком или философом.

Гулливер оказался поочередно то в стране лилипутов, то в стране великанов, показав тем самым, что относителен наш мир. Он не велик и не мал, но становится тем или иным в зависимости от того, с чем сравнивать. И Алиса совершила путешествие в большой мир, пролезши сквозь маленькое отверстие.

Но Льюис Кэрролл был математиком, а Свифт — священником. Эти образованные люди могли

позволить себе такую роскошь, как литературная фантазия. Наши бедные люди, по статистике хлебавшие лаптем щи вплоть до 1913-го года, никакой роскоши себе, как правило, позволить не могли. Тем приятнее обнаружить в их творчестве следы той же творческой мысли, что и у «великих».

Как незаметно увеличивается в размерах, растягивается сказочная рукавичка, вмещая в себя запредельное множество животных и растягивая сказку до абсурда! Вот комар-пискун, вот мышка-норушка, вот лягушка-квакушка... Сознание убаюкивается вползающими в рукавичку мелкими тварями, и оно (сознание) не успевает отреагировать на вползшего туда же зайца. Вслед за зайцем приходят лиса и волк, а мы всё спим, мы позволяем им вползти и не замечаем вступившей в свои права иной реальности. Только медведь своим появлением отрезвляет нас, и мы вдруг понимаем, что уже давно переступили за грань, отделяющую обычное от чудесного. Вот тебе и взаимопроникновение больших и малых миров. Вот тебе и абсурд, узаконенный в литературе задолго до Ионеско.

* * *

Или «Репка». Выросла «большая-пребольшая», заставила всех попотеть и не сдалась, пока не появился на сцене «ничтожно малый персонаж» — мышка. Мы знакомы с этой сказкой с детства, но слышим ли мы ее *message*? «Слабыми пренебрегать нельзя» — слышится в шепоте этой сказки. Если угодно, то можно расслышать: *«Блюдите, да не презрите еди-*

ного от малых сих». Да и босяцкая песня о том же. «У кошки четыре ноги. Позади у нее длинный хвост. Но трогать ее не моги за ее малый рост, малый рост».

Большое может стать маленьким в любую секунду. А малое может быть большим, не увеличиваясь в размерах. Вот *«язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает»* (Иак. 3, 5).

Дед с бабой не разбили яйца, хотя дед «бил-бил», и баба «била-била». А вот «мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и... разбилось». Мораль та же. Малым не пренебрегайте. Мышкин хвостик может ударить сильнее крестьянского кулака.

* * *

Цвейг пытался проследить на исторических примерах смешение великого с ничтожным, и вот на чем он останавливает взгляд. Смертная казнь Людовика XVI была проголосована с перевесом всего в один (!) голос. Один голос, и венценосная, миропомазанная глава упала в подставленную под гильотину корзинку.

Выдохшиеся в бою турецкие войска готовы были откатиться от стен Константинополя, когда один из турок случайно (!) увидел в стене небольшую, по оплошности (!) не запертую калитку. И вот уже через несколько часов под сводами Софии впервые зазвучала арабская речь. Отныне надолго.

А евангельская история! Разве мы не чувствуем, что могучая река истории может резко изменить свое течение, когда жена прокурато-

ра умоляет его не трогать Праведника? Власть и военная сила в руках Пилата, иудеи ему ненавистны, вины в Иисусе он не видит. Пилат колеблется. Еще секунда — и история может двинуться в совершенно непредставимую сторону. Но нет. Сын Человеческий терпит то, что написано о Нем. Все происходит с великой точностью, хотя в этой смеси страстей, трагедий, случайностей и закономерностей все время кажется, что нужно лишь полслова, полшага, полвзгляда, чтобы кошмар Великой Пятницы прекратился.

Мелочь совершает свое малое действие, и вот начинают сдвигаться горы. Или наоборот, кажется, нужна лишь капля, лишь толчок, лишь слабое движение детской руки, и тогда... Но капля не падает, не дотягивается рука, и возможное не становится сбывшимся.

* * *

«Мелочи». Что можно назвать этим именем? Дело не в размерах, поскольку бактерии, к примеру, ничтожно малы и при этом сильны чрезвычайно. Может, мелочей нет вообще? Может, это гордость и глупость заставляют смотреть свысока на что-то, кажущееся малым, пока не придет наказание, а вместе с ним и вразумление? Возможно. Если мелочей нет, если мир мистичен насквозь от пыли под ногами до звезд, то меня ждет фарисейство. Меня ждут тысячи заповедей и предписаний, стремящихся совладать с хаосом кажущихся случайностей и подчинить их религиозной правде. Фарисей логичен, неизбежен и положителен

до тех пор, пока не придет благодать. Если бы фарисей был всегда плох, всегда не нужен, из их числа не появился бы ни великий Павел, ни Гамалиил. Но все-таки это не путь. Тысячи священных предписаний не успокоят совесть, измучат, заставят бояться греха больше, чем Бога, оку ума представят грех вездесущим и непобедимым.

* * *

Где выход?

Везде искать Христа. Искать следы Его стоп, идти на запах Его благоуханного присутствия. Наконец, искать Лица Его. *«Сей род ищущих Господа. Ищуших Лице Бога Иаковлева».*

* * *

Если бы умаявшийся над репкой дед спросил, чего ему не хватает, чтобы вытащить корнеплод, мы бы сказали: «Зови мышку». Дед бы посмотрел на нас странно и ничего бы не ответил.

То, чего нам не хватает для «полного счастья», столь незаметно, и чудесно, и неожиданно, что мы всегда отказываемся верить, что это именно «оно». Так, юноша, хотевший жить вечно, исполнивший заповеди, спросил: «Чего мне не хватает?» А когда услышал «продай имение, раздай нищим и следуй за Мной», отошел, скорбя.

О, священный абсурд, как мы тебя боимся! Чтобы Иерихон пал, нужно трубить в трубы, а не рыть подкопы и не идти на штурм. Чтобы Нееман Сириец очистился, надо окунуться в

Иордане семь раз, а не тратить деньги на врачей и лечебные мази. А ведь не хочется ни трубить, ни окунаться. Хочется именно стрелять, держать осаду, мазаться, скрестись, принимать порошки. То, что нужнее всего, всегда и проще, и маловероятней для бытового ума. Чудесное рядом, и вид его настолько прост, что можно прожить всю жизнь, глядя на холст с изображением очага, не догадываясь, что за этой холстиной — дверца в волшебную страну.

ГЛАВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Недалеко от того места, где вы живете, появился православный храм. «Ну и что мне с того?» — скажете вы. Молиться вас не учили, сложная и переменчивая жизнь высасывает из души все силы. «А попы эти, — думаете вы, — такие же люди, жадные и корыстные». В общем, вам кажется, что от появления рядом храма вам лично не будет ни холодно ни жарко. Что ж, ваши мысли понятны. Но всё же вы ошибаетесь.

Когда падишахи Востока издавали свои указы, то глашатаи ходили по улицам городов, восклицая: «Слушайте приказ падишаха и не говорите, что вы не слышали». Нечто важное возвещалось людям, и оттоворки вроде «я не знал» потом уже не принимались. Всякий раз, когда звон колокола будет долетать теперь до вашего слуха, вам будет возвещаться нечто несоизмеримо более важное, чем приказ любого восточного деспота.

К вам приблизилось Царствие Божие, и оттого, как вы поведете себя по отношению к этому Царству, теперь будет зависеть очень многое. Звон колокола будет похож на голос Бога. «Адам! Адам!» — будет звать колокол, и это будет Голос, который звал в Раю согрешившего и спрятавшегося праотца. Тогда Бог обращался к одному согрешившему человеку. Сегодня, когда дети Адама чрезвычайно умножились, Бог продолжает звать их, прячущихся не в райских кущах, но в квартирах многоэтажек.

Ваши почившие сродники будут утешены, если вы найдете дорогу к храму. Ведь там, в храме, за них будут приноситься заупокойные молитвы, и им хочется, чтобы в этих молитвах поминались написанные вами их имена.

Ваши дети и внуки нуждаются в храме. Ведь если прежние поколения разбрасывали камни, то настало время их собирать. Если прежние поколения воевали с Христом, разрушали святыни и не слушали Евангелие, то настало время прославлять Христа, восстанавливать святыни и читать Слово Божие.

Альтернативы нет. Молодых людей, не умеющих и не хотящих молиться, ждет глубокий омут разврата и бессмысленности, ждут продавцы наркотиков, ждут ночные клубы и игральные автоматы. В конце концов ждет преждевременная могила. Вряд ли вы хотите этого для своих и чужих детей и внуков.

Людей пугают перемены, даже если это перемены к лучшему. Принюхавшись к повседневному смраду, привыкнув к нему, они

начинают бояться даже свежего воздуха. Но, надеюсь, вы не из таких.

Дай Бог, со временем вы узнаете, каким чудом является молитва, узнаете, сколь благ Господь, сколько сокровищ припасено у Него для тех, кто любит Его. Дай Бог, всё это ожидает вас в будущем.

Знаете, что говорят люди вскоре после обретения веры? Они спрашивают священника: «А где же вы были раньше?» Они спрашивают себя: «А как же я жил до сих пор, не зная Бога?» Они поднимают глаза к Небу и, как потерявшиеся дети, которых нашли родители, говорят Богу: «Ты так долго и терпеливо искал меня! Я нашелся. Спасибо».

У вас есть эта перспектива. Ведь недалеко от вашего дома появился православный храм, и протоптать к нему свою «собственную» дорожку теперь ваша задача.

Бог — это неизменяемая реальность, в отличие от мира, доступного чувствам. Чувственная реальность текуча и переменчива. Сердцу больно ощущать себя погруженным в распадающуюся действительность. Сердце хочет жить в настоящем, неложном мире, мире, в котором нет запаха разложения.

Глаз считает существующим то, что видит. Причем видит «сейчас». «Видимое сейчас» для глаза — реальность первой степени. Для сердца реальность первой степени — Бог. То, что глаза и уши видят и слышат сейчас, мешает сердцу жить своей жизнью, дышать своим воздухом. Темная пещера или тесная келья, где ни уху, ни глазу нечем развлечься, некоторым

особым людям вожделенна так, как вожделенна тишина ученого кабинета и пыль старинных фолиантов для серьезного мыслителя.

* * *

Бог — это первая и главная реальность. Доказывать Его бытие есть разновидность ученого сумасшествия. Там, где бытие Божие требует доказательств, меньше всего нужны разговоры. Быть может, там есть нужда в чуде. Но еще вероятнее там нужна боль.

Долго ждать или искать боли не придется. Где Бог не царствует, там царствует страдание. Главной реальностью человеческой жизни после отпадения от Бога стала смерть.

Самая слабая склонность к абстрактному мышлению, самая примитивная способность к анализу и осмыслению фактов приводят нас к этому выводу. Смерть окружает человека, попадает в поле зрения при взгляде в любую сторону. Она, как ветер, обдувает лицо и ерошит волосы. Если Бог очевиден зрению сердца, то смерть очевидна и зрачку, и хрусталику, и перевернутому изображению на глазном дне, и импульсам, идущим в мозг от нервных окончаний.

Вездеприсутствие смерти, ее неуязвимость для атак со стороны науки и культуры могут столкнуть человека в безумие.

Сажать деревья, чистить обувь, мыть окна и вообще делать что-либо обычное в этом мире, где все умирают, можно только в двух случаях. Случай первый: ты знаешь лекарство от смерти и способ победы над нею. Случай второй: ты не знаешь ничего, живешь в мире иллюзий, не

способен мыслить и, следовательно, как животное, руководствуешься инстинктами, а не умом и верой.

Если в доме лежит покойник, земные мысли в этом доме, как неполитые цветы в горшках, должны увянуть. В это время думать о прибыли, о ремонте, о путешествиях — кощунство. Нужно растаять от слез, искрошиться от ужаса, сгореть в молитве.

Если же представить, что мир — это дом, то в нем каждый день лежит покойник, и не один. Минимальное сочувствие к этому факту должно было бы полностью изменить нашу жизнь.

Но суета сует и перед лицом замершего в гробу покойника заставляет завешивать зеркала, переворачивать табуретки, варить и жарить на кухне десятки блюд для поминок, делать множество других вещей. Поминальное застолье будет занимать мысли родственников и знакомых ничуть не меньше смерти, а может и больше. Само усаживание за столами через час после погребения сообщает нашей культуре (или нашему бескультурью) некрофильский оттенок. После погребальных стихир Иоанна Дамаскина, после того как земля только что на наших глазах поглотила человеческое тело, живым было бы лучше попоститься и посидеть молча или повыть, раскачиваясь из стороны в сторону.

* * *

Внутренним знанием сердца я научен тому, что являюсь существом бессмертным. Когда на помощь моим интуициям и смутным догадкам приходит апостольская вера и апостоль-

ские Писания, я убеждаюсь в том, что человек лично бессмертен. Он не будет ни исчезать, ни перевоплощаться, но будет воскрешен и обновлен. Это радостное знание не устраняет борьбу и муку. Внутренний, «сокровенный сердца человек» продолжает находиться в плену у внешнего человека, «истлевающего в похотях». Кстати, весь ложный пафос протестантизма проистекает из нежелания заметить и признать в человеке эту борьбу. Протестантизм спешит записаться в число спасенных и отмахивается от неизбежной схватки, как от монашеской выдумки. Но не замечать врага и не воевать с ним означает быть убитым во время сна, означает проиграть главную битву жизни.

Логика не молящегося ума воюет с логикой уязвленного верой сердца. Вера в сердце похожа на любовную рану. Она не заживает, блаженно болит и прогоняет всякую дремоту и безразличие.

Как главная реальность «внутреннего» человека, Бог вступает в борьбу с *«неведением, забвением, малодушием и окамененным нечувствием»*, характеризующими человека «внешнего».

Эта битва происходит на поле сердца человеческого. Раньше об этом знали те, кто читает «Лествицу». После Достоевского и «Братьев Карамазовых» об этом должны знать все, умеющие читать.

* * *

Я ловлю рыбу, не думая о смерти. Вернее, я знаю, что смерть есть, но делаю вид, что ее нет. Или делаю вид, что меня это не касается. Она

же стоит у меня за спиной, сознающая свою силу, холодная и терпеливая.

Чем я лучше рыбы, которая через пять минут заглотит червяка на моем крючке и будет вынуждена покинуть родную воду?

Нет, я хочу ловить рыбу, зная о смерти и зная Имя Того, Кого смерть боится. Я хочу все дела свои делать, не забывая *о главной реальности*. Только тогда моя жизнь будет по-настоящему человеческой. (Она почувствовала ход моих мыслей и болезненно скривилась у меня за спиной.)

Я сбился с дороги, поверил лжи и умер вечной смертью. А потом пришел Он — Путь, Истина и Жизнь. Теперь, оживленный Им, вооруженный Его Истиной, я через Него иду к Отцу. Главная реальность моего сердца не просто — Бог, но Бог, ставший Человеком.

СТРАНА ЧУДЕС

Вторую ночь подряд Петрович спал вполглаза. С боку на бок не ворочался и курить не вставал, но просыпался часто. Лежал, глядя на огонек фонаря за окном, и думал. Потом забывался коротким сном, чтобы через час опять проснуться. Его, Павла Петровича Дронова, водителя с 30-летним стажем, вот уже вторую ночь подряд тревожили слова, услышанные на проповеди.

Дело было в июле, в день праздника святых Апостолов. Петрович, будучи двойным именинником (лично и по батюшке), решил пойти

на службу. Во-первых, теща пристала: пойди да пойди. Во-вторых, храм в микрорайоне был Петропавловский. А в-третьих — хватит, подумал Петрович, в гараже да во дворе с мужиками водкой баловаться, можно на именины разок и в церковь сходить. Эта неожиданная и благая мысль пришла Павлу Петровичу еще и потому, что именины были юбилейные. Дронову стукнуло 50. Но об этом он думать не хотел, а потому в число причин юбилейную дату помещать отказался.

В церкви, как всегда на праздник, народу было — не протолкнешься. Дронов стоял возле аналоя с иконой Петра и Павла, и ему, изрядно сдавленному богомольцами, часто передавали свечи с коротким «к празднику». Жара и многолюдство сделали свое дело. Петрович, толком не знавший службу и не умевший вникать в общую молитву, скоро устал и раскаялся в том, что именины праздновал по-новому, а не как обычно. Он бы и ушел давно, но до дверей было далеко, и иначе как с боем сквозь толпу прихожан было не пройти. Полегчало, когда запели «Верую». Петрович басил с народом те слова Символа Веры, которые знал, и чувствовал при этом какую-то бодрящую и неизвестную радость, от которой хотелось то ли заплакать, то ли всех обнять. То же повторилось и на «Отче наш». А потом произошло то, что впоследствии отняло сон у Павла Петровича Дронова, человека, сгибавшего пальцами гвоздь-сотку и сентиментальностью не отличавшегося.

Священник что-то сказал из алтаря и замолчал. Завеса закрылась. Вышел мальчик в

длинной одежде и поставил перед закрытыми Вратами свечу. Народ как-то сразу засуетился, задвигался, зашушукал. Петрович подумал, что самое время из храма выйти, но услышал громкое «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» и решил остаться. Проповеди он слышал и раньше. Стараниями драгоценной тещи, маленькой старушки, одновременно и вредной, и набожной, Дронов переслушал в машине немало кассет. Великим постом, опять же по просьбе тещи, ходил он воскресными вечерами в храм слушать о страданиях Иисуса Христа. Но проповеди ему не нравились. Не нравился тон, торжественный и крикливый. Не нравились слова вроде «возлюбленные о Господе» или «дорогие мои». Павел Петрович дожил уже до тех лет, когда слова о любви больше раздражают, чем согревают. То, что люди живут по привычке и без радости, то, что никто никого особо не любит, а батюшки исключением не являются, Петрович понимал давно и давно с этим смирился.

Но в этот раз слова священника Дронова зацепили. Священник был незнакомый, видно, пришел в гости на праздник. Видом — не святой, ростом выше среднего, крупный. Помоложе Петровича, но и не «деточка» («деточками» называла теща Петровича тех щуплых и безбородых молодых батюшек, которых так часто можно увидеть в наших строящихся или реставрирующихся храмах).

Священник начал говорить о Петре и Павле, но быстро сменил тему и продолжил уже о Христе. О том, что Христос жив и что Он во веки Тот же. О том, что Он ближе к нам, чем

воздух, которым мы дышим, и одежда, которую мы носим. При слове об одежде Павел Петрович повел плечами, почувствовал, как прилипла к спине намокшая от пота рубашка, но вместо духоты ощутил на лице прохладное дуновение, почти дыхание.

Священник продолжал о том, что Христос послужил нам, отдал всего Себя даже до излития крови, и мы теперь тоже должны послужить Ему. «Но где я найду Тебя, Господи?» — громко произнес проповедник и остановился. Храм замер и, затаив дыхание, ждал ответа.

«Ты рядом, — громко продолжал проповедник. — Ты — в каждом ближнем моем. Если Ты в больнице, я могу укрыть Тебя одеялом и посидеть ночь у Твоего изголовья. Если Ты раздет, я могу отдать Тебе свой пиджак или свитер. Я могу защищать и лечить, кормить и утешать Тебя, потому что всё, сделанное мною ближним, Ты отнесешь лично к Себе».

Павел Петрович слушал внимательно. Его голова была пуста, потому что ум, кажется, покинул ее и переместился сантиметров на тридцать ниже. Остановившись где-то в области груди, ум вместе с сердцем впитывал слова священника так, как сухая земля впитывает воду. Проповедь закончилась тем, что батюшка назвал блаженными всех медсестер, милиционеров, пожарных, поваров — словом, всех тех, кто постоянно учит, лечит, кормит и спасает людей, — словом, ежедневно служат Христу так, как они могут служить.

Заканчивал священник уже не так связно и горячо. Один за другим заплакали на руках

мамаш несколько младенцев. Народ опять заерзал и зашептал. Священник сказал «аминь» и как-то боком, неловко, вернулся в алтарь. Вскоре отодвинули завесу, и началось причащение. А Петрович вышел в образовавшийся проход и, перекрестившись на храм, пошел домой. Он не знал, да и не мог знать, что он был единственным человеком, проникшимся словами проповеди. Все остальные прихожане к вечеру забудут то, что слышали утром, и будут спать спокойно.

В тот праздничный день евангельский невод, брошенный незнакомым батюшкой в храме Апостолов Петра и Павла, вытащил из глубины на берег только одну рыбу. Этой рыбой был отпраздновавший 50-летие Павел Петрович Дронов, таксист с 30-летним стажем, человек, не отличавшийся сентиментальностью.

* * *

Вторая ночь раздумий уже близилась к рассвету. «Не хирург, не офицер, не учитель», — думал про себя Петрович, перебирая в голове список профессий, основанных на человеколюбии.

— Я — таксист! — вдруг громко сказал, почти крикнул Дронов и сел на кровати... От звука его голоса проснулась жена и, не открывая глаз, сонно затараторила:

— А? Что? Паша, что случилось?

— Ничего, спи.

Дронов пошел на кухню за сигаретами, закурил и вышел на балкон (курить в квартире категорически запрещала теща). Фонари уже погасли. Воздух становился серым, и первые

машины уже то и дело пролетали мимо сонных девятиэтажек, шурша шинами и явно наслаждаясь пустотой дороги. Дронов глубоко затягивался и медленно повторял одну фразу:

— Я вожу Христа... я вожу Христа...

Смысловое ударение он делал на втором слове: не лечу, не защищаю, а именно вожу. Он начал представлять себе лица реальных и возможных пассажиров: спешащих на вокзал, не успевающих на работу, целующихся на заднем сидении... Всех тех, кто от привычки к комфорту или от страха опоздать стоит на тротуаре и, вытянув правую руку, с надеждой смотрит на приближающуюся машину Дронова. Они часто сжимают кулак, а большой палец отставляют так, будто стоят не на тротуаре, а на трибуне амфитеатра и дарят жизнь раненому гладиатору.

Дронов не любил пассажиров. Последнее время он заметил, что люди стали более наглыми и вместе с тем жадными. Он докурил и щелчком отбросил окурок далеко от балкона.

— Я вожу Христа, — еще раз, как мантру, твердо произнес Петрович и ощутил смысл произнесенной фразы. Теперь смысл падал на последнее слово, на Имя. Тысячи людей, которых он до сих пор возил, по сути являлись одним Человеком. Только Дронов этого не знал, не думал об этом, а значит прошлое не считается. Все эти лица составляли огромный коллаж, играли роль завесы, перегородки. Они отвлекали своим многообразием и прятали того Одного Пассажира, с помощью Которого всё можно было собрать воедино и осмыслить. Собствен-

но, Сам Христос играл с Дроновым в прятки. Он ежедневно клал Петровичу в багажник чемоданы и авоськи, торговался за сдачу, просил поторопиться, называл неправильные адреса и терпеливо ждал того момента, когда Петрович наконец поймет, Кого же он возит.

* * *

Петрович понял. Он понял, что теперь нельзя возить иностранцев кругами по всему городу, чтоб содрать с них в пять раз больше денег. Нельзя задерживаться на вызове, проезжать мимо бедно одетых людей, заламывать непомерные цены. Нужно делать всё правильно, потому что это всё непосредственно касается Бога. При таком отношении к работе, образно говоря, Дронов мог бы за тридцать лет обеспечить место в Раю не только себе, но и своей «старушке» — 21-й «Волге», на которой намотал не одну сотню тысяч километров. Мог бы... Ему полста. В таком возрасте менять жизнь — дело нелегкое.

— И надо оно мне было — переться тогда в церковь? — спросил себя Петрович и пошел в ванную.

Спать уже было поздно, и он решил принять душ. Но горячей воды не было. Смысл жизни, недавно узнанный Дроновым, для работников котельной всё еще был неизвестен. Им было пока невдомек, что горячая вода в трубах и батареях нужна для того, чтобы Христу было тепло и комфортно. Поэтому аварии случались регулярно, и при многочасовых перекурах ремонт шел неделями. Петрович умылся, пошел на кухню и поставил чайник на огонь. За окном

уже рассвело. День обещал быть ясным. Этот, казалось, обычный рабочий день в своей многолетней шоферской биографии Петровичу предстояло впервые провести по-новому.

* * *

Самая простая мысль — возить людей бесплатно — оказалась невыполнимой. Во-первых, боясь подвоха, люди отказывались ехать даром. Они устраивали с Петровичем борцовские схватки, пытаясь засунуть ему деньги в карман, или просто, выходя, оставляли их на сидении. Догонять пассажиров или объяснять им мотивы своего поведения было глупо. Даже супруге Петрович не рассказал о своих внутренних переменах. Он знал — громкие декларации о начале новой жизни заканчиваются поражением в тот же день. Сколько раз он, к примеру, докуривал свою «последнюю» сигарету, обещая бросить курить, но вечером того же дня или через день покупал очередную пачку. Нет, заявлять ни о чем не надо. Кстати, у жены возник бы резонный вопрос: как он будет содержать семью? Дети, конечно, взрослые и живут отдельно, но ведь и они с Татьяной не ангелы: им есть надо. О том, что набожная теща в сердцах может проклясть его за такую странную перемену, Дронов в глубине души догадывался и думать об этом не хотел.

* * *

Был полдень первого дня новой жизни. Пять или шесть клиентов своим поведением уже внесли коррективы в планы Петровича. Он

припарковал «старушку» возле станции метрополитена и вышел, чтобы выпить где-то чашку кофе.

В большом городе трудно найти маленькое кафе. Петровича приютил салон игральных автоматов. Внутри был бар, и там варили кофе. Было накурено, дым висел слоями, как отрезы легкой белой ткани, поднятые ветром. Автоматы мигали и звенели, а возле них, втупившись оловянными глазами в вертящиеся барабаны, сидели люди. Люди проигрывали зарплаты, пили пиво и мечтали обогатиться. Петрович подумал, что эти лудоманы* в другое время могут быть его пассажирами, а значит, и они — те, отношение к кому оправдает или осудит его на Страшном Суде. «Все, что сделали им, Мне сделали». Оговорок в законе не было.

Допив кофе, Дронов вышел на улицу. На светофоре образовалась большая пробка. Какой-то старенький «форд» заглох посреди дороги. «Баба», — с сердцем сказал про себя Петрович. Как любой нормальный мужик, женщин за рулем он, мягко говоря, недолюбливал. Подойдя ближе, он увидел, что капот поднят и под ним, согнувшись, копошится молодой человек. Объезжая его, водилы высовывались в окна и говорили разные вещи из числа тех, что в кино перекрываются пикающим звуком. Парень не поднимал головы, и было ясно, что он не ремонтирует машину, а, имитируя ремонт, прячется от водительского гнева.

Петрович ясно понял, что должен помочь. Но вместе с этим ясным пониманием он ощу-

* Лудомания — болезненная зависимость от азартных игр.

тил, что помогать совсем не хочет. Изменение жизненных ценностей с комфортом и удовольствием, оказывается, было никак не связано. Петрович вдруг вспомнил одного коллегу-таксиста, который стал ходить к адвентистам. «Отвинтисты», — шутя называл их про себя Дронов. Этот коллега однажды часа два впаривал ему, Петровичу, одну простую мысль: с тех пор как он поверил, все проблемы ушли прочь. Курить бросил, матом не ругаюсь, жене верен. А главное — полный душевный комфорт. Петрович и тогда делил услышанное на два. Уж больно жаден был мужик, и с приходом в адвентизм от жадности, по-видимому, никак не исцелился. Сейчас же он вспомнил коллегу из-за контраста: у того вера рождала комфорт, а у Дронова — проблемы. Может, они в разных Иисусов поверили?

Короче, Петрович был обязан помочь и вовсе не хотел этого делать.

* * *

— Чего там? — спросил Дронов у водителя «форда» таким тоном, будто сам был хозяином машины.

— Не знаю, — ответил парень. — Может свечи, а может еще что...

— Трос есть?

— Есть.

Водитель «форда» засуетился, достал из багажника трос и с благодарно сияющими глазами сказал:

— Мне только до моста. Дотянете? Сколько?

Павел Петрович не ответил. Он молча пошел к «старушке», завел двигатель и с трудом стал выруливать туда, откуда можно было взять «форд» на буксир. Минут через десять они уже ехали: счастливый водитель «форда» и насупленный Павел Петрович. Когда подъехали к месту, парень стал рассыпаться в благодарностях и совать Дронову в руки мятые денежные купюры. Сопротивляться не хотелось. Петрович деньги взял и, сопровождаемый фразами типа «дай вам Бог здоровья», «вы мне так помогли», повел «старушку» куда глаза глядят.

* * *

Дронов ехал медленно и думал. А думать было над чем. Во-первых, опыт угождения Христу оказался опытом насилия над собой. Об этом Петрович никогда не думал и нигде не читал. Учитывая то, что жизнь продолжается, перспектива вырисовывалась интересная. Это что же, так всю жизнь напрягаться?

Второе: когда Петрович цеплял трос и с болью в сердце тащил «форд», слушая, как напрягается и рычит его старенькая «Волга», о Христе он не думал. Пацан, заглохший на перекрестке, в это время у Дронова с Иисусом не ассоциировался. Можно было спросить себя: «Чего ради я вообще взялся помогать?» Но вместе с тем было ясно: не будь той проповеди и тех двух ночей с размышлениями — он бы никогда не стал помогать первому попавшемуся сопляку.

Наконец, было и третье. Была радость, вот только теперь начавшая согревать Петровичу

сердце. Радость наполняла грудь теплом и даже мешала ехать. Обычно, когда Дронов радовался, он жал на газ и во всё горло пел «Вот кто-то с горочки спустился». А эта радость как-то не совпадала ни с лихой ездой, ни с народной песней. Петрович взял вправо, остановился, выключил мотор. Он прислушался к себе и улыбнулся. Если бы кто-то в этот момент присмотрелся к нему, пятидесятилетнему мужику, могущему согнуть в пальцах гвоздь-сотку, то этот кто-то подумал бы, что Петрович через наушники слушает какую-то очень важную и долгожданную новость. И оттого глаза его ничего не видят, хоть и широко раскрыты, а на лице блаженная улыбка.

* * *

Эх, город, город. Ты взметнулся в небо домами и строительными кранами, но совсем не знаешь об ином Небе, на котором об одном покаявшемся грешнике все Ангелы радуются. Ты подгреб к себе миллионы людей и смотришь на их суету, как на растревоженный муравейник. Но ты никогда не заметишь в этой толкотне одного остановившегося муравья, ошеломленного чувством вечности. Впрочем, какой с тебя спрос? Ведь и сами снующие муравьи этого, остановившегося, не замечают.

* * *

Петрович вышел из машины и осмотрелся. Он тормознул недалеко от маршрутной остановки. Рядом копошился продуктовый рынок, и на остановке стояло немало людей с сумка-

ми, полными только что купленной еды. Видно, маршрутки долго не было. Внимание Дронова привлекла одна старуха. Одежда на ней была тепла не по сезону, ее сумка была почти пуста, а сама она стояла согнувшись и опираясь на палку. Глаз не было видно. Их скрывали солнцезащитные очки, но было понятно: если их снять — на вас бы взглянули глаза человека, не знающего, зачем он живет и уставшего от этой мысли.

* * *

Ольга Семеновна — так звали женщину — действительно не знала, зачем она живет. Всего неделю назад она похоронила единственного сына. Костя был трезв и переходил дорогу в положенном месте. А вот «джип» не только ехал на красный, но и, сбив человека, не остановился.

Невестка после развода жила отдельно и единственную внучку к Ольге Семеновне не пускала. Женщина стояла в ожидании автобуса, но в то же время ехать в пустую квартиру не хотела. Машина, остановившаяся под носом, звуком своих тормозов заставила Ольгу Семеновну вздрогнуть.

— Садись, мать, подвезу.

Народ на остановке оживился. Молодые женщины и девушки, видя подъехавшую «Волгу», были готовы к любой ситуации, но только не к этой. Некоторые из них подумали, что шофер шутит, подтрунивает над бабкой, а на самом деле «кадрит» кого-то из молодых. Одна или две даже заулыбались и одновре-

менно с вызовом и ожиданием уставились на Петровича.

Надо отметить, что Дронов и в свои пятьдесят был красив той мужской красотой, которая женщинами не созерцается, а чувствуется на расстоянии. Он мог не рассыпаться в комплиментах, быть немногословным и спокойным. Женщины всё равно замечали его и к нему тянулись. Но это были дела прошедшие. А сейчас Петрович спрашивал не верящую своим ушам старую женщину, где она живет, и предлагал подвезти.

* * *

Ольга Семеновна читала в газетах и слышала по телевизору о разных маньяках и убийцах, со старушками на лавочке песочила наставшие злодейские времена на чем свет стоит, но Дронову она сказала адрес и с большим трудом, кряхтя и охая, залезла в машину. Машина тронулась, оставив позади одних людей улыбающимися, других — пожимающими плечами. По дороге старушка медленно рассказывала свою беду, а Петрович по-шоферски прикидывал, как долго салон его «Волги» будет хранить смешанный запах лекарств, мочи и нафталина.

Когда приехали, Павел Петрович помог женщине выйти и зачем-то сунул ей в руку двадцать долларов («заначка» в правах на всякий случай). Потом, стыдясь собственной доброты и немного жалея об отданных деньгах, сел в машину, сдал назад и лихо выехал из двора. На этот раз ни тепла, ни радости не было. Была жалость к старому человеку, брезгливость от

запаха, оставленного этим человеком, и еще сложная смесь из разных чувств, в которых Петрович решил не разбираться. Он уже начал понимать, что попал в такую Страну чудес, где далеко не всё поддается пониманию.

* * *

Зато радость была у Ольги Семеновны. Рассудок говорил ей, что это сон, но двадцать долларов в кармане рассудку противоречили. И еще было тепло в груди и хотелось плакать. Хотелось поблагодарить, поцеловать руку, поклониться. И даже не шоферу (его старушка толком и не разглядела), а Кому-то другому.

В тот вечер Ольга Семеновна не включила телевизор. Она зажгла возле фотографии сына свечу и долго молча сидела на кухне. Ей было спокойно. Уже совсем поздно, часов в одиннадцать, позвонила невестка и сказала, что завтра приведет Катю — внучку.

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ

«Ты не искал бы Меня, если бы уже не нашел», — сказал Господь одному из людей, жадно Его искавших. В правильном вопросе всегда уже скрыт ответ, и в правильном поиске уже угадывается искомое.

Сама постановка вопроса о поиске смысла жизни говорит, по крайней мере, о двух вещах. Первое — вопрос задается человеком. Второе — смысл есть. Попробуем пояснить эти кажущиеся очевидности.

Вместе со всеми животными люди ищут еду и воду, тепло и безопасность. Но смысл в жизни ищут они одни. Это — видовое отличие человека, и если кто-то из людей этим не занят, то он рискует отстать от поезда с надписью «человек разумный». В крайнем случае, человеку, не думающему о вечности и подлинных ценностях, может быть отведено то место, какое среди птиц занимают пингвины и курицы. Последние имеют крылья, но совершенно не способны летать.

Итак, человек, начавший задавать себе, другим, Небу трудные и колючие вопросы, поистине стал человеком. От себя прежнего, безразличного, он отличается так же, как цыпленок отличается от яйца, из которого вылупился.

Но в вопросах мысли важно не только думать и спрашивать. Важно додумывать до конца и выслушивать ответы. Этот путь одолевает не каждый. На каком-то этапе человек может устать, ему может захотеться вернуться к прежней жизни, в которой нет места мировоззренческой тревоге. Он готов тогда считать счастливыми тех, кто живет одними инстинктами. Человек может решиться тогда и сам вести жизнь бессловесную.

Если идти вперед нет сил, а катиться вниз не позволяет совесть, то сын Адама произносит горькие слова о том, что все бессмысленно. Большинство страниц в книге всемирной истории заняты описанием бодрого бега в ненужную сторону, или горечью ошибок, или усталостью от пройденного пути.

Ко многим именам, которые сам для себя придумал человек — Sapiens, Faber*, — можно добавить еще одно — «человек заблудившийся». Вышел из Рая — и попал в непролазный лес. Вышел из Иерусалима — и по дороге в Иерихон попал под тяжелые удары разбойников. От этих ударов потерял на время сознание, а очнувшись, не может вспомнить, откуда вышел и куда идет.

Именно заблудившемуся человеку свойственно искать себя, спрашивать: «где я?», «куда мне идти?»

Выше вскользь было сказано, что важно не только спрашивать, но и слушать. Музыка умирает не со смертью великих мастеров, а с исчезновением благодарных и чутких слушателей. Читатель нужен поэту не меньше, чем меценат. Великий актер зрителя называет «его Величество». И Бог забываем в мире (а значит — все смыслы путаются), когда внутренний слух у людей теряет чуткость. Отсюда и евангельская тема двойного человека — внутреннего и внешнего. «Имеяй уши слышати да слышит». А иначе: «слухом услышите и не уразумеете».

* * *

Вопросы задаются не для того только, чтоб эхо их повторяло. Должны звучать и ответы. Они звучат, их нужно учиться слушать. Поиск смысла жизни для человека сливается воедино с поиском себя и Бога. А Бога без Бога познать невозможно. Можно заметить Его следы, можно чувствовать Его прикосновения. Но для

* Разумный, умелый *(лат.)*.

большего нужно откровение. Бог должен Сам о Себе возвестить нам. А иначе мы так и будем довольствоваться догадками и интуициями, накручивая вокруг них слой за слоем пестрые ткани фантазий.

* * *

Вопрошающий лучше безразличного, и тот, кто признается, что ничего не знает, лучше того, кто заявляет, что знает всё.

Если для заблудившихся есть свой страх и своя му́ка, то для «нашедшихся» есть свои соблазны. Можно приписать услышанный ответ своим талантам, а не Божьей милости. Можно зачерстветь и успокоиться, как будто Рай уже достигнут и жизнь получила высшее завершение. Можно презирать тех, кто еще не слышал голос «Духа, дышащего где хочет». В общем, однажды повстречаться с Истиной не означает навсегда успокоиться. Благая встревоженность и чуткое сердце должны остаться.

* * *

Заставить Гостя посетить наш дом мы не можем. Но в наших силах прибраться в доме, выбросить хлам, накрыть на стол и затем терпеливо ждать. Наше дело — очистить кувшин и внутри и снаружи, а воды нам нальют. Труд поиска, боль и усталость от этого труда и есть вспахивание той земли, в которую должно упасть драгоценное семя.

К тому, кто иссох от вопросов и кому жизнь, как Иову, опротивела, ответ придет мягко, как дождь на заждавшуюся землю.

К израненному, лежащему на середине пути человеку ответ придет как Врач, промывающий раны вином и маслом.

Взору того, кто путешествует по волнам, а не по суше, кто истомился от качки и не может больше есть протухшие припасы, ответ придет как долгожданная полоска суши на горизонте.

* * *

Ответ непременно придет. В Его свете мы увидим ясно и себя, и ближнего, и славный Город будущего. Прожитые дни станут понятны до последней секунды. «Отбежит болезнь, печаль и воздыхание».

Нужно только не переставать искать и не отчаиваться от долгого ожидания.

МУДРЕЦ И ПРОПОВЕДНИК

Жил на свете один человек, который умел задавать верующим такие мудреные вопросы, что самые убежденные из них смущались и уходили, втянув голову в плечи.

Был и еще один человек, который умел так красиво говорить о Господе, что самые занятые бросали свои занятия, чтобы его послушать. Смешливые при этом переставали смеяться, а у грустных разглаживались морщины и начинали светиться глаза.

Оба этих человека жили в одном городе, но никогда не встречались. Дом одного стоял в том месте, где торговый путь с севера входит в город, а дом другого там, где этот путь выходит из

города, чтобы устремиться дальше, на юг. Кроме того, любитель задавать сложные вопросы поздно вставал, потому что любил всю ночь посидеть с книгой. А тот, кто услаждал сердца людей словами о будущей жизни, напротив, просыпался рано, как птица, — и, как птица, с закатом солнца прекращал петь.

Люди любили слушать их обоих. Один пугал и одновременно привлекал умы холодной, как лед, и отточенной, как сталь кинжала, логикой. Другой смягчал сердца простыми словами, от которых почему-то многие плакали, хотя никто не грустил.

Но вот однажды во время осенней ярмарки какой-то шутник предложил свести их вместе в споре. «Пусть покажут нам, кто кого одолеет, а мы послушаем их. Это будет поинтересней, чем наблюдать за состязанием кулачных бойцов!» Людям показалась увлекательной эта идея. Они даже удивились, как это до сих пор такая мысль никому из них не пришла на ум. Возбужденной толпой, шумя, пошли они к городской ратуше и стали требовать, чтобы отцы города написали указ, в котором приказали бы двум мудрецам сойтись в указанное время на городской площади для состязания.

В тот же день почтальон отнес будущим соперникам по одинаковому письму с массивной сургучной печатью. «Ну что? Как они восприняли указ городского начальства?» — спрашивали люди у почтальона наперебой. «Тот, что приводит неопровержимые доводы, обрадовался и сказал, что давно мечтал об этом дне, — ответил почтальон. — Ну а тот, что рассказыва-

ет сказки старикам и детям, взял молча письмо и сунул мне в руку монетку».

Потирая руки и азартно хихикая, расходились люди в тот день по домам. Многие прямо сгорали от нетерпения услышать спор, и долгие три дня, которые нужно было подождать, казались им вечностью. В ожидании назначенного турнира будущие соперники вели себя по-разному. В доме на северной окраине ночи напролет горел светильник. Хозяин сидел над книгами, оттачивая аргументы, готовя самые каверзные вопросы. Время от времени он вставал и начинал ходить по комнате. Тогда в окне была видна его нервно двигающаяся тень, и видевшие говорили, что выглядело это зловеще.

Проповедник же не поменял образа жизни. Он просыпался рано и уходил за городскую стену в ближайший лес, чтобы слушать птиц. Светильник не озарял его окна. Он по-прежнему засыпал рано. Конечно, он переживал. Ведь он — человек. У него есть нервы, в его груди бьется обычное человеческое сердце. Но он помнил слова о том, что не нужно запасаться знаниями заранее и что в нужное время уста произнесут слова Истины, если надеяться не на себя, а на Другого.

* * *

В назначенный день весь город высыпал на центральную площадь. Люди завидовали тем, кто жил в окрестных домах. Еще бы! Они могли, не выходя из дома, прямо из окон смотреть на долгожданное зрелище. Некоторые даже неплохо заработали, догадавшись продавать

желающим местечко у себя на балконе. Женщины надели самые нарядные платья и вплели в волосы разноцветные ленточки. Мужчины заключали пари и били по рукам, делая денежные ставки на одного из возможных победителей. Владелец корчмы уже предвкушал большой заработок. Кто бы ни победил, а уж он не останется внакладе. Все сегодня придут к нему: одни — чтобы обмыть победу, другие — чтобы залить огорчение.

Хладнокровный мудрец, проведший три ночи над книгами, пришел на площадь первым. Он был бледен, но в осанке его, в волевом блеске умных глаз было столько силы, что поклонники проповедника невольно испугались. «Этот, того и гляди, победит. Разве можно победить такого в споре?»

Но что же это? Солнце уже вошло в зенит, и время диспута, назначенное в указе, давно наступило — а второй участник спора так и не появился. Нарядно одетые мужчины стали расстегивать куртки и камзолы и раскуривать трубки. Женщины то и дело вспоминали, что их ждет дома: кого опара для теста, кого некормленный младенец. Ропот стал волновать людей, словно рябь, бегущая по поверхности озера. Больше всех нервничал мудрец. «Он испугался! Пошлите за ним! Пусть его приведут силой!» — кипятился он, и все впервые видели его потерявшим самообладание.

Несколько посыльных побежали на южную окраину города, но, когда они вернулись, ропот только усилился. «Его нет дома. Дверь закрыта. Его нигде нет», — сказали они.

С великой досадой покидали площадь собравшиеся горожане. «Ты победил», — говорили они мудрецу, направляясь в сторону корчмы. «Я не хочу такой победы! — кричал тот. — Я найду его и докажу, что прав я, а не он!»

* * *

Проповедник, не пришедший на словесное состязание, действительно пропал, как сквозь землю провалился. Его не видели ни на следующий день, ни через неделю. «Неужели он так испугался возможного поражения? — думали люди. — А может, мы обидели его этой глупой выходкой?» Но горожанам пришлось еще более изумиться, когда из города ушел и мудрец, приводивший в смущение всех, кто верит в Господа. Правда, он ушел не тайком, а открыто. Перед уходом он сказал людям: «Мне стало неинтересно здесь жить. Раньше, когда в ваши уши вливали яд бесполезных сказок, я видел свое призвание в том, чтобы научить вас думать, в том, чтобы логикой и твердым знанием превращать фантазии в пыль. Теперь мне не с чем спорить и некого опровергать. Хотя наш диспут и не состоялся, я знаю, что он (тут мудрец указал рукою в сторону южной окраины) умнее всех вас. Без него у меня нет достойного противника. Я отправляюсь на его поиски».

* * *

После этого жизнь в городе стала скучной. Женщины продолжали печь такие же вкусные пирожки. Кузнец по-прежнему творил чудеса

из куска железа. Так же хорошо играли в праздники трубачи местного оркестра. В общем, все продолжали заниматься своими делами. Но во всем этом люди не находили прежнего удовольствия. Из жизни города, вместе с мудрецом и проповедником, ушли вкус и смысл, как испаряется крепость из незакрытой бутылки со сливянкой. Растяпа, не водворивший пробку на место, захочет через месяц развеселить сердце, но будет разочарован. Вместо веселья он обретет лишь расстройство желудка.

Время шло. В городе умирали старики и рождались младенцы. Река времени обновляла жизнь здесь, как и везде. Не все уже и помнили о мудреце и проповеднике. Как вдруг купец, торговавший на самых дальних ярмарках, принес в город удивительную новость: он нашел их обоих. Более того, они не враждовали, но были друзьями и путешествовали по миру вместе! Вот его рассказ.

«Я повстречал их в гостинице. Увидав обоих, мирно беседующих и поднимающихся в комнату на последнем этаже, я подумал, что вижу сон. Но утром на рынке я снова встретил их. Они беседовали с людьми о вере. Люди, забывая о товарах и покупках, слушали их с замиранием сердца. Говорил тот, кто и нам когда-то проповедовал. Когда же проповедника дерзко перебивал какой-нибудь спорщик, в беседу вступал второй. Он в пух и прах, к удовольствию слушателей, разбивал спорщика и снова давал слово проповеднику.

Немало надивившись такой новости, я вечером постучался к ним, и мне открыли. Мы пили

горячий чай и разговаривали. Тот, который не спал по ночам и сидел над книгами, рассказал мне, что долго не имел покоя. Он понимал, что не страх поражения заставил проповедника уклониться от состязания. Смутная догадка озарила тогда его ум. "Он может жить без меня и без споров со мной. Его не радуют подобные победы. У него есть другие радости, которых нет у меня. В крайнем случае, он может всю оставшуюся жизнь бродить по лесу и наслаждаться пением птиц. А у меня этого нет. Я хочу спорить и доказывать. Если же спорить не с кем, я проваливаюсь в пустоту. Моя жизнь — пустота, если нет собеседника, и сам я — пустота". Вот что он понял, пока искал своего противника. И не ошибся. Тот не боялся споров, он просто не любил их.

Мудрец действительно нашел проповедника в лесу. Тот стоял на лесной опушке, и множество птиц сидело на ветвях деревьев, радуя его своим чудесным пением. Птицы не боялись этого человека, ни одна из них не улетала. Эта картина поразила мудреца, и мысль о том, что он был прав, озарила его ум подобно молнии. Но он сделал неосторожное движение и вспугнул птиц. Те с криком поднялись в воздух, полетели над лесом и скрылись из глаз. Тогда бывшие соперники посмотрели друг на друга и пошли навстречу. Они обнялись, как братья, и даже оба заплакали. "Прости меня, — сказал один. — У меня были мертвые знания, но не было живой любви". — "Мне не за что прощать тебя, — ответил другой. — Я такой же, как ты, человек, и мне нечем гордиться". О многом говорили они,

и узы, крепкие, как между родными братьями, связали в тот день их души.

После этого они стали путешествовать вместе, договорившись не ждать лета в том городе, в котором перезимуют. Они уже обошли многие города и страны, утешая людей и беседуя с ними. Сложив вместе свою любовь и свои знания, они стали подобны острому мечу, наточенному с двух сторон, и приносят много пользы человеческим душам».

* * *

Купец замолчал, и вместе с ним молчали горожане. Потом кто-то вздохнул и сказал: «Эх, хорошо бы увидеть их снова». «Как же, — ответил ему другой, — придут они теперь к нам. Размечтался».

«Они действительно не придут, — сказал купец. — Но не потому, что обиделись. Просто им хочется идти по широкой земле, куда глаза глядят, и не возвращаться вспять. Люди везде одинаковые, и каждому сердцу время от времени нужно утешение. Но зато я в следующий раз принесу вам книгу, в которой записаны некоторые из их бесед».

Эта мысль всем понравилась. «Мы сделаем для этой книги золотой оклад и будем хранить ее в зале торжественных собраний. Как-никак, они уроженцы нашего города, и никто не запретит нам гордиться таким родством!»

Все были согласны и решили по этому поводу зайти в корчму и угоститься свежим пивом. В этот вечер пиво, как показалось всем, вернуло себе забытый вкус и запах.

ПРОРЫВ В ВЕЧНОСТЬ

Воскресение Христово как смысл жизни

Один из философов новейших времен спросил: стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Такой вопрос не задает себе ни кенгуру, ни бабочка. Никто из живущих только инстинктами не пытается осмыслить свое бытие. В человеке есть что-то выводящее его из круга обычных вещей и существ. Что-то властно требует от человека осмыслить свою жизнь.

Большинство людей слабы. Только поэтому они живут, не зная смысла жизни. Многие философы древности, дойдя до понимания, что жизнь их не укореняется в вечности, уходили из жизни самовольно. К счастью, они всегда были в меньшинстве. Большинство людей могут родиться и дожить до седин, инстинктивно убегая от острых и вечных вопросов. Вся драма христианской жизни заключается в том, чтобы пробудиться от спячки, но пробудиться не для тупика и самоубийства, а для прорыва в вечную жизнь. Вопрос очень серьезен.

* * *

Иоанн Кронштадтский сравнивал человека с цыпленком. Цыпленок рождается дважды. Вначале курица рождает яйцо. Курица страдает родовыми болями, но рожденное — еще не цыпленок. Теперь его нужно высидеть и прогреть. Только после долговременного прогревания и сохранения из-под мертвой скорлупы

проклевывается пушистая и мокрая, желтая и смешная жизнь.

Человек тоже должен родиться дважды. Вначале как лягушонок, как Маугли, как человеческий детеныш. Потом — как личность, как человек разумный, как сын Божий по благодати. Не родившийся дважды так и останется яйцом. И его удел — быть съеденным всмятку или вкрутую; быть съеденным в сыром виде человеком или животным. Детали неважны. Таких людей очень много. В свете сказанного особую красоту можно заметить в обряде освящения крашенок и во всем, что связано с пасхальным яйцом. В нем, как мы помним, — смерть для Кащея. Оно, как мы знаем, было подарено Тиберию Магдалиной. Всё это, оказывается, потому, что мы на яйцо похожи.

Пробуждение для жизни сознательной и разумной можно сравнить с воскресением из мертвых. Воскресший Христос проявляет свое неотступное пребывание в нашем мире тем, что многие и многие, услышав Его Имя, прочитав Его Слово, вкусив Его Тайн, сбрасывают погребальные пелены и, как бабочка из кокона, выпархивают ввысь, чтобы летать и жить новой жизнью.

Именно в этом — смысл празднования Воскресения Христова. Если мы не воскресаем от жизни мертвой и смердящей, если мы не поднимаемся и не начинаем ходить после долголетнего лежания во гробе (нерадения, уныния, ненависти), *то вера наша тщетна* (см. 1 Кор. 15, 14).

Воскресение Христово одновременно и оправдывает человеческую жизнь, и дает ей

смысл. Воскресение стоит посредине — между учением о загробном небытии и учением о перевоплощении. И то и другое нападает на нас с обеих сторон. Одни сравнивают человека с растением и, коль скоро оно скошено смертью, спешат отдать его истребительному огню, как будто его никогда не было. Другие, чувствуя вечность в своей груди, но не веря в Христа, баснословят о прошлых и будущих жизнях в теле рыб, комаров, бизонов... Милосердный Христос спасает нас от одного и не дает впасть в другое. Своим уникальным, единственным Воплощением, Своей единственной искупительной Смертью и Воскресением Он открывает нам разум к пониманию того, что мы и вечны, и уникальны.

Христос воспринял в Свою ипостась всю человеческую природу. Это значит, что воскреснут все, и желающие этого, и не желающие; и знающие об этом, и никогда об этом не думавшие. Христос прожил на земле одну жизнь. Он больше не будет воплощаться, не будет распинаться, не будет больше воскресать. Это значит, что и мы проживаем одну жизнь, пишем ее на чистовик, а черновиков у нас нет.

* * *

Воплотившись и пострадав, Христос приобрел право судить людей. Как Бог, Он имел на это власть, но люди считали, что Он не имеет на это права. Люди думали, что Бог высоко и далеко, что Он свят и чист; а мы внизу, в грязи, в грехах, и между нами и Им нет ничего общего. «Тебе ли судить нас, копошащихся в грехах,

подобно червям?» — могли сказать и говорили люди Великому, на Небесах живущему Богу.

Поскольку Бог благ, этот аргумент — убийственен. Но чтобы вырвать его, как жало, из лукавых и празднословных человеческих уст, Бог лично, в Сыне Своем, соединился с человеческой природой, сошел к нам и остался одним из нас. Перед тем как воскреснуть, Он был Младенцем, питался грудью, плакал от голода. Он нуждался в тепле и защите. А потом рос и трудился, уставал и замерзал, голодал и ходил пешком. Его ругали земляки и хулили книжники. Его предал один ученик и от Него отказался другой. То, что можно пережить на земле, Он пережил и прочувствовал *нашей* кожей. Он имеет право нас судить не потому, что Он — Бог, но потому, что Он — и Человек.

Ныне *на подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством* (Ис. 53, 11). Там, где двое или трое собраны во имя Его, Он обещал пребывать таинственно среди них, и пребывает. В Его имя мы ныне празднуем, и Он, как Вождь и как Начальник нашего спасения (Евр. 2, 10), ведет нас в землю покоя. Здесь оправдание, и осмысление, и освящение нашего временного бытия.

Вся Церковь есть продолжающийся в истории, длящийся и, как луч, пронизывающий толщу веков факт истинного Воскресения Иисуса Христа из мертвых. Из этого Источника проистекает мужество мучеников, мудрость святителей, терпение преподобных, милосердие бессребреников... Всякий подвиг и всякая святыня из этого Источника питается. И даже

если не преподобные, не мученики и не святители, мы все равно живем и дышим этим единственно новым фактом из жизни человечества. Пусть даже этого и не осознаем.

Хотя хорошо бы осознавать. Ведь ум и сердце нужны зачем-то.

ЖИВ ЛИ Я?

КТО ВНУШИЛ НАМ МОЛЧАТЬ О САМОМ ГЛАВНОМ?

Кто внушил нам молчать о самом главном? Почему в информационных передачах обязательно нужно говорить о спорте, о погоде и о новостях с мировых рынков, но никогда ни слова о том, что всем нам нужно будет умереть и стать перед Богом с ответом за прожитую жизнь?

* * *

«Господи, неужели все, кто идет сейчас по улице, непременно умрут? Какой ужас!» В одной этой розановской сентенции, в одном этом испуганно-удивленном вздохе больше ума и чувства, чем в многочасовой лекции «О перспективных направлениях развития науки в XXI веке».

* * *

Трудно представить, чтобы из камеры, наполненной заключенными, каждый день молча уводили куда-то навсегда по одному узнику, а остающимся не было до этого никакого дела. Куда уводят? Отпускают на свободу, ведут пытать, расстреливать? Какая, дескать, разница. Давайте продолжать мусолить карточную колоду, или спать, свернувшись на нарах, или рассказывать анекдоты. Не верю. Так почему у нас нет тревоги и почему мы не прислушиваемся к приближающимся шагам за дверью?

* * *

Есть некий вид приличия, я бы назвал его «проклятой вежливостью», который ограничивает темы разговора до самых незначительных. Всё, что тревожит душу, всё, что способно затронуть за живое, этим приличием выносится за скобки. Можно мило улыбаться и, помешивая ложечкой сахар в кофейной чашке, учтиво слушать собеседника, говорящего о новом средстве от перхоти, о ценах на недвижимость, о страшной аварии, случившейся накануне. Но почувствовав вдруг, что беседа плавно съезжает на одну из важных, вечных тем, можно посерьезнеть и сказать строго: «Давай не будем об этом». Стилистика фразы может варьироваться от аристократически-чопорной до матерно-блатной, но суть не в речевом этикете, а в аллергии на темы вечности, суда и воздаяния.

* * *

По телевизору идет вечерняя информационная программа. Уже рассказано о новостях в стране и за рубежом, уже подошло время новостей спортивных и прогноза погоды. Диктор произносит импровизированный или заученный слоган типа: «Как будут развиваться события, покажет „Время", — и вдруг неожиданно добавляет: — Не забудьте помолиться на ночь, поскольку мы не знаем, проснемся ли утром». О! Это было бы интереснее всех рассказанных ранее новостей. Часть зрителей была бы обрадована, очень многие бы опешили. Сотни тысяч, а то и миллионы почувствовали бы себя оскорбленными и стали бы засыпать редакцию гневными письмами. Возможно, и редактора, и ве-

дущего сняли бы с работы. Возможно, в аптеках исчез бы валидол, раскупленный на следующее утро либералами и атеистами. Но, поверьте, это было бы интересно, а главное, знаково.

* * *

Откуда взялся этот ложный стыд в разговоре о вере? И кто вообще придумал толерантность и политкорректность в их настоящем виде, когда парады геев проводить можно, а вслух о Боге за пределами храма говорить нельзя? Судя по всему, диавол как-то по-особенному культурен и воспитан. Но это именно те условности, на которые можно смело плевать, не боясь оказаться хамом. Конечно, можно прослыть реакционером, черносотенцем, фанатиком и еще неизвестно кем. Словарь работников либеральной прессы не намного превосходит словарь Эллочки-людоедки. Это неприятно, но не смертельно. Смертельно будет, когда всякий, убивающий христиан, *будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16, 2).

* * *

В больших городах по радио сообщают об интенсивности движения на дорогах, о пробках и т. п. Что, если бы к этой полезной информации подмешивать немножко веры, как соль к пище? Например: «Медленно движутся машины по мосту Метро в направлении Набережного шоссе. Из-за аварии стоит мост Патона. Всем, кто попал в пробку, советуем не нервничать и не ругаться. Читайте по памяти псалом 90-й, или „Отче наш", или любую другую молитву».

* * *

Вернемся к теме смерти. Она как нельзя лучше подходит к ситуации в нашей замученной выборами стране. Философ Семен Франк говорил, что очень глупо считать полноправными членами общества только тех, кто живет сегодня. А что же те, кто отдал нам эту землю в наследство, кто защищал, пахал, застраивал ее? Они что, навсегда исчезли и теперь не в счет? Действительно, какой жестокий и безверный подход. Неужели мы забыли, что «все живы у Бога»? Неужели мы и вправду думаем, что в данное время самые главные на земле — мы?

Накануне выборов, равно как и в дни всенародных испытаний или всенародных торжеств, нужно служить панихиды и посещать кладбища. Нужно делать то, что мы делаем на Радоницу, когда поем Пасхальный канон над могилками. Так мы делимся с усопшими радостью или вовлекаем их в свои тревоги. Но и то и другое есть победа веры над смертью.

* * *

Если вера не занимает главное место в нашей жизни, значит, у нас ее нет. Эта фраза вертелась однажды у меня в голове, в то время как руки мои крутили руль автомобиля. На багажниках машин, ехавших впереди меня, то и дело попадались игривые наклейки вроде: «Тише едешь — меньше должен» или: «Не едь за мной. Я заблудился». Прочтешь, улыбнешься и едешь дальше. И вдруг читаю неожиданную надпись: «Господи, благослови того, кто едет за мной».

И стало хорошо на душе. Тихо на душе стало, хотя дорога в четыре ряда была плотно заполнена рычащими автомобилями.

ВЕРА

Разум нужен для того, чтобы понять, что Бог есть. Чтобы Богу служить, разум нужно преодолеть, превзойти, оставить за спиной логику и войти в Сверхлогику.

Море стояло стенами справа и слева от идущих по дну людей.

Верую.

Солнце стояло полдня на одном месте ради победы Израиля над врагами.

Верую.

Странная пища, как иней, по утрам покрывала землю вокруг шатров в течение сорока лет.

Верую.

И это только начало.

Бог Сам сошел на землю — не на вершину горы, не во внутреннее пространство храма. В утробу Девицы сошел Бог. Куст терновый горел, не сгорая, трое юношей невредимо стояли в бушующем пламени печи. И Девическая утроба осталась невредимой, нетронутой после Божественного чревоношения.

Верую.

Человеком стал Господь. Это невозможно, но это истинно! И унизить, и убить Себя позволил Господь. Это недомыслимо, но это так! И воскрес из мертвых Бог, ставший Человеком!

Это невообразимо! Это абсурдно! И вместе с тем это — святая правда! Верую, ибо абсурдно. Именно в контексте можно понять слова Тертуллиана, ставшие поговоркой.

* * *

Самолет тяжелее воздуха. Но при помощи винта и крыла он летит. Летит многотонная птица, не имеющая перьев, и мы лишь по косности ума перестали этому удивляться.

Библия тяжелее воздуха. Если быть неосторожным, то она может выпасть из рук или упасть с края стола. Но то, **что в ней**, способно сделать человека крылатым и небесным существом.

Погружение в тайны текста зависит от любви к Автору текста. Каждая буковка — это листок. Всё вместе — густой виноградник. Голос Возлюбленного слышен, но лица Его не видно. *Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росою, кудри мои — ночною влагою* (Песн. 5, 2).

Не общение с Богом философов, но общение с Богом Авраама, Исаака и Иакова.

Любви от нас ждет и хочет Господь. Любовь — это мука и сладость, боль и недоумение. *Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презреньем* (Песн. 8, 7).

* * *

Сверхлогичность неизбежно сталкивается с земным расчетом. Бухгалтер рано или поздно нападет на метафизика.

Евреи не признают Истинного Мессию. Способ Его Пришествия, слова Его и дела, добровольный позор Креста, смерть и Воскресение не вмещаются в сознание ветхого Израиля. И это притом, что сознание Израиля вскормлено чудесами и в принципе должно быть сверхлогичным.

Точно так же, как евреи отвергают Мессию, прочие народы отвергают мессианство самих евреев. Тот факт, что *спасение от Иудеев* (Ин. 4, 22), ущемляет национальную гордыню и не вмещается во внутреннюю тесноту «языков» так же, как и Сам Мессия ущемляет гордыню иудеев.

Благословен Господь, перепутавший мысли человеческие!

Одни гордятся великим избранничеством и убивают Избравшего.

Другие поклоняются отверженному Праведнику, но хулят землю, из которой Он вырос, землю, за пределами которой Он никогда бы не смог появиться.

Христос никогда бы не родился ни от китаянки, ни от египтянки, ни от славянки, но только от невинной Девы из рода Авраамова. Вся история мира до Пришествия Спасителя вмещается в имя «Богородица». Неужели крещеные люди способны с этим спорить? А если способны, то стоит ли удивляться, что богоизбранность родила богоубийство?

* * *

Национальная гордыня. Имя трижды проклятого идола. Из-за нее Израиль распял На-

чальника Жизни. Из-за нее вчерашние язычники ненавидят тех, кого Живущий во веки избрал первыми.

Как чудно то, что эти первые ослепли. Ведь если бы они не ослепли, если бы они поняли, приняли, полюбили, облобызали Спасителя, то они же не дали бы Ему стать **нашим** Богом. Из презрения ко всем чуждым Закона, из чувства собственничества, из той же национальной гордости они сказали бы: «Прочь! Это наш Господь, наш Мессия, родившийся от нашей Девы!» Они вряд ли позволили бы нам, как псам, лизать крошки, падающие с их благодатного стола!

Благословен Господь, пришедший ко всем, а не к одним иудеям! Он не согласился стать их «частной собственностью», но из-за этого не стал «частной собственностью» нашей. Он свободен! Свободен в любви и любит нас, слепцов, гордецов, глупцов и негодяев.

* * *

Благословлю Господа во всякое время (Пс. 33, 2). Благословлю Его, вставая утром и ложась вечером; благословлю, промахнувшись молотком по шляпке гвоздя; благословлю, ложась на операцию. Благословлю Господа в скудости и в изобилии, в юности и в старости для того, чтобы смочь, суметь благословить Его в минуту смерти. Вера, перешедшая в состояние всегдашнего хваления, вера, не боящаяся страдать, — вот она, вера апостольская, отеческая, православная, иже вселенную утверди (см. 1 Пар. 16, 30).

* * *

Ты умен и веруешь? Это хорошо, но этого мало. Надо веровать и стать *безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3, 18). Иначе мир своей бетонной логикой раздавит твою логичную веру, и твой дом рухнет, и разрушение его будет велико (см. Лк. 6, 49).

ЗАДАЧА НОМЕР ОДИН

Человек ищет человека. Но еще более человек ищет Бога. Во все времена и на всех континентах наша общая задача – встретить Его и ответить на Его любовь. Как легче это сделать – живя среди людей или удалившись от мира? Где человек, любящий Бога, может обрести подлинную свободу?

Чтобы меньше грешить, нужно меньше говорить – silendo nemo peccat. Молчать совсем – это то же, что уйти от людей, поскольку пребывание в мире людей предполагает неизбежное общение, приноравливание, подлаживание друг под друга, скрытый обмен грехами и добродетелями. С людьми, не желающими спасаться, невозможно спастись. Поэтому великий Арсений услышал: «Арсений, бегай людей, и спасешься».

Когда человек не ест или почти не ест, он ослабляет связь с землей и всем видимым миром. Через чрево, грубо сказать, через брюхо, мы связаны с «этим миром», как через пуповину – с матерью. Пост – это перерезание пуповины, попытка выхода в самостоятельное личное бы-

тие. Уйти от людей, чтобы не грешить и не есть, чтобы не рабствовать у стихий — вот, вроде бы, и монашество. Однако — еще нет.

Древние многое поняли, еще больше ощутили, но не сумели высказать. И бегство от мира, и воздержание с молчанием были им понятны и ими похвалены. Однажды стоики спросили иноков (дело было в Египте), в чем между ними разница. Ведь не женаты, бедно одеты и постятся как те, так и эти. Иноки сказали: «Мы уповаем на Бога и пребываем в благодати». Стоики смиренно сказали: «Этого у нас нет».

Можно гордо уйти от людей, буквально плюнув в их сторону на прощанье. Можно из гордости ни с кем не общаться. Может быть, это будет бесовский подвиг. Может, бес не будет нападать на такого отшельника, но будет с ним незримо собеседовать, подбрасывать «глубокие мысли».

Уйти от мира нужно ради Бога и ради людей, которых подвижник видимо покидает, но еще более с ними сращивается в молитве. Молитва нужна. Всё предыдущее — неядение и добровольное одиночество — лишь вспоможение для молитвы. Нет молитвы — нет ничего. И тогда незачем куда-либо убегать, поститься тоже незачем, поскольку это будет бесполезным. Если же есть молитва, или хотя бы зародыш ее, тогда остальное приложится.

* * *

Молитва даст свободу. Дерзну сказать, что кто не молится, тот никогда свободным не бывал. Свобода перемещений — разве подлинная свобода, если, перемещаясь, человек грешит

теми же грехами и мучится теми же угрызениями совести? Свобода потребления — разве подлинная свобода, если желания разгораются и глаза разбегаются, а радость приобретения проходит быстро, как у ребенка?

Человек свободен от тысячи условностей только в день прощания с условностями. Я по-настоящему свободен в общении с начальником, когда прошение об увольнении уже подписано. Вот теперь я могу (если, конечно, захочу) сказать всё, что думал и о чем молчал.

Какой-то герой Набокова решил застрелиться. И пока он шел по улице, обдумывая свой дерзкий план, странная мысль посетила его. Он понял, что свободен. Он может делать сейчас всё что угодно. Никто и ничто ему не указ, поскольку он уже решился на радикальный разрыв с эти миром.

Кто любит только этот мир, тот будет его рабом, будет заискивать и заглядывать миру в глазки, рабски выгнув шею. Нужно любить иной мир, чтобы свободно вести себя в этом. Иначе все разговоры о свободе, простите, — глупость, чушь и рабские самооправдания. «Видели, как собака бьющую руку лижет?»...

* * *

Какого-то философа в древности упрекали в том, что он аполитичен и совсем не интересуется делами отечества. «Вовсе нет, — говорил он, — я очень интересуюсь своим Отечеством», — и при этом показывал рукой на небо. Сегодня трудно найти христианского священника, который ответил бы подобным образом, а ведь философ был эллином, язычником.

Диоген ходил по рынку с фонарем и говорил, что ищет человека. Этим он давал понять всем слушающим, что они не люди, но в лучшем случае человекоподобные существа. Он изрядно оскорблял тех, кто его видел и слышал. Он их, по сути, называл ишаками или тараканами. Но, во-первых, делал это так, что глупые не понимали. А во-вторых, наказать Диогена было невозможно. Он сам предварительно себя наказал. Ходил голый, жил в бочке и был вечно голодным. Он был свободен от людей и мог поэтому говорить им обличающую правду.

Подобным образом впоследствии поступали христианские юродивые. Их терпели по необходимости. Будь они хоть в мало-мальски социальном статусе, их бы порвали на части. Ведь православное царство тоже может быть похоже на тюрьму, если никто не говорит властителю правду. Православному царству нужны пустыни, заселенные бесстрашными иноками, и юродивые подвижники на улицах городов. Эти две категории святых наименее уязвимы для власти. Всех остальных, вплоть до патриархов, можно низлагать, душить, травить, опорочивать. Так унизили и изгнали Златоуста, невзирая на святительский сан, народную любовь и подлинную праведность.

Златоуст тоже говорил, что редко видит перед собой людей, но видит существ, подобных людям. Однако упертых, как ослы, похотливых, как жеребцы, хитрых, словно лисы, и ядовитых, как змеи. И Златоусту этого не простили. Он умер в ссылке, словно корабль, выброшенный волнами на пустынный берег вдали от родины.

* * *

Его было чего лишать, Златоуста. С него можно было сорвать ризы, его можно было объявить еретиком, собрать против него Собор, опорочить его имя. Тот, кто высоко стоит, уязвим со всех сторон и открыт любой буре. Тех, кто стоит на высоте, заранее жалко. На вершину свою они должны всходить, как на помост для публичной казни. Только в этом случае они будут способны сказать слова святого Василия, обращенные к префекту Модесту: «Я слаб, и только первый удар будет чувствительным. Я не боюсь изгнания, потому что везде Господня земля. У меня нет имущества. Я не боюсь смерти, поскольку она соединит меня с Богом».

Получается, что нужно умереть еще до смерти, чтобы пришедшую смерть встретить мужественно. Платон так и говорил. Философия, говорил он, учит не столько жить, сколько умирать. Эти древние, как ни крути, поняли очень многое. Не зря отцы Церкви перепахали свои ум и сердце плугом философии, прежде чем засеять их семенами Евангелия. И Василий Великий с Григорием Богословом, находясь в Афинах, посещали не только храмы, но и училища. Как затем учил Василий, они, подобно пчелам, садились не на всякий цветок. С того же, на который садились, не всё с собой уносили. Они были жадны к знаниям, но избирательны. Не будь их ум обогащен всем, чем они сумели обогатиться, они стали бы постниками и подвижниками, но никогда не стали бы вселенскими учителями.

Если только учиться, то, чего доброго, к пытливой душе, как к Фаусту, явится Мефистофель.

Знаний много, в душе покоя нет. Отчего же ему не явиться? Значит, окна кабинета нужно раскрывать, чтоб слышен был пасхальный перезвон. И выходить из дома надо хотя бы раз в неделю на литургию. Тогда жизнь сердца уравновесит жизнь ума, и можно будет не бояться крайностей.

* * *

Всё нужно душе испробовать понемножку. Нужно бежать от людей и нужно, со временем, к людям возвращаться. Нужно молиться, отказавшись от еды и воды, и нужно затем опять есть и пить, ощутив, что ни молиться, ни поститься толком не умеешь. Нужно приобретать свой внутренний опыт, а затем проверять его по книгам святых людей. Иногда ничего, кроме Псалтири и Евангелия, читать не надо. А временами хорошая книга, прочитанная или перечитанная — неважно, должна дать душе покой и тему для раздумий.

Древние — они ведь никакие не древние. Они современники наши, и даже собеседники. Одни и те же задачи решают от века люди, произведенные от *одной крови для обитания по всему лицу земли.* И вся задача их — в поиске Бога, *не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас* (Деян. 17, 26 — 27).

ЖИВ ЛИ Я?

Обязательно нужно измениться. Иначе не стоит жить. Не стоит быть пятном на одежде, ржавчиной на металле и зловонным душком, носящимся в воздухе.

Жизнь оправдана, только если есть возможность и желание меняться к лучшему. О, Дарвин! О, армия атеистов! Если бы я был тем, кем вы представляете человека! Кусок земли, временно снабженный нервами и кровью. Никакой совести, никаких дерзаний, стремлений и угрызений. Одни инстинкты. О, рай бессознательности! Я был бы счастлив, хотя и не понимал бы своего счастья.

Вместо этого внутри меня, как угли в камине, жарко горят, сменяя друг друга, сотни сердечных мечтаний, и еще тоска, лишающая мир вкуса и красок. Спросите меня: «Как твои дела?» «Снаружи прекрасно, благодаря Господу Богу, — отвечу я и добавлю, — ужасно, благодаря моему добровольному безумию».

Совершенно очевидно, что человек без Христа мертв. Как-то страшно и фантастически мертв, хотя он и трудится, и маячит перед глазами, и даже чему-то смеется. А вот Христос жив. Его не видно. Он не «маячит» перед глазами, и не смеется. Но Он жив по-настоящему, в отличие от нас. Это поразительно.

Живы и Его участники. Как-то мы служили в память одного из святых, и один священник сказал: «Как интересно: святой (имярек) вроде бы мертв, но на самом деле жив, и собрал нас на молитву. А мы — вроде бы живы, но, скорее всего, мертвы, и пришли сюда, чтоб ожить и обновиться». Он мучительно прав, этот добрый анонимный батюшка.

Вечная смерть понятна человеку, как черта собственного лица, и противна, как змея, залезшая под одеяло. Живет по истине Христос.

Живет без греха, без угрызений совести, без страха перед будущим. А человек может быть мертвым, не умирая, и это жуткое состояние нужно почувствовать, чтоб его испугаться.

Где вы, атеисты? Где вы, примитивные и невнимательные мыслители? Опять на моих устах ваши легковесные имена.

Как вы беспросветно глупы. Вы, те, кто думал, что смерть — синоним исчезновения. Это легко и не страшно — умереть и не существовать.

Гораздо страшнее умереть, но не исчезнуть. Умереть, но продолжить существование в такой же, как ты, неживой действительности.

Ад — это область, населенная неумирающими мертвецами. Они не могут исчезнуть и не умеют жить. То есть не умеют любить, благодарить, молиться, каяться, смиряться.

Смотрю внутрь и закусываю губу от резкой боли. Смотрю вокруг и зажмуриваюсь. Нужен ли еще какой-нибудь ад, кроме существующего ада? Если мир — это кладбище движущихся мертвецов, то, чтобы жить, нужно умереть для мира.

Смерть для мира — это монашество.

«Если Христос в вас, то тело мертво для греха, а дух жив для Господа».

«Помышляйте себе, мертвыми быти греху, живыми же о Христе Иисусе, Господе нашем».

Давайте станем под прицел, под хищные дула честных и беспощадных вопросов. Нам придется признать, что самое красивое и правильное в жизни — это монашество.

Я люблю его всей душой, это предстояние Богу один на один, это презрение к суете и беспощад-

ность к собственной «многострастной плоти». Я люблю это, понимаю, чувствую, но совершенно к этому не способен. Ведь можно же любить и понимать, к примеру, музыку или живопись, но не уметь играть ни на одном инструменте и не быть способным нарисовать даже яблоко, надрезанное и лежащее на подоконнике.

И куда теперь, с чувством и пониманием, но без воли к действию и без силы к борьбе? Куда, спрошу я вас, теперь идти человеку, не хотящему жить «так» и не умеющему жить «иначе»?

Его жизнь должна превратиться в непрестанный, не слышный для уха, внутренний крик. Бесполезно звать маму и глупо кричать «ой-ей-ей!» Нужно звать Того, Кто слышит звуки, не нарушающие тишину.

Иисусе, Пастырю мой, взыщи мене.

Иисусе, Спасе мой, спаси мене.

Иисусе, желание мое...

Иисусе, надеждо моя...

Иисусе... Иисусе... Иисусе...

Я так рад, что Ты есть, и рад, что Ты жив. Что Ты был мертв и воскрес, и теперь жив во веки. В мире так много стен, и об любую из них можно было бы во время тоски и отчаяния разбить голову, если бы не священный запах Твоего Имени. В мире так много причин и условий для того, чтобы сгореть, утонуть, потеряться, исчезнуть. Разве я дожил бы до сего дня, если бы Ты не спасал меня многочастно и многообразно?

Разве я писал бы сейчас эти слова на этой бумаге, если бы Ты не разрешил мне это?

Обними меня, прошу Тебя, обними и не отпускай. Ты же видишь, я похож на больного,

который срывает повязки и отказывается от процедур. Ты же видишь, что, как безумный, говорю одно, делаю другое, а думаю третье. И мне не нравится это.

Если бы мне это нравилось, Ты стал бы моим врагом. Твои слова, Твой Лик, Твое присутствие стали бы для меня нестерпимы.

Но, напротив, знаю и исповедую, что жизнь — это Ты, а человек без Тебя — живой труп. Ты живешь, а мы умираем. Я и грешу потому, что грехи исходят от меня так же естественно, как исходит смрад от разлагающегося трупа. Но худшее падение — это полюбить свое падение, согласиться с ним и придумать ему оправдание. Этого во мне пока еще нет. Покуда живет «пока», покуда я не изолгался окончательно, сжалься надо мной и сделай со мною что-нибудь.

Ведь Ты же доктор, умеющий вылечить даже от смерти. Я не теряю надежды. И совесть во мне жива. Слеза, упавшая на бумагу, тому доказательством.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Для того чтобы сказать о человеке неложное слово, нужно знать внутренний мир этого человека. Намерение и мысль подлежат суду или похвале, но именно здесь мы абсолютно слепы. Согласно Гете, Мефистофель — «часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо». Лукавый, сам того не желая, многих научил молиться, подстегнул к покаянию, к исканию Бога. Душераздирающая, поднимающая волосы на голове история Иова была бы невоз-

можна, если бы не Божественное позволение на испытание праведника. И вечный враг добра, дух, ползающий в прахе, будет наказан за «хотения», за цели, а не за результаты.

* * *

И человек, надеемся, будет судим не столько за факты биографии, сколько за мечты, за стремления, за сокровенный в сердце жар. Иначе человечество не надо было бы и судить. Надо было бы лишь смести его, как сор на кухне, и выбросить вон, предварительно изъяв из сора несколько настоящих жемчужин. То, что по-настоящему в человеке интересно, так это «тайна сердца». Там — «черный ящик», требующий расшифровки.

«Суди меня за то, что я хотел, а не за то, что в результате получилось!» — может крикнуть всякий, кто пришел в ужас от прожитой жизни. Как за соломинку хватается утопающий, так хватается за мысль о благородстве помыслов человек, чья жизнь кажется бесполезной. И тут мне вспоминается Крылов. В одной из его басен дружат человек и медведь. Их дружба столь нежна, что от уснувшего человека мишка заботливо оттоняет мух. И надо ж так случиться, что одно из насекомых оказывается особенно докучливым, неотвязным. Эта муха, вопреки мишкиным усилиям, норовит снова и снова сесть на нос или на лоб спящему человеку. Пришедши в гнев (и гнев, заметим, праведный), наш мишка решается покончить с мухой навсегда. Он берет увесистый камень, дожидается момента, когда нахалка снова сядет на дру-

жеское чело, и... Вряд ли нам интересно, жива ли муха. Важнее то, что человек погиб, погиб от братской руки и от добрых намерений. Такова медвежья услуга во всей ее красе. И мысль об этом заставляет меня осторожнее относиться к благим порывам, к нашим мечтам о добре, которыми мы еще недавно надеялись оправдаться.

Если в человеческом словаре до сих пор есть место слову «благо», так это благодаря тому, что есть Бог, и «Благой» — Его Имя. Собственно, только Его, поскольку *никто не благ, как только один Бог* (Лк. 18, 19). Человек же делает кучу зла, стремясь к добру. А диавол желает только зла, но косвенно, под управлением Премудрости Божией, служит высшим целям.

Коль скоро человек намерен творить добро, как крыловский медведь, то безнаказанной его деятельность не останется. Боюсь, никакие благие цели не оправдают того, кто действует опрометчиво и без рассуждения. Отцы недаром называли рассуждение «царицей добродетелей». Можно взять копье и отправиться на защиту слабых или на битву за Гроб Господень. Но если ты перепутал столетия, то коня твоего назовут Росинантом, а сам ты станешь предметом жалостливых насмешек. Но самое главное — никого не спасешь, потому что не разобрался ни в себе, ни во времени.

* * *

Одним из способов самопознания является молитва. Это то состояние, в котором человек открывает душу, если только он, конечно, молится, а не надевает маску молящегося. Бог,

желая человеку истинного, а не иллюзорного добра, не спешит исполнять наши прошения. Сколько обидных слов сказали люди по этому поводу в адрес Создателя! Сколько маловерных людей потеряли свою едва живую веру, когда их прошения не были исполнены! Между тем человеку полезно просить долго. Недаром сказано: «Долготерпите в молитвах». Длительность прошений испытывает степень желания. Нередко после усердной молитвы человек думает: «Надо ли мне это в действительности?» Молящийся дух ведь не только стучится в Небесные двери. Он еще и спускается в глубины сердца. Миновав поверхностные слои, те места, где живут привычные желания, человек сходит глубже, туда, где этих желаний может уже не оказаться. Там могут оказаться другие нужды и просьбы, более важные и не такие заметные на первый взгляд.

Жизнь была бы подобна кошмару, если бы человек тотчас получал от Бога всё, о чем попросит. Прельстившись, например, симпатичным личиком и попросивши: «Дай, Господи, мне ее в жены», — можно было бы потом всю жизнь мучиться с никуда негодной супругой. Если бы Господь нас ненавидел, Он непременно исполнял бы каждое наше желание и потом потирал бы руки, глядя на страдания глупого просителя. К счастью, всё не так. Но мы должны быть терпеливыми и внимательными; отрезать, отмерив семь раз; «познавать самого себя», по слову древнего философа, и *вникай в себя и в учение* (1 Тим. 4, 16), по слову апостола Павла.

* * *

Что живет в человеке? Кто произойдет от моих чресл? Каковы будут плоды тех деревьев, которые мною посажены? Эти и подобные вопросы должны волновать человека. Ведь в поисках одного люди постоянно находят другое. Ищут философский камень — находят порох. Плывут в Индию — открывают Америку. Изобретают лекарства — получают биологическое оружие. Строят земной рай — на выходе получают концлагерь.

Это роковое расхождение между целями и результатами столь часто случается, что многие, боясь умножить зло, решались не делать ничего вообще. Достоевский в «Записках из подполья» развивал рассуждение о том, что самый активный человек — это, по необходимости, самый недалекий человек. А самый рассудительный и осторожный — соответственно, самый бездеятельный. Отметим эту мысль учтивым поклоном. В ней много правды. Весь Восток, неподвижно сидящий в тени и смотрящий вдаль безучастно, вместился в эту фразу. Суетливый, запыхавшийся Запад недаром с интересом и завистью присматривается к Востоку. Запад чувствует, что за бездвижностью есть глубокая мысль, а может, и вся мудрость.

* * *

Мудрости в неподвижном покое много, но не вся она там. Когда к Иову прибегали гонцы с вестями, одна другой невыносимее, то еще говорил предыдущий, как уже приходил другой. И мы, желая спастись от Суда бездействием,

едва почувствуем себя нашедшими выход, как тут же будем ужалены другой мыслью.

В Евангелии есть притча, персонаж которой не хочет умножать полученные в залог деньги. Он боится Хозяина (Бога), зная, что Тот жнет, где не сеял, и собирает там, где не расточал (см. Мф. 25, 24). От страха человек скрывает деньги в земле и в день отчета возвращает их со словами: *вот тебе твое* (Мф. 25, 25). Не будем пересказывать Священный текст. Скажем только, что этот хитрец рассердил Хозяина.

Значит, отсидеться не получится, равно как не получится спрятаться, устраниться, ни во что не вмешиваться. Вот жизнь человеческая! За сознательно сделанное зло, за непредвиденные плоды благих порывов, за бегство от борьбы, за лень и за несвоевременный труд — за всё придется отвечать. И покой не спасет, и активность грозит наказанием. Ты шумел, когда больше всего люди нуждались в молчании. Ты молчал, когда от одного слова зависела победа добра над злом. «Неужели, — подумал ты в отчаянии, — я был создан затем, чтобы быть кругом виноватым? Чтобы иметь только вопросы и никаких окончательных ответов? Чтоб низвергнуться в ад, унося в себе стыд, жгущий хуже всякого ада?»

* * *

Посреди этих мыслей, нападающих на душу с жестокостью войска, осаждающего город, был человеку голос. Тот самый голос, который когда-то в саду успокоил мятежную душу Августина. «Tolle, lege». «Бери, читай». Человек открыл книгу и прочел: *Ибо всех заключил*

Бог в непослушание, чтобы всех помиловать (Рим. 11, 32).

Не высокое небо Италии, но низкий крашеный потолок был над головой читавшего человека. Однако он смотрел в него так же, как когда-то смотрел в небеса уроженец Африки, приехавший на Аппенины в поисках знаний. Живой водой Писаний прохлаждает Господь воспаленные и запутавшиеся души. Человек опустил глаза в книгу и дочитал главу до конца:

Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.

О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь (Рим. 11, 32 — 36).

«НИКТО» ИЛИ «НЕКТО»?

«Общее» и «частное», «идеальное» и «реальное» являются противоречиями только в области абстрактной мысли. Реальная жизнь способна стирать противоречия и переплавлять сложное многообразие в не менее сложное единство. «Кто я в Церкви? Никто — или некто?» Попробуем поговорить об этом.

Армия сильна не только новейшей техникой и мудрыми стратегами. Самое крепкое и самое необходимое армейское звено — это рядовой,

простой солдат, от чьей храбрости и воинского умения зависит боеспособность армии. Он может казаться безликим, этот один из многих, чью могилу после кровопролитных боев так и называют — могила неизвестного солдата. Но он не безлик. Он — личность, и ее не скроют ни скромные погоны, ни стандартная форменная одежда.

Разговор об армии нам нужен как затравка. От этой темы легче всего перейти к разговору о Церкви. Начиная с апостола Павла, который призывал христиан к духовной битве и виды духовного оружия сравнивал с оружием римских солдат, и Климента Римского, который Церковь уподоблял стройным и дисциплинированным воинским порядкам, и до наших дней — о Церкви удобно говорить как о войске. Она, конечно, не только войско. Она и Невеста Жениха, и Лоза от святого Корня, и Тело Христово, и паства словесных овец. Но всё же она и войско. И как армия сильна рядовыми, так Церковь сильна прихожанами. Их много, и всех их невозможно знать в лицо. Мы обязаны знать только первых среди народа Божия, обязаны знать имена и лица предстоятелей. Но Бог, Который *исчисляет количество звезд; всех их называет именами их* (Пс. 146, 4), без сомнения, знает в лицо и по имени всех бесчисленных прихожан Своей Церкви.

Без народа священник никто. Это генерал без армии, генерал, чьи лампасы, ордена и звезды на погонах выглядят как насмешка, когда некому исполнять его приказы. Священник — не монах, не отшельник, и если он никого за собой не ведет, никого ничему не учит, не пред-

стательствует в молитвах собранных вместе христиан, то он бессилен и бесполезен. Даже литургию один, без богомольцев, он служить не может. Это тот один, который в поле не воин.

Но прихожане без священника тоже никто. Это люди, похожие на тех, которых жалел Христос, люди, рассеянные, как овцы без пастыря. Некому крестить и миропомазывать новорожденных, некому напутствовать умирающих, некому благословлять вступающих в брак, некому ходатайствовать перед Богом и приносить Бескровную Жертву. Им непременно нужно встретиться, священнику и прихожанам, чтобы стать самими собой, и в этом обретении себя найти и смысл жизни, и Христову силу.

Человек не способен оценить свой вклад в общее дело. Зеркало, в которое он смотрится, почти всегда оказывается кривым. То он видит себя великаном, способным на гигантские шаги и могучие действия, то кажется сам себе блохой и все свои действия склонен считать блошиными. И то и другое неправильно. И не мы будем ставить себе оценки на последнем экзамене. Несомненной истиной является то, что без маленького не существует большого, и хотя «одна снежинка — еще не снег», каждая снежинка в отдельности является необходимым мазком художника на холсте с зимним пейзажем.

Какие наши молитвы? Ничего огненного, ничего чудотворного. Но если эти капли собрать в пригоршню, то от жажды уже не умрешь. Приходя в храм «для себя», ради своих нужд и со своими мыслями, ты рискуешь ничего не получить и ни с кем ничем не поделиться. Но прихо-

дя в храм как на общее дело, молясь о больных, путешествующих, о скорбящих, страждущих, о властях и воинстве, ты можешь смело рассчитывать на то, что другие вспомнят о тебе в своих молитвах, и ты будешь помилован чужой любовью. Священник, ежедневно выслушивая людские жалобы и просьбы, может и должен выносить их к прихожанам. «Сегодня, — может сказать батюшка, — я прошу вас помолиться о Петре, муже одной из наших прихожанок, который тяжело болен и ожидает операции». О непутевых детях, хотящих убежать из дома, об удачном устройстве на работу, о начавшихся родах и о сотнях подобных нужд люди могут узнавать от священника с тем, чтобы на богослужении молиться с ним о нуждающихся в помощи. «Мышца Господня не ослабела, и рука Его не сократилась, чтобы спасать», — так говорили пророки. Умоленный единогласными просьбами многих людей, Господь и в наши дни может творить то, что творил во дни древние. В одном из великих прокимнов мы говорим псаломские слова: «Ты еси Бог, творяй чудеса», — а затем говорим: «Сказал еси в людех силу Твою». Единый Чудотворец и сегодня может в нас, людях, сказать, то есть проявить силу Свою, если только многие капли сольются в ручьи и многие ручьи стекутся в реки молитвенных просьб.

Я не хочу умалить личную, тайную, частную молитву человека. Этот разговор устами к устам, сладость которого известна многим, нельзя унижать. Но думается мне, что образ жизни наших прихожан кое в чем напоминает

устав отшельников. Шесть дней в неделю эти люди жили вдали друг от друга со своими вопросами, болезнями, воплями и воздыханиями. Кто что ел, кто сколько спал, кто как молился — было тайной их и Бога. В воскресный день они собирались в церковь, чтобы помолиться вместе, причаститься, затем разделить трапезу и, утешенными общением, уйти на место своего уединения. Так и мы шесть дней копошимся, суетимся, мучимся, грешим, раздражаемся. Затем приползаем на исповедь, каемся, причащаемся и опять разбредаемся до следующего воскресенья или праздника. Режим нашего хождения в церковь формально похож на отшельнический. А ведь нам, живущим в миру, этого очень мало. Нам нельзя жить для себя, собой и в себе, только раз в неделю собираясь вместе. Нужно учиться жить для других, с другими и ради других, и даже в совместных молитвах вникать в чужие нужды и ходатайствовать перед Богом о них.

В поле внимания людей, причащающихся от одной Чаши, должны попадать и житейские нужды друг друга. Как наши молитвы поодиночке большей частью являются слабым шепотом, а собранные вместе превращаются в чудную и полнозвучную Херувимскую, так и наши копейки, брошенные в кружку, сами по себе малы и скудны, но собранные вместе, могут быть достаточны для многих добрых дел. Священник в отдельности или прихожанин в отдельности от других может помочь ближнему очень ограниченно. Силы и возможности умножаются на сто, когда люди собираются вместе ради обще-

го доброго дела. Любой приход в силах помочь лекарствами, или деньгами на учебу детям, или на покрытие коммунальных долгов кому-то из прихожан в случае острой необходимости.

По сути, священнику нужно превратить приход в семью, в органическое единство людей, которые молятся друг о друге и участвуют в нуждах друг друга. «Кому помочь?», «О ком помолиться?» — должны быть постоянными вопросами, звучащими в храме среди прихожан. И жизнь, поверьте, не даст прожить ни одной недели без конкретного ответа на этот вопрос.

Каждый из нас приходит в храм сам, в разное время, после разных жизненных событий. Кто от прочитанной книги, кто от душевной боли, кто по совету друга, кто за руку с мамой. Поначалу церковная жизнь является для нас «личным делом», маленькой тайной, чем-то очень интимным, чем не с каждым поделишься. Но это церковная жизнь в ее тайном внутриутробном состоянии. Она зачаточна. Она уже есть, но еще не дышит своими легкими. Лишь тогда, когда приход станет семьей, священник — отцом, а воскресная литургия — главным событием недели, можно будет говорить о нашей церковности как о родившемся ребенке.

Нам предстоит расширить свое сердце и вобрать в него нужды многих людей. Нам предстоит стать братом и сестрой для десятков братьев и сестер, стоящих рядом, и тысяч братьев и сестер, которых мы не видим, но которые составляют благодаря Церкви одну семью. Нам предстоит заслужить и получить высокое

имя — прихожанин. Оно не такое простое и маловажное. Оно такое же славное, как звание гвардии рядового у крепкого мужичка, прошедшего всю войну и звенящего на ходу дюжиной медалей.

МАННА

«Отцы наши ели манну в пустыне», — говорили Христу иудеи, требуя от Него подобного знамения. В пустыне за сорок лет Господь явил много чудес. Народ побеждал многочисленных врагов силою оружия (а ведь это были не воины, а пастушеский народ, прошедший через горнило многовекового рабства). Они пили воду из камня; их жалили змеи, от чьих укусов нужно было исцеляться, глядя на медное изваяние змеи. Было много и других событий, чудесных и уникальных, но именно о манне, и больше ни о каком другом из тех чудес, говорили Христу иудеи (см. Ин. 6, 31).

Вся шестая глава Евангелия от Иоанна посвящена теме небесного хлеба. Этот «хлеб, сшедший с небес», «хлеб живой», «хлеб Божий» есть Плоть и Кровь Иисуса Христа. Нужно вчитаться во всю эту главу и еще более вжиться в Церковь, которая есть Тело Христово, чтобы понять: вопрос о Таинстве Причащения — один из немногих, вбирающих в себя христианство целиком. Именно в связи с Евхаристией, как пророчество о Ней и как указание на Нее, может быть по-настоящему важна и интересна история с манной.

* * *

Само слово «манна» означает вопрос. Впервые увидев нечто мелкое, круповидное, *как иней на земле*, сыны Израилевы говорили друг другу: что́ это? Ибо не знали, что́ это (Исх. 16, 14–15). Вопрос «что это?» звучит примерно как «манна». Природа этой пищи неизвестна и собственного имени у нее, по сути, нет. Это — чудо и неизглаголанная тайна, т.е. тайна, не могущая вместиться в слове.

Именно такой тайной является и Причащение. Оно не скрывается и не утаивается от людей. Напротив, как и «та» манна, Святое Причастие преподается верующим. Но вот природа этого явления, по слову Амвросия Медиоланского, «Божественным прикровена кровом». Отцы Церкви, говоря о Причастии, отвечали на вопрос «что?», но страхом Божиим удерживались от рассуждений на вопрос «как?». «Духом Святым», — говорили они желающим узнать механизм преложения, и этого ответа должно быть довольно.

Ведь и меньшие чудеса ускользают от нашего пытливого разума. Превращение обычной пищи в нашу плоть и кровь тоже чудесно. Оно может быть описано с использованием множества биологических терминов, таких как «ферменты», «белки», «углеводы», но природа этого процесса сохранит как чудесность, так и божественное происхождение. При всей нынешней осведомленности о внутриутробной жизни плода честный и неглупый доктор и сегодня подпишется под словами Соломона: *Как ты не знаешь... как* **образуются** *кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все* (Еккл. 11, 5).

* * *

Манна не падала с неба. *Когда роса сходила на стан ночью, тогда сходила на него и манна* (Числ. 11, 9). Роса не падает в виде дождя, но появляется при перепаде температур. Так и манна называется небесной по причине Божественного происхождения, но не из-за видимого схождения с небес. Наши земные дары на Литургии — хлеб и вино — также не перемещаются в пространстве, но на них призывается Вседейственный и Всемогущий Дух Божий, осенением Которого совершается Таинство.

* * *

Книга Исход говорит, что вкус манны был подобен вкусу лепешки с медом. Вкус меда мог напоминать о свойствах земли, в которую шли евреи. Ведь об этой земле сказано, что она «течет молоком и медом». То есть пища странствия вполне соответствует свойствам будущей жизни. Это относится и к Евхаристии. Радость и благодать, свойственные Литургии, — это некие крохи, падающие с небесного стола. По вкусу этих крох можно составить представление о наслаждениях настоящего пиршества.

Книга же Чисел говорит о вкусе лепешки с елеем. Вполне возможно, что манна меняла вкус, приспосабливаясь к каждому едоку. Ведь и другие свойства манны говорят о ее «живом» характере. Так, например, *у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка* (Исх. 16, 18). Манну собирали вдвое больше накануне субботы, тогда как собранная больше обычного в другой день она

червивела. Это был, в полной мере, хлеб насущный, о котором молятся христиане, то есть хлеб на каждый день (см. Лк. 11, 3). Этим хлебом нельзя запастись, для него нет специальных амбаров. О нем нужно молиться каждый день, каждый раз заново.

* * *

Причастие таинственно врачует человеческое естество. Оно принимается, как было сказано Христом на Тайной Вечери, «во оставление грехов». Механизм, как всегда, нам не понятен, но плоды Причащения ощутимы. Стоит признаться, что мы не знаем себя до конца. Сами для себя мы являемся, быть может, самой большой загадкой. Не знаем мы и своей греховности. Часть совершенных грехов осознается как грех и помнится нами. Но это малая часть. Многое ускользает от сознания или забывается. Еще большим мраком покрыты внутренние, во глубине сердца сокрытые беззакония. Эти, возможно, не актуализированные через поступок грехи составляют главную «порчу» человека и опасность для него. Христос в Причащении, как некогда в схождении во ад после смерти на Кресте, сходит в жуткую глубину человеческого сердца и совершает его (сердца) исцеление. Это — тончайшая работа искусного врача. Хирургия глаза в сравнении с этой работой покажется рубкой дров.

Больное грехами сердце исцеляется не вдруг, но постепенно, и необходимость в небесном хлебе не отпадает после его однократного вкушения.

* * *

Путешествие по пустыне представляет собой величественную картину, во многих чертах схожую с жизнью верующего человека. Это — длинный и опасный путь, как струна натянутый между землей рабства и землей свободы. Первая — Египет — образ греховной жизни. Вторая — Палестина, Земля Обетованная — образ спасения во Христе и вселения в вечные обители. Переход через Красное море — Крещение, питание манной — Причащение. Питание привязано к путешествию. *Манна перестала падать на другой день после того, как они стали есть произведения земли, и не было более манны у сынов Израилевых* (Нав. 5, 12). Итак, израильтяне уже не ели необычную пищу, поселившись в Палестине. Только золотой сосуд, хранимый в ковчеге завета, имел в себе, среди прочих святынь, некоторое количество манны, взятой на память о прошлых чудесах. Видеть этот сосуд евреи не могли. Там, где он был, во Святая Святых, появляться мог только один человек — первосвященник, да и то лишь раз в году. А что же мы? Питаясь на земле благодатными дарами Христа, будем ли мы лишены их в вечности?

Писание говорит, что нет. В Откровении говорится, что побеждающему будет дана манна сокровенная (см. Откр. 2, 17), в противоположность, возможно, «той» манне, которая была явной для всех.

Человек и в Раю должен будет питаться, хотя и не так, как сейчас. Ничем не питаться означает быть самодостаточным и иметь жизнь в

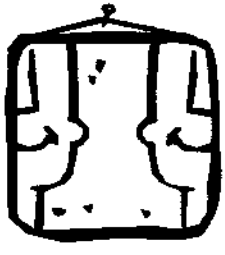
себе. Никто из сотворенных существ таким не является. Ангельский мир питается благодатью или, как можно сказать после Григория Паламы, Божественными энергиями. Человек совмещает в себе свойства и ангела, и животного. Как животному ему сегодня нужна земная пища. Но, как духовному существу, ему всегда была и будет нужна пища духовная, так как *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Нужда в духовной пище подтверждает духовное родство человека с ангельским миром. И о манне в Псалмах сказано: *И одождил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им. Хлеб Ангельский ел человек* (Пс. 77, 24 — 25).

Святые Тайны Христовы являются истинным Ангельским хлебом, поскольку это хлеб одновременно и земной, и благодатный. Он двояко питает двусоставного человека, питает и его тело, и его душу.

Как планеты Солнечной системы вращаются вокруг Солнца, так жизнь Церкви вращается вокруг евхаристической Чаши. Эта пища дает нам возможность не умереть от специфического голода здесь, в пустыне временной жизни. Она же, эта пища, готовит нас к жизни будущей и еще на земле делает причастниками дара небесного и сил будущего века (см. Евр. 6, 4 — 5).

Во всё время странствования, как заповедь, должны звучать в сердцах христиан слова Спасителя: *Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий* (Ин. 6, 27).

НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ



О ЖЕСТОКОСТИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Ветхий Завет правдиво жесток; жесток, как сама жизнь. Человек, открывший Библию с мыслью о том, что это книга любви, может с содроганием закрыть ее, столкнувшись с некоторыми картинами Ветхого Завета. Бог казнит грешников, над согрешившими праведниками изощренно издеваются враги. Сами праведники, одержав победу, ведут себя так свирепо, что возникает соблазн усомниться в их праведности. Что всё это значит?

* * *

Во-первых, спросим себя: откуда это недоумение и нравственное отторжение от жестокости?

Оно от Благой Вести, просочившейся в наше сознание. Сегодняшний человек, даже если он не верует, мыслит евангельскими категориями. Нам жалко побежденных и проигравших; нам не верится, что честность и богатство совместимы; женщина в наших глазах имеет равное достоинство с мужчиной. Всё это и многое другое в нашем мировоззрении от Евангелия. Христос действительно изменил мир. Не прибегая к заговорам, мятежам, революциям, Христос овладел самой неприступной крепостью — человеческим сердцем. И покорившийся благодати человек стал мыслить небесными категориями. Вот почему нам диким кажется то, что древнему человеку казалось естественным. «Умыть руки в крови грешника» — это даже для Псалтири не является исключением. Ветхий

человек, тот, который изнутри не перерожден и снаружи не взнуздан соответственным воспитанием, он и сегодня радостно пляшет над трупом убитого врага. Для него, как для Чингиз-хана, формула счастья совпадает со спинами убегающих врагов и заревом от их горящих жилищ. Мы от подобных зрелищ морщимся и отворачиваемся. Жаль только, очень многие доброту и сострадание называют признаками цивилизованности. Дескать, давайте вести себя, как «цивилизованные» люди. Но это не от цивилизации. Вернее, не от любой цивилизации, а от той, что выросла из Страстной Пятницы, когда миллионы людей в тысячах храмов смотрят на распятого Страдальца и слышат Его молитву: *Отче, прости им, не ведают бо, что творят!*

Чтобы каждая девушка и женщина, к примеру, была благодарна Христу и чтобы если не исчезли, то хоть поутихли разговоры о «закабаленной» христианством женщине, стоит лишний раз прочесть историю Лота. Точнее, то, как он спасся из Содома. За Лотом были посланы ангелы. Местные развратники захотели «познать» этих новичков, а Лот вступился за них. Спрятав незнакомцев у себя в доме, вот что Лот говорит содомлянам: *Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего* (Быт. 19, 8). Далее было бегство в Сигор, уничтожение города, превращение Лотовой жены в соляной столп. Но нам должны быть интересны и, одно-

временно, страшны слова Аврамова племянника. Дочери ему менее важны, чем гости. В этом эпизоде — весь древний человек. У него другая шкала ценностей, другие ориентиры, и я сомневаюсь, что нам эти ценности безоговорочно нравятся.

* * *

Если Библия жестока, то жестока с первых страниц, точнее — с первых шагов по земле человека, изгнанного из Рая. Вспомним первое убийство и, одновременно, братоубийство. Преступление совершается на почве зависти, причем зависти духовной. Ссора вспыхивает из-за вопроса о том, чьи жертвы Богу угоднее. Еще Господь никого не карает и даже не угрожает, а люди сами проливают кровь. Их совсем мало, но им на земле уже тесно. Обвиним в этом Бога? Нет. Обвиним землю нашего сердца, которая стала обильно плодить колючий сорняк различных страстей. Бог же поступает на удивление милостиво. Он не казнит смертью Каина, и потом, когда каиниты научились делать оружие из металлов, завели у себя многоженство, одним словом, освоились на земле изгнания и о Небе забыли, Господь терпит их, терпит вплоть до самого Потопа.

* * *

Бог, через Евангелие познанный нами как Любовь, не изменяется. Он не «стал» любовью в Новом Завете. Он был и есть Любовь всегда. Но это любовь зрячая, требовательная к человеку и не сентиментальная. Ради пользы люби-

мого Любовь может наказывать. Толерантным и нетребовательным часто бывает безразличие. Этого о Господе по отношению к нам сказать нельзя.

* * *

Писание можно условно разделить на законодательные, учительные, исторические и пророческие книги. Какие из этих книг могут показаться особенно жестокими?

Книги законодательные и учительные не столько жестоки, сколько строги. Синайский закон провозглашает «не убий». Но он же перечисляет определенные случаи необходимого применения смертной казни. Так, например, возмездию через убийство должны быть подвержены богохульники, чародеи, мужеложники, скотоложники, люди, грешащие против родителей. Одни грехи представляют нравственную заразу для общества и должны караться смертью ради общего блага так, как прижигаются огнем опасные язвы. Другие грехи выводят человека за рамки человеческого достоинства, делают его хуже бессловесного скота. Опустившись ниже человеческого естества, такой человек не вправе требовать к себе гуманного (т.е. человеческого) отношения.

Нужно задуматься, чего здесь больше: жестокости или человеколюбия? Хирургия — довольно кровавая отрасль медицины, но посвящена спасению человека, а не издевательству над ним. Господь не любит страданий и не наслаждается зрелищем казней. Давая повеление жестоко карать неестественный блуд или вол-

шебство, Он преследует высшие цели. Он воспитывает Свой народ так, как отец воспитывает своего сына. Его милость не простирается до безнаказанности, и именно так Соломон учит нас воспитывать своих сыновей. Можно не сомневаться: без суровых мер и длительной педагогики Израиль не был бы способен произвести на свет Чистейшую и Непорочную Деву.

* * *

Самыми изобилующими сценами насилия и жестокости являются книги исторические. Это — сама правда, рассмотренная в упор, и оттого беспощадная. Вообще-то человечеству, пережившему 20-й век, не стоит слишком пафосно рассуждать о проблемах жестокости и милосердия. Минувшее столетие показало если не последнюю глубину человеческого растления, то все же беспримерное извращение ума и сердца. Механистически мыслящий, рациональный, эгоистичный человек поставил вопрос убийства на конвейер. Человек, для издевательства над человеком же, придумал теории и наплел кружева казуистики. А теперь, когда печи крематориев погасли, но еще не успели остыть, мы склонны делать вид, что «это не повторится», и предъявлять Богу упреки в жестокости.

Библия написана о нас. На примере одних людей она говорит обо всех людях, и к этому свидетельству нужно прислушаться. Люди, оказывается, способны есть во время голода собственных детей. Способны в погоне за властью идти на убийство отца и братьев. Достиг-

нув власти, люди способны становиться ненасытными, подобно аду, и отбирать последний клочок поля, последнюю овечку у бедняка. Об этом говорят книги Царств и Паралипоменон, истории Авессалома, Иезавели и многих других. Точные копии подобных злодеяний хранятся в летописях любой древней цивилизации. Информационные сводки свежих газет тоже об этом. Всё это — симптоматика нашей общей болезни, спасти от которой людей пришел Христос. Всё, что нам надо, — это поменять угол зрения или точку обзора, с которой мы смотрим на Писание. На него нельзя смотреть снаружи или сверху вниз. При помощи Писания нужно смотреть себе внутрь. И тогда становится понятным: внутренний распад личности под действием греха высвобождает энергию, сопоставимую с неуправляемой ядерной реакцией. Из царя над миром человек превращается в отвратительную язву на теле мира, он саморазрушается и уничтожает всё вокруг себя. Библия лишь описывает процесс распада и его последствия, и упрекать ее за это неразумно.

* * *

Новый Завет отличается от Ветхого так, как залитый солнцем полдень отличается от ночи с ее бледным лунным светом. Но одна новозаветная книга всё же выглядит суровее многих ветхозаветных. Это — Апокалипсис Иоанна Богослова. Древние пророки, такие как Исайя, в грядущем видели мечи, перекованные на серпы; льва, покоящегося рядом с ягненком, и мир

людей, полный Богопознания, как океан полон водою. «Отбеже болезнь, печаль и воздыхание» — эти пророческие слова мы произносим часто и связываем их с царством Христа. А вот апостол Любви, на контрасте со всем остальным, что написано его рукою, своим Откровением может внушить нам ужас. Судьбы мира, открытые ему и запечатленные в самой таинственной библейской книге, местами кошмарны. И всё потому, что Библия — книга правды, и писали Божии люди не то, что хотели, а то, что открывал Господь.

И Господь открыл, что развращение людей будет велико и невообразимо. Открыл, что из недр человечества, как самый горький плод общих грехов и беззаконий, родится антихрист — вместилище всякой скверны и человек греха. Это будет закономерный итог **всечеловеческой** греховной жизни. Как Богородица явилась лучшим цветком всечеловеческого древа, так антихрист станем плодом и итогом безбожной жизни многих, очень многих. Та часть человечества, которую он возглавит, потеряет не только вечную жизнь, но и право на нормальную жизнь земную. Земля откажется кормить такого человека. Небо не захочет смотреть на него. Конечные судьбы мира, решившегося жить без Бога, будут ужасны. И не Бог тому виной.

* * *

Беда в том, что человек, ставший на скользкие пути, как правило, уже с них не сходит. Оттого и Господь сказал о строителях Вавилон-

ской башни: *Не отстанут они от того, что начали делать* (см. Быт. 11, 6). Если кому-то хочется обвинить Создателя в жестокости, то вся жестокость Его в том, что Он вмешивается в историю и разрушает Вавилонские башни.

ПОСЛЕДНИЙ ОБМАНЩИК

Ложь страшна тем, что умеет накапливаться. Накапливаясь, она становится большой, и со временем ее в мире станет столько, что станет возможным появление **сына лжи и человека греха** — антихриста. Когда он родится, получится, что мы все — люди — его родим благодаря накоплению наших общих беззаконий в «Банк оф диавол».

* * *

Дева Мария не могла родиться сразу после грехопадения. Нужны были человечеству долгие столетия **упражнения в праведности**. Затем, после этой длительной «духовной селекции», из избранного семени выросло дерево. Его сухие ветки отрезались, а его корень окапывался и удобрялся, пока не появился долгожданный цветок — Отроковица Мариам. Это — высший плод человечества и преддверие Богочеловечества.

* * *

Подобный механизм будет действовать (только в обратную сторону) и в отношении обманщика, лжехриста. Его появлению долж-

но предшествовать многовековое **упражнение в нечестии**. Он будет худшим плодом человечества и воплощенным демоноподобием, на которое люди способны.

* * *

Почему евреи не узнали и не признали Христа? По той же причине, по которой христиане не узна́ют антихриста. А ведь в основной массе своей не узна́ют! Клюнут на его дешевые чудеса и сладкую риторику.

Христа нужно было познавать «по Духу святыни». Его же пытались познать по шкале заранее известных внешних признаков: «чей сын?», «где родится?», «что должен сделать?» и так далее.

Антихрист тоже узнается не по чертам лица. У него не будет ни клыков, ни когтей на пальцах, серный запах не будет следовать за ним, три шестерки вряд ли будут красоваться в виде печати на его лбу. Но это будет сосуд диавола, а его назовут вначале «миротворцем», а затем, не к месту цитируя Евангелие, и «сыном Божьим» (см. Мф. 5, 9).

* * *

Он должен будет совместить в себе несколько господствующих черт. Обязательно властолюбие. Непомерное, страшное, такое, которое даже не раздумывает, поклониться или нет диаволу, если предложат «все царствия мира во мгновение ока». Он поклонится тотчас, с замиранием сердца и с чувством, что именно для этого часа он родился. Таких всегда хватало, но

то еще не был их час. О Нероне говорили, что это — «человек без добродетелей». Этот с радостью бы согласился, но... Последний обманщик будет орешком покрепче Нерона. Он не будет так открыто, так цинично развратен. Он, конечно, будет страшно развратен, но при этом с помощью лицемерия будет любим и теми, кто любит пост и хвалит целомудрие.

* * *

Это не будет глупец, путающий имена и даты и с ошибками цитирующий классиков. У него будет поразительная память и редкий вкус. Он будет похож на Наполеона, возившего с собой в походы библиотеку и читавшего на привалах Гомера. Ни бессовестности, ни похотей, ни гордости самих по себе не хватит. Нужно будет подобие благородства, **тонкая имитация царских кровей.** (Плебеи так любят изящные манеры!) Нужно будет долгое элитное воспитание в закрытом заведении, а затем — пародия на «явление народу» и «выход на служение».

* * *

Наполеон лучше Нерона. Нерона презирали и боялись. Наполеона любили. Даже враги его уважали. Но у «последнего обманщика», в идеале, не должно быть врагов. Признаваться ему в любви должны будут все. Те, кто откажется, будут выглядеть «врагами рода человеческого». Это будут немногочисленные группы христиан, которых, как и на заре христианской эры, опять обвинят во всех грехах, а главное, в непослушании всемирному госу-

дарству. Первые века оживут без экранизаций. Дай Бог, чтоб ожили и по части верности Христу, а не только по части гонений на Христа и Церковь.

* * *

Небольшая часть евреев тоже откажется назвать этого персонажа «мессией». Они поймут одним только им известным способом, что это — воплощенная ложь. Эти евреи будут «остатком», о котором говорили пророки. Они вспомнят о Сладчайшем Иисусе, Которого отвергли их отцы, и зарыдают о Нем, «как о первенце», и тогда по-настоящему обратятся к Богу отцов. «Остаток» христиан и «остаток» евреев составят последний взнос в общемировую копилку избранных Божиих.

Чем ближе эти дни, тем меньше поводов ругать евреев за их тогдашнее отступление и противление.

* * *

Процессы в мире должны будут стать глобальными. Единая валюта, единые законы, одна идеология «всемирного царства». Технический прогресс, как раб, будет обслуживать интересы обезбоженного человечества и его стремления. Антихристу будут, как воздух, нужны информационные технологии. Любая война невозможна без солдат. Но современные войны невозможны без технологии «промывки мозгов», без связи, без инженерных разработок. Царство Лжеца будет сверхтехнологичным Царством. В режиме он-лайн на

всех континентах антихрист будет воцаряться, короноваться, принимать поздравления, творить ложные чудеса. Если сегодня весь мир пристально следит за одним событием, будь то Олимпиада, или выборы в США, или полет в космос, то это всего лишь телерепетиции будущих «всемирно важных» событий.

* * *

Что у нас есть, чтобы бороться? Есть Литургия и больше, кажется, нет ничего. Во всяком случае, всё, что есть, связано с Литургией. Таинство Тела и Крови, проповедь, взаимопомощь, устремление в будущий век и желание с ним, а не с призрачным земным счастьем связать свою надежду. Это единственный действенный фронт борьбы. Очевидно, придется ждать подделок и обманов и на этом фронте. Расколы и ереси будут множиться. Те, кому безразлично, у кого причащаться, уже уловлены. Это — дрова для костра антихриста. Церковь будет всё более литургична, чем жарче будет дышать дьявол в затылок верующим.

* * *

Наш мелкий разврат, наша нечистая любовь к политическим деятелям, наше желание иметь всё, но работать, не проливая пота, — всё это, и многое другое, вписывается в грядущую систему как нельзя лучше.

Не надо говорить о кодах. Это разговоры о симптомах, а не о корнях болезни. Не надо бояться техники. При служении Христу она

облегчает жизнь и является благословением. Только без Христа она становится проклятием и дорожкой к воцарению греховного миропорядка. Возможно, лукавому хочется, чтобы мы разменялись на мелочи и спорили о деталях, то есть «процеживали комаров» и «проглатывали верблюдов». Тогда получится, что всякий человек христианского исповедания, шумящий вокруг вещей второстепенных, будет духовный сын древних богоубийц. Они ведь тоже были искусны в спорах о мелочах и, вместе с тем, не замечали того, что кричат «распни» Единому Безгрешному.

* * *

Весь XX век был генеральной репетицией последнего акта всечеловеческой драмы. XX век нужно изучать пристально.

Любое техническое изобретение, любая социальная инициатива вписываются в общий план. (Поймем: сей план — всеобщий.) И абстрактное добро, без принесения его в жертву Богу, и сентиментальные слезки над чужой бедой никого не спасут.

Кто не чувствует, что живет во времена сбывающихся пророчеств, в том нет Христа.

Кто видит вокруг признаки Великой Жатвы, но мечется и суетится, тот опасен и для себя, и для других.

Всё понимать, но никуда не дергаться, отдаться Богу и полюбить молитву — самое важное. Диавол захочет «сеять нас, как пшеницу», и лучше всех поддадутся «лукавому сеянию» суетливые братья и сестры.

* * *

Блуд погашает духовные силы в человеке. Если бы не блуд, человек был бы способен сделать в сотни раз больше хороших поступков. А так блуд пожирает энергию и оставляет стыд и угрызение совести, плюс — нежелание жить. Блуд нужен диаволу. Без глубокого погружения в блуд антихристу не прийти.

* * *

Обилие земных занятий опасно человеку. Если перед Потопом люди «ели, пили, женились, выходили замуж», то во дни Содома к традиционному набору из еды, питья и родовой деятельности добавились такие понятия, как *покупали, продавали, садили, строили* (см. Лк. 17, 26—30). Посреди вещественной деятельности так легко позабыть о существовании Небесного Царства. Что такое вся наша сверхсложная цивилизация, как не мутная вода, в которой лукавому удобно ловить бесценные души?

Лукавый — изрядный поборник цивилизации. Ведь без глобальной цивилизации антихристу не прийти и человечеству не вскиснуть в одно большое лукавое тесто.

* * *

Есть в каждом из нас нечто сухое, то, что составляет пищу для вечного огня. И есть нечто влажное, то, что не дает гореть. Градус жизни повышается. Князю мира сего угодно, чтобы мы подсохли и затем вспыхнули, как спички,

как много спичек. Нам следует хорошенько промокнуть, стать недоступными для геенского жара. Тем более что и Жизнь вечная для нас начиналась в воде Крещения, и Христос для нас есть Большая Рыба (Ихфис), как говорил Тертуллиан и другие отцы.

* * *

На земле Царства Божьего не будет. Никогда. Сама **земля и все дела на ней сгорят.** Будет дальнейшее сползание во тьму и *утончение* борьбы между Царством Христа и грядущим царством антихриста до ювелирного уровня.

Но бояться не стоит. Пока в церкви возглашают «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа», а вы при этом стоите среди молящихся, то лично вам нельзя страшиться и ужасаться. Лично вы, как раз, держитесь за крепкую руку Божию и должны ощущать себя комфортно, как дитя на руках у мамы.

«КЕСАРЮ — КЕСАРЕВО, А БОЖИЕ — БОГУ...»

Одним из лучших доказательств Божественности Личности Иисуса Христа являются Его чудные диалоги с недоброжелателями, с теми, кто пытался уловить Спасителя в слове. Когда Христу предлагались вопросы, на которые требовались ответы типа «да» или «нет», когда при любом ответе Он должен был попасть в уже готовую ловушку, Христос поистине Божествен-

но, как птица, в Своих ответах взмывал вверх и оставался неуязвленным.

«Позволено ли давать кесарю подать?» — вопрос поистине убийственный. Ведь если сказать «да», то получится, что Иисус признает ненавистную власть язычников, что Он — соглашатель, коллаборационист. Полицаев, янычар, изменников презирают всегда гораздо больше, чем природных врагов. Тогда безудержная ярость зилотов справедливо должна обрушиться на Христа. О том, какова эта ярость, говорит история убиения Стефана, да и характер Савла (будущего Павла) до его обращения.

Но если сказать «нет», то опасность не исчезнет. Она даже может усугубиться. Когда Пилат склонялся к тому, чтобы отпустить Христа, чаша его сомнений была перевешена криком: «Всякий, противящийся кесарю, — враг кесарев». Формально Господа перед лицом Пилата осудили в присвоении царского достоинства, а царь тогда был один — император Рима. Поэтому сказать: «не давайте кесарю подать» означает выставить себя бунтовщиком, противником царской власти. Хитрые враги Иисусовы не преминули бы этим воспользоваться.

Что делать? Как спастись от столь искусно расставленных сетей? Человеку это невозможно, но не Богу. Христос берет у вопрошавших монету и спрашивает, чей на монете образ и написание. Дальнейшее известно даже тем, кто редко читает Библию. Услышав ответ — «кесарев», Господь повелевает отдавать кесарево — кесарю, а Божие — Богу. У врагов нет причин

хвататься за камни и нет причин спешить к римлянам с доносом. Жало вырвано так искусно, как великий хирург делает сложнейшую операцию. **Такие** ответы на **такие** вопросы — это дело не человеческое. Это, с одной стороны, поистине бесовская злоба и коварство, а с другой — Божественная премудрость.

* * *

Или случай с женщиной, пойманной в прелюбодеянии. Моисей повелел побивать таких камнями. Но Христос везде и всегда говорил о прощении, о снисхождении. Что Он скажет в этот раз?

Будет ли Он верен духу Своего учения или согласится со строгостью Закона? Скажет: «бейте», и тогда умолкнет проповедь о любви. Скажет: «пощадите», и тогда воздух огласится криками: «Он враг Закона!», «Он против Моисеевых заповедей!»

Христос склоняется к земле и пишет перстом по песку. Он ничего не писал — Сын Божий. Книг, написанных Его рукой, нет, да и те слова на песке развеял ветер. Но ветер не развеял слова, которые Он произнес: ***кто из вас без греха, первый брось на нее камень*** (Ин. 8, 7). Затем происходит нечто удивительное. В Писании впервые появляется привычное для нас и вовсе неизвестное древним евреям слово — совесть. Обличаемые совестью, люди уходят, начиная с самых старших. Совесть — это термин, возникший в среде стоиков. Она была и у иудеев, ведь не может не иметь совести народ, вслед за Давидом повторявший:

беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною (Пс. 50, 5). Не было специального слова. И вот оно появилось. Мы без него уже не мыслим своей жизни. Это значит, что за пределами богоизбранного народа не начиналась бездуховная пустыня. Язычники тоже совершали, как могли, свой внутренний труд, познавали себя и искали Бога. Это опять-таки значит, что Господь не дает иногда ответы категорично. Из системы координат «вправо — влево» Он показывает путь **наверх** и учит нас туда обращать свой взор.

Мы часто взываем к чужой совести и редко бываем услышаны. Иногда даже думаем, а есть ли она — совесть — у тех, кто нас не слышит. Но вот Христос спрашивает далеко не самых совестливых представителей израильского народа, и ответ не замедляет явиться. Видно, мы не так спрашиваем, да у самих нас с совестью есть проблемы...

* * *

Эти Божественные ответы на бесовское коварство (не будем сомневаться, что диавол шептал эти козни на ухо людям) подтверждают добровольность Христового страдания. Не поймали бы ни за что, не схватили бы никогда, если бы Сам, Премудрый и Многомилостивый, не отдал им Себя в руки. Он и ученикам говорил не готовиться заранее и не переживать, как или что говорить на различных судилищах перед лицом гонителей. *Святый Дух научит вас в тот час, что́ до́лжно говорить* (Лк. 12, 12).

Все чудеса Христовы тихи и человеколюбивы. Ничего напоказ, ничего для славы человеческой.

А эти кроткие ответы, как лезвие рассекавшие разброшенные сети, быть может, являются чудом из чудес и, для **имеющих глаза, чтобы видеть,** лучшим доказательством Божественности Иисуса Христа.

СЛУЧАЙ В БАКАЛЕЙНОЙ ЛАВКЕ

Эту историю я слышал давно от священника, которого уже нет в живых. Но верьте, «совесть в том порукой», я ничего не добавлю от себя к этой словесной картинке, кроме разве что рамки. Не прикалывать же картинку канцелярской кнопкой к дверному косяку. Пусть висит, как положено, в рамке.

* * *

Дело было в Польше между Первой и Второй мировыми войнами. Если конкретнее — в Восточной Польше, той, что до операции «Висла» была плотно заселена украинцами. Еще бациллы социализма, национализма и атеизма не разложили народную душу. Еще в каждом селе была церковь, и через каждые сто километров езды в любом направлении можно было приехать к воротам монашеской обители.

В городках торговлю вели евреи. Даже сегодня (сам видел), когда с домов в западных городках сползают под действием дождя и снега поздние слои побелок и штукатурок, со-

ветских и самостийных, на стенах проявляются таинственные еврейские письмена. Это не каббалистические знаки. Это внешняя реклама и магазинные вывески, написанные на языке идиш, буквами которого Бог даровал людям «мицвот», т.е. заповеди. «Только у нас лучшие ткани», «Арон Верник и сыновья», «Самое вкусное масло». Всё это было написано на польском и еврейском языках. Не берусь судить о качестве продуктов и мануфактуры, продававшихся в еврейских лавках, но краски, которыми были расписаны стены, намного лучше сегодняшних.

История, которую я хочу пересказать, напрямую касается двух этнорелигиозных групп довоенной Польши, украинцев и евреев. И тех и других в Польше было очень много. И тех и других поляки очень недолюбливали. Поверьте, я выразился крайне сдержанно.

Главный герой нашей истории, он же и первый ее рассказчик, был послушником в одном из православных монастырей. Это был крепкий молодой парень, ходивший в подряснике и скуфейке, однако не принимавший обетов и имевший право в любое время уйти из обители и жениться. Добавлю сразу, что это он со временем и сделал, так как я знал его почтенным протоиереем и отцом семейства. Но в то время в его обязанности входило чтение псалмов на утрени и Часов перед Литургией, а также помощь в хозяйственных делах одному из самых стареньких монахов обители. Подмести в келье, растопить печь, выбить напольный коврик да сбегать раз в неделю в соседскую лавочку за

сахаром и чаем — вот и весь перечень обязанностей нашего одетого в подрясник юноши. Вы, наверное, уже догадались, что соседская лавочка принадлежала еврейскому семейству. Там был и чай, и сахар, а кроме чая и сахара, еще мука, подсолнечное масло, глиняная посуда, скобяные товары, амбарные замки и еще куча всякой всячины. Там же можно было за умеренную плату наточить затупившиеся ножи и ножницы. Хозяином лавочки был старик, имени которого рассказчик нам не поведал. Забыл, должно быть. Но он не забыл, что старик был учтив с покупателями, учтив без всякого льстивого лицемерия, и с особым почтением относился к монахам.

Я и сам видел эту сознательную учтивость. Когда не очень умный гид потащил меня в Иерусалиме к Стене Плача прямо в рясе и с крестом, то старые евреи смотрели на меня очень смиренно и спокойно. Я бы сказал, что смотрели они с пониманием, а некоторые даже... Боюсь зайти в таинственную область. Зато молодые выпучивали и без того выпученные глаза, гневно смотрели на крест и рясу, шумно втягивали сопли из носа в глотку и харкали мне под ноги. Если бы не вездесущие полицейские, несдобровать бы мне. С тех пор, когда читается в Церкви об убиении Стефана, выпученные глаза, сверкающие из-под широких шляп, оживают в моей памяти.

Итак, хозяин лавочки был стар, но у него был сын, и сын был молод. И не старый хозяин, а его молодой сын стоял за прилавком чаще всего. Сынка звали по-нашему Соломон, по-

еврейски Шмуэль, сокращенно — Шмуль. Он был одним из тех людишек, которые способны жить только в двух режимах — загнанного под лавку труса или бессовестного наглеца. В ту пору Шмуль жил во втором режиме.

Этот, по возрасту неумный, а по характеру нехороший человек где-то поверхностно ознакомился с Новым Заветом. Запомнил он из этой Книги только одну фразу. Ту, в которой говорится о подставлении левой щеки после удара в правую. Стоит заметить, что армия туповатых людей, знающих из Евангелия только эту фразу и на основании только этой фразы не верующих во Имя Господа Иисуса, весьма велика. Шмуль завел себе правило: как только увидит нашего послушника в своей лавке, обращаться к нему с одним и тем же вопросом: «А правда, что вы должны после удара в одну щеку подставлять другую?» После этого следовал удар по лицу, не шибко сильный, но обидный. Послушник краснел, терпел, скрепя сердце, покупал необходимое и пулей уносился в монастырь. Так продолжалось довольно долго. Виной тому провинциальная скука. Ведь где найти развлечение стоящему целыми днями у прилавка молодому человеку?

Зато для послушника походы за чаем и сахаром превратились в настоящую пытку. Накануне выходов за покупками он начинал уже заранее то краснеть, то бледнеть, то покрываться испариной. Как ни был стар его духовный отец, от его глаз страдания послушника не скрылись. Старец расспросил подробно юношу о его тревогах, и тот, расплакавшись, облегчил душу

подробной исповедью. В тот вечер они беседовали долго. Что такое рассказывал старый монах молодому послушнику, мы не знаем. Однако следующего похода в лавку послушник ждал с большим трепетом, нежели впоследствии ждал свидания с будущей матушкой. (Так он сам говорил.)

* * *

В урочный день бодрым шагом шел наш герой в лавку, перешагивая лужи и разминая крепкий крестьянский кулак.

Шмуль, как вы уже догадались, был лишен оригинальности. Регулярно терроризируя своего покупателя, он не утруждал себя переделкой сценария. Перед тем, как ударить, он задавал один и тот же вопрос: «А правда, что вы должны..?» и так далее. Но в этот раз представление было сорвано. «Ты читаешь Евангелие? — спросил послушник. — А я читаю Ветхий Завет. Там сказано: „око за око, и зуб за зуб"». С этими словами молодой человек, так и не ставший монахом, но ставший отцом семейства и протоиереем, крепко приложился своим крестьянским кулаком к нахальной физиономии Соломона. Чуда следовало ожидать. Палач превратился в жертву, и режим безнаказанной наглости сменился режимом полуобморочной трусости.

С тех пор Шмуль учтиво кланялся, издалека видя развевающийся на ветру подрясник. Он больше не вплетал религиозные мотивы в рабочие отношения и ограничивался классической формулой «деньги — товар — деньги».

* * *

К чему я это рассказываю? Может, кто-то подумает, что затем, чтобы долить масла в догорающие антисемитские костры. Не дождетесь. Я люблю Богородицу и не могу не любить народ, в котором Она родилась. Так для чего же? Почем мне знать. Разве знает кенарь в клетке или соловей в роще, в чем смысл его пения? Знает ли жаба, зачем она квакает? В одной аггаде, правда, говорится, что знает. Давид однажды помыслил, что больше и лучше всех хвалит Бога. Тогда лягушка заговорила и смирила царя. Она сказала, что больше, чем он, поет во славу Божью. Причем знает множество мелодий, и у каждой есть множество вариантов.

* * *

Но есть, конечно, есть в пересказанной мною истории смысл. Есть, как говорила Алисе королева, «мораль». Не все проблемы нужно решать духовно. Пусть духовные вопросы решаются духовно. Пусть душевные вопросы решаются душевно. Ну а мирские вопросы пусть решаются по-мирски. А то мы склонны всегда надеяться на явное чудо, вот и ставим свечки за негодяев вместо того, чтобы дать им по шее.

Конечно, нужен и старец, чтоб подсказать, где и как поступать. Ведь недаром он с послушником долго разговаривал. Короче, евреи здесь ни при чем, и послушники ни при чем, равно как и довоенная Польша. Все дело в рассудительности, которая есть высшая добродетель.

* * *

Будем считать, что это мое размышление и является рамкой для картинки, нарисованной рассказчиком и живым участником происшествия. Но согласитесь, не прикалывать же картинку канцелярской кнопкой к дверному косяку. Пусть висит в приличной рамке на стене среди фамильных портретов и натюрмортов, купленных на вернисаже.

«КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ? ДАЙ ОТВЕТ!»

Постоянно чего-то хочется, а вместе с тем ничего особенного не надо. Надо, чтобы в доме было тепло, чтобы семья была здорова, чтобы те, кого терпишь с трудом, не приходили в гости. В остальном не знаю, много ли еще надо. Но хочется чего-то постоянно. Например, поехать в Одессу. Погулять в порту, жадно втянуть ноздрями воздух, теряющий с каждым днем частицу неповторимого аромата... Из чего он состоит? Дайте подумать. Из еврейско-молдавского лексикона, из пота, пахнущего рыбой, и рыбы, пахнущей водорослями. Из черных греческих глаз, почему-то светящихся во тьме; из грязи подворотен. Да мало ли еще из чего.

Ну, так бери и езжай. Купи билет и езжай. Через полдня, напившись, как губка, впечатлений, будешь покачиваться на верхней полке, а перед закрытыми глазами будет разбиваться в пену и сверкать миллионом чешуек некрасивое одесское море.

Непонятно, почему и хочу и не еду. В Одессу не нужна виза. Это очень странно, что она не нужна. Тогда и в Израиль не надо визы, и в Америку. По крайней мере, на Брайтон. Можно было бы так и сказать в посольстве самой лукавой и агрессивной державы: «Мне только на Брайтон. Чесс-слово, дальше — ни ногой. Я ведь в Одессу без визы ездил». Это было бы логично. Но я предвижу, каким удивленным и презрительным был бы взгляд работника посольства, скажи я ему такую глупость. И логика здесь ни при чем. Если бы мир был логичен, роль рецепта счастья мог бы исполнять учебник шахматных задач или томик Аристотеля. Мир вовсе не логичен, и я вижу это на своем примере. Какая логика в том, что я хочу в Одессу и не еду?

* * *

Дело ведь не только в Одессе. В мире есть множество мест, где меня не было и где я хотел бы побывать. Туда можно поехать. Это недорого. Можно поехать в Переяславль. Там, говорят, десятки музеев и ни одного завода. Можно поехать в Умань. Там — красивейший парк, построенный польским шляхтичем для своей жены-гречанки. А Миргород, где над чистым листом бумаги мучился Гоголь? А Харьковщина, которую вдоль и поперек исходил Сковорода? А Черновцы, где больше говорят по-румынски, чем по-украински? Вся эта роскошь на карте мира вместилась в пятно, окрашенное одним цветом. Это — одна страна. Возможно, стоит спешить. Нет никаких гарантий,

что карта мира опять не перекроится и не перекрасится. Жили же мы когда-то внутри пятна, занимавшего на карте мира куда большее место. Чего только туда не помещалось в те годы. И улица «пьяного рыцаря» в Таллинне, и озеро Байкал, и самаркандские минареты, и колымские лагеря... Я так и не воспользовался тем географическим богатством. Как клоп за обоями, большую часть тех лет просидел в каменном городишке на западной окраине империи. В городишке, посетить который и ныне почитают за счастье тысячи людей. В городишке, чье царственно-кошачье имя вызывает во мне чувство стыда, знакомое многим по воспоминаниям о первой влюбленности.

* * *

В этом городе крытый вокзал, построенный во времена, когда можно было, не обращаясь в посольство, купить билет до Вены или до Варшавы. Поезда тогда были втрое короче нынешних, и сегодня прибывающий состав вылазит из-под австрийского навеса и головными, и хвостовыми вагонами. Так не по годам выросший ребенок вылазит чуть не до локтя руками из старенького пиджачка.

Если приехать в этот город свежим утром, то лучше не пользоваться транспортом. Лучше пройтись пешком хотя бы до тех пор, пока не уткнешься в мрачноватый, но все-таки прекрасный костел святой Эльжбеты. Потом стоит пройтись еще, вниз по Городецкой, пока справа и вверху не увидишь утопающую в зелени барокковую громаду собора святого Георгия.

Вслед за этим можно уже садиться на любой транспорт или даже возвращаться на вокзал. Можно покупать обратный билет и уезжать отсюда. Всё самое интересное вы уже видели.

Пусть будет хорошо всем, кто живет в этом городе. Пусть будет пухом земля всем, кто погребен на кладбищах в его окрестностях. Больше о нем я говорить не хочу. Как преступник на место преступления, я не раз еще умом вернусь на его замшелые мостовые, но не сегодня. На сегодня хватит. Свет не сошелся клином там, где воду подают по графику, а на фасадах хищно прищурились и следят за прохожими каменные лица сатиров.

Нас ждет Одесса. Подставим лицо ее свежему ветру. А нет — так поедем дальше. Слава Богу, мы — свободные люди. Поедем в Измаил. Там Суворов бил османов. Или — в Севастополь. Там англичане убили Нахимова. Нахимов никогда не хлестал по щекам матросов и отдавал им часть своего жалования. Он был девственник и очень хотел стать монахом. Вместо этого английская пуля угодила ему в висок, и с тех пор, как я об этом узнал, мне не нравятся англичане.

Месяцами стоять на рейде и из сотен стволов обстреливать город, полный мирного населения, — чем это лучше ленинградской блокады, устроенной немцами?

Чопорные люди жестоки. Сухощавый господин с аккуратно подстриженными усиками, обедающий всю жизнь в одно и то же время, представляется мне жутковатым. Мне кажется, что так же не спеша, как он разбивает скор-

лупу вареного яйца, может он и подсыпать яд в кофе ближнему. Во мне очень мало английского, кроме нескольких цитат из Шекспира. И я рад этому обстоятельству. Итак, куда же нам направить взгляд, а вслед за ним и ноги? Куда деваться человеку, подозрительно относящемуся к вежливости и чистоте?

* * *

Как витязь на распутье, угрюмо смотрит такой человек на табло с информацией об убывающих и прибывающих поездах. Куда бы он ни сел — в вонючий плацкарт или душное купе, куда бы ни купил билет — в прокопченный Донецк или притихший, малорослый Чернигов, — всюду за окнами будет убегать грустная и таинственная Русь. Давно уже не гремит и не заливается колокольчик. И воздух отвык от свиста кучерской плетки, но рвется в клочья от железного стука и лязга. А вопрос остается тем же. Выложенный из звезд, каждый вечер появляется он на закатном небе. «Куда несешься ты? Дай ответ».

Не дает ответа.

ДОРОГИ

Две наших главных беды назвал по имени Николай Васильевич. Это дороги и (скажем мягче) человеческий фактор. Спорить с этим может только тот, кто не общался с людьми и никуда не ездил. Если бы эту формулу не вывел Гоголь, ее вывел бы кто угодно, столь она

очевидна. Но оставался бы риск, что к голосу простого человека, а не классика, прислушались бы меньше.

Наши дороги плохи в сравнении не с тропами Афганистана, а, конечно, с автобанами Запада. И этот разрыв возник вовсе не в новейшее время. Уже за два столетия до Рождества Спасителя сеть дорог общей протяженностью 80 тыс. км(!) опоясывала Средиземноморье. Это были хорошие дороги. В их основании лежали подушки из камней и цемента. Затем шел гравий или щебень и, затем, большие плиты. По бокам дороги шли кюветы для стока воды. На любой самой скромной повозке за день можно было, не напрягаясь, одолеть 30—35 км пути в любую сторону Империи.

Фундаментальный подход к дорожному строительству, как я понимаю, на Западе у людей в крови, и хвалить их за это (а нас — ругать) глупо. Эта дотошность и основательность не воспитывается за время жизни одного-двух поколений, и каждый культурный регион несет в своих генах нечто особенное и трудно повторимое.

Но дороги это не морщины. Они не возникают сами, когда захотят. Они — плод тяжелых и планомерных усилий. Они куда-то ведут. Те, римские, вели в столицу. «Все дороги ведут в Рим». Эта тяжелая и, однако, крылатая фраза прилетела в наш язык из латинского вместе со стаей себе подобных: «Жребий брошен», «Ни дня без строчки», «Деньги не пахнут»... Как реки стекаются в море, так дороги вели в Вечный город.

* * *

В нем было всё для всех. Для разношерстного сброда — там «социалка» в виде хлеба и зрелищ. Там чувство улья и льстящее всем — и патрициям, и попрошайкам — ощущение себя находящимся в центре мира. Там — возможность не работать и бродить в толпе, выискивая случай для наживы, приключения или запретного удовольствия. Для любителей старины — великолепные развалины. Для честолюбцев — карьерный рост. Для верующих — храмы. Вокруг Рима действительно всё копошилось столетиями. Опасный по ночам и грязный на окраинах, смешавший в коктейль вонь трущоб и изысканное богатство, он и сейчас угадывается в облике большинства столиц. Его бесплатным обедам и дешевому жилью подражают все империи и все социальные реформаторы. Может показаться, что из понятия исторического и географического Рим превратился в понятие мистическое, и его матрица движется туда и сюда, как облако радиоактивной пыли, как легендарный Вечный Жид по миру или «призрак коммунизма» по Европе.

Я не хочу, чтобы меня в одном из ручейков неумолимо сносило в это виртуальное водохранилище. Я хочу думать и сознательно выпрыгивать из воды против течения, как те рыбы, что идут на нерест и на смерть одновременно. Путь продолжается. Ты движешься даже когда сидишь в кинотеатре или лежишь на пляже. Вопрос: куда?

Продолжаем думать.

* * *

Большинство нынешних дорог в Рим реальный не ведут. Многие дороги не догадываются о его существовании, а многие сознательно Рим огибают и оставляют в стороне. Но теперь не только Средиземноморье опоясалось ремнями путей сообщений. Ими опоясался весь мир.

Может показаться, что как тогда, так и сейчас дороги нужны для быстрой доставки корреспонденции, перевозки грузов и налоговых сборов, а также для тяжелой поступи войск, идущих усмирять мятежную провинцию. В этом не вся правда.

Дороги нужны для того, чтобы процесс передвижения соединять с процессом мышления. Продираясь сквозь джунгли, трудно думать о смысле жизни. И вот, в нашем распоряжении — удобство в виде дорог, по гладким спинам которых можно идти, не сбивая ногу, и думать о важном.

Важно, например, то, что мы когда-то придем на кладбище. Сначала в виде посетителей. «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...», и, рано или поздно, приду к кладбищенскому забору (ограде). Если мы заранее не думали об этом, то, вероятно, поморщимся и сменим маршрут. И только если готовились к подобному сюрпризу, войдем внутрь, чтоб помолиться за неизвестных братьев и ощутить на лице ветерок будущего.

Эти посещения влияют на наше воспитание и образование не меньше армии и уж точно сильнее вуза. Это та точка пути, которую не

объедешь. Ею завершается жизненная прямая, и из нее улетает луч в вечность.

Кладбище — тоже море. Во-первых, людские реки и ручьи стекаются в эту низину. Во-вторых, это море скорби, молитвы и надежды, а та соленая вода, что вытекает из глаз скорбящего человека, если бы не впитывалась землей, на каждом кладбище встречала бы нас волной прибоя. Любой человек, работающий здесь, готовый философ. Гробовщик в «Гамлете» рассуждает не глупее принца Датского.

По выбитым на могилах цитатам из Библии там можно совершить знакомство с текстом Вечной Книги. И кресты, старые и новые, с преобладанием старых, для внутреннего слуха будут говорить нечто важное. Особенно хорошо увидеть крест, вознесшийся на купол, т.е. увидеть храм.

Когда красная империя трещала по швам и угрожающий треск называли «перестройкой», в одном грузинском фильме нам сказали, что не нужна дорога, не ведущая к храму. Это были своевременные и очень важные слова. Они, в общем, вневременные, и помнить их нужно не только в эпоху перемен. Вот еще одна мысль для совершающего передвижение человека.

* * *

Как наша жизнь, так наши улицы и дороги не идут прямо. Они не свет, летящий в вакууме. Они петляют, перетекают одна в другую, меняя имена и архитектурную внешность. А мы идем по ним — улицам, а значит, и по ней — жизни, то отшатываясь от дурно пахнущих парадных,

то перепрыгивая через лужи. Мы поднимаем воротники, всматриваемся в товары на витринах, вздрагиваем от лая дворняжки, слепнем от включенных фар. Много раз нас остановят и отвлекут от собственных мыслей. Попросят закурить, предъявить документы, заговорят от нечего делать. После этого путь продолжится.

* * *

Но однажды остановка будет серьезной.

«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»

Ехали мы, ехали по большой России,
Видели мы, слышали разное в пути.
Было безобразное, было и красивое,
Многого не поняли, как тут ни крути.

Неизвестный автор

Ты жива еще, моя огромная, печальная Родина. Это так удивительно и так благодатно. Твои дороги всё так же плохи, как бессмертны и твои дураки. Нашу машину раз за разом встряхивало на очередной яме. Каждый удар отзывался болью в сердце водителя, и он со смаком, но без злобы цедил сквозь зубы отборные ругательства. А ты, одетая в придорожную пыль и свежую весеннюю зелень, смотрела мне в глаза, первозданная и грустная, как девушка в хороводе. В каждой второй твоей деревне можно снимать фильм про времена Ивана Грозного и не переживать о декорациях. Лишь бы в кадр не попал какой-нибудь «жигуль» или

электрический провод. Всё остальное почти не изменилось.

Как вилка итальянца, наматывающая на себя клубок горячих макарон, колеса бегут и наматывают на себя пространство и время. В любой европейской стране мы проехали бы уже от западной границы до восточной. А здесь, глядя на карту, с ужасом понимаешь, что ты только начал двигаться. И вдруг прямо перед тобой, как грибы из земли, как войско Черномора из морских глубин, вырастает воздушная громада монастыря. Пирамиды, прячьтесь. Нотр-Дам, устыдись.

Сколько силы в каждом звуке колокола! Сколько веры в плавных линиях куполов! Если бы я был немцем, я бы с испугом и недоверием смотрел на людей, которые строят такие храмы, а живут в смиренных деревянных домиках. Но я не немец. Я — дома, и мне стыдно, что ни один кирпич в этих стенах не положен моей рукой.

Вспоминаешь невольно Святую Землю. В католических храмах чисто и холодно. Мраморные полы и стены, каменные алтари. Молитв не слышно. Слышно щелканье фотоаппаратов. В одном из монастырей услыхали звуки григорианского хорала, но то были голоса из включенного магнитофона. У православных иначе. Толкотня, шум, живой беспорядок. Но везде молитва и сердечная теплота. Можно гневаться на неорганизованность и хмуриться из-за недостатка чистоты. Но никого не пожуришь за недостаток искренности. Россия похожа в этом смысле на Палестину.

* * *

На Руси не зря так полюбили придуманную в Японии матрешку. Куколки, прячущиеся одна в другой, — это ведь сама жизнь, и русская в особенности. Грязная улица, носящая имя Ленина, магазины с надписью «Вино. Табак», провинциальная тишина и ленивое спокойствие. Вот она, глубинка. Но это только первая «матрешка», самая заметная. Повернем ее по часовой стрелке и найдем другую. Где-то рядом, наверняка, местный Кулибин колдует над невиданным изобретением, а новый Циолковский разрабатывает план переселения человечества в космос. Открываем дальше одну за другой всю семейку «матрешек», и так, оставляя в стороне необузданного Митю, циничного Ивана, противного Смердякова, находим, наконец, Алешу Карамазова. Это самая махонькая «матрешка», но и самая главная. Это — Левшой подкованная блоха, чудо природы, малое семя, из которого со временем непременно вырастет дерево.

* * *

Стою на высоком холме. За спиной — белокаменный красавец Владимирский собор. Приложился к мощам, постоял молча перед Владимирской. Потом вышел на воздух и подставил ветру заслезившиеся в храме глаза. Кажется, что рядом стоит Федор Иванович и говорит чуть слышно:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,

Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

— Батюшка! Пора. Нам еще ехать километров триста!

Оборачиваюсь на голос шофера:

— Да, да. Поехали.

Прислонюсь виском к стеклу машины. Буду ехать и думать: «Боже, как хорошо».

БИЛЕТ НА «ПОЛЧАСА ТИШИНЫ»

В те годы, когда солнце светило ярче, а краски жизни, даже среди слякотной весны или промозглой осени, казались сочнее, чем сейчас, короче — в детстве, во всех газетах и журналах то и дело печатали рубрики с названием «Их нравы». В одной из таких рубрик, я помню это отчетливо, однажды была напечатана статья о том, что на загазованных улицах Токио продают кислород. Люди подходят к автоматам и, так же как мы, привычно бросая монету, получают право не на стакан газировки, а на глоток чистого воздуха. Далее говорилось о том, что Мехико, Нью-Йорк, Токио и ряд других городов задыхаются в выхлопных газах и фабричном дыму. О том, что люди на Западе

теперь покупают то, чем раньше все пользовались бесплатно и неограниченно.

Много воды утекло с тех пор. «Их нравы» стали «нашими». Мы тоже задыхаемся, хотя свежий воздух еще не покупаем.

Та заметка вспомнилась мне, поскольку в ней отчетливо видна тенденция нашей жизни — дефицит обычного, нехватка того, без чего жизнь становится невозможной.

Без дружбы, любви, общения невозможно прожить. Если мы научились обходиться без этого, то это уже не жизнь, а существование. Миллионы людей засохли без любви, сотни тысяч не знают обычной и настоящей дружбы, тысячи полезли в петлю или шагнули через балкон потому, что не с кем было поделиться — не было общения.

Общение — это лишь пример. Не оно меня сейчас интересует. Интересует тишина и одиночество.

То, как растет из зерна колос, хорошо представляют, но плохо понимают даже титулованные биологи. Личность же растет в тишине и одиночестве. А у нас нет ни тишины, ни одиночества. Только шум и суета, только толкотня и трескотня.

* * *

Шумные праздники — обратная сторона отчаяния. Попытка втереться в толпу веселящихся людей — худший вид побега от себя самого. Худший — потому что безуспешный. Сам себя всё равно догонишь. На больничной ли койке, у разбитого ли корыта — всё равно.

* * *

Негде и некогда вырастать личности. Шаблон, стандарт, размен на удовольствия. Неудивительно, что вера Христова переживает не лучшие времена. Иудеи и мусульмане верят все вместе, общиной, народом. Христиане исповедуют веру соборной Церкви, но врастают в нее по отдельности. Церковь как община существует из нерастворимых, ни в чем неповторимых личностей. Евангелие обращено к сокровенным глубинам каждого отдельного человека. Оттого, насколько вспахана земля сердца, сколько на ней сорняка, зависит прорастание Семени.

* * *

Наши былинные пахари в детских книжках изображаются рассыпающими зерно широким и щедрым жестом. Так же щедро мы поливаем наши газоны и огороды. А на Востоке, где воды мало, ее не льют по площадям. Шланги протягиваются вдоль кустов или деревьев. Вода не льется, но скупо и точно капает на корень растения. Это — личностный подход. Бог аккуратно поит нас живой водой и интересуется каждым в отдельности. А мы не интересуемся толком ни Богом, ни собой. Потому что себя не знаем, а о Боге не помним. Оглохли от суеты хуже, чем от бомбежки.

* * *

Хочется говорить о тишине и *творческом одиночестве*, о тех комнатах, где можно купить полчаса спокойствия для важных мыслей. Пофантазируем.

Представьте, вы встречаете на улице бутик, над дверями которого написано: «Полчаса тишины. Время, рождающее вечность». Текст может варьироваться. Вы покупаете билет, заходите и начинаете думать впервые о том, о чем до сих пор думать не получалось.

Конечно, абсолютной тишины нет. Всегда есть тиканье часов, шум машин за окном. Наконец, есть стук сердца внутри грудной клетки. Но даже относительная тишина будит в человеке спящие мысли. Из страха перед ними человек всегда боялся и будет бояться тишины. Но мы вошли. Мы не из пугливых. Кого мы встретим?

Сначала нахлынут ближайшие впечатления, лица, словесный шум и прочее. Они будут таять так, как тает пена в ванне. Это нужно просто переждать. Затем, до окончания получаса, может больше ничего не произойти. Так, что-то вспомнится, о чем-то подумается. Залежи хлама внутри слишком велики, чтобы созерцать лазурь с первой попытки. Но даже если после такого первого, относительно бесплодного опыта молчания человеку случится оказаться на футбольном матче, он будет поражен, а может и сражен контрастом. Еще ничего особенного в душе не шевельнулось, но уже многоликая толпа, объединенная чувством бессмысленного и безумного единства, начнет пугать.

Митинги и демонстрации собирали бы куда меньше людей, если бы этим людям приказали полчаса посидеть и помолчать перед мероприятием.

* * *

Сторониться возбужденной толпы так же естественно, как и не подходить к извергающемуся вулкану. Заслуг или повода для высокомерия здесь нет ни на грамм. Гораздо важнее продолжить путешествие в страну относительной тишины и временного одиночества. Не исключено, что к вам со временем могут прийти те, кто похож на вас, или те, кого вы когда-то обидели. Всё происшедшее в нашей жизни для совести произошло «сегодня». Как только повседневные впечатления потеряют яркость, совесть поспешит нам напомнить о многом. Обманутые люди, неисполненные обещания, тяжелые камни больших ошибок и мелкий песок суеты, наполнивший не один мешок, — всё это поплывет к нам навстречу, медленно, но необратимо, как баржа, влекомая бурлаками.

* * *

Человек, неподвижно сидящий в одиночестве, временами глубоко вздыхает. Короткие святые слова, вроде «мама» или «Господи, помилуй», временами произносят его уста. Но не только вера рождается в тишине. Самые ядовитые мысли стремятся проникнуть в ум там же. Самый странный холод заползает через уши и стремится к сердцу там же.

А что вы хотели? Чтобы вера была наивна и ничем не испытана? Нет. До победной и несомневающейся «осанны» нужно дойти сквозь самые разные препятствия. Наиболее опасные спят внутри и просыпаются в одиночестве.

* * *

Отчего так тревожно и тяжело умирают люди? Не засыпают тихо, не посылают прощальных улыбок и благословений. Не говорят «до встречи» и не смотрят вдаль с радостной надеждой. Вернее, всё это есть, но составляет скорее редкое исключение, чем всеобщее правило. Откуда эти хрипы и агонии, метания на постели и трепыхания, как у птицы, пойманной хищником?

Может, отсюда, от нежелания заняться главным? Всё как-то думалось, что успеется. Жил по соседству с волшебной комнатой, но так ни разу и не зашел. Не успел. Забыл. Не вышло.

Думал, пишу в черновике, а они взяли и забрали тетрадку. Оказалось, это была директорская контрольная. Теперь хоть сгори со стыда.

* * *

После подобных мыслей не хочется разворачивать газету или включать телевизор. А если его включат другие, то смотришь в него бесстрастно и бессмысленно, как рыба, подплывшая к иллюминатору субмарины. Правда, так продолжается недолго.

ОБМАНУТЫЕ ДЕТИ ЛЖИВОЙ ЭПОХИ

Учеба, работа, карьера... Компьютер, машина, спортивный зал... Подружки, поездки, гулянки, покупки... Вдруг, в одно обычное утро, перед зеркалом превращая себя, опухшую со

сна, в себя «очаровашку», она произвела в уме простое математическое вычисление. Она отняла от числа, обозначающего текущий год на кухонном календаре, число, обозначающее в паспорте дату ее рождения. Получилось «тридцать» и даже с «хвостиком», похожим на тот рудимент, который был нарисован когда-то в учебнике биологии. «Пора замуж, пора заводить ребенка», — подумала она, подставляя зеркалу правый и левый полуфас, беззвучно двигая губами ради правильного наложения помады. По телевизору рассказывали о курсах валют, растворимый кофе остывал в чашке на краю стола. Рядом в пепельнице дымилась тонкая дамская сигаретка. Она собиралась на работу, бегая между коридором и кухней, отпивая кофе, затягиваясь легким дымом, от которого может быть рак. «Замуж пора, пора заводить ребенка», — напевала она себе под нос. «У меня получится. Я сделаю это» — звучал второй куплет.

* * *

Через год с небольшим второй куплет уже не пелся, а первый грозил превратиться в комплекс, в кошмар, в идею-фикс. Для капризного ребенка неисполненное «хочу» является жестоким наказанием. Она чувствовала себя таким ребенком. Еще никогда беспомощность не переживалась ею так остро и безутешно.

Стали врагами безобидные прежде вещи: зеркало, дата рождения, голоса чужих детей на площадке, информация о выходе замуж одной из подруг.

Мама звонила регулярно и спрашивала, «как дела?» Маме она отвечала, что «всё в порядке», и ненавидела ее в это самое время странной ненавистью. Это ведь мама прожужжала ей все уши разговорами о независимости, о самостоятельности, о женском достоинстве и о никудышности мужиков. Мама не сказала ей, что мужик без жены — это человек без ребра. В крайнем случае — калека, но всё же человек. А вот женщина без мужчины, это — ребро без человека, бесполезный и беззащитный, в сущности, предмет. Его или ногами запинают, или псы сгрызут. Не сказала ей об этом мама. И другой никто не сказал.

* * *

О том, что отделившийся от человека нос может самостоятельно гулять по улицам, мы, со времен Гоголя, знаем и верим этому факту несомненно. А о том, что никому не нужные ребра, не нашедшие свое тело, свое сердце, которое нужно закрыть, свою кожу, в которую нужно одеться, тысячами ходят вокруг, мы как-то еще думать не привыкли.

* * *

Если человек умен, как пень, и счастлив, как потерянная собачонка, то действия его не будут отличаться глубиной и осмысленностью. И это человек! А ребро? Стоит ли удивляться, что у шарлатанов, снимающих «венок безбрачия», и у психологов, размазывающих по журналам свои статьи, словно манную кашу по тарелке, не будет проблем с работой?

* * *

Тучка на небе может быть предвестницей бури. Пятнышко на теле может быть предвестником тяжелого недуга. Шальная мысль, случайно залетевшая в голову, в голову, не привыкшую предоставлять мыслям ночлег, может стать началом тихого кошмара. Так случилось у нашей героини, и годы, тянувшиеся до сих пор медленно или шедшие мерным шагом, вдруг поскакали галопом. Она разлюбила свою квартирку, купленную с таким трудом. Она часто плакала, когда оставалась одна, и молчала на людях. Анекдоты и веселые истории стали ей не смешны. Бутылка вина все чаще стала появляться на столе во время нехитрого ужина. Из всех слов, которые она слышала и читала в последнее время, ей запомнились только слова парикмахера Ефима Львовича. Этот дамский мастер был чем-то похож на ее рано умершего отца. А может, ей только так казалось. Но она продолжала раз в месяц записываться к нему или перед корпоративом, или просто так, для удовольствия.

«Деточка, вы такая, как моя старшая дочка», — говорил Ефим Львович, колдуя над ее волосами и глядя ей в лицо через зеркальное отражение. «У вас очень грустные глаза, и мне вас жалко. Понимаете, эта молодежь (я говорю только о своей дочке) думает, что всего может добиться сама. Кто их так сильно обманул? Вы читали басню о стрекозе и муравье? Читали, конечно. Я не хочу сказать ничего плохого, но жизнь ведь не только — удовольствие. Вы согласны? Они пляшут, поют, получают несколь-

ко образований и ведут себя так, будто у них не одна жизнь впереди, а, по крайней мере, три. Я сейчас говорю только о своей дочери. Я ей говорю: «Марина (так ее зовут), тебе надо выйти замуж. Мы с мамой хотим внуков. Тебе уже двадцать три года. Двадцать три! Девочка моя, цветок нужно рвать и нюхать, когда он цветет и пахнет, а не когда он — в гербарии». Вы согласны? Куда там! Она говорит, что я отстал от жизни, что настоящих мужчин больше нет и так далее. Наконец, она говорит самую глупую вещь, от которой я прихожу в бешенство. Я не сделал больно? Простите. Так вот, она говорит: «Я всегда успею найти мужа, завести ребенка и застрять на кухне». Вы слышите? Дикость, не правда ли? «Всегда успею». И это «завести», как будто речь идет о кошке или рыбках. Я нервничаю ужасно. Я говорю жене: «Роза, ты слышишь? Наш ребенок сошел с ума». А ей говорю: «Эти вещи не делаются как попало и когда захочешь. Ты не начальница в этом вопросе. А Господь Бог имеет право показать дулю. Да, да. Ты скажешь: «Я хочу завести ребенка», а Он скажет: «Вот тебе дуля, потому что детей даю Я, а не заводите вы». Как вам это нравится? Такие страсти египетские. Мы, кажется, закончили. Поверните головку влево. Вот так. Вы прекрасны. Как Юдифь. Поверьте мне, я знаю жизнь и видел женщин. Вы прекрасны, как Юдифь, и горе любому Олоферну».

* * *

Этот диалог остался у нее в памяти. Осталась интонация, тембр голоса и две-три мысли, сме-

шанные со звуком работающего фена и запахом лака.

Мы простимся с ней здесь, у дверей дамского парикмахерского салона. Как сложится ее дальнейшая жизнь, кто знает? Никто и ничто не обязывает нас следить за ней. Пусть хищный взгляд стороннего наблюдателя не холодит ей затылок. Тем более, что таких, как она — миллионы.

Мамы, подруги, телевизор и журнальные статьи. Проще сказать, шумящая эпоха. Твой общий шум силен, как шум водопада Виктория. В сравнении с ним голос парикмахера звучит, как шепот. Да и клиентка вслушивается в этот шепот лишь тогда, когда сердце уже изорвано в клочья тоской и неудовлетворенностью.

Но всё равно мы тебе желаем счастья. Тебе, одному из обманутых детей лживой эпохи. Человеку, у которого, казалось бы, есть всё, а на самом деле нет ничего.

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ!
КАК СПАСАТЬСЯ?

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

Ноги человека крепко стоят на земле. Трудно спорить с теми, кто говорит, что человек — существо земное. Но голова человека увенчивает прямую спину и стремится в небо. Нельзя спорить и с теми, кто говорит, что у человека небесное призвание. Душа и тело, вечность и время, мощь и слабость, величие и ничтожество, взятые вместе, — это человек. Но начало небесное и начало земное смешаны в человеке не так органично, как смешаны в тесте мука и вода. «Между землей и небом — война», — пел не так давно, на рубеже эпох, молодой, ныне уже покойный, певец. Внутри человека происходит борьба помыслов и столкновение взаимоисключающих желаний. Долг велит одно, сердце стремится к другому, разум твердит о чем-то третьем. А есть еще обстоятельства, традиции, привычки. Человек — это не струна, натянутая между Небом и Землей. Скорее, это спираль накала между «плюсом» и «минусом».

Если внутри отдельного человека идет борьба и мира в нем нет, то любое человеческое общество по необходимости представляет собой сложную систему противовесов и сдерживаний, призванных не дать внутренним противоречиям накопить критическую массу. Человечество есть некий тлеющий пожар, который нельзя потушить до конца и которому нельзя давать разгореться.

Противоборствующих групп очень много. Есть группы классические, присутствующие всегда, — такие как богатые и бедные. Они мо-

гут одеваться по моде и переименовываться в «собственников» и «наемных рабочих», что совсем не меняет сути. Скрыто враждуют внутри человечества мужчины и женщины, отцы и дети. Враждуют оседлые и кочевые цивилизации. Враждуют белые и цветные. Вражды на почве религиозной лучше не касаться мимоходом. И среди всех этих противоречий есть одно, на котором хочется остановить взгляд более пристальный. Противоречие между коллективизмом и индивидуализмом будет в сетке нашего прицела.

* * *

«В наше время всё было по-другому. Мы собирались вместе, вскладчину накрывали столы, пели, радовались жизни. Никто не боялся выйти вечером на улицу. Все чувствовали себя, как в одной большой семье. Бедно, конечно, было, вернее — скромно, но очень душевно, весело». Кто не слышал подобных рассказов из уст тех людей, чья молодость пришлась на послевоенные годы?

Одесские дворики, где каждый знает всё обо всех, — яркий пример коллективного бытия. Такое бытие особенно ярко расцветает там, где недавно была война, где все одинаково бедны и где тепло большую часть года.

Совсем другое дело — питерские коммуналки. Это тоже яркий пример, но с некими особенностями. Там холодно, там все бедны неодинаково. Питер — западный город, город-призрак, город-мираж, не долгими столетиями разраставшийся и поглощавший пригоро-

ды, а возникший сразу. Московские слободы, кварталы и переулки надеты на исторический центр, как бесчисленные юбки на колоритную купчиху. А Питер вырос под линейку. В нем коллективное бытие вынужденно, но жителям его привита инъекция западного индивидуализма. Каждый хочет жить изолированно от всех, ибо каждый уверен в том, что он уникален и «право имеет». Но все живут вместе, на малых метрах жилплощади, потому что нет возможности разъехаться и замкнуться на «своих метрах». В таких ульях, рожденных необходимостью, праздники вместе не празднуют, угощениями с пылу, с жару не делятся или делятся гораздо реже, чем в одесских (тбилисских, молдавских) двориках. Питер — это индивидуалист западного образца, живущий по принуждению в социалистической казарме. В таких условиях рождается музыкальный андеграунд, писательский талант, психологическая травма, но не здоровая семья. А именно здоровая семья есть камертон здорового коллективизма. Хорошая, то есть большая и крепкая семья — это и есть классический пример совместного бытия в любви, и всякий здоровый коллектив приближается к тому, чтобы быть названным именем «семья».

* * *

Индивидуализм звучит как замкнутость, безразличие к общему делу, сомнение в том, что общее дело вообще возможно. Между тем ценностным ядром индивидуализма является несводимость личности к части коллектива,

человеческая уникальность. Человеку нужно быть наедине со своими мыслями и тревогами, личность осознает себя, растет и крепнет в одиночестве. Заставить человека все двадцать четыре часа в сутки быть «на миру» — это пытка. В любом бараке люди стремятся отделить кусочек «своей» территории хотя бы при помощи простыни. Разрезанные на дюжину кусков прежние барские покои превращались в «отдельное жилье» при помощи фанерных перегородок.

Это неистребимое желание жить на своем, пусть небольшом, пространстве раздражало строителей социализма. Они видели в этом явлении ожившее мещанство и психологию, отравленную мелкобуржуазными вирусами. На самом деле — это проявление душевного здоровья, потому что человек не должен растворяться в социуме.

Вот мы и похвалили изолированное бытие, хотя только что хвалили бытие коллективное. Так придется делать постоянно, потому что (цитирую сам себя) любое человеческое общество по необходимости представляет собой сложную систему противовесов, призванных не дать внутренним противоречиям накопить критическую массу. Скажешь: «Индивидуализм — плохо» — тут же найдется аргумент противоположный, говорящий: «Нет, батенька. Вот тут и тут у индивидуализма есть очень даже неплохие стороны». Поспешишь согласиться и по-русски бросишься в другую крайность: «Ну, да! Конечно! Личность свободна. Коллективизм — тюрьма». Но и здесь услышишь в ответ:

«Коллективизм — не всегда тюрьма, иногда совсем наоборот», — и прочее.

* * *

Как любой житель Киева, я часто пролетаю над днепровскими водами по спинам мостов, будь то мост Метро или мост Московский. Этакую сложнейшую штуку — мост — никогда не построишь силами отдельного индивидуума. Нужна коллективная работа инженерной мысли, нужны тщательные и сложные расчеты. Затем — упорный и долгий коллективный труд, превращающий тонны железа и бетона в довольно изящное сооружение, соединяющее два берега. Хочешь быть последовательным индивидуалистом — не ступай ногой на любой из мостов, поскольку мост — ярчайшее проявление коллективного труда. В метро, кстати, тоже не заходи. Оно — того же поля ягода. Вряд ли стоит и зажигать лампочку в квартире, поскольку за любой горящей лампочкой скрывается сложнейшая работа электростанций и наличие инфраструктуры: линий передач, подстанций, трансформаторов и т. п.

Логичному индивидуалисту нет места в мире цивилизации. Либо совесть его выгонит из этого мира и запретит пользоваться благами, либо он смирится и умерит критичный пыл по поводу людского муравейника. Правда, есть третий вариант: не логично, а поверхностно и обрывочно мыслящий индивид, говорящий одно, поступающий по-другому и мыслящий третье. Осмысленных шагов от него не жди. А если будешь с ним беседовать, стой от него

шагах в двух, ибо сей не умеющий мыслить господин имеет свойство брызгать слюной при разговоре.

* * *

Говорят: «Бежим отсюда. Цивилизация испортила нас. На лоне природы мы будем невинны и естественны». Какая чушь! Когда Каин Авеля убил, какая цивилизация его испортила? Не цивилизация испортила человека, а испорченный человек создал соответствующую цивилизацию. Убегая из чадных и дымных городов, что мы несем с собой, кроме рюкзаков и термосов? Страсти свои мы несем, куда бы ни пришли. Стоит пикнику продлиться неделю вместо положенных суток, и проявится всё, чем кто болен. Обиды, ссоры, несогласия по пустяковым поводам... Оставьте отдыхающую группу навсегда жить в лесу — и вскоре прольется кровь, выделится вождь, составятся неписаные законы и правила. Мы будем свидетелями ожившего учебника по истории древнего мира. Поэтому не надо возлагать свои надежды на возврат к простоте, на экологию, на «звенящие кедры» и проч. Если уж и бежать куда, то только в качестве настоящего монаха. Но это дело редкое и достойное Красной книги.

Мы же вернемся к коллективизму и индивидуализму.

* * *

Коллективизм свойствен тем, кто живет поскромнее. Своя квартира, тем более свой дом — это показатели хорошего достатка. У

нас же десятилетиями, а может, и столетиями, культивировалось понятие «свой угол». После войны, когда люди были рады самому факту продолжающейся жизни, коллективизм был органичен. Пели, пили, гуляли, ели, строили, как одна большая семья. Сегодня уже всё не так. Индивидуалистическое мышление вытеснило все остальные виды восприятия мира. «А мне что с того?» «Почему я?» «Это твои проблемы».

Отсюда и конфликтность нашего бытия. В области сознания мы — яркие индивидуалисты. Но денег нет на отдельное жилье, поэтому живем в общежитиях и снимаем комнаты, и миримся со свекровью на одной кухне, и составляем график уборки одного санузла на восемь душ жильцов. Это — страдание. Чтобы от страдания избавиться, нужно либо срочно разбогатеть, либо изменить сознание.

Быстро разбогатеть вряд ли возможно, хотя именно в эту сторону развернуты напряженные взгляды миллионов. Тем, кому сегодня двадцать, лет пятнадцать назад дядюшка Скрудж изрядно подпортил мозги, мелькая на телеэкране.

Менять сознание — процесс тоже непростой и неоднозначный. Лучше двигать оба эти процесса навстречу друг другу. Но нельзя, нельзя копировать готовые стандарты чужой жизни. То, что кажется естественным в другой среде, не может быть легко перенесено в чуждую почву, поскольку в своей родной почве оно росло столетиями.

Горячие головы, для которых всё прекрасное живет непременно за океаном, предлагают

даже легализовать огнестрельное оружие как яркое проявление неприкосновенности личности. Представляю себе криминальную хронику при условии, что у каждой тещи-свекрухи и каждого зятя-невестки под подушкой револьвер. Вооруженный человек на безлюдных просторах — это начало Америки. Безоружный человек в суете мегаполиса — это конец процесса. Нам, находящимся в конце, нельзя копировать то, что у кого-то было в начале. Мы уже собраны в кучу, уже слеплены в комок условиями быта. Нам предстоит осторожно и любовно разъединяться, а не расчленяться и убегать друг от друга, оставляя за собой кровавый след.

* * *

«Мы жили ужасно, пока жили вместе. Жена устала быть буфером между мною и своей мамой. Она непрестанно мирила нас с тещей, ругалась с ней из-за меня и со мной из-за нее. Мы ушли на квартиру. Теперь ходим в гости и даже скучаем друг по другу. Теща страдает оттого, что редко видит внучку. Просит нас вернуться, но это дело решенное. Мы будем жить одни. Будем любить друг друга на расстоянии».

Описанная ситуация имеет миллионы модификаций и сводится к одному принципу. Истинным спасением является возможность маневра. Возможность менять ситуацию, а не замыкаться на единственном варианте. Всё было бы по-другому, умей мы любить. Но мы не умеем, и семейные хроники — ярчайшее тому подтверждение.

* * *

Маму бросил отец. С тех пор «мужчина» и «сволочь» для нее синонимы. Свою единственную дочку она воспитала со всем жаром одинокого сердца и, конечно, в холодной ненависти к похотливым животным, носящим брюки. «Работай, доченька, и учись. Делай карьеру. Будь самодостаточной. Будь независима от мужчин. Не доверяй им и не влюбляйся. Родишь себе ребенка, когда захочешь...» Эти безумные речи вездесущи. Что ждет девочку, выросшую у такой мамы?

Она может делать карьеру и жить с мамой, пока уходящий поезд личного счастья не просвистит в последний раз. Она может возненавидеть маму годам к сорока за испорченную жизнь, но любить маму она не перестанет. На этот симбиоз способно человеческое сердце. Так они и будут жить, то заливаясь слезами любви на груди друг у друга, то шипя и рыча одна другой, что, дескать, «ты мне жизнь испортила» — «я тебе всю жизнь отдала».

Не исключено, что на исходе молодости, на той грани, за которой цветок уже безвозвратно превращается в гербарий, дочка влюбится и будет ответно любима. О! Бедный жених. Он тоже носит брюки, он обладает всеми существенными признаками «похотливого животного». «Он пришел забрать мою девочку, мое сокровище!» — будет думать мать. То, что она и возможный зять — враги, дело решенное. Ее мозги желают дочери счастья, но сердце не привыкло подчиняться мозгам и живет самостоятельной жизнью.

Допустим, брак состоялся, а жить негде, кроме как у тещи. Спираль кошмара раскручивается неумолимо. Допустим, родились дети. «Мама будет нянчить. У мамы есть опыт. Мама всё знает». Их квартира обречена стать камерой пыток и принудительных психологических экспериментов на долгие годы. Разъезжаться-то с нашими заработками доступно далеко не всем. Точкой приложения усилий станет невинный ребенок. На нем будут отрабатываться разные системы воспитания, ему будут пытаться объяснить, кто его больше любит. Он тоже вырастет калекой, хотя ни в чем не виноват.

Допустим, брак распался. Мужичонка нынче хлипкий пошел. Либо пить начнет. Либо тихонько соберет в чемодан галстуки, носки и бритву и сбежит навсегда в неизвестном направлении. Останутся под одной крышей на долгие годы три человека, часто — внучка, дочка и бабушка. Одна будет ворчать старую песню о мужиках, о том, что она всё заранее знала. Вторая... о второй промолчим. А третья будет ненавидеть двух первых и мечтать побыстрее сбежать из дома. Она либо выскочит замуж, как только сможет, либо окунется в одну из субкультур, либо... Бедная девочка. Бедные люди. Бедное человечество.

* * *

Но есть другие примеры. Мой знакомый, осетин по национальности, женился на русской девушке. Привез ее на «смотрины» к бабушке в село. Старушка встретила невесту внука так, будто знала ее и очень долго ждала. «Дочень-

ка! Как я рада тебя видеть! Как я давно хотела тебя обнять. Мы так счастливы, что ты пришла в нашу семью. Садись, садись рядом со мной, не стой. Какое счастье!» И она нисколечко не врала. Не было фальши в словах старой женщины. Последующая жизнь доказала искренность первой встречи. Она в тот день сняла с пальца перстень и надела на руку невесте внука, совсем как отец в притче о блудном сыне. Это пример поведения здоровой души, живущей в классической семье. В семье, где женщина — это женщина, мужчина — мужчина, дети — дети. Там есть место греху, страданию, аномалиям. Но мир понятий этих людей тверд и классичен. Когда я говорю, что они живут в мире классической семьи, это означает, что они внутренне, мысленно живут в правильной системе координат. В системе, с некоторых пор напрочь отсутствующей у нас.

* * *

Мы обращаем свой взгляд на Восток, когда хотим увидеть семью в ее правильном виде — многолюдном, подвижном, иерархичном. Дом пристраивается к дому, этаж громоздится на этаж, чтобы всем быть рядом друг с другом. Несколько поколений живут плечом к плечу не только потому, что так легче прокормиться и выжить. Даже в отсутствие войн и трудных времен это — способ существования. Возможно, это идеальная картинка. Тем более идеальная, что бациллы западного мышления успешно размножаются в мозгах человека любой национальности. Еще в конце XIX века

философ К.Леонтьев считал среднего европейца «орудием всемирного разрушения». Жизненные стандарты, индивидуальное самосознание — это начинка троянского коня, подаренного всему миру Европой. Поэтому мы не выуживаем факты из реальности, а рассматриваем идеи. Факты же по вкусу можно подбирать и такие, и сякие. Благо, пестрота мира позволяет подтверждать иллюстрациями любую теорию. Но меня интересует баланс между индивидуальным бытием и коллективом.

* * *

Свою заповедную, закрытую от чужих глаз зону человеку хочется иметь уже потому, что у человека есть стыд. Ванная комната и уборная — это необходимейшая проза повседневной жизни, даже сплошь состоящей из поэзии. С ужасом вспоминаю уборные в армии, где три-четыре «очка» в полу не были отделены друг от друга никакими перегородками. Солдаты присаживались с сигаретами в зубах и газетами в руках рядом, справляли нужду, переговаривались. «Бойцы вспоминали прошедшие дни и битвы, где жарко рубились они». Интересно, что я пользовался такими «удобствами» без всякой интеллигентской брезгливости, а сейчас вспоминаю об этом с содроганием. Что-то подобное приходилось читать у Ремарка. Униформа, служба, тем паче война заставляют человека вести себя с животной простотой — простотой, в принципе, человеку не свойственной. Максимальное отвращение к войне, чи-

тая Ремарка, я ощущаю при описании обеда в окопах при неубранных трупах. Или там, где описывается живая очередь солдат, ждущих «любви» с полковыми проститутками перед генеральным наступлением. То есть в тех случаях, когда человеческий организм продолжает «жизнедействовать», а личность уже раздавлена или сильно контужена.

Нельзя, чтобы на тебя всё время кто-то смотрел. Космонавты завешивают камеры наблюдения, утомленные неусыпным взглядом с Земли. Кстати, не имея укромных уголков, плавая в невесомости месяцами в окружении одних и тех же физиономий, они — космонавты — по возвращении на Землю отказываются проходить вместе реабилитацию и часто месяцами не разговаривают с товарищами по прошлому полету. Достали! Так мучит человека вынужденный коллективизм.

Есть граница стыда, граница «моей» территории. И в той же самой армии котелок и ложка в походе должны быть свои. С этой точки зрения интересен тот факт, что на Западе, со всем его индивидуализмом и правами личности, родились идеи закрытого и непрестанно наблюдаемого жилого пространства, типа «Дом» или «Старший брат».

Авраам ходил перед Богом. Эти «ходят» перед невидимыми надзирателями. Ходят буквально, в том числе и в «00». Границы стыда стерты: всё, что обычно делается тайно, теперь делается открыто, но не перед Богом, а перед всем честным народом. Происходит ритуальное выворачивание личности наизнанку.

Вывернули, посмотрели, ничего интересного не нашли, выбросили. Так свобода, доходя до крайности, превращается в свою полную противоположность. Как по мне, глиняная хатка с женской половиной, на которую чужой — не суйся, лучше «Дома-2» настолько же, насколько собственный коттедж лучше концлагеря.

* * *

Библия — основа основ и книга книг, но поостережемся внедрять любую библейскую норму в сегодняшнюю жизнь. Молодоженам в древности предписывалось после брачной ночи вывешивать простыни со следами утраченной невинности. Это был предмет гордости, выставленный на всеобщее обозрение. У нас теперь такой священной непосредственности нет. Нам стыдно. Это наша тайна, не имеющая права становиться темой для обсуждения. Конечно, во многих случаях показать было бы нечего. Как раз этого мы не очень стыдимся. Кому какое дело? Нам стыдно вообще свою физиологию делать пищей для чужих глаз. Из прежнего священного материализма, полуязыческого, полуветхозаветного, у нас остались скабрезные шутки перед отправлением молодых в опочивальню, застольный фольклор и т. п.

Шум и гам, продолжающийся несколько дней, тетушки, съехавшиеся невесть откуда, — восточная свадьба на североамериканских широтах. Я вспоминаю фильм «Моя большая греческая свадьба». Жизнь греков-эмигран-

тов показана глазами американца. Эти глаза всё время круглые. Сложные родственные связи, непрестанный гул, взаимная любовь, не исключающая взаимных обид и разборок, — вот он, Восток, живущий на Западе по старой привычке. У этих людей что свадьба, что похороны — всё по три дня. Человеку дается возможность увидеть несколько поколений людей и себя, втиснутого в эту обойму. Вот те, кто младше меня. Вот только недавно родившиеся младенцы. Вот ветхие старики, которым мои родители целуют руку. Мир представляется текущей рекой. Ты видишь и тех, кто появляется, и тех, кто готов уходить. Целостная картина перед твоими глазами, тогда как одиночка видит лишь свое отражение в витринах и меряет огромную Вселенную только своим куцым аршином.

Там, где свадьба — долгий праздник многих людей, похороны тоже — долгая общая боль. Похороны тоже соберут всех вместе, заставят говорить шепотом, сидеть у тела, молиться, обниматься со многими в скорбном приветствии. Скорбь, разделенная на всех, скоро сменится утешением — родится человек в мир, и семья соберется на крестины, на новую радость.

Многие поколения, живущие вместе, — это питательная среда для послушания, взаимопомощи, несения тягот друг друга.

На Западе свадьба скромная и похороны быстрые. Скупо смахнем слезу, постоим молча, склонив голову, у гроба. И будем коситься на окна: когда же приедет автобус с черной полоской и увезет *это* отсюда? Потом покушаем,

выпьем, скажем «Царство Небесное» и разойдемся. Вот она, черно-белая фотография нашей гадостной действительности. Извиняет только то, что не с нас это началось и не в наших силах всё это быстро исправить.

Церковь есть лечебница и училище. Если она не лечит, то никто не вылечит. Если она не учит, то никто не вразумит. Мы подняли в предыдущих строках большую тему. И сказали лишь малую часть того, что можно сказать по этому поводу или по поводу тем, близких к поднятым.

ПЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Настали Иеремиины времена. На какую бы тему ни заговорил, рискуешь сорваться на грозные ноты осуждения, бессилия перед лицом проблем и предчувствия бед, которыми полны слова великого пророка. Мы хотим говорить о пятой заповеди. И что же? Горечь ощущает язык, собравшийся говорить, и горечь эта сильней полыни.

Десять заповедей, которые снес Моисей с горы на двух каменных досках, не делились ровно на пять и пять. Четыре и шесть — так делились заповеди: первая часть относилась к Богу, вторая — к людям. Вторая скрижаль открывалась заповедью о почитании отца и матери. Заповеди — это не смесь и не сумбур. Они логичны, последовательны, связаны изнутри. Мы можем смело, не боясь ошибиться, думать, что неисполнение пятой заповеди делает не-

возможным исполнение всех остальных, касающихся общежития.

Кровопролитие, воровство, похоть, зависть и всевозможная ложь становятся просто неистребимыми, если мы «перескочим» через заповедь о почитании родителей и не дадим ей должной оценки. Между тем классическое общество распалось, отцы и дети перестали быть теми, кем быть должны, и только в силу биологии продолжают называться прежними именами. А мы не чувствуем опасности и называем черное белым, как будто пророк не произнес «горя» на тех, кто делает это.

Из всех заповедей пятая наиболее нравится родителям. Им кажется, что эти слова обслуживают их родительские интересы и стоят на страже их прав и эгоизма. В действительности это не так. Хотя бы потому, что правильное исполнение этой заповеди предполагает наглядный пример, а значит, совместное проживание нескольких поколений. Я, как отец, должен на глазах своего сына проявить сыновнее почтение к своему отцу, то есть дедушке моего сына. Послушание, уважение, почтение должны быть жизненными принципами, а не высокой теорией. Хорошее дело — на глазах у своего сына мыть ноги, целовать руку, отдавать лучший кусок своему отцу и, следовательно, его дедушке. Это будет лучшим залогом выстраивания в юной душе правильной системы ценностей и залогом правильного отношения к себе в старости. Но для этого, как минимум, нужно, чтобы у твоего отца не было второй семьи, чтобы он не бросил твою маму с тобой на

руках и не стал искать счастья с другой женщиной в другом месте.

Много ли у нас семей, где три и четыре поколения живут вблизи друг от друга? Много ли семей, где словосочетание «второй муж» или «бывшая жена» являются кошмарными и нереальными?

Итак, из сказанного уже ясно, что реальность противится, а отнюдь не способствует исполнению заповеди о почитании родителей. Пойдем дальше.

Главные разрушители пятой заповеди — это не строптивые дети, а любящие родители. Это они развращают детей, избавляя их от домашнего труда, сочиняя для них «великое» будущее, лишая их счастья воспитываться в коллективе многих братьев и сестер. Они рожают одного, максимум — двух детей, думая, что уменьшение количества рожденных увеличит качество воспитания. Они превращают детей в домашние «божества» и сами превращаются в идолопоклонников. Весь жар нерастраченной гордости и нереализованных мечтаний такие отцы и матери вкладывают в «воспитание», которое лучше бы назвать погублением или развращением.

Спесивые, изнеженные, заласканные, приготовленные для «великой будущности», эти маленькие эгоисты жестоко разочаруют своих родителей. Те на старости опомнятся и станут, быть может, требовать к себе уважения и почтения, согласно пятой заповеди. Но о каких заповедях можно будет вести речь в доме престарелых или над могилой безвременно

погибшего посреди разврата молодого человека?

Отец семейства должен быть капитаном корабля. Мать и жена — помощником капитана или боцманом, хоть и звучит это не по-женски. А дети — юнгами и матросами. Их нужно сбрасывать, как ложных богов, с пьедестала и запрягать в работу. В черном теле, а не в белом воротничке нужно держать их. К труду, а не к карманным деньгам должны привыкать их руки. Если родители этого делать не будут, то они — разрушители пятой заповеди, а значит, и уничтожители всех остальных. Рожденные ими гордецы и лентяи не остановятся на отсутствии почтения к родителям. Они начнут и красть, и убивать, и прелюбодействовать. И некому будет сказать святую фразу из Гоголя: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Классическое, или традиционное, общество рождено пятой заповедью. Там, где жена послушна мужу, а дети — маме; там, где старость в почете, а молодость в послушании, эту заповедь знают. Там не увлекаются суетным прогрессом и не готовы из-за открытия электрической энергии отказаться от тысячелетних устоев. Счастье и прогресс не только не являются синонимами. Они даже не рифмуются. Более того, часто противоречат друг другу. Вы избрали прогресс? Что ж, готовьтесь поломать всю свою жизнь до самых корней и разделить судьбу старухи у разбитого корыта. Вы стремитесь к счастью? Изберите в качестве ориентира классические ценности и стремитесь к ним, как бы их не обзывали и не высмеивали в газетах.

Всесильный Бибиков, как свидетельствуют мемуары, не смел присесть в присутствии маменьки без ее на то разрешения. Иначе щеки «хозяина Киева» были бы отхлестаны незамедлительно. Милорадович, герой войны 1812 года, бывал не раз сильно бит отцом за различные грехи. Если в высшем обществе таковы были отношения отцов и детей, то что сказать или подумать о простонародье, где и нравы строже, и верность навыку прочней? Именно такие люди, которые и в генеральских эполетах «съедали» смиренно отцовские и материнские пощечины, построили, укрепили и многократно отстояли нашу страну. Поколение ничтожных людей, людей без святынь и ценностей, людей, за неимением иных целей в жизни служащих плоду своего прелюбодейного чрева, способно в считанные десятилетия растерять и разрушить всё, накопленное столетиями.

Мы видим себя в европейском доме. Да будет известно нам, что этот дом — дом престарелых. Во-первых, потому, что Европа состарилась в войнах, спорах, борьбе за истину. Как старый человек, уставший жить и желающий отдохнуть, Европа уже не живет, но почивает на «заслуженном» отдыхе. Во-вторых, культура Европы — это культура распавшихся семей. Это культура узаконенного разврата, где плохо не столько то, что разврат есть, сколько то, что развратничают не краснея. Это культура, где юноши не имеют авторитетов, а старики — иных целей, кроме путешествий в теплые края.

Европейцы умудрились нарушить все заповеди, не нарушая при этом приличий. Этим-то

они и привлекательны миру. Называя войну «гуманитарной операцией», а аборт — «прерыванием беременности», называя воровство «восстановлением справедливости», а разврат — «уступкой требованиям организма», они стали центром притяжения для всех, кто ненавидит Бога, но любит личину приличия. Конечно, заповедь о почтении к родителям не осталась нетронутой.

Пенсионный фонд и социальные службы выполняют теперь то, что должны выполнять по отношению к постаревшим родителям взрослые дети. Умыть руки и сбросить с себя ответственность — вот главная забота современного человека. И этот человек хочет счастья? Нужно выбрать одно из двух. Либо отказаться от счастья, вести жизнь, которую мы ведем, и ждать огня с неба... Либо изменить систему ценностей и повернуться лицом к простым и незаметным человеческим качествам, составляющим сердцевину нашей земной действительности.

По части веры и культуры мы — европейцы. Наши музыканты играют и Гайдна, и Моцарта. Наши ученые ориентируются в мире западных идей с той же свободой, с которой хорошая хозяйка ищет нужную вещь в своем шкафу. Всё, что есть в культуре Запада, понятно нашему сердцу, ибо мы — христиане.

Но мы не полностью отданы Западу. У нашего сердца есть «восточная камера», а у мозга есть «восточное полушарие». Таджикская или афганская деревня, где гостю не показывают лица дочерей, близка нашей душе. Арабская семья, где сын бежит на голос отца, чтобы на-

лить ему чаю или поправить подушку, также должна быть нам близка и мила.

Высшие достижения Запада нам должны быть понятны. Высшие проявления Востока нам должны быть милы. Высшие достижения Запада — это философия, наука и технологии. Высшие проявления Востока — это ценности не спеша живущего человека. Это ценности, связанные с семьей: уважение к старшим, трудолюбие, взаимопомощь, послушание и многое другое.

Технологии, оторванные от морали, поставили мир на грань выживания. Если миру суждено еще пожить, то это зависит от лучших ценностей Востока. «Чти отца и матерь» — одна из них, и не у Запада учиться ее реализации.

ЛОЖНЫЕ БОГИ ЖЕСТОКИ

Ложные боги жестоки. Они требуют всецелого служения и постоянного поклонения. Но чем больше ты им служишь, тем меньше они тебя уважают. В конце концов, твое горькое рабство ложному богу делает из тебя существо униженное и бесполезное. Пережеванный и выплюнутый человек менее всего нужен тем, кому отдал все силы и весь талант.

Так на работе быстро забывают еще вчера незаменимого специалиста. Так революции сжирают собственных детей. Так стремление к славе и популярности оборачивается публичным позором и крахом всей жизни.

Перечень ложных богов довольно объемен. Но кто бы мог подумать, что там есть страничка

с надписью «дети». Их тоже можно неправильно любить. Их можно превращать в богов и всю жизнь свою делать одним непрестанным богослужением. Чем это заканчивается? Не спрашивайте. Подумайте сами да присмотритесь к окружающей жизни. В тюрьмах при советской власти на стенах вешали издевательские лозунги, вроде «На свободу с чистой совестью».

Над входом в наши дома престарелых тоже можно было бы повесить плакат: «Здесь находятся те, кто всю жизнь прожил для детей». Этот плакат будет относиться к большинству старичков, которые имели семьи, рожали детей, но не воспитывали их, а служили им.

Наступило время, и повзрослевшие боги сменили шортики на костюмы, бантики на химическую завивку и отправили дряхлых предков подальше с глаз доживать свою старость на казенном иждивении.

Конечно, процентов десять-пятнадцать могли бы написать такой текст: «Я эгоист — жил только для себя. Ни на кого не обижаюсь. Спасибо за кров и тарелку супа». Но таких будет меньшинство. У большинства к и без того горькой пилюле старости и немощи будет добавлена горечь оставленности теми, кому отданы все силы. Фотографии родителей не так уж часто увидишь на стенах наших квартир. В основном домашние «иконостасы» состоят из фотографий «себя любимого» и, конечно, обожаемого чада. Вот вам и лакмусовая бумажка. Вот и симптомы болезни. Эгоисты и идолопоклонники. В качестве идола — плод своего чрева.

«А ну-ка, Оленька, расскажи стишочек».

«А ну-ка, Сашенька, покажи, как мишка ходит».

И Оленька лезет на табурет, Сашенька, насупив брови, идет вразвалочку. А взрослые смеются, их радости нет предела. У них такие умные и талантливые дети.

«Отнеси тарелку в раковину», «застели постель», «убери свои игрушки». Такие речи в адрес домашних богов звучат гораздо реже. В больном сознании родителей, в их фантазиях, плывущих, как мираж, дети сплошь гении. Отсюда — пренебрежение к ремеслам и практическому труду. Ну как же! Мы будем покорять сцену. Мы будем международными дипломатами. Мы будем управлять банком. Рожаем мало, зато одному дадим всё по максимуму. Иностранный язык, фигурное катание, уроки музыки... Вроде бы всё хорошо. Но если в эту муку вложить запас гордости и стремления к исключительности, хоть я и не пророк, перспектива видится мне — хлеб печали.

Стоит поинтересоваться статистикой, но кажется мне, что в арабских странах домов престарелых мало. Может быть, их там вовсе нет. Мне кажется, что шустрые мальчуганы на улицах Каира или Александрии, те самые, которые продают газеты, чистят ботинки или моют машины, и здоровее, и счастливее детей Европы. У них белые зубы и веселые глаза. Они знают десятки фраз на доброй дюжине языков всего мира. Им интересно жить и вряд ли их бабушки и дедушки доживают свой век в казенном доме. Классическая семья, как ни крути, всё же великое счастье, — даже если ты беден.

Этих малышей тоже зачинали в любви, рожали в муках и кормили грудью. Их любят, но они — не боги. Бог Истинный и Единый ближе к этим людям, чем к некоторым из нас, и нам есть чему у них поучиться.

ДОХРИСТИАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Мышление ассоциативно. Стоит произнести «христианское воспитание», как в сознании вспыхивает ряд картин. Это классные занятия по Закону Божию, освоение молитвослова, служба в храме, чтение катехизиса. Выучить десять заповедей, запомнить блаженства евангельские, молиться утром и вечером — это и многое другое, несомненно, входит в круг понятия «христианское воспитание».

Но нужно признаться, что подобное изучение ставит целью воздействовать на ум, а затем через ум — на душу. Это всего лишь часть необходимой воспитательной работы. Собственно, это более образование, чем воспитание, т.е. более сообщение полезной информации, чем привитие ученику жизненно важных навыков.

Свойство жидкости — принимать форму наполняемого сосуда. Сосуды же бывают самых неудобных и вычурных форм. Они бывают внутри грязны или просто дырявы. Оттого и результаты обучения детей Закону Божию бывают пугающе далеки от ожидаемого.

Ребенок выучил молитву Господню, ознакомился со священной историей, научился изображать на себе крестное знамение, только

вот помогать по дому не хочет, дерзит, лжет по временам. По мере взросления может пробовать курить, баловаться пивом, заслушиваться «попсой». Может, наконец, взбунтоваться против Церкви и перестать ходить на службы. Реакция родителей колеблется между несколькими вариантами. Это может быть обида и удивление: «Как ты можешь?! Ведь ты верующий». Это может быть категоричное: «Он бесноватый. На отчитку его!» Или поиск виноватых: «Друзья плохие. Телевизор влияет. Улица испортила».

Нужно со всей решительностью заявить, что насыщение ума христианскими знаниями автоматически человека лучше не делает. Необходимо воздействие на все стороны личности. Нужна благоразумная строгость, трудовое воспитание, закалка воли, добрые примеры и еще многое другое. Послушание родителям, уважение к старшим, благодарность, трудолюбие, скромность, терпение, щедрость и т. д. не являются сугубо христианскими добродетелями. Эти и другие добрые качества культивировались в разных традициях. Ту сумму добродетелей, которую можно найти во «всемирной копилке нравственности», вернее, ту ее часть, которая не противоречит Евангелию, нужно прививать детям до устного наставления в вере. Этот процесс я условно называю «дохристианским воспитанием».

Говорить на эту тему вдохновляет апостол Павел. Он сказал, что не духовное вначале. *Не духовное прежде, а душевное, потом духовное* (1 Кор. 15, 46).

Да и богословы наши, составляющие катехизисы, говорили, что «естественное» откровение предшествует «сверхъестественному». Прежде чем раскрыть Святую Книгу, нужно всмотреться в окружающий мир. За фасадом его гармоничной сложности нужно вначале почувствовать руку Великого Художника. Тогда семя Писаний ляжет на вспаханную почву.

Итак, с чего же нам начать разговор о добродетелях, предшествующих благодати? Начнем с трудолюбия.

Отучая человека от лишних забот, Христос приводил в пример птиц небесных. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но Отец Небесный питает их. Может показаться, что это проповедь безмятежности. Разуверят нас те, кто наблюдал за жизнью пернатых. Поиск пищи, строительство гнезда, кормление детенышей, бегство от хищников, перелеты в теплые края — всё это делает птичью жизнь и хлопотной, и тяжелой. Речь идет не о беззаботности, а о ежедневной зависимости от Бога. Птица никак не может себя обезопасить на будущее. У нее нет ни пенсии, ни других социальных гарантий. Она не может сдавать свитые гнезда в аренду и жить на проценты. Не может замораживать червячков в холодильнике. **Птицы трудятся ежедневно, и только в этом залог того, что Бог питает их.**

Человек также должен быть всю жизнь деятелен. Райская заповедь «возделывать и хранить» говорит о том, что Господь создал не сибарита, а деятельное существо.

Если мы, например, из жалости не приучим ребенка трудиться (дескать, вырастет — наработается), то услуга эта будет похожа на «услугу» китайских царей своим дочерям. Чтобы подчеркнуть их благородство, им туго бинтовали ноги, так что девочки вырастали изуродованными, не могущими ходить. Затем их всю жизнь носили на руках и в паланкине, давая понять, что их высокое происхождение чуждо всякой работе, даже хождению по земле. И наши дети рискуют приобрести неисправимое душевное уродство, если не будут с малых лет застилать свою постель, убирать после еды посуду, складывать игрушки на место и так далее.

Заповедь о труде всеобъемлюща. Она касается всех, в том числе и тех, кто родился в богатой семье и ни в чем не нуждается. Такой человек должен трудиться не для того, чтобы прокормить себя, но для того, чтобы оставаться человеком, а также для того, чтобы чувствовать сострадание к тем, кто гнет спину ради куска хлеба. Известный филантроп XIX века доктор Ф.Гааз, сострадая каторжникам, идущим по этапу, и желая почувствовать себя в их шкуре, специально в неудобной обуви прохаживал огромные расстояния. Испытав их боль как свою, он добивался смягчения участи несчастных.

Умный миллионер заставит сына на лето устроиться почтальоном или разносчиком пиццы. В таком случае у миллионера будет больше уверенности в том, что, повзрослев, сын не разбазарит, а умножит наследство. Так, к при-

меру, отец легендарного киевского головы XIX века И.Фундуклея, прежде чем оставить сыну огромные сбережения, до тридцати лет продержал его на мелких канцелярских должностях. Расчет оправдался. Фундуклей-младший умножил отцовский капитал и чрезвычайно мудро и человеколюбиво им распорядился.

* * *

Есть сербская сказка об одном короле, который попал в кораблекрушение с женой и дочкой. Их выбросило на берег в неизвестной стране. Там, не зная ремесел, они стали пасти чужих овец, проводя жизнь нищенскую. Случилось, однако, королю той страны искать невесту своему сыну. Обошли королевство, увидали всех девиц и выбрали ослепительно красивую беднячку, дочку пастуха. Царевич предложил ей руку и сердце, но отец девушки поставил ультиматум: дочь не отдам, пока ты, царевич, не выучишь одно из ремесел. Царевич возмутился, но подчинился воле будущего тестя. Он научился плести циновки. Сплел две штуки и опять пришел свататься.

— Сколько стоит одна циновка? — спросил пастух.

— Два гроша, — ответил царевич.

— За сколько времени ты их сплел?

— За день.

— Четыре гроша в день... — подумал старик. — Ладно. Бери мою дочь.

— Спасибо, отец. Но теперь объясни, зачем тебе все это? Ведь я — царевич. Мне нужно будет управлять страной, а не плести циновки.

— Эх, сынок, — отвечал пастух. — И я был королем. Но если бы умел хотя бы плести циновки, то после потери царства моя семья жила бы чуточку лучше.

Эту сказку в силу ее универсальности можно рассказывать на уроках труда, истории, этики или на внеклассных занятиях.

* * *

Овладение ремеслом ставилось в обязанность всем еврейским юношам, посвящавшим себя изучению Закона. Именно так апостол Павел овладел своим ремеслом (шитьем палаток), благодаря которому ничто не препятствовало благовествованию: он кормился трудами своих рук и не давал повода упрекать его в корысти. Не один год он прожил в Аравии, добывая пропитание своим ремеслом, столь нужным каждой бедуинской семье. Об этом в Писании есть только одна строчка: *Пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск* (Гал. 1, 17). За этой текстовой скупостью — годы аскетической жизни, молитв, изучения Писаний.

«Не делай из слов Закона ни золотого венца, ни лопаты», — говорили законоучители. То есть — не превращай Божественное Писание ни в способ прославиться, ни в средство заработка.

Актуальны эти слова и для нашего времени. Эпоха выдвигает своеобразный социальный заказ. Обществу нужны священники-врачи, священники-педагоги как для более глубокого проникновения духовенства в жизнь мира, так

и для большей независимости священника от людской жертвы за службы и требы.

* * *

Если бы человек был потомком обезьяны, он никогда бы не ел хлеб. Не только потому, что не додумался бы. Просто незачем было бы так тяжело и долго трудиться ради насыщения. Быстрее и легче было срывать то, что свисает с деревьев, и выкапывать то, что растет из земли.

Хлеб — самая привычная пища человека, и он же — самая трудно дающаяся пища.

Есть латышская сказка об одном пастухе, которого обессилевший от голода волк попросил есть. Пастух дал волку большой кусок хлеба.

— Какая вкусная у вас, людей, еда, — сказал волк. — Если бы мы ели такую еду, то не нападали бы на ваших овец. Как ее делают?

— Это история долгая, — сказал пастух. — Вначале надо землю вспахать.

— И можно есть?!

— Нет. Погоди. Потом нужно землю засеять.

— И можно есть?!

— Да погоди ты. Я же сказал — это история долгая.

И пастух продолжил рассказывать волку длинную цепочку сельскохозяйственных операций. О том, как нужно ждать урожая, потом жать, скирдовать, молотить, сушить, молоть, печь... Волк то и дело ввязывался с вопросом: «И можно есть?» А в конце сказал: «Вкусная у вас, людей, еда, но трудная. Видно, будем мы на овец ваших нападать».

Сказка эта не для волков, а для людей. О том, что еда у нас вкусная, мы знаем. А вот о том, что она у нас трудная, — забываем.

Вся жизнь человеческая — это смесь трудного и вкусного, трудного и красивого. Огромный труд стоит за светом обычной электрической лампочки или за струей воды из крана. Этот чужой труд нужно ценить, а лучший способ — трудиться самому.

Легко пачкается только то, что выстирано мамой. То, что выстирал и выгладил сам, бережется тщательнее и пачкается неохотно.

* * *

Как вы заметили, мы ничего пока не говорим о посте и молитве, о Страшном Суде и будущей жизни. Но вряд ли кто-то дерзнет заявить, что сказанное выше христиан не касается. Это — как бы «скрытое Евангелие», согласная со словом Божьим нравственность, усвоив которую, можно идти выше. Ведь для того, чтобы «обожиться», надо вначале «очеловечиться».

* * *

Впрочем, тема связи труда и воспитания касается и Личности Господа Иисуса Христа. Праведный Иосиф Обручник был «древоделом» по профессии, то есть, по-нашему, плотником. Им Христос был обучен держать в руках долото и стамеску, сверло и рубанок. Столярные и плотницкие инструменты с тех пор доныне почти не изменились. Сын Божий тяжело зарабатывал Свой хлеб. Его спина и руки знали, что такое мускульная усталость. Прежде чем на Кресте

Его глаза были залиты кровавым потом, трудовой пот выступал на Его челе.

Всё это настолько восхитительно и трогательно, что ради подражания Христу стоит овладеть столярным или плотницким делом. Старец Паисий Святогорец так и поступил, освоив в юности все инструменты, которыми работал Господь.

Мысль об этом очень утешительна для преподавателей трудового обучения. Если учитель верующий, то, ничего не говоря о Боге, но лишь подразумевая трудовое детство и юность Христа, он может превратить свои уроки в уроки Закона Божия.

Ведь не только ум впитывает открыто преподаваемую информацию. Гораздо более сердце впитывает тайно, невысказанно передаваемый опыт. И пусть плоды этого «сердечного сеяния» проявятся не сразу, они будут прочнее и долговечнее голого умственного знания.

* * *

В одном из своих многочисленных творений святитель Николай Сербский писал, что если бы некий юноша спросил его, что нужно сделать для здоровья своей души, то он ответил бы: «Возьми на себя попечение о ком-то». Ведь если человек ни о ком, кроме себя, не думает, то он или уже духовно мертв, или стоит на краю пропасти. Как же практически научить юного человека сопереживанию, отзывчивости, жертвенности?

Можно, к примеру, отправляя ребенка в школу и давая ему с собой бутерброд или ябло-

ко, сказать: «Не ешь один». И яблоко, и бутерброд можно сразу разрезать надвое, чтобы легче было поделиться. Этот навык пригодится любому парню во время воинской службы. Армейские судьбы тех, кто «точит» печенье под одеялом, и тех, у кого «хлеба горбушка — и та пополам», складываются диаметрально противоположно. Не оттого ли эгоистки-мамаши, воспитавшие в одном экземпляре эгоиста-сына, так боятся отдавать его в армию?

Плохо, если отец или мать курят. Но еще хуже, если они выбрасывают окурки за окно автомобиля или под ноги на прогулке. Это неуважение ко всем, кто идет той же дорогой, и особенно к дворнику, который эту дорогу по утрам метет.

Убрать за собой мусор после пикника, тщательно затушить костер — всё это очень воспитательно. В этом есть и уважение к людям, которые придут сюда отдыхать после нас, и бережное отношение к природе.

Там, где жизнь сурова, а человеческие жилища далеки друг от друга, заботливые мысли о незнакомцах, о случайных путниках — залог выживания. Для них на зимовьях оставляются еда и спички. Ради них в горах, уходя, не запирали двери и оставляли на столе хлеб. Но городская культура выветривает из жизни мысль о ближнем, тревогу о нем. Значит — дело за воспитанием.

Всё, что окружает нас, сотворено Богом или сделано людьми. Люди построили дома и вымостили дороги. Небо, земля и источники вод со всем, что живет в них, — дело Божие.

* * *

В любом одуванчике, в любом майском жуке больше творческой премудрости, чем в «Титанике» или «Шаттле». Человек должен любить мир и удивляться ему. Как ни мала Земля в просторах космоса и как ни микроскопичен человек на планете, всё же ради него — человека — и Млечный Путь, и смена времен года.

Епископ Каллист (Уэр) говорит, что слова «не ломай деревья» могут быть заповедью для современного человека.

Адам был сотворен последним и введен в уже готовый мир, как царь — в построенный дворец. И на него легла ответственность за всё, сотворенное ранее. Эту ответственность с Адама и его детей никто не снимал.

Не нужно впадать в крайности восточных учений, таких, как джайнизм, где люди метут перед собой метлами дорогу, чтобы не раздавить жучка, а рот закрывают марлей, чтобы не проглотить мошку. Но и относиться к миру, как безмозглый тиран, — нельзя.

Схиархимандрит Софроний в книге о старце Силуане вспоминает такой эпизод. Они со старцем шли по одной из крутых афонских троп. В руке у Софрония была палка, и он, махнув ею, ударил по кусту. Подрубленная ветка повисла, а старец посмотрел на ученика. В его взгляде была скорбь и вопрос: «Зачем?»

Этот же вопрос надо задавать ребенку, обрывающему цветы, чтобы через пять-десять минут их выбросить. Дело не в том, что растению «больно», а в том, что мир — это наш дом, и вести себя в нем надо подобно мудрому хозяину.

Кстати, Господь, по мысли еврейских толковников Закона, и сотворил человека одного, а не сразу множество, как Ангелов, чтобы каждый из нас чувствовал на своих плечах святую тяжесть персональной ответственности за мир.

* * *

Выше мы немного сказали о труде. Этот разговор требует логического продолжения в теме пищи. Труд и еда неразрывно связаны. Классическое Павлово «кто не работает, тот не ест» полюбили даже в Советском Союзе. Цитата из Нового Завета без указания книги, главы и стиха висела в виде транспарантов на многих улицах страны «победившего социализма».

Некоторые другие цитаты из прошлого нам также сегодня могут пригодиться. «Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб — драгоценность. Им не сори». Этот плакат из школьной столовой моего детства я бы повесил и в современных школах.

Есть древний рассказ о двух монахах, живших недалеко друг от друга. Один из них возделывал огород и ел то, что выращивал сам. Рядом тек ручей, откуда монахи брали воду. В этот ручей монах-огородник выбрасывал по временам пищу, которую не съел. Второй заметил это и стал подбирать недоеденное (это были бобы). Как-то, собрав бобы, он промыл их и переварил, добавил чего-то еще и пригласил соседа в воскресенье на трапезу.

— Нравится ли тебе моя еда? — спросил он соседа.

— Да, очень, — отвечал тот.

— Прости, но это то, что ты выбрасываешь.

Устыдившись, монах с тех пор готовил столько, сколько мог или хотел съесть.

Пищу нельзя выбрасывать. Это — дар Божий. Грешно искать нового, если не съели старое. Сегодняшние дети, по вине взрослых, страшно разбалованы в этом отношении. Без исправления ситуации в этом вопросе мы ни шагу вперед не сделаем в нравственном воспитании, сколько бы молитв мы ни выучили.

Лучшая и вкуснейшая еда — это не чипсы, не шоколадные батончики, а хлеб, молоко и овощи. Лучшее питье — не «кока-кола» и не «спрайт», а вода. Чтобы это понять, нужны голод и жажда. Голод, как известно, —лучшая приправа.

Ребенку нужно вернуть вкус обычной пищи. Ян Амос Коменский говорил, что если ребенок просит есть, надо дать ему хлеба. Если ребенок не хочет хлеба, значит, он не хочет есть. Это разбалованная гортань хочет новых ощущений. И именно здесь одна из причин нервности, своеволия, капризов.

Современный человек вообще жует всё чаще и постепенно приближается по частоте работы языка и челюстей к травоядным. Сигареты, кофе, жвачки между приемами пищи — это каскад вкусовых ощущений, без которых многим уже не обойтись. Без сомнения, это разновидность рабства и отступления от естественности.

Когда взрослые спрашивают, как поститься их детям, я думаю, что не творог и яйца должны в первую очередь исчезнуть из рациона на

сорок дней. В первую очередь должны исчезнуть конфеты, пирожные, жвачки. Должно исчезнуть всё, развращающее вкус и портящее одновременно зубы и желудок. Кстати, и телевизор на время поста было бы недурно завешивать «траурной тафтой». Но об этом позже.

* * *

Человек — существо словесное. О том, что «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести», достаточно сказано у поэтов и писателей. Но в практическую область, в сферу воспитания тема правильного и аккуратного отношения к слову проникла слабо.

Во-первых — «волшебные слова». «Здравствуйте», «пожалуйста», «спасибо», «будьте здоровы», «всего вам доброго» — эти простые и необходимые атрибуты речевого этикета должны быть заучены раньше и лучше таблицы умножения.

Во-вторых — слово надо держать. Наша говорливая эпоха уже приучила людей к тому, что можно говорить и не делать. Этот антипринцип прослеживается на всех уровнях: от невыполнения предвыборных обещаний до подросткового «приду в десять», хотя придет в двенадцать. Слово надо держать в отношении любых обещаний и обязательств. Сказал «верну» — верни. Сказал «завтра» — значит, завтра, а не через неделю.

Приучая себя самих, своих детей и воспитанников бережно и точно обращаться со словом, мы тем самым облегчаем себе и им стояние на

Страшном Суде. Ибо «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься».

Умение правильно пользоваться речью неразрывно связано с умением молчать.

Язык по временам нужно прикусывать, чтобы:

— не выболтать чужую тайну;

— не лезть с советами, когда тебя не просят;

— не перебивать собеседника;

— не встревать в чужой разговор.

Древние сказали, что у человека язык спрятан за двойной преградой — губами и зубами — для того, чтобы не каждое слово слетало с языка. Кстати, умеющий молчать, как правило, в словах точен. Его речь — доношенный ребенок. Учиться этому можно у спартанцев. Это их матери, отправляя сыновей на войну, давали им щит и говорили только: «С ним или на нем». Однажды враги прислали спартанцам угрожающее письмо. Там говорилось, что если противник ворвется в Спарту, то женщины станут рабынями, мужчины умрут, дома сгорят, богатства будут разграблены. Спартанцы ответили: «Если».

Умение молчать собирает воедино рассеивающийся ум. Собранные, как лучи в линзе, мысли согревают сердце. И уже тогда в сердце рождаются нужные слова, ибо от «избытка сердца говорят уста».

В Писании эта тема раскрыта глубже всего у апостола Иакова, в соборном послании (Иак. 3, 1 — 12), а также в многочисленных притчах Соломона. Например: *От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб* (Притч.

14, 23). *Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа* (Притч. 15, 4). *Язык глупого — гибель для него, и уста его — сеть для души его* (Притч. 18, 7).

Отметим, что тексты эти не содержат догматов веры, но одни лишь правила жизни. С ними и неверующему трудно не согласиться. Так, извлекая из Библии нравственные уроки, мы, быть может, впервые открываем ее человеку и поселяем в нем уважение к Писанию.

Теперь несколько слов о телевидении. Само по себе это лишь средство, и люди наполняют его тем, чем питается их сердце. Если сердца людей питаются прахом, сплетнями и страстями, то на ведущих каналах трудно найти что-либо другое.

Хотя при изобретении способа передачи образа на расстоянии (телевидение) первой картинкой был православный крест.

Известен следующий случай. При прокладке по дну Атлантики кабеля для информационной связи между Старым и Новым Светом континенты обменялись приветствиями. Из Европы пришло: «Свобода. Равенство. Братство». Из Америки ответили: «Иисус Христос вчера и днесь Тойже и во веки». Очевидно, что дело не в кабеле, а в том, кто о чем думает из числа людей, отправляющих информацию. Так и наш телевизор. Неокрепшему человеку он может сформировать уродливую картину мира. Кулачные и огнестрельные разборки, прожигание времени в ночных клубах, постельные упражнения и т. п. в реальной жизни занимают вовсе не так много места, как им отводится на экране.

В жизни реальной есть все жанры: трагедия, драма, фарс, комедия, боевик. Только смонтированы эти разножанровые части так, что любому киномэтру слабо скопировать. И реальность всегда превосходит фантастику своей неожиданностью.

Человек приходит в мир не по своей воле. Перед ним стоит задача понять мир и найти себя в нем. О том, что жизнь — это не загородная прогулка, нужно осторожно говорить человеку с ранних лет. Кроме журнальных и киношных красавиц, есть больницы, есть немощная старость. Кроме дорогущих костюмов «от кутюр», есть ужасающая бедность, до сих пор охватывающая полмира. Всё это, впрочем, тоже может быть на экране. Тюрьмы, кровь, смерть. Несправедливость, отчаяние, агония. Но в том-то и дело, что телеэкран чаще всего или путает, или смешит, или рождает грезы. А всё это плохо помогает воспитанию. От сладкого не только портятся зубы, но и расстраивается аппетит. От телевизора не только болят глаза, но и извращается мировоззрение.

Вообще, подход к телевидению вместим в два слова: избирательность и дозирование. То есть смотрим недолго и только то, что одобрили взрослые.

Всё вышесказанное рождает еще одну тему. Ребенок — вовсе не просто объект воспитания. Он еще и субъект действия и познания. Он — неповторимая личность. Разные глыбы мрамора по-разному реагируют на молоток скульптора. Неужели дети одинаково реагируют на воздействие взрослых? Конечно, нет. К каждо-

му нужен свой подход, нужна педагогическая чуткость. Может быть, в желании воспользоваться готовым шаблоном кроется ошибка многих родителей и педагогов. Ребенок хочет любви и чувствует ее или ее отсутствие тоньше, чем глаз чувствует соринку. Любая строгость простится и любое лишение будет не в тягость, если сердце ребенка будет чувствовать любовь наставника. Без любви в воспитание лучше не соваться.

И еще — не стоит браться за труд воспитания, если сам не хочешь учиться, если уверен, что всё знаешь.

Воспитание — это всегда диалог. Словесный или бессловесный, но — диалог. Учитель продолжает учиться, и только тогда может увлечь ученика, раскрыть заложенное в нем и общаться на уровне «от сердца к сердцу», а не «от мозгов к мозгам» или «от розги к заднице».

Затронув тему диалога, вспомним о том, что Сократ учил разговаривая. Он спрашивал, слушал внимательно, думал, отвечал на вопросы. Прогуливаясь и беседуя, проводили занятия учителя легендарной платоновской Академии со своими учениками.

Наш мир искусство диалога потерял. Сегодня, чтобы провести дебаты, соперникам нужен судья, медиатор. Он будет задавать регламент, давать и отнимать право слова, утихомиривать. Иначе дебаты превратятся в птичий базар. Все будут галдеть, перекрикивать, перебивать друг друга. А потом еще и подерутся.

Нам нужно возвращать в жизнь искусство диалога, и учитель (родитель), беседующий с

учениками (детьми), может научить их самих уважать, выслушивать собеседников.

Вот мы уже сколько всего сказали и вспомнили. А между тем еще не объяснили смысл молитвы «Отче наш» и не научили ученика креститься. Хотя мы говорим о христианском воспитании. Простите, о «до-христианском» воспитании, но таком, которое создает человеку личностно-нравственный фундамент. Потом на этом фундаменте строй: хочешь — собор, хочешь — маленькую часовню. Подуют ветры, польются воды, упрутся в строение и не повалят его. Потому как — фундамент есть.

* * *

Каждый мальчик хочет быть храбрым, ловким и мускулистым. Каждая девочка хочет быть красивой до неотразимости. На реализацию этих желаний работает спортивная индустрия, косметическая промышленность и медицина, да и мало ли еще кто. Но нам стоит помнить, что гораздо больше красоты и силы мышц человеку нужна будет в жизни сила воли. Эта внутренняя, то запрещающая, то повелевающая сила способна худенького парнишку сделать храбрее любого бойца, а трудолюбивому середнячку подарить больший успех, чем талантливому разгильдяю.

Сила воли воспитывается там, где чувство долга и ответственности заставляет делать то, что не хочется, и там, где нравственный закон запрещает делать то, что хочется. Хочется похохотать на физкультуре над неудачным прыжком товарища. Но ведь ему обидно, и зна-

чит — нельзя. Не хочется пылесосить в комнате или выносить мусор, но это твои обязанности, и значит — надо.

Нить накала нашей жизни горит между полюсами «хорошо» и «плохо». На первой стороне размещен императив «надо» (хотя не всегда хочется). На второй — «нельзя». Если же мы позволим себе жить по-прежнему, «хочу — не хочу», то из реки, текущей между двух берегов, жизнь превратится в бесформенную и бесполезную лужу.

* * *

Какой лозунг можно начертать на знамени юноши? Один из хороших вариантов — «учись у всех». Учиться нужно всю жизнь, и привить любовь к этому нужно с детства и юности. Один из твоих друзей бегает по утрам — учись у него этому. Другой — самозабвенно учит один или два иностранных языка. Вот и еще добрый пример для подражания. Кто-то аккуратен в одежде. Кто-то нетерпим к несправедливости. Кто-то учтив со старшими. Все люди — это книги. Большей частью непрочитанные, пылящиеся на полке. «Учись всему доброму, что видишь в друзьях и знакомых», — так сказал бы я юноше, желающему жить правильно.

* * *

— Батюшка, мой сын совсем от рук отбился. С женой разошелся, пьет...

— Батюшка, помолитесь о моем сыне. Грубый стал, дерзкий. Никого не слушает. Работу бросил...

— Ой, батюшка. Что с моей дочкой делается? Стыдно сказать...

Подобные жалобы и просьбы священники выслушивают чаще, чем рядовой гражданин — прогноз погоды. Но отмаливать 25-летнего неправильно живущего человека — это отмывать грязь, копившуюся двадцать пять лет. Труд — более нелегкий, чем «из болота тащить бегемота».

Церковь не действует магически: отчитали — всё прошло; в храме был — и всё в порядке. Детей нужно воспитывать.

Будем считать, что мы всего лишь открыли тему.

ЧТОБЫ СПАСТИ РЕБЕНКА, НУЖНО ВНАЧАЛЕ СПАСТИ ВЗРОСЛОГО...

Люди, умеющие составлять точный прогноз погоды, обязаны разбираться в вопросах нравственности. Об этом ясно говорится в Евангелии. *Различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете* (Мф. 16, 3). Хватает ума предсказать дождь или засуху — должно хватить ума и на различение явлений духовных. Мы с нашими ежедневными прогнозами, метеорологическими службами и спутниками погоды так далеко зашли в изучении мира, что на Суде будем безответны. Лицо неба и земли мы научились различать прекрасно. Отсутствие духовного разума в таком случае приобретает характер осуждающий и угрожающий. Та

цивилизация, которой мы гордимся и которая временами грозит нам небывалыми проблемами, повышает к своим создателям нравственные требования. Уж что-что, а то, что у нас, людей, ума не хватает, что мы глупые и поэтому, дескать, грешили и ошибались, сказать никто не сможет. Умные мы, и даже очень, только не в ту сторону. Лицо неба и земли различать научились, а с собой разобраться не можем.

Для диагноза медицинского важно всё: и малейший прыщик, и покраснение глаз, и беспокойный сон. Так же важны бытовые «мелочи» в оценке духовного состояния. О чем говорим, во что одеваемся. Всё это — важные признаки внутреннего состояния. Компьютеризация, пластиковые паспорта и пресловутые три шестерки теряют свою важность, мнимую или действительную, стоит обратить взор на простые черты повседневности, осознанные как диагноз или пророчество.

Многое из того, что мы раньше считали нормальным, сегодня размылось. Вот вы, например, можете себе представить в 70-х годах курящую крестьянку? Представить, чтобы женщина в селе шла по улице и курила? Нет, не можете. Сельская молодица с «примой» в зубах — знак глубокого сдвига в психологии людей. Появились многие вещи, которые ранее были просто невообразимы. В одежде, в речевом этикете, в других вещах. Вот такая простая вещь: курить — грех или не грех? Одни скажут — это страшный грех, другие — это простительный грех по сравнению с остальными, третьи скажут, что это вообще не грех. Но однозначно то, что

сдвиг произошел. Человек не мог раньше чего-то сделать — ему было стыдно. Но вот прошло немного времени — и уже не стыдно. А еще немного времени пройдет — и уже будет стыдно так не делать.

Помню, пришли две девушки на причастие. Милые с виду, свежие и невинные. Так, по крайней мере, казалось. Исповедались, пошли к Чаше. Открывают рот, а у каждой во рту, на языке — металлический шарик. Об него лжица звякает при причастии. Откуда это? Что это за ужас? Где глаза у матерей, где их мозги и совесть? Ведь виноваты матери! И отцы, конечно. Нужно быть до конца сумасшедшим, сгнившим от разврата человеком или просто животным, чтобы не замечать такие вещи у детей, а заметив, не реагировать. Если вы хотите поговорить об антихристе, то обратите внимание на подобные детали. Они поважнее будут, чем карточки из пластика и цифры «шесть».

Или еще пример. Парень хочет быть крестным отцом. Приходит на беседу. Весь в наколках. Мочки ушей, шея, руки — всё в наколках. Говорю: «Хочешь быть крестным?» Говорит: «Хочу». Страшно отогнать человека, отругать и оттолкнуть. Может, это был его единственный шанс на воцерковление, и все твои добрые дела потеряют цену, если ты его оттолкнешь. Но когда он пришел причащаться и открыл рот, то всем стало плохо — и дьякону, и мне, и пономарю. У человека язык разрезан сантиметров на пять и раздваивается, как у змеи! Как можно дойти до такого безумия?! А ведь он не один такой. Ветхий Завет строжайше запре-

щал всякие рисунки и надрезы на теле. А мы умудрились испортиться из-за того, что Новый Завет возвестил нам прощение. Прощение и любовь многие поняли как безнаказанность и, соответственно, повод к греху. Вот это бытовое сумасшествие пугает меня гораздо больше всяких цифр, в том числе — шестерок. Прислушайтесь, о чем люди говорят, что обсуждают, к себе прислушайтесь — и вам станет страшно. У Гамлета дядя отравил отца и на матери женился. Гамлет сказал: «Прогнило что-то в Датском королевстве». А у нас кто кого убил и кто на ком женился в обход закона, что всё так прогнило? И при этом мы продолжаем мечтать о беспримесной, стопроцентной святости. Рассуждаем о бесстрастии, читаем книги отцов. А рядом, через стенку, воскрешаются древние языческие культы. Диавол сеет людей, как пшеницу. Мне очень больно осознавать это и об этом говорить.

Антоний Великий говорил, что наступит такое время, когда десять больных соберутся вокруг одного здорового и скажут ему: «Ты самый больной, потому что не похож на нас». То есть деградация моральных принципов может привести к тому, что стыдно будет не грешить. Скажут: «А чего это ты? Мы всё это уже познали, постигли, поняли, ощутили, нам уже надоело, а ты еще не начал». И человек вынужден будет грешить за компанию. За компанию трудно не грешить. Паисий Афонский говорил, что если на светофоре соберется толпа людей и все пойдут на «зеленый», то тебе останется только ноги передвигать. Толпа сама тебя поне-

сет. Те же механизмы действуют и в вопросах моральных. Вот под таким прессом находятся наши дети. Им может быть стыдно, что они невинны, они могут как тяжесть и неполноценность ощущать свое целомудрие! Не Содом ли это ожил и воцарился? При этом, чем больше город, тем больше схожих с Содомом черт. Мы продолжаем называть Киев святым городом и матерью городов русских. Москва для нас — белокаменна, и церквей в ней — сорок сороков. Но это — долг памяти и исторических ассоциаций. Если содомской идеологии где-то уютно, то именно в Москве, Киеве и подобных мегаполисах.

* * *

Меня занимает следующая мысль. Каждое новое поколение детей лучше, чем те, кто их родил. Детей родили люди взрослые, уже с актуализированным опытом греха. А эти невинными родились, в них греха нет, то есть личного греха. В них есть грех как семя, но не грех как факт. (О том, что грех есть некое семя, мы говорим в молитвах: семя тли, т. е. тления, во мне есть.) А потом, когда жизнь проживают, доходят до старости, то говорят: «Э, да. Сегодня делаются такие вещи, о которых мы даже не слышали». Мир пошел дальше в плане свободы грешить. И как так получается, что невиные дети, вырастая, становятся хуже поколения своих родителей? Что этому виной? Пафос борьбы за свободу и личное достоинство, пафос, которым насыщен воздух истории, часто есть пафос борьбы за возможность грешить и

не каяться, возможность творить «волю свою» и только свою. Человек рождается нежным и гибким, без навыков к греху, хотя и со склонностью к нему. Воспитай его, вложи в него время, силу и благие мысли. Он, быть может, мир удивит высотой своей жизни. Вместо этого мы погружаем ребенка в атмосферу расслабленности. Мы восхищаемся им, балуем его. Потом он вырастает и очень удивляется, почему мы начали ругаться? Раньше он показывал фокусы, шалил и шумел, а мы всё смеялись. Теперь он тоже шалит, правда, по-взрослому, а мы почему-то не смеемся. Нестыковочка получается. Сформировали человеку модель поведения, а теперь перестали радоваться, когда он по этой модели живет. Шалит он, а виноваты мы. Мы воспитали его, как домашнего бога, то есть идола. Идолы, предупреждаю вас, жестоки и безжалостны.

Что такое свобода? В христианском понимании это свобода от греха. Где Дух Господний — там свобода. Я могу сопротивляться окружающим обстоятельствам. Значит, я свободнее тех, кто поступает, исходя из того, где он и кто с ним. Я ношу то, что мне нравится. Я свободнее тех, кто напяливает на себя тряпки по моде и с презрением отбрасывает вчерашние модные тряпки, устаревшие к нынешнему моменту. Мы свободны всегда, когда у нас есть твердые ориентиры, когда наше сердце «занято» и ум работает. Иначе мы — рабы, чьи цепи украшены блестками по моде. Мы — тупые рабы, которым весело при взгляде на эти блестки. Христос пришел дать нам жизнь и силу, ум и

свободу. Без Него мы — посмешище и ничтожество. В Нем наша подлинная свобода. Когда евреи думали гордиться своим происхождением от Авраама, Христос говорил им, что *всякий, делающий грех, есть раб греха* (Ин. 8, 34). Вот от чего Он пришел нас освободить.

Но есть и другая свобода — это свобода грешить, причем чтобы тебя за это и не ругали. Один проницательный и остроумный человек (Гилберт Честертон) сказал, что весь современный мир напичкан христианскими идеями, которые сошли с ума. Христианская идея свободы превратилась в свою противоположность, христианская идея о равенстве мужчин и женщин превратилась в свою противоположность, и другие христианские идеи превратились в свои противоположности. Это очень меткое выражение — «христианские истины, сошедшие с ума». Смотрите: бывшие христиане, то есть бывший христианский мир, сильно переживает о климате на планете, строит питомники для бездомных животных, кричит о равенстве, о свободе, о правах. Вместе с тем нет ни слова о борьбе с грехом, о молитве. Под свободой понимается свобода избирательных прав, свобода смены половой идентификации — что угодно, только не свобода от греха. Налицо отказ от Бога при сохранении активности в делах любви и справедливости. Но без Бога это уже «не та» любовь и «не та» справедливость.

Апостол Павел в Послании к Галатам пишет, что во Христе Иисусе *нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). Есть такие слова, и вы их наверняка

хотя бы раз в жизни слышали. Но можно жизнь и без Христа, и без Его благодати превратить в такую, что действительно не разберешь, где мужеский пол, а где женский. Это будет проповедь Павла наоборот, вернее, доказательство Павловой правоты от обратного. Смотришь на людей иногда, и уже неясно, кто это: мужеский пол это или женский? Знаете, что недавно зарегистрировали первого человека, у которого в метрике записано, что он бесполый? То есть не знают, кто он. Почему не знают? Родился мужик, захотел быть бабой — ему, соответственно, сделали что-то, чтобы он был этим, а не тем. Потом ему надоело быть бабой, но он мужиком стать обратно тоже не захотел. Не захотел на операцию снова ложиться. И теперь непонятно, кто он. Был мужчиной, потом — женщиной. Теперь ему написали — бесполый. То есть буквально не разберешь, где мужеский пол, а где женский.

Апостол Павел говорил о благодати и святости, в свете которых стираются различия. А мир придумал иные формы и способы смешать одно с другим без всякой святости, так что не запутаешься. Женщина зарабатывает и кормит семью — сильный мужчина пролеживает жизнь на диване. Мужчина делает химическую завивку — женщина кладет асфальт или служит в армии. Дети зачинаются в пробирке. Одежда перестала быть выражением пола. Спорт, бизнес, половые извращения перемешали полы, сделали их трудноразличимыми. Мир посмеялся над Павловой проповедью и исполнил его слова по-своему.

Так к чему я это говорю? Поступательная жизнь человечества ведет к большей свободе грешить, к меньшим укорам совести, и что самое страшное, как мне кажется, — остается всё меньше и меньше способности сопротивляться греху. Это закон больших чисел. Тот же самый, что и в случае с пешеходным переходом. Когда все в селе в Великую Пятницу не едят и в ночь с субботы на воскресенье Пасхальную службу все стоят в храме, тогда самый грешный человек немножко свят. Он со всеми, а все молятся. Но когда в селе, в котором 500 дворов, только десять человек в Великую Пятницу не едят, а все остальные — как пили, так и пьют, как ели, так и едят, и только двадцать человек стоят на Пасхальной службе, — тогда самый святой человек имеет соблазн стать грешником. А уж про грешного человека и говорить нечего. Это и есть некие законы больших чисел: хочешь не хочешь, но если все постятся, то и ты худо-бедно подтягиваешься. Если никто не постится, то тебе очень тяжело. Образом такого жития апостол Петр называет жизнь Лота в Содоме. Этот праведник непрестанно мучился в душе своей, видя и слыша дела беззаконные.

Вернемся к ранее сказанному. Рождаются дети святыми, а вырастают грешниками, и каждое новое поколение грешников хуже, чем то, что его родило. То есть родили мы ребенка, который лучше нас, а когда мы уже старенькие, а он молодой и сильный, то он хуже нас вышел. Такая странность получилась. Мы ищем виновных и говорим: куда смотрит госу-

дарство, Церковь? Что же это такое? Почему в мире так происходит, что наши дети всё хуже и хуже становятся? А потому, что если взрослых не исправить, дети не исправятся. Когда мы садимся в самолет, стюардесса рассказывает нам и показывает на себе правила обращения со спасательным жилетом и кислородной маской. Мы слушаем ее вполуха, но одну вещь всё же стоит запомнить. Если возникает опасность разгерметизации и нужно воспользоваться кислородной маской, то кому ее надо первому надевать, если вы путешествуете с ребенком? Первая мысль — ребенку. Ну как же иначе? Все лучшее — детям. «Титаник» тонет, первые шлюпки — детям и женщинам. Правила же обязывают надеть маску вначале самому, а затем надеть ее ребенку. Дай Бог никогда не пользоваться на практике этими знаниями, но через этот пример мы сталкиваемся с очень важным законом. Чтобы спасти ребенка, нужно вначале спасать взрослого. Спасенный взрослый спасет и ребенка. Погибший взрослый станет косвенной причиной гибели тех, кто без его помощи обойтись не может. Взрослые обычно считают, что, мол, я уж ладно, меня уже поздно исправлять. Да и что мне уже?.. Но вот дети мои! Мои дети! О! Они должны быть лучше. Это страшная ложь и опасная иллюзия. Если ты лучше не будешь, они лучше не будут никогда. Взрослые и дети — это сообщающиеся сосуды: наливаешь в одно — пополняется другое. В конце концов, сама жизнь человеческая — это органическое единство. Не механическое, а именно органическое единство. Если,

например, мы сложили в кучу тысячу камней, полили один камень, все остальные оставили сухими — это механическое единство мертвых предметов. А если мы, например, полили дерево, полили корни, то хорошо стало и ветвям, и листьям. Это — органическое единство. И в мире людей так. Одному хорошо — и вслед за ним всем хорошо. Одному плохо — вслед за ним остальным плохо. Если родители не ставят перед собой цели очищаться, исправляться, приближаться к Богу, то нет никакого толку в том, что они страстно желают, чтобы их дети были лучше. Мне кажется, что это самая важная вещь в разговоре о семье.

* * *

Достоевский однажды сказал, что люди гораздо больше поняли, нежели сумели высказать. То есть интуитивно человек понимает гораздо больше, чем может объяснить. Вот, например, женщины. Они не всё могут объяснить, но понимают гораздо больше мужчин иногда. У них аппарат обработки информации — мозг — тормозит, но аппарат получения истины — сердце — работает. Она на тебя часто смотрит, как то самое известное домашнее животное, преданное, которое душу за тебя отдаст. Она всё понимает, но сказать не может. Если начнет говорить, то станет жалко: лучше бы молчала. Но понимает всё абсолютно верно и глубоко. Я, конечно, здесь немного намеренно преувеличиваю. Один умный человек сказал, что нет такой вещи, которую женщина не могла бы понять и объяснить, просто ей это не-

интересно. У нее есть другие занятия. Но оставим эти иллюстрации.

Итак, люди гораздо больше понимают, чем могут объяснить, и когда они объясняются между собою, то гораздо больше передают друг другу интуитивно, нежели вербально. Люди интуитивно считывают друг с друга информацию. Привычки, повадки, акцент речи — отсюда, от общения душ и взаимовлияния. Мы, христиане веры восточной, не такие крайние рационалисты, как христиане западных исповеданий. У тех ratio — это самое главное. А у нас ratio на своем месте, оно почитаемо, но оно не абсолютно. Мы с вами должны прекрасно понимать, что учить кого-то чему-то — это не значит посадить его перед собой и говорить с ним. Учить кого-то чему-то — это, например, вместе вскопать грядку. Даже не вскопать грядку, а просто заварить чаю и поговорить о чем-то нейтральном, не обязательно о чем-то архивысоком или архисложном. Просто общаться — это тоже учить, потому что если в тебе что-то хорошее есть, то ты будешь передавать это, даже если не захочешь. Человек в силу некоей необходимости, в силу царского достоинства своего либо оскверняет окружающий мир, либо освящает его, даже если он специально ничего не делает. Он просто делится тем, что в нем есть, его содержание таинственно исходит от него. Оно выходит в мир, конечно, через речь, но не только. Ничуть не меньше это внутреннее содержание изливается в мир через глаза и руки, через мысль. Молча делать что-либо полезное на

глазах у человека — это тоже процесс образования и воспитания.

Мы ведь знаем, что человек может говорить правильные вещи, но разрушать их своими делами. Мы помним латинскую пословицу, гласящую, что «слова увлекают, а примеры тянут». Можно ничего не говорить, но, тем не менее, воспитывать. Я уже много раз повторил эту мысль в надежде на то, что повторение — мать учения. А истина эта забыта, и нужно потрудиться ради водворения ее на достойное место. Поэтому, когда у нас возникает вопрос о наших детях, об их воспитании, то здесь, безусловно, гораздо больший вес имеет наше собственное бытовое поведение и наша повседневная жизнь, нежели какие-то правильные слова. Например, психологи говорят, что если ребенок не видел в раннем детстве родителей работающими: пилящими, строгающими, пишущими, думающими, варящими, стирающими, после еды убирающими — попросту работающими и уставшими после работы, то невозможно научить затем ребенка работать. Можно бубнить и жужжать над ним, стоять над ним, как надзиратель с колотушкой: «Работать надо, работать надо, работать надо», — а он так и не научится работать. Что-то очень важное пропустил он, не видел, не показали мы ему. В каком-то очень раннем возрасте не считана душой важная информация, ребенок чего-то не видел и уже не увидит, поскольку поздно.

Человек может быть просто-напросто искалечен отсутствием положительного опыта. Ведь мы, по Аристотелю, «животные социаль-

ные». Лишившись, например, человеческого общества в раннем детстве, мы рискуем не стать человеком. Всем знакома сказка «Маугли». Но не все знают, что подобные вещи случались в действительности, только романтики в них было поменьше. В Индии неоднократно случалось, что «человеческих детенышей» воспитывали хищники. Уполз малыш из хижины на краю джунглей в лес и пропал. А через пару лет его нашли охотники в стае волков. Такое, повторяю, было. Удивительно, что волки не съедали детей, но вскармливали и воспитывали. Дети, конечно, не разговаривали, бегали на четвереньках, выли на луну и так далее. Будучи возвращенными в общество людей, они так и не выучивались говорить, одеваться, есть за столом, пользоваться вилкой. Эти дети вскоре умирали от тоски, как дикие звери в неволе. Ряд таких случаев подробно описан. Это очень яркий пример того, что упущения в воспитании могут принять необратимый характер. Человек разговаривает, ест ложкой, на луну не воет, но это еще не гарантия, что в душе он — не Шариков, то есть не говорящее животное. И чем так страшны войны и революции, как не тем, что с человека снимается тонкая культурная пленка и наружу выглядывает звериная морда непреображенного внутреннего человека?

Итак, ты — человек, но то, что ты в 3 года не получил, ты в 10 лет уже не догонишь. И то, что в 10 лет ты не получил, ты в 16 лет не догонишь. И то, что ты в 16 лет не получил, в 30 лет даже и не мечтай об этом. Почему мы часто повторяем слова игумена Никона Воробьева, который

говорил: «Нам оставлено покаяние». Это — классическая фраза, которая очень часто повторяется, чаще всего к делу, иногда и не к делу. Там, где к делу, это что означает? Что мы уже не сможем сделать что-нибудь такое очень большое, поскольку фундамента нет. Мы не сможем прыгнуть высоко, взлететь, достичь высот. Поэтому нравится не нравится, а нам оставлено только покаяние. Дело сгорит, построенный дом сгорит, а сам спасешься, словно из огня. Спасешься, как выхваченная из костра головешка.

Это потому, что фундамент нам не заложили, базы нет, опереться не на что. Может, это мы, наше поколение, будем базой для будущих поколений, может быть. Тогда они, а не мы, смогут сделать что-то истинно великое, став на грунт предыдущего поколения, то есть нас. Большое без маленького не существует. Это тоже закон.

Мы помним, что пишет апостол Павел: *не духовное прежде, а душевное, потом духовное* (1 Кор. 15, 46). Православный человек склонен часто «перемаливать» свои проблемы. И знаете, наши минусы — это продолжение наших плюсов. Поясню примером. У меня была прихожанка такая, которая говорила: «Батюшка, помолитесь, у меня кран течет». Я ей говорил то, что любой бы сказал: «Не нужно молиться, когда кран течет, нужно звать сантехника. Если нет денег — поможем, если есть — платите ему сами». Здесь нужна другая деятельность, нельзя перемаливать эту проблему. Перемолить текущий кран нельзя. А она говорит: «Помоли-

тесь». Так православные люди склонны перемаливать текущие краны, пьющих детей, прохудившуюся крышу, плохого начальника. Мы верим в силу молитв, верим в чудотворность молитв, но не всегда умеем различить, где нужно стать на колени с Псалтирью в руках, а где закатать рукава и вооружиться садовым инструментом. Это и есть превращение плюсов в минусы.

Есть вещи, которые не перемаливаются в принципе, и не нужно кругом ждать чуда, везде вторгаться в жизнь с желанием, чтобы Бог чудеса творил на каждом шагу. Есть простые вещи, которые требуют рук, головы, языка, лопаты, чего угодно, но не молитвы. Или молитвы — тоже. Но, понимаете, чтобы нам купить хлеба, нам не нужно просить Бога, чтобы Он опять давал нам манну. Он больше никому давать ее не будет. Он давал ее когда-то и больше давать не будет. Для того-то и положена была последняя горсть в Ковчег на вечное воспоминание о путешествии по пустыне. А нам нужно работать, покупать хлеб, который печется в пекарне и привозится в магазины, или печь его самим. Мы молимся перед едой, «Отче наш» читаем, но жевать мы всё равно должны сами. Православный человек знает, что Бог всесилен, что Он творит чудеса. Но это не значит, что мы должны всё вокруг менять при помощи вымоленного чуда. Ты тоже должен что-то делать.

Человек воспитывается примером больше, чем словом. Надеюсь, мы этого не забудем. Есть такой прекрасный афоризм: как может мужчина максимальным образом проявить свою лю-

бовь к детям? А вот как: любить их мать. Если мужчина любит мать своих детей — это максимальное, что от него требуется. Всё остальное приложится. Если мужчина любит женщину, родившую ему детей, если он является добытчиком и защитником этой семьи, чего от него еще требовать? Чтобы он с пеленками возился? Чтобы он еще и ночью вставал? Но у него грудного молока нет, ему ночью ребенку дать нечего. Он должен любить мать своих детей! Если он это делает — хватит! Может быть, у женщины иные, завышенные требования, тогда она будет этими требованиями наказана.

Когда мужчина перегружен вашими претензиями (женщинам говорю), он уйдет от вас. Он уйдет от вас, если вы будете любить свою маму больше, чем мужа. Это тоже закон. *Оставит человек отца своего и мать,* — слышите? Оставит, — *и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью* (Мк. 10, 7). Нельзя любить маму больше мужа, слушаться маму больше, чем мужа. Это грубейшее извращение, нарушение законов Божиих. Нельзя, взявшись за горячее, не обжечься, прикоснувшись к смоле, не запачкаться. Точно так же нельзя быть счастливым, попирая элементарные законы Богом сотворенной жизни. А женщина, которой Бог власти не дал, хочет всеми командовать, хочет любить больше всего свою маму, хочет, чтобы ее дети любили ее саму больше, чем будущих своих мужей и жен. Она неизбежно останется одна и будет несчастна. Нужно всё расставлять на свои места. Те, кто жили долго и правильно, именно так и

жили. Потому что семейные добродетели — это добродетели общечеловеческие.

* * *

Семья началась в раю. Первая семья была благословлена Богом, когда еще было очень далеко до всех тех вещей, которыми мир наполнен сегодня. Когда мы венчаем жениха и невесту, юношу и девушку, мы даем им возможность ощутить себя в раю Адамом и Евой. В это время храм есть земной рай, а они фактически должны кожей своей ощутить, что они Адам и Ева, и Господь повторяет им, только не лично, а уже через священника, те же самые слова и благословения — плодиться, размножаться, наследовать землю, обладать ею. Правда, к этому добавляется некое наказание: *в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое... в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 16, 19). Это уже то, что добавилось после грехопадения. Но сам брак родился в раю, и этого никто не уничтожил. Ни всемирный потоп, ни все грехи, которые были в мире, святости брака не уничтожили. Мы смело можем думать, что Таинство Брака есть таинство общечеловеческое. Что имеется в виду? Когда муж и жена берутся за руки и желают всю жизнь жить вместе, мы можем утверждать, что это — таинство. Когда Христос пришел на брак в Кану Галилейскую, то Он не пришел туда на блуд. (Многие ведь считают, что невенчанный брак — это блуд. Это очень простая и очень неправильная мысль.) Христос не пришел на блуд в Кану Галилейскую, хотя

эти люди не были венчаны в нашем смысле и венчаны быть не могли, еще не было христианского Таинства Брака как такового. Но сказано: *был брак в Кане Галилейской* (см. Ин. 2, 1).

Брак — это таинство, общечеловеческое таинство, и добродетели брака — общечеловеческие. Послушание жены мужу, ответственность мужа за семью, послушание детей матери. То есть дети слушаются мать, мать — отца, отец — Бога. Иерархично. Совместный труд, совместный хлеб, совместная смерть, если Бог даст. «Будем жить долго и умрем в один день». Это то счастье, которого желают себе все влюбленные. Это встречается везде, во всех культурах. Этого хотят все люди. Брак нигде не терпит лени, пьянства, измен. Брак нуждается в терпении, трудолюбии, мудрости и во многом другом. Это касается всех людей вообще. Поэтому на сегодняшний день мы можем учиться правильной семейной жизни у всех людей, у которых брак состоялся.

Наши святые — это, в основном, монахи или епископы (которые тоже с незапамятных времен — монахи), или юродивые, или мученики. И мы учимся у мучеников терпеливому страданию и исповеданию Христа до смерти. Вернее, мы просим, чтобы они молились за нас, ибо они имеют великое дерзновение перед Христом. Христос за всех кровь пролил, а они за Христа кровь пролили. В этом взаимном пролитии крови они очень близки друг другу. Но у кого нам учиться супружеской жизни? У юродивых, мучеников, у святителей, у монахов? Ни у кого из них. Они убегали от брака, они преодолевали

узы брака, они нам ничего не оставили по части того, как жить в семье. А нам-то надо жить в браке.

Сам подвиг этих увенчанных святых людей строился на базисе твердых семейных устоев. Они не пренебрегали семьей, но преодолевали природу ради высших целей. Только благодаря твердости естественных устоев могло возникнуть всякое подвижничество. Мы же, потеряв ценности элементарные, обречены на бессмысленное и бесполезное стремление к ценностям высшего порядка. Бессмысленное потому, что великое без малого не существует. Укрепится брак — возродится и монашество, появится и учительство, засияют святители. Рухнет брак — рухнет всё, и невозможной станет никакая святость.

Василий Великий вырос и воспитался в семье, где святого человека было легче найти, чем простого. Многому он научился у сестры, многому — у бабушки. Так и Григорий Богослов до старости считал себя должником своей матери во всем, что касалось добродетели. Мученик и целитель Пантелеимон — наследник благочестия своей матери Еввулы. Старец Силуан говорил, что хотел бы иметь такого чуткого и мудрого духовника, как его родной отец. Силуан многих духовников повидал на своем веку, но его папа — простой неграмотный крестьянин — оказался глубже этих многих. Примеры можно продолжать до бесконечности. Поэтому там, где святые люди древности уходили от брака ради «почести горнего звания», они отталкивались от опыта правильного и

крепкого брака, существующего в обществе и в их собственной семье.

Именно потому, что мы в браке нормально не живем, и происходит всё то безумие, заполняющее последние годы, десятилетия, столетия. Учиться жить в браке нужно у всех, кто в браке живет хорошо. Там, где жена мужа слушается и любит его, мы будем учиться. Присматриваться мы будем к этой жене. Там, где мужчина является настоящим мужем и отцом, присматриваться и учиться стоит нам с вами. У одного из братьев проблема — и вся семья собирается, чтобы помочь ему: давайте поинтересуемся, как их воспитывали, кто научил их любить друг друга? Это действительно — процесс обучения. Он требует внимания, наблюдательности, цепкости ума, заинтересованности. Ведь всё, что хорошего есть в мире, требует обучения, и добродетельный муж учится всегда. А хуже всех и противнее всех тот, кто уверен, что он всё уже знает.

Учиться семейной жизни, семейным добродетелям — так мы сформулировали задачу. Мы с вами умеем только то, чему научились. Например, пришивать пуговицу, готовить еду или писать. Сейчас мы пишем легко, но когда-то мы не умели писать, и чтобы нам научиться, нужно было долго мучиться. Сначала это было некрасиво, это были каракули, неправильные завитушки и черточки. Слава Богу, Он нам дал учителей, которые терпеливо — год, два, три — учили нас в младших классах писать, дали нам ключ к постижению знаний. Мы уже забыли об этом и относимся к этому спокойно. Писать

умеем, читать умеем. А это было тяжело. И ходить мы учились долго и трудно. Земля взлетала из-под ног сотни раз, мы падали, плакали, набивали шишки. Кто об этом сейчас помнит? То, чем мы так легко пользуемся сегодня, было когда-то предметом долгого и трудного обучения. Всё, что мы имеем и умеем, всему этому мы учились долго и тяжело. Неужели вы думаете, что любить друг друга, быть верными друг другу, построить жизнь супружескую можно ни с того ни с сего? Не учась, без долгого и тяжелого труда? Невозможно это. И думать иначе — грешно, хотя миллионы думают так и за грех это не считают.

Невозможно научиться жить, не учась жить. Что значит учиться жить? Это значит учиться работать, учиться делиться тем, что ты заработал, с теми, кто сам заработать не может. Не может, потому что рук нет или потому что старик, один на старости лет без детей и внуков. Учиться жить — значит учиться не смеяться над чужими ошибками, учиться промолчать, когда видишь чужой грех, учиться радоваться чужой радости и плакать над чужим горем. Это называется школой жизни. Если даже писать невозможно уметь, не учась, то что же думать об искусстве жить вообще! И учиться можно у всех, это мое твердое убеждение.

Если человек настроен на то, чтобы собирать доброе, он, как пчела, будет собирать с каждого цветка всё, что можно. У Василия Великого есть специальное сочинение, предназначенное юношеству, в котором он говорит, что нужно учиться, в том числе и у язычников. Нужно от-

носиться к источникам знаний подобно тому, как пчелы относятся к цветам. Они садятся не на все цветки, но на избранные, и там, где садятся, они не всё с собой уносят. Нам тоже нужно садиться на избранные цветки и брать всё, что может быть полезным. В том числе брать и у тех, кто Христа не знает! Не бойтесь говорить и думать об этом. Колесо, плуг, охотничий лук, календарь и способ добычи огня тоже ведь не апостолы изобрели. Но мы спокойно берем эти и другие полезные навыки и знания из общечеловеческой копилки. Здесь нет измены Христу, но есть смирение. Ведь и язычники многое поняли, многое почувствовали, многого достигли из того, чего мы сегодня зачастую не имеем. Мы — якобы — обладатели истины, но мы сегодня и половины не умеем из того, что могли знать и уметь люди, не знавшие истины. Это — жуткая боль, это страшное противоречие. Страшное противоречие заключается в том, что в христианском мире, в котором верят в Бога, Который есть любовь, количество домов престарелых зашкаливает по сравнению с тем же мусульманским миром. В исламе нет учения о Боге как о любви, но и домов престарелых тоже нет или почти нет. Страшные, болезненные противоречия.

* * *

Вернемся к ранее сказанному. Воспитывая детей, нужно ориентироваться не на вербальное воспитание, а на пример и совместный быт. Это Запад нас научил: «Давайте поговорим, расскажите ему, объясните ему» — и так

далее. Нам предлагают, например, 12-летнему наркоману рассказать о вреде наркотиков, и какой-то человек верит в то, что это поможет. Я же знаю, что не поможет. Никакой разговор с рецидивистом не заставит его поменять свой образ жизни, если вы не святой, конечно, и за вашими словами не стоит некий великий опыт. Но там о святости речи не идет, там просто армия психологов пытается разговаривать с человеком: «Ну, ты понимаешь? Подумай, рассуди». Это повторение басни, где Васька слушает да ест. Грех — это жуткое животное, дикое, невидимое, многоголовое, страшное, которое мучит человека, которое высасывает из него все соки. А мы хотим объяснениями, разговорчиками убедить грех не грешить. Какая слепота и неразумие! Так не бывает, я не верю в это. И вы не верьте. Можно рассказывать и убеждать с профилактическими целями. Но нельзя верить в силу разумных доводов там, где речь идет об изменении привычек, образа жизни, об исправлении.

* * *

Что еще мне кажется очень важным. У человека вера должна пройти через жестокие испытания, и сам человек должен пройти через хотя бы один кризис веры. Может быть, и два, но, думаю, что не больше. Больше человек не выдержит. Опять-таки у нас есть иллюзия, что уверовавший человек твердой ногой стал на лестницу Иакова и пошел, пошел вверх, ступенька за ступенькой, в самое Небо, где Господь утверждается наверху этой лестницы,

как Иаков видел во сне. На самом деле в жизни всё не так. Вместо прямого и поступательного пути в жизни сплошь и рядом присутствует движение по кругу, возврат назад, взлеты и падения, оставляющие на графике синусоиду, а не луч. Так было с теми, кто лучше нас во сто крат, и вряд ли мы избежим того же. Уже сама мысль об этом, сама готовность ничему не удивляться будет для души оружием. Вы видите, что мы занимаемся не чем иным, как разрушением ложных мифов и опасных иллюзий. Мы пытаемся превратить в пыль ошибочные мнения о том, что можно исправить детей, не исправляясь самим; что можно словами и уговорами, без дел, получить нужный результат. Теперь мы подошли еще к одной иллюзии, согласно которой вступление в область веры совершается раз и навсегда. Отныне, дескать, путь нам лежит только прямо и вверх. Отчасти мы касались этой темы, когда говорили, что не все проблемы решаются молитвой. Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц, и нельзя молиться о том, чтобы на столе появилась свежая яичница, не желая ее пожарить. Итак, пришпорим Росинанта и устремимся с копьем наперевес на очередного монстра. Этого монстра зовут — уверенность в неизбежности спасения и поступательного духовного роста.

Человек проходит несколько этапов своей духовной жизни и вначале радуется о том, что он познал Господа. Он сперва живет горячо и огненно, пытается много молиться. В это время, если он молод, его посещают мысли о монашестве. У него возникает целый комплекс вопросов

и проблем, поскольку далеко не все понимают его. Это большая боль и бескровное мученичество, когда ты узнал Христа, а твои родные Его еще не узнали. У тебя уже есть цель в жизни, а у них всё еще нет. Человек горит светлым огнем и хочет всем рассказать о Господе, со всеми поделиться радостью. Это очень полезный период жизни. Внутри этого периода приобретается опыт того, что невозможно достучаться снаружи ни к кому, пока Христос изнутри к человеку не достучался. Вот вы пришли к Господу, уверовали, а у вас еще 10 друзей есть, которых вы любите, как душу. Вы с ними прожили долго, может, воевали или строили, как у Ремарка в книге «Три товарища». Вы — не разлей вода. Но вы пришли к Богу, а они еще нет. И вы приобретаете первичный болезненный опыт, когда вы стучитесь к ним, а они вас не понимают. «Чего ты хочешь от нас?» Эту ситуацию нужно испытать человеку, чтобы знать: наши возможности ограничены. То есть мы можем сказать слово о Боге, но поймет ли человек, зависит не от нас, а оттого, есть ли уже внутри у него Тот, Кто даст понять ему наши слова, слышимые снаружи. Если Христа в человеке нет, если в сердце не говорит с нами Тот, Который делает для нас внятными слова, звучащие снаружи, то это — бесполезный труд, так сказать, гром, гремящий над головой мертвого. Мертвый не встанет и не перекрестится.

Итак, на первом этапе духовной жизни мы радуемся о великой встрече с Господом и скорбим оттого, что не весь мир с нами вместе пережил эту встречу. В это время очень опасно

привыкнуть к осуждению людей и к личному превозношению. Ведь рано или поздно должен наступить период, когда человек перестанет радоваться о своей вере и осуждать людей, а, напротив, начнет скорбеть о себе и снисходительно смотреть на окружающий мир. Все те, кого мы называем святыми, делали именно так, не правда ли? Они скорбели о людях, жалели их, а судили строго только себя. Это не приходило к ним сразу, нет. Но они постепенно врастали в ту область веры, где видны только твои грехи, где ближний всегда лучше тебя самого. Нам тоже путь лежит в эту, не в другую сторону.

Как все вы знаете по себе, человек со временем начинает постепенно притухать и давать погасать первому огню. В Апокалипсисе есть такие интересные слова. Господь говорит: *Имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою* (Откр. 2, 4). Бывает, что мы забываем свою первую любовь, и вера превращается во что-то привычное, знакомое. Мы можем обрасти какими-то фарисейскими комплексами по отношению к тем, которые ничего не знают, а мы уже, дескать, знаем. Мы уже, так сказать, разбираемся, где стихира на стиховне, а где тропарь на благословение хлебов. Уже службу знаем, уже батюшек знаем по именам. Телефоны их есть в нашей телефонной книжке, можем позвонить и проконсультироваться по вопросам высокодуховным и мало кому понятным. Мы уже набрались сленга церковного вроде словечек «ах, искушения», «ах, простите, благословите». Мы уже превратились в смиреннословящих. «Будем смиренны, братья,

но не будем смиреннословны», — сказал некто мудрый. То есть не будем наполнять свою речь избытком смиренных слов. Когда звучит слово, солью не осоленное, то оно действительно неприятно слышится.

Так вот, когда мы привыкли к вере, нам полезно бывает что-нибудь такое испытать, что чувствуешь — еще немножко, и я погибну или веру потеряю. То есть человек должен пройти через какой-то кризис внутренний, обязательно. Нам это надо, и Бог этого хочет. Он срывает с наших лиц прилипшие и приросшие маски, чтобы смотреть нам в живые и настоящие глаза, а не в искусственные. Незакаленная вера стоит очень дешево. Если тебя за веру не били, ты не болел, не оставался один на один с собой или грехи к тебе не возвращались старые, злые за то, что ты их однажды прогнал, и ты не мучился с ними, как с полчищем сорвавшихся псов с цепи, или еще чего-нибудь другого не было, то за веру твою дорого дать нельзя. Не обожженный в печи горшок так и останется сырой глиной, и никто в него молока не нальет.

Нужно разрушить напрочь ту иллюзию, согласно которой человек уверовавший отныне идет вперед, как танк, как дорога на Борисполь, прямо в Царство Небесное и никуда больше. Он должен так идти. Но нужно иметь решимость, терпение, внимание к себе. Нужно и наставника иметь, руководителя. Всё это в дефиците. Поэтому вскоре наше христианство становится похожим на костюм для бала-маскарада, и Бог обязательно этот костюм с нас сорвет. Человеку нужно упасть иногда, нуж-

но заблудиться, остановиться, сказать: «Я не знаю, что происходит, я ничего не понимаю. Я погибаю. Мне страшно и больно». Очень нужно человеку стать в тупик, и не раз, и не два. И нужно благословить Бога за эти тупики. Нужно иметь мужество из самого тупика сказать Господу: «Господи, я не знаю, что происходит, но слава Тебе!»

Эти кризисные моменты возрождают в нас подлинную веру, возвращают душу ко времени «первой любви». А зачем об этом говорить, имея в виду детей и юношество? Да затем, что мы часто зовем детей в Церковь, как на Поляну сказок, как в Шоколадную страну. Думаем: «Вот пойдет в храм, и всё образуется». О том, что начать ходить в храм — это то же, что записаться в армию добровольцем, мы не думаем. Поэтому страшно удивляемся, когда молитва в жизнь вошла, а проблемы не ушли. Тогда мы даже склонны к ропоту, и этот ропот — от неразумия, от ложной жизненной установки.

Итак, после выхода из Египта и прохода по дну Красного моря, после всей этой радости наступает время долгой ходьбы по пустыне. После радостного обретения веры приходит пора борьбы со страстями, временного очерствения, духовных сложностей. Евангелие недаром говорит, что городам Капернауму, Хоразину, Вифсаиде будет хуже, чем Содому и Гоморре. *Если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня* (Мф. 11, 23). То есть видел, знаешь, чувствовал, уже вкусил, но откуда взялась черствость, откуда взялось помрачение ума, откуда возникли соблаз-

ны, откуда что взялось? Кажется, что это уже погибель. А человеку нужно пройти через такую кризисную полосу, чтобы опять воскреснуть и глубже воцерковиться. Уже без розовых очков, без надежды на свою собственную святость, но только на единого Господа.

Как вы думаете, зачем наша Церковь так премудро устроена, что во многие праздники человек что-то ест и что-то для еды освящает? Я сейчас не о причастии говорю, а о яблоках, винограде, о куличах и т. д. Или приносим мы что-то с собою в церковь, чтобы это отнести уже в освященном виде домой: вербу, мак. Почему? Потому что детская душа хочет, чтобы что-то посвятили, что-то покропили, хочет укусить что-то освященное. Это Церковь премудро придумала для детей, чтобы они понимали: «Пойду в церковь, там хорошо, там поют, там кропят, там святят, там с собой что-то унести можно». Это для детей придумали! Например, когда празднуется Преображение, то дети радуются, что им батюшка сливы с грушами покропил, а взрослые должны радоваться о том, что им понятен смысл праздника Преображения, и они о Христе радуются.

Преображение — выше всех праздников после Рождества и Пасхи, потому что цель жизни ясна — нужно преобразиться. Чтобы войти в будущую жизнь, нужно нам всем преобразиться. И вот маленький человек радуется, что ему сливки покропили, а взрослый должен радоваться, что он смысл жизни узнал. Но если и маленький, и взрослый человек радуются, что

им сливы с грушами покропили, тогда у меня возникает грусть в день святого праздника. Воцерковляться ведь детям нужно по-одному, а взрослым по-другому. Отроку и отроковице воцерковляться нужно по-своему, а юноше и девушке по-своему, мужчине и женщине по-своему, а деду с бабой по-своему.

Я предполагаю, что у каждого из нас будут в жизни критические периоды ломки — психологической, жизненной, семейной, — когда люди будут заново открывать для себя с детства известную веру. Я лично уверен, что нужно за жизнь открывать для себя несколько раз с детства известную веру. Вы знаете, как учат в школе, например, на уроках русского или украинского языка имя существительное? В 3-м или в 4-м классе учат имя существительное, а потом в 8-м классе учат имя существительное, но как? Конечно, уже на уровне 8-го класса. А потом в 10-м классе снова учат имя существительное, но как? Уже на уровень выше. А если человек избрал для себя профессию филолога и поступил в университет, то на 1-м курсе он будет учить имя существительное, и на 5-м курсе он тоже будет учить имя существительное. Если он будет академиком, он также будет изучать имя существительное. Это что значит? Что он дурака валяет с 4-го класса? Нет, он открывает глубины того, что он по имени узнал в детстве, а по сути узнал в старости. Если имя существительное такое глубокое, что его можно учить в 4-м классе и до смерти, то неужели наша вера такая мелкая, что мы хотим всю жизнь прожить, оставаясь на детском уровне?

Нужен рост, а для роста нужна пища. Человек — словесное существо. Ему, кроме хлеба и воды, нужна еще и словесная пища. Это — Писание. Те две монеты, что оставил в гостинице милосердный самарянин для пропитания спасенного человека, есть книги Нового и Ветхого Завета. А сам самарянин есть Христос, Который пообещал вернуться.

Раскроем перед детьми Библию первыми. Не позволим сделать это кому-то раньше нас. Если кто-то это успеет сделать раньше, то он приобретет на долгие годы в глазах наших детей авторитет. Писание, им открытое, даст ему этот авторитет в глазах наших детей. Я сам помню случай из своей жизни, когда ко мне на улице подошла женщина из «Общества сторожевой башни» и предложила изучать Библию. Поскольку я шел на причащение больного и был одет в рясу и скуфью, то слова ее выглядели форменной наглостью. На мой вопрос, не стыдно ли ей предлагать мне, священнику, изучать с ней Библию, она ответила, что мой сан для нее ничего не значит. «Я, — говорит, — с детства в церковь ходила и посещала в церкви, но так ничему в церкви и не научилась». Ее личный опыт убеждал ее в слабости Церкви и оправдывал подобное поведение. Не священник и не родная мать, но кто-то другой впервые открыл перед этой женщиной Писание, и теперь ложные толкования она понесет многим, будучи уверенной в своей правоте.

Отрыв от Книги — не сегодняшняя проблема. Вот Лесков пишет, что было у нас широко распространенное убеждение, что всю Библию прочитать нельзя, то есть физически можно, но

лучше не надо, потому что тот, кто Библию прочитает, тот «розумом зийдэ». Это было убеждение огромного количества людей. Лесков удосужился его записать. И до сегодняшнего времени, насколько я знаю, встречаются на свечных ящичках благочестивые старушечки, когда их спрашивают: «Вот ту Библию можно купить? Там есть комментарии?» — отвечают: «А на шо воно вам? Библию прочитаешь — з розуму сойдешь. Не надо. Акафист читай».

Стоит ли говорить, что при таком положении дел люди массово попадают к протестантам? Не потому, что те поистине хороши, но потому, что они подняли нами оброненное оружие — Писание, и одно это делает их сильными, а нас — безоружными.

Если вера не углубляется, то она теряется. Думали вы об этом? Не может человек в 30 лет жить тем уровнем веры, который получил в 15 лет. Не может. Если он не углубил свою веру до соответствующего уровня, он ее потеряет. Ее у него украдут, благо есть много сектантов, разных проповедников, чего хочешь. Кто-то соблазнит тебя холодной глубиной индусского космоса, представит тебе еще какие-нибудь мистические бездны, и тебя это купит, потому что ты привык к мелочам, а тебе представят соблазн глубины. Ты соблазнишься. К чему я это говорю? Если дети наши в каком-то возрасте начинают соблазняться и сомневаться, то мы не должны относиться к этому как к некоей странной вещи. Это неизбежный рубеж, требующий углубления веры. Конечно, это больно, когда ребенок был маленький и ходил

в храм за ручку с бабушкой, причащался и всё делал. А потом ему стало столько-то лет, и он говорит:

— Мама, я не могу не смотреть это кино, потому что все смотрят, обсуждают его на переменах, а я...

— Да зачем тебе это надо, сынок? Ты почитай вот это.

— Да что я буду это читать? Я на дискотеку хочу.

И мы страдаем. Мы недоумеваем. Почему наш еще вчера хороший ребенок сегодня заупрямился? Вот спрашиваем:

— Пойдешь в церковь?

А он говорит:

— Я хочу поспать, я и так учусь всю неделю.

Спокойнее отнесемся к этим словам. Иначе ведь и быть не должно. Потерпим, подождем, помолимся. Дереву, чтобы вырасти, нужно тепло, вода и время. Человеку, чтобы вырасти, нужно то же самое. Не будем спешить. Любовь умеет ждать, а мы детей любим.

* * *

К слову сказать, кто-то придумал такую систему образования, что в голову всё это вместить невозможно. Наши дети поставлены в жуткие условия. Недавно на родительском собрании я собственными ушами слышал, как преподаватель математики, классный руководитель, говорила, что, вот, я пошла к детям на географию и поняла, что я вообще не понимаю, что им рассказывают на географии. А потом я пошла на биологию и поняла, что я вообще ни-

чего не поняла из того, что они там проходят. Но при этом она дает им математику на таком уровне, что биолог ничего не понимает в математике. Ну не хватает у человека то ли совести, то ли мозгов понять, что не может ребенок знать твой предмет так, как знаешь его ты, притом, что ты, кроме этого, вообще ничего не знаешь. А от них требуют знать так, как знают свой предмет учителя. Или это диверсия? Благо, не 30-е годы, а то было бы уже «дело учителей», состоялась бы пара показательных процессов. Дети сходят с ума. Там один сошел с ума, там сошел с ума другой, там кто-то с дурным криком выбежал из класса. В 30-е годы нашли бы «виновных», расстреляли бы за скрытое вредительство, направленное на подрыв детской психики, потом бы поменяли программу. Непременно было бы что-нибудь такое. Примите мои слова как черный юмор.

Или это диверсия, или это глубокое неразумие. Не понимают люди, что нельзя всё знать. На самом деле, знать нужно мало. Лев Толстой говорил... кстати, вопрос: можно ли читать Льва Толстого? Ответ: смотря что. Если вы собираетесь читать его последние предсмертные произведения — те, где он пишет свою версию прочтения Евангелия, свое отношение к смерти, к Христу и так далее, то не стоит, это мусор, достойный мусорной свалки. И ничего больше. Если речь идет об «Анне Карениной» или о «Войне и мире», то можно и нужно читать. Это очень серьезные произведения. Так вот, Лев Толстой говорил, что всего-то и нужно человеку знать, вместо тригонометрии и астро-

номии, что все люди жить хотят, что каждому человеку тепла хочется, что одна слезинка иногда стоит больше, чем целое состояние. Эти простые вещи нужно преподавать детям в школе. Но наша наукоемкая система образования убивает мозги детей. Поэтому не надо удивляться, что они потом бегут из этой школы, как чумные, чтобы проветриться. А проветриваются там, где можно заразиться.

Даже если бы не было этого сумасшедшего мира за стенами, не было бы телевизора и компьютера, человек в 14 или в 15 лет на уровне гормональных сбоев, на уровне перерастания из девочки-подростка в девушку, из мальчишки в юношу, всё равно терпел бы некие внутренние бури, всё равно у него были бы свои вопросы, на которые бы ему мало кто мог ответить. Он бы мучился. Кстати, знаете, почему такая крикливая молодежная культура, почему такие громкие молодежные песни? Молодежные песни поются в надрыве, без красивых голоса и музыки, потому что молодой человек хочет выкричаться. И главным посланием такого крика является следующее: «Я есть, посмотрите на меня, я живой, почему я никому не нужен? Почему я никому из вас не интересен?» Молодой человек в 13—14 лет очень страдает оттого, что он никому не нужен. Даже в полной семье, где оба родителя работают допоздна, даже если есть брат или сестра, он чувствует себя ужасно одиноким. Его мучает метафизическое одиночество. Он никому по-настоящему не нужен. Его грузят в школе, его грузят дома. Получается так: я есть, и я не нужен. И например,

почему сектанты так успешно ведут работу с молодежью? Весь фокус в том, что они находят полчаса для человека, чтобы посидеть и поговорить с ним. Купить человека очень легко, хотя он практически бесценен. Нужно просто с ним полчаса поговорить — и он потом к тебе опять придет, и со временем будет твой. У нас же вечно нет времени на это.

Есть такой психологический закон: рассказанная беда уменьшается вдвое. Человек, рассказывая о своих проблемах, сам себя слушает. Он впервые понимает сам себя, замечает некоторые оттенки своего состояния. И всё потому, что его слушают, потому, что происходит диалог. Диалог, дорогие христиане, это таинство. И поэтому успех проповеди сектантов не в том, что они самые умные, а в том, что режим общения «я — ты» установлен, что они создают иллюзию любви. А у нас вечно руки до этого не доходят. Горе нам, братья и сестры. Будем плакать. Нам действительно оставлено покаяние, но покаяние означает не только печаль о собственной нищете, но и деятельную перемену жизни. Значит, будем плакать, но будем и меняться.

* * *

Суммируя всё вышесказанное, зададимся вопросом: чего больше всего хочется от родителей и детей? Чуткости, потому что мы не понимаем друг друга, не понимаем до дикости. Есть хорошая книга Брэдбери, называется она «Вино из одуванчиков». Советую прочитать, несмотря на то что автор американец. Не зря

добавляю эти слова. Америка — не синоним тупости и глупости. Ее не презирать, а изучать надо. Там есть не только то, что достойно насмешки Задорнова, но есть и великая литература, и великий опыт борьбы с общечеловеческой трагедией.

Так вот, у Брэдбери есть такой момент. Старушка, миссис Стэнли, потерявшая мужа, дожившая до глубоких лет, переехала из одного городишки в другой. Она была любительницей всякого, для нее священного, хлама: она не выбрасывала билеты с концертов, на которые ходила еще в юности, она хранила всякую памятную чепуху, перебирала постоянно фотографии. Больше у нее занятий особых нет, она одинокая. И вот однажды, на аллее какого-то парка, она зовет к себе играющих детей. Дети еще не подростки, не тинэйджеры, им всем до 10 лет. Миссис Стэнли угощает их мороженым и говорит одной девочке:

— Как тебя зовут?

Ей отвечают:

— Элен.

— О, и я — Элен. Когда я была такая же, как и ты, маленькая, меня также звали Элен.

Тут дети вдруг перестают есть мороженое, и одна из девочек говорит, что им, мол, родители сказали, что нельзя врать. Старушка удивленно спрашивает:

— А кто здесь соврал?

Дети добавляют:

— И нельзя слушать, когда врут.

Бабушка:

— А соврал-то кто?

— Вы соврали, вы не были маленькая.

— Как это соврала? Я была маленькая, меня звали Элен.

— Этого не может быть. Вы не могли быть такой, как мы.

И там начинается очень длинный диалог, гениальный, жутко интересный. Они на нее обижаются, убегают, говорят, что она — старая лгунья, что она не могла быть такой, как они.

— Ты тоже будешь такая, как я, но я уже не буду такая, как ты, — говорит старушка. Но ее слова детьми не поняты.

Брэдбери удалось высказать гениальную вещь, он зацепил какие-то глубинные пласты мышления, потому что, действительно, для маленького человека невместима мысль о том, что он будет старым, что старики были маленькими. Это неподъемная мысль. Только теоретически это может жить в человеке, практически мы этого сами не понимаем. До сегодняшнего дня мы не понимаем, что мы будем совсем старыми, а в детстве мы этого вообще не представляли. И душа-то в человеке живет по-молодому. Человек, если ему к зеркалу не подходить, осознает себя тем же человеком на протяжении многих лет. Самочувствия — тождественные, лишь зеркало заставляет человека плакать. Кто это? Что за физиономия? Это что — я? Если бы год мы не смотрели в зеркало, вот шок был бы! Это мы каждый день в зеркало смотрим, поэтому шока нет. А если бы в зеркало смотрели раз в год, мы бы падали в обморок. Что было потом в книге «Вино из одуванчиков», почитайте сами. Это — простейшая по стилю и глубочайшая по

смыслу литература. Ее темы нас касаются непосредственно.

Литература должна быть простейшей и глубочайшей. Настоящая литература такой и является. Вся литература написана только на две темы: о Боге и человеке. Всё, что есть в ней великого, — это про Бога и про человека и про их взаимоотношения. Про уход человека от Бога, про приход Бога к человеку, про спор Бога с человеком, про ответ человека Богу. Вот эта вся каша — это и есть собственно литература. Остальное — бред, порожденный умением писать и неумением думать.

Понять человеку самого себя очень важно, и для этого нужно много читать.

За ничтожные сорок-пятьдесят лет нельзя понять ни мир, ни себя в мире. К личному опыту должен добавиться осмысленный опыт многих поколений, опыт, зафиксированный письмом на бумаге. Почему еще нужно много читать? Например, потому, что работающая мысль облагораживает человека и уцеломудривает его. Мы небезосновательно опасаемся, что новое поколение будет очень развратным. Для этого есть все подходящие факторы. Диктат общества над человеком ослаб, общество дает возможность делать человеку всё, что он захочет. А чего он хочет? Он хочет всегда одного и того же. *Безумие в сердце юноши.*

В сердце юноши, по факту, живет безумие, пока он не повзрослеет. Он может не повзрослеть, кстати. Общество не диктует ничего высокого, естественная мораль задавлена страстями. Вера, страх Божий — это далекий гром.

И мы боимся, что люди могут совсем развратиться, до предпотопного состояния. Сначала утонут в грехе. Потом придет наказание, как вода при потопе или огненный дождь на Содом.

Как ни странно, опыт свидетельствует, что если человек в подростковом возрасте читает поэзию, то уж, по крайней мере, на несколько лет поэзия удержит его от разврата. Взрослый человек может читать поэзию и развратничать, а отрок или отроковица — нет. Поэзия дает человеку идеальный срез жизни, поднимает его глаза выше сегодняшнего дня, зажигает в его сердце желание идеальных отношений. Пусть это сон. Допустим, никогда в жизни человеку не доведется встретить прекрасную незнакомку или сказочного принца. Но всё равно в самые опасные годы этот сон, эта поэтическая мечта проведет человека по волнам соленого моря. То есть он будет идти, не замечая, что под ним вода. Он будет смотреть на звезду, думать, что под ним твердая почва, и пройдет по волнам. Потом будет всё остальное. От остального убежать нелегко, но самые опасные годы человек пройдет без опыта бытового разврата. Это не панацея, конечно, но это — один из способов зацепить человека. Ведь к чему всё сводится? Человека надо как-то зацепить за душу, чтобы сказать ему: «Слушай, брат, есть другая жизнь. Я там еще не был, но я знаю, что она есть. Я ее чувствую».

Нам дается возможность почувствовать небесную жизнь, как остатки пиршества на столе. Трапезу съели, крошки остались, и мы по

вкусу крошек можем составить представление о вкусе будущей трапезы. Более того, помните, в Евангелии есть интересные слова, когда женщина просила Христа исцелить ее дочку? Господь ее собакой называл. Вы наверняка молитесь за детей своих. Но готовы ли вы молиться настолько упорно, что когда Господь вам ответит, чтобы ваше ухо расслышало, что вы не лучше, чем простое животное, собака (для еврейского уха собака — всё равно что для нас свинья, и даже хуже), продолжать молиться, несмотря на это? Она просила:

— Иисусе, сыне Давидов, помилуй меня.

И даже ученики устали слышать ее крики. Он говорит:

— Нехорошо отнять хлеб у детей и отдать собакам.

Она говорит:

— Да, но ведь и собаки питаются крошками от трапезы господ своих.

И Христос удивляется, говорит:

— Женщина, велика вера твоя. Будет тебе, что ты хочешь.

И исцелилась дочь ее в тот час (Мф. 15, 28). То есть нужно быть настолько терпеливым и молиться за детей, что если Бог скажет тебе, что ты — пес, если скажет: «Отойди отсюда», — ты всё равно продолжишь молиться, исходя из этого евангельского текста. Временами мы так же, как те псы из Писания, слизываем крошки под столом. Нам с небесной трапезы падают на землю крошки вкусные, и мы, слизывая их, можем составить себе представление о будущей жизни. Нам нужно этим представлением поде-

литься, нам нужно поделиться этим маленьким опытом того, что есть другая жизнь.

Есть ради чего жить, на самом деле. Ведь уже относительно давно, лет 100 назад, а то и больше, люди додумались до одной тяжелой мысли, которая звучит примерно так: «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?» Эта мысль касается каждого человека. Не только тех, кто в концлагере сидел, на войне был, родных потерял, а просто любого человека. Эта мысль составляет сердцевину мировоззрения современного потомка Адама. Пока люди не думают, им спокойно. Начинают думать — и останавливаются в недоумении: а к чему всё это? И человек, если он не приходит ко Христу, ответа не имеет. Если же внятного ответа на этот вопрос не будет, тогда этот человек или убьет себя сразу, либо будет убивать себя медленно. Жизнь, очевидно, для него будет бессмысленна, а человек не может жить бессмысленно, ему нужно обязательно осмыслить свою жизнь. Без смысла человеку жить нельзя, уж так мы созданы.

Достоевский в воспоминаниях о каторге говорил, что если человеку предложить выбор: отрубить ему руку или в течение непонятно какого времени насыпать песок, а затем его высыпать (то есть бесполезным трудом заниматься), то он скорее даст себе руку отрубить, чем согласится заниматься бесполезной деятельностью. Бессмысленная жизнь — не удел человека. Человек не может жить, не объясняя себе своего существования. Но именно бессмыслие есть та болезнь, которой болеет человечество сегодня, болеем и мы, как часть человечества.

У нас, у Церкви, есть ответы на многие вопросы. Но мы не всегда можем поднять тяжесть этих ответов, потому что это требует подвига. Подвиг мы нести не всегда умеем. Иногда даже не знаем, как к этому делу приступить, поэтому человечество изнутри представляет собой какую-то сплошную рану. С какой стороны не подойди к этой ране, становится страшно. Бесполезно оглушать себя и ближних готовыми формулировками. Нужно говорить только то, что ты почувствовал, лично прожил, то, чем ты переболел. Пытаясь воспитать человека, мы не болванку обтачиваем по готовому образцу, а вступаем в заповедную область живой души. Вступаем осторожно, с чувствами любви и тревоги. Нам, скорее всего, придется разуться, как и Моисею сказал Бог при купине: *сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая* (Исх. 3, 5).

СЕМЬЯ – ШКОЛА САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

Апология женщины

Семья, конечно, и первичная ячейка общества, и общая колыбель человечества, и так далее, и тому подобное. Похвальных эпитетов в адрес семьи можно произнести немало, даже при скромном словарном запасе. Но хотелось бы взглянуть на семью с точки зрения добродетели. То есть с точки зрения того, какие добродетели семейная жизнь воспитывает, в каких

добродетелях нуждается, без каких не может существовать.

Это не праздный вопрос, поскольку упражнение в добродетели у православных христиан связывается исключительно с подвижнической, бессемейной жизнью. «Добротолюбие» — исключительно монашеская книга, и существует предубеждение, согласно которому «добротолюб», т.е. желатель и ревнитель истинного добра, возможен только вне брака. Ему, одинокому, открыты пути к размышлению и созерцанию, к внимательной молитве и изучению Писаний, а те, что живут в миру и связаны узами брака, тревожатся об угождении своим законным половинам, как об этом и пишет апостол Павел. *Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу* (1 Кор. 7, 34). И еще говорит: *желаю, чтобы все люди были, как и я* (1 Кор. 7, 7). Девственниками и бессемейными то есть. Женатые и замужние не согрешают, *но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль* (1 Кор. 7, 28). И в Господней притче среди людей, отказавшихся прийти к Царю на пир, был один, который женился и на этом основании отнекивался. Перед ним были люди, купившие кто землю, кто волов, а этот говорил: *Жену поях, и сего ради не могу прийти* (см. Лк. 14, 20).

* * *

Итак, что же, духовная жизнь возможна единственно в режиме бегства от брака и пре-

небрежения им? Или некие вершины добродетели доступны и тем, кто, как сказал Афанасий Великий, «в юности, составив свободную чету, естество употребляет для чадородия»?

Мне представляется, что ошибка в этом вопросе стоит очень дорого. Цена вопроса — изломанные людские судьбы. Есть, к примеру, большой спорт. Это спорт сверхнагрузок и мировых достижений. Имен в этом спорте не так уж много и они широко известны. Но есть и другой спорт, тот, где достижения скромнее и славы поменьше. Он более массовый, но это не значит, что там нет волевых усилий, пота, преодоления себя. Там всё есть, только уровень пониже. Есть (при Союзе была точно) — физкультура, то есть та область народной жизни, с которой связаны дворовые игры в футбол и теннис, утренние пробежки, детская секционная работа. Вовлеченность народа в здоровый образ жизни и градус интереса к большому спорту являются питательной средой для настоящих спортивных достижений. Разрушьте незаметную и малобюджетную сеть боксерских секций, прячущихся по подвалам в ЖЭКах, и через пару лет бесполезно будет ждать появления в такой стране чемпиона мира по боксу. Корни подрубишь — не жди плода. Даже спать под деревом с подрубленными корнями не рекомендуется, поскольку такое дерево рухнет рано или поздно.

Высокое подвижничество христианского мира так же относится к незаметным и повседневным семейным добродетелям, как наличие славных имен в большом спорте за-

висит от общей вовлеченности народа в физическую культуру и от любви народа к спорту как таковому. Святость — это ведь не только преодоление пола. В этом смысле семья тоже кое-что может дать, но здесь ее средства ограничены. Святость — это ведь и терпение, и трудолюбие, и ответственность, и принесение личных интересов в жертву общему делу. Таких добродетелей, произрастающих на почве семейной жизни, множество. О них мне и хочется говорить с той целью, чтобы реабилитировать семью в глазах любителей добродетельной жизни. Человеку, стремящемуся исполнить заповеди, вовсе не лежит прямой и неизбежный путь в монастырь. Очень многие заповеди можно исполнять посреди житейской суеты под аккомпанемент младенческого плача.

В первой половине XIX века в Киевской Духовной Академии при ректорстве Иннокентия Борисова был профессор Петр Семенович Авсенев. Этот человек прожил короткую (всего 41 год) жизнь и умер в Риме, будучи священником при русском посольстве. В последний период жизни носил сан монашеский и звался именем Феофан. Это был глубокий, высокообразованный и чистый нравственно человек. Студенты любили его и его лекции до такой степени, что в порыве благодарного восторга нередко выносили профессора из аудитории на руках. Замечу попутно, что времена те были суровы, в ходу были и телесные наказания. То есть особой свободы и демократии (используем и это истоптанное, всем надоевшее слово)

не было. Но была любовь, которая, казалось, с этим «не вяжется». Наших лекторов, при всей свободе нравов и торжествующем демократизме, уже давно не выносят на руках из аудиторий.

Так вот, отец Феофан, читая будущим пастырям нравственную философию, приводил примеры неожиданные. Размышлял, например, о живучести народности китайской, которая, при архаичности и неразвитости государственного устройства, имеет свое собственное бытие и пользуется им беспрерывно в течение долгих столетий. Архимандрит Феофан считал, что народ китайский из всех заповедей Божиих хорошо знает только одну, а именно: о почитании родителей. В традиции Китая есть почтение не только к отцу и матери, но и ко всякому старшему человеку, особенно к человеку, могущему научить молодежь чему-либо доброму. За это исполнение всего только одной заповеди Закона Божия, считал Феофан, Правосудный Господь наградил китайский народ непрерывностью гражданского и государственного бытия, живучестью и историческим долголетием.

Ну, и где же нам взять если не китайские добродетели, то хотя бы подобных Феофанов, которые укажут примеры, достойные подражания? Сплошь и рядом встречаешь зашоренных людей, которые прямо-таки кричат: «Не смей брать примеры из жизни людей неправославных!» Как будто у нас в кармане — лицензия на окончательную истину не только в вопросах догматического богословия, но и в

вопросах выпечки хлеба и лечения младенцев от насморка. Хочу спросить: «Кто вас, господа, обучил такому бытовому хамству и беспримерной самоуверенности? Не желаете ли узнать из Писаний, что в первой Своей проповеди в синагоге Назарета Господь Иисус вспомнил Неемана-сирийца и вдовицу из Сарепты Сидонской, то есть людей, богатых верой, но не принадлежащих к Израилю?» Учиться суп варить, кажется, не зазорно у любой соседки, будь она мусульманка, будь она иудейка. Почему бы не присмотреться к чужой жизни, если эта жизнь в лучшую сторону отличается от нашей собственной? Веру боитесь потерять? Не бойтесь! Если ваша вера от таких знакомств теряется, то у вас ее нет. Уж это я вам заявляю со всей категоричностью, при всей даже мягкости характера. Такую «веру» и потерять не жалко.

Мы же присмотримся, какие добродетели воспитываются в семье и без каких семья не существует.

* * *

Возьмем самопожертвование.

Звучит пафосно. Век наш — век позорный. Всё высокое обитает под плинтусом. Мы уже стыдимся сказать высокую фразу, и то ли еще будет? Но самопожертвование лежит в основе гражданского бытия, и Боже вас сохрани эту добродетель из-под ног у всех нас вытаскивать. Чтобы пожарному лезть в огонь, доктору дежурить ночами и священнику ночью ехать с Причастием к умирающему, нужны не только

и не столько материальные стимулы. В гробу я видал ваши стимулы, если я спать хочу, и нет в мире для меня ничего важнее моего собственного отдыха. Ясно ли это вам? Чтобы я полез в огонь, или поехал к умирающему, или побежал за вооруженным грабителем, у меня внутри должна быть иррациональная мотивация! Плевать на деньги! Никакого геройства, никаких мечтаний о будущей славе. Только властное требование совести не остаться в стороне, не дать злу восторжествовать. Откуда это берется? Смею предположить, из крови. Это именно мамкина добродетель. Мама, она ведь даже если фактическая соплячка и малолетка, ощущает в себе могучие приливы волн материнства, и встает по ночам, и кормит грудью, хоть малыш соски истерзал и изжевал, и творит прочие незаметные подвиги, им же несть числа. Потому как душа проснулась, и совесть зовет, и жизнь изменилась изменением странным.

Я слыхал от людей не совсем старых, но давних, что отцы их не позволяли себе даже выпить стакан газировки, зная, что дома дети, которым нужно принести еду. Матери шили, вязали, стирали, штопали. Рады были иметь пару соток земли, обработка которой влекла боль в пояснице, но экономию в бюджете и наличие свежей морковки или петрушки на столе. А отцы появлялись дома только под вечер и ели молча при полной тишине, потому как кормилец пришел и тишины хочет. Так жили многие поколения и миллионы отдельных личностей. Сплошной труд и подвиг, сплошное вылезание

из кожи. Эта память о прошедшей жизни вошла в генетические хранилища многих людей по всему миру. Дерзну сказать, что это и есть жизнь. Да, мы не хотим так больше жить. Да, многие повесятся, если им придется пожить так хотя бы полгода. Но именно это и обличает нас. Именно это и выдает в нас тех сыновей, что с удовольствием за считанные годы тратят накопленные столетиями богатства и слышать не хотят о том, как дорого эти богатства накапливались.

Я утверждаю, что семья — это школа самопожертвования. Где нет этого качества, семьи тоже нет. Есть обманчивая видимость, готовая рассыпаться, как карточный домик, от пришествия беды, неожиданной и молниеносной. Отец не зря во времена незапамятные соединял в своем лице власть судебную, военную и жреческую. Он, из чресл которого произошли все члены семейства, был готов умереть за всех в любую минуту, а значит, имел право убить любого, кто посягал на безопасность и целость семьи. Таким должен быть игумен монастыря. Не в плане готовности убивать, но в плане готовности за всё отвечать и умереть, если надо, за духовных детей. Таким должен быть капитан корабля. Таким должен быть командир воинского подразделения, особенно боевого, пропахшего порохом. Все эти качества берутся из глубин, из недр семейной жизни. И где она повреждена, где нет даже памяти о том, что́ быть должно под солнцем, там исчезают храбрые командиры, мудрые начальники, прозорливые старцы.

* * *

Семья нуждается в трудолюбии, властно требует его наличия и, если его нет, воспитывает его. Причем неважно, кто из супругов зарабатывает больше. Нынешняя жизнь такова, что женщине бывает легче найти работу, чем мужчине. Заводы могут остановиться, а необходимость в няньках, сиделках и домохозяйках всегда остается. Кроме того, есть множество профессий, реализация в которых требует не столько физической силы, сколько смекалки, и одинаково доступна как женщинам, так и мужчинам. В этих условиях от женщины требуется некая избыточная мудрость. Одно дело считать мужчину главным тогда, когда все основные виды работ — мужские, а у женщины нет даже гражданских прав. Так было очень долго и почти везде. Поэтому смерть кормильца была истинной катастрофой, бездетная старость — тоже, а вдовы и сироты — самыми несчастными людьми на земле. Сегодня это не так.

Наличие пенсий, оплачиваемых отпусков, пособий по безработице, домов престарелых и прочие «привычные новшества» общественной жизни сняли нравственную нагрузку с семьи. Эти блага можно смело назвать социальными плодами христианской цивилизации. Если это историческая победа, то очень хочется назвать ее «Пирровой». Семья ослабла, а личность выросла в осознании своих прав. Хорошо это или плохо, однозначно не скажешь. Большая часть гражданских свобод вскормлена идеями христианства о достоинстве личности и равенстве людей. Но их практическая реализация неред-

ко рвет живые связи с христианским мировоззрением и плавно переходит в открытое антихристианство, в бунт и греховное своеволие.

Итак, от женщины требуется избыточное женское чутье, чтобы не повторять заезженные феминистские фразы, но продолжать считать мужа главным в семье, невзирая даже на невыгодную для мужа разницу в зарплатах. Муж бытийно, экзистенциально выше женщины, раньше и главнее ее. Добровольно склониться перед этой истиной означает реально приблизиться если не к святости, то к идеально-правильному образу мышления. Семья иерархична. *Всякому мужу глава Христос, жене глава — муж* (1 Кор. 11, 3). И мир вообще иерархичен. Если в нем сохраняется порядок, если весна и осень не меняются местами, а по утрам в магазины привозят свежий хлеб, то только потому, что не всё в своей жизни человек успел разрушить и перепутать. Консерватизм семьи — главная скрепа Вселенной, главная опора ее порядка.

От женщины сегодня требуется тот же подвиг, что и от трех отроков в печи Вавилонской. Те исповедовали непоколебимое доверие Богу и надежду на Него перед пастью раскаленной, для них раскаленной печи. И отроки не отреклись, не дрогнули, не предали. Бог прославился через них, и их души сохранились. И нужно понять, что это значит. Ведь относительно легко верить в Бога при обилии чудес, помощи, очевидных и невероятных побед над врагами, как это было хотя бы при путешествии по пустыне. Хотя и тогда были соскальзывания в идолопоклонство, отпадения в блуд, во-

енные поражения по причине греховных отступлений от Бога. А здесь, при всей немощи человеческой природы, перед лицом неминуемой смерти, при общенародном унижении от плена и осквернения святынь, молодые люди дерзают на исповедничество. По всему похоже, что Бог забыл их народ или сильно на них прогневался и слушать молитвы не желает. В души многих евреев могла закрасться страшная мысль о том, что Мардук или Астарта сильнее, чем Бог Израилев. И вот здесь-то, при всей очевидной слабости, вопреки всей окружающей обстановке, совершается подвиг веры и исповедничества.

А что же женщины? При чем тут они? При том, что им предстоит признать главным и старшим над собою не Геракла и не Илью Муромца, а эмпирического мужичонку, нередко ленивого, чаще всего чуждого гениальности, обычного то есть. Там, где такой подвиг веры и женской мудрости совершается, там именно и появляются настоящие мужчины. Там они встают со столетиями продавленных диванов, там их руки наливаются силой, а глаза начинают сверкать храбростью.

Сказанное означает, кроме всего прочего, то, что семья — это школа воспитания и перевоспитания. Женщина может испугаться и воскликнуть недовольно: «Что это, мол, мне еще и мужа воспитывать?!» Но, дав себе труд поразмыслить критически, она поймет (должна понять), что подобное влияние на жизнь — ее сила, а не обременительная добавочная нагрузка.

Есть старая дагестанская притча о том, как однажды молодежь в горном селе договорилась узнать, что лучше: выдать замуж хорошую девушку за плохого парня или, наоборот, плохую девушку — за хорошего парня. Нашли самого никудышного дурачка и женили его на первой умнице, на работящей и целомудренной девушке. А затем женили первого джигита, храбреца и красавца на последней дурочке. Уж я не знаю, как они соглашались на такие неравные браки, но притча есть притча. Через год, а может чуть больше, стали очевидными плоды этих союзов. Тот незаметный человек, который женился на умнице, постепенно поумнел. Он не встревал в глупые конфликты, стал всё чаще высказывать глубокие мысли, хорошо вел хозяйство, и к его мнению стали прислушиваться в селе. Во втором случае всё было с точностью до наоборот. Джигит поблек и выцвел, стал похож со временем на свою дурочку, от былой удали и ума осталось совсем немного. Я глубоко согласен со смыслом этой притчи и подтверждаю, что женщина обладает огромным запасом внутренних сил, которыми она сама может пользоваться весьма ограниченно и которые она обязана направлять на нравственное воспитание мужа и детей. Приходилось даже слышать об одном епископе, который просил кандидатов на священство приходить к нему на беседу вместе с молодыми матушками. В случае, если в жене будущего священника угадывалась натура цельная, твердая и простая, владыка рукополагал ставленника, пусть даже тот был «слабоват». Если же сам ставленник был умен

и энергичен, но в жене его заметен был нравственный изъян (кокетливость, болтливость, несерьезность), рукоположение откладывалось на неопределенный срок. Снимаю шляпу и склоняю голову перед памятью владыки, поскольку образ его поведения открывает в нем редкий ум и знание жизни.

* * *

Женщины частенько считают, что Церковь их «гнобит» и унижает. Ради разрушения этого вредного стереотипа я согласен продолжить свою похвальную речь женщине. Она, женщина, есть существо религиозно гениальное. Мужчине Бог нужен часто как философская идея, как способ осмысления действительности. Женщина так далеко умом не вникает, или вникает, но реже. Она верит «утробой», нутром, то есть ей, наверное, понятнее, чем мужчине, слова пятидесятого псалма: *дух прав обнови внутри меня* (Пс. 50, 12). Ее волнуют большей частью вопросы бытийные и осязаемые. Это плод того, что женщина существует ради материнства и связанных с ним добродетелей. Она, по слову Розанова, и в мир родилась «животом вперед», ради чадородия то бишь.

Люди, ложно возвышенные, эдакие спиритуалисты разных разливов, склонны презирать подобные качества и над ними смеяться. Но я смеяться над этой земной и сыромятной правдой не намерен. Кроме того, знаю, что и Церковь сегодня немало утешается от женских добродетелей. При нашем явном лентяйстве в области миссии миссионерские труды

за пределами Родины, сами о том не ведая, несут наши женщины. В поисках dolce vita тысячи Даш, Маш и Наташ повыходили замуж за Махмудов, Диего и Робертов. Теперь, когда родились на чужбине от отцов-иностранцев дети, в славянских душах властно зазвучала тоска по Родине и тоска по Богу. Наши сестрицы, не отличаясь особой религиозностью дома, на чужбине отыскали православные приходы, крестили там детей и составляют нередко костяк церковной общины. Они и мужей нередко приводят в Церковь, воцерковляют их, венчаются с ними. Это явление массовое, вряд ли уступающее по масштабам протестантской проповеди. Только это явление смиренное, как само Православие, утаившееся в быту и оттого не осмысленное. Да, братья. Да, господа. Наши зарубежные приходы в значительной части живут и действуют благодаря проснувшейся в эмиграции религиозности наших женщин. Именно женщин, а не мужчин, поскольку последние верят иначе — головой, а голова то занята проблемами, то от перепою болит.

Так было и в минувшую эпоху, когда бытие Церкви продолжилось благодаря старушечьим молитвам. Именно на этих сгорбленных старушечьих плечах Церковь переплыла из штормовой эпохи гонений в благостный штиль возрождения. Мужики гибли на фронтах и в лагерях, лезли то в космос, то в партию, спивались массово, а бабушки продолжали молиться. Гляньте на скорбные снимки официальной церковной хроники советских лет. Владыка на

кафедре, а кто вокруг? В основном — женщины преклонных лет. Нужно склонить голову перед этой правдой жизни, перед этой неистребимой русской религиозностью, нашедшей для себя укромное убежище в бедовой бабской душе, чуждой рафинированного образования.

* * *

Вот с мужиками беда. Мало того, что их и в лучшие времена не хватало. Мало того, что «на десять девчонок по статистике — девять ребят». Так из этих девяти один норовит педерастом оказаться, а остальные, пока мама жива, о женитьбе и думать не хотят. А зачем? Половая жизнь у нас начинается рано и продолжается бурно. Женитьба, при таком раскладе, выглядит лишними обязанностями без расширения прав. Удовольствия доступны. Обязанностей боимся. Что может быть хуже?

А девочки, если они православные, хотят себе мужа только единоверного. Где его взять, я вас спрашиваю, если мужчин и так на всех не хватает, а православие остается всё еще в численном меньшинстве? Это очень острая проблема, и у меня на нее взгляд спорный. Со мной не согласны многие представители духовенства, но остаюсь при своих мыслях, которые и собираюсь изложить вкратце.

Православие мы исповедуем плохо. Это означает, что православность мужа вовсе не гарантирует его трезвости, верности и работоспособности. Есть святоши, согласные жить в браке только по монастырскому уставу. Есть лодыри, прикрывающие свою паразитскую

жизненную позицию цитатами из Писания о главенстве мужа в семье. Есть множество людей, тяжко страдающих от пьянства и заставляющих страдать с собой всех остальных членов семьи. Есть еще много других патологий, никак не желающих исправляться от одного только факта принадлежности человека к Православной Церкви.

Жажда семейной жизни — есть дело природы человеческой. В женщине эта жажда сильней, чем в мужчине. Поэтому я считаю, что если мужчина не пьет, не лезет под юбку даме в первый час свидания, имеет в руках профессию и способен содержать семью, то это — сокровище. Если же он хочет детей и не будет совать деньги на аборт в случае незапланированной беременности; если он позволит вам ходить в храм, хотя сам еще не дошел до первой исповеди; если он неприхотлив, серьезен и говорит меньше, чем делает, то это подлинное сокровище. Не упускайте его. Это настоящий мужчина. Православным вы его сделать еще успеете, если Бог даст. Сказано ведь: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?* (Кор. 7, 16). Да и не уезжали бы наши женщины массово за границу, выходя замуж за кого попало, если бы настоящий мужик на Родине не грозил превратиться в редкость.

Возникает попутно вопрос великой важности — как мужа к вере привести? И нужно помолчать минутку, чтобы с силами собраться. Это вопрос не простой. От правильного ответа на него многое в жизни может измениться.

* * *

Внутри семьи проповедовать и легче, и тяжелее одновременно. Внутри семьи человек не может спрятаться, его внутренний мир обнаруживается перед всеми, и главный фактор распространения веры в такой ситуации — это личный пример. Причем не однократный, а постоянный. Пример как образ жизни. Хочешь привести домашних в веру — придется оправдывать веру каждый день. С одной стороны, объект воздействия (муж, сын, дочь) — под боком. С другой, оправдать веру повседневной жизнью — задача не из простых.

Итак, первое. Говорить в семье много не надо, поскольку не в словах дело. Женщина, так та тем более должна упражняться в молчании о вере и говорить, только если спросят. Мать блаженного Августина, мать Григория Богослова сумели вымолить у Бога сыновей. Таких примеров много. Другое дело, что задача эта выполняется долгими годами, а мы отравлены спешкой. «Английский за две недели», «раскрытие тайных сил организма за три сеанса» — это наш современный подход к решению проблем.

Добродетель красива. Добродетель не может остаться непроявленной и незамеченной. Язычники древности, как нам доносит предание, не стыдились восхищаться христианскими женщинами. Особенностей вероучения они не понимали и не принимали. Но скромность, верность, доброту и великодушие они не могли не заметить.

Иногда женщине Бог дает краткое слово, стоящее дороже многих книг. Этим одним сло-

вом женщина совершает чудо, но ему предшествует непременное многолетнее пребывание в тени и скромное молчание. Ефрем Сирин смирился, когда сделал замечание женщине, в упор глядевшей на него. «Я — жена, и на мужа смотрю, как от мужа взятая. А ты — муж, смотри в землю, ибо от нее взят», — сказала в ответ женщина. Вряд ли это был заготовленный заранее ответ. Так, одна молодая женщина в ответ на вопрос своего мужа-мусульманина, зачем она так часто ходит в храм, сказала: «Меня там учат любить тебя и быть тебе верной». Муж больше не спрашивал ее о причинах посещения церкви.

Получается, что длинных слов не нужно. Кажется, мир давно устал от длинных слов и не склонен им доверять. Вот чего в мире действительно не хватает, так это здорового и подлинного духовного опыта и слов, рожденных этим опытом. Нами должно руководить искреннее желание дать славу Богу, дать Ему место в нашей жизни. Не себя, но Его прославить, иными словами. Митрополит Антоний Сурожский сравнивал истинное слово о Боге с солнечным светом, вливающимся в комнату через чистое стекло. Тогда стекла не видно, его как бы нет. Есть только свет. Грязное же стекло очень даже видно. Свет тоже вливается в помещение, но стекло нельзя не заметить. Желая поделиться радостью о Господе с домочадцами, мы должны стремиться делать это так, чтобы нас самих было как можно меньше заметно. Так нужно, собственно, поступать всегда. *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу* (Пс. 113, 9).

* * *

Тот, кто не хочет развиваться, обречен на деградацию. Действие этого закона универсально. Семейной жизни он тоже касается. Не имея положительных целей, мы потеряем вначале смысл, а затем желание жить. Отсюда растут ноги у блуда, наркомании, пьянства и прочих видов медленного самоубийства. Положительной же целью является стремление и желание угодить Богу, стать вначале Его слугой, а потом — Его храмом и украшенным жилищем. К этой цели можно стремиться, находясь в браке и неся на себе, по слову Григория Богослова, тяжелые цепи вещества. Живя в браке, на столп не взойдешь, ночи на молитве простаивать не будешь, но терпению и незлобию будешь учиться непрестанно. Еще будешь учиться милостыне и состраданию. Будешь всё чаще думать о ком-то и всё меньше — о себе. Ты будешь нуждаться в мужестве, рассудительности, бережливости и еще сотнях свойств и качеств, которые на языке монахов называются добродетелями.

Собственно, это и есть главная цель этих строк — дать понять, что возможность нравственного совершенства не закрыта для семейного человека. Более того, нравственное совершенство вменяется ему в обязанность.

* * *

Были эпохи мученичества и исповедничества. Были эпохи культурного созидания. Были эпохи монашеского чудотворного жития. Были эпохи миссионерских усилий и путешествий. Всё это осталось, хотя не всё одинаково и не

везде. Но добавилось еще одно: эпоха борьбы за семью как последний оплот борьбы за человека. Если эти баррикады разрушит враг, не будет ни монашества, ни миссионерства, ни культурного созидания. Такой мне представляется действительность.

Все святые, молите Бога о нас!

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ?

Совершенно нет зависти к молодым. Искренне недоумеваю, когда слышу от взрослых людей речи о том, что они завидуют молодому поколению. Чему завидовать? Гормональным бурям, слепому блужданью впотьмах, собиранию ошибок и медленному накоплению опыта? По Феофану Затворнику, переживший пору юности — это перешедший через бурную реку. Он оборачивается назад и с благодарностью благословляет Бога.

В европейской мысли бытует пошлое убеждение в том, что до неузнаваемости изменившийся быт должен быть связан с до неузнаваемости изменившейся моралью. Дескать, если ездим не на волах, а на «фольксвагене» и стирают белье не руки, а машина, то и остальные области жизни должны так же радикально измениться. Очень опасное заблуждение. Конечно, новое в жизни есть, но оно лишь на поверхности. В глубине — хорошо забытое старое. Паломник не ходит пешком, а летит на самолете. Писатель не пишет пером, а стучит по клавиатуре. Но желающий спастись, исправиться,

примириться обязан прилагать всё те же усилия, которые прилагались для этого и в I, и в X, и в XVII веках. Это ясно как белый день, но каждому новому поколению, боюсь, эта мысль будет казаться всё более труднопостижимой.

* * *

С одной стороны, нежность души и свежесть восприятий можно забрать с собой во взрослую жизнь. Это часть того, что называется «будьте как дети». С другой стороны, есть опасность, что молодежь так и не повзрослеет. Взрослость — это не возраст, не следы бритвы на щеках, не разговоры басом. Взрослость — это ответственность. Ответственность за свои поступки, слова, мысли, в конечном итоге, ответственность за других людей, которые от тебя зависят.

Может, я пристрастен или неверно информирован, но мне кажется, что о чувстве ответственности в современном мире можно говорить с возрастающей тревогой, так же, как мы говорим об опасностях терроризма и о загрязнении окружающей среды. Идеал современного общества гедонистический, то есть направленный на получение наслаждений. Удовольствие в нем — это товар, и его покупают. Таким образом, идеальная жизнь — это хороший достаток, позволяющий покупать как можно больше удовольствий. В эту плотную схему шила не всунешь. Для вдумчивости, жертвенности, самоограничения, самовоспитания просто не остается места. И слова об этом звучат как гортанная речь чужеземца.

Не жизнь, а просто какая-то попрыгунья стрекоза во вселенских масштабах.

* * *

В жизни личности и общества есть место для особого рода инерции. По инерции любят родину националисты и коммунисты, хотя той родины, которую любят, или никогда не было, или сегодня уже нет. По инерции и с видом обреченного пашет землю крестьянин, не получающий за это нормальных денег. По инерции борются за классическую нравственность люди старших поколений, отчасти потому, что грешить поздно, отчасти потому, что «не могу молчать». Инерционная деятельность в мире людей ценится невысоко. Настоящую цену дают за осмысленные и волевые действия. Над молодежью, в мире порванных связей и разрушенной преемственности, ничто не довлеет. Потому они такие «отвязные», ни на кого не похожие. Не потому, что хуже всех, а потому, что леса сняли и показалось само строение. Как они будут жить, если случится голод или бедствие национальных масштабов? Пойдут ли они воевать, если Родина скажет «надо»? Есть ли у них такое понятие — Родина?

* * *

Самое поразительное, что люди в миру — как деревья зимой. Все замерзшие, все без листьев, все скрюченные. И не поймешь, какое из них по весне заплодоносит. Может, кто-то из нынешних байкеров или растаманов в критической ситуации окажется не юношей, но

мужем, будет способен и на храбрость, и на великодушие. Судить по одежке всегда опасно. Формальный поиск — в прическе, в одежде, в музыке, может быть, и отличает именно душу ищущую, мятущуюся, недовольную действительностью. Ведь если принять буржуазные ценности, то нужно аккуратно завязывать галстук, следить за зубами, чтобы улыбаться ослепительно, аккуратно приходить на работу и делать карьеру. Из людей с такими интуициями трудно появиться монаху, подвижнику. И ходить на проповедь в различные офисы будет приятно, но малоуспешно. Послушают внимательно, поведут себя вежливо, чаем напоят, но второй раз идти не захочешь. Лучше ходить к тем, кто хочет другой действительности, кому тесно в огромном мире, как человеку, выросшему из старого пиджака.

Есть молодежь, утонувшая в разврате и безобразиях. О них нужно молиться. Есть молодежь, нашедшая себя и делающая деньги. Эти вторые не лучше первых, потому что тоже тонут в разврате и безобразиях, только культурно и тайком. О них тоже нужно молиться. И есть молодежь, не находящая себя в заданных координатах. И развратничать стыдно, и деньгам поклоняться не хочется. Эти религиозно талантливы. Эти — наши. Только к ним нужно подъехать на какой-то пестрой козе, както купить их переборчивое внимание, сказать им что-то известное, но так, чтоб они сказали: «Это — новое». В общем, молодежь — это поле молитвенной тревоги и миссионерской активности.

* * *

Христу всегда есть что сказать молодежи. Ведь Конфуций — старик, и Лао-Цзы старик. В преклонных годах Магомет, и Моисею 120. На их фоне Христос — Юноша. И в Его словах, в Его личном примере столько революционной энергии и свежей силы, что можно недоумевать, почему в храмах больше старушек, чем девушек. Если молодые люди не находят во Христе ответов на сжигающие их изнутри вопросы, то либо молодые люди не знают Христа, либо слушают Его сквозь вату и понимают неправильно. В любом случае потенциально у нас есть будущее. Ведь конец XIV века на Руси был жутким безвременьем, а православная Византия сплошь и рядом называла свою эпоху последними временами. И надо же в это время в холодной Руси найтись юноше по имени Варфоломей (будущий Сергий Радонежский), который личным подвигом окрасил всю эпоху в зеленый цвет своего преподобия* и дал всей стране толчок к духовному возрождению.

Юношей безусым был тайнозритель Иоанн Богослов в период свого ученичества, юношей почувствовал влечение к иной, неколеблемой жизни Прохор — будущий преподобный Серафим. В 11 лет почувствовал непреодолимое влечение к монашеству Иоасаф Белгородский. Нет препятствий думать, что совершившееся в XIV, XVIII, XIX веках не может повториться в

* В богослужебной практике зеленый цвет облачений священнослужителей и облачений священных предметов употребляется в праздники в честь Пресвятой Троицы, Святого Духа и преподобных.

XXI. Только нужно вернуться к началу нашего пространного слова о молодежи.

Нужно побольше ответственности, зрелых мыслей, обдуманных поступков. Сквозь густую цивилизационную накипь нужно нырять на глубину смыслов (так ныряют ловцы за жемчугом). Мир оттого стал пестрым и шумным, как уличная женщина, что хочет зазвать к себе свежую кровь и молодую неопытность. *Вот, однажды смотрел я в окна дома моего, сквозь решетку мою, и увидел среди неопытных, заметил между молодыми людьми неразумного юношу, переходившего площадь... И вот — навстречу к нему женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная... Множеством ласковых слов она увлекла его, мягкостью уст своих овладела им. Тотчас он пошел за нею, как вол идет на убой... и как олень — на выстрел, доколе стрела не пронзит печени его... Итак, дети, слушайте меня и внимайте словам уст моих. Да не уклоняется сердце твое на пути ее, не блуждай по стезям ее* (Прит. 7, 6 — 25).

Не блуждайте по стезям блудниц духовных и плотских, потому что вы молоды и сильны, горячи и бескомпромиссны. Потому что вы можете послужить Христу, и Он смотрит на вас пристально. Так же пристально смотрит на вас и наблюдатель в командном штабе противника.

Бегите к Тому, Кто любит вас, бегите к Воскресшему из мертвых. Ему нужны ваши сияющие глаза и сильные руки. И Он вам нужен больше, чем узнику — свобода, больше, чем жаждущему вода.

КРЕСТ И УТЕШЕНИЕ

Размышление о таинстве брака

Единственный язык, на котором можно говорить о супружестве, — это язык Писания, язык Божественного Откровения. Не хотящий или не умеющий говорить на этом языке вынужден описывать брак при помощи или пошлого, или наукообразного лексикона. Язык двух наук используется более прочих. Это язык биологии и социологии. Люди, говорящие на этих языках, расскажут вам о гормонах, железах, комплексах. Расскажут о подростковых прыщах и возрастных перестройках в организме. А еще — о правах и обязанностях, о брачном контракте, о ячейке общества... Этими речами можно наполнить океан, но о самом браке в них — ни слова.

Люди стали политически грамотными. Люди стали психологически подкованными и широко образованными. Но разве брак от этого стал крепче? И разве земля не трясется до оснований оттого, что справа и слева на всех континентах существующие семьи рушатся, а еще не начавшие жить — убиваются в зародыше?

* * *

Очевидно, что надо говорить о браке на единственно правильном возвышенном языке Писания, на языке пророков и Евангелия. И только тогда малая часть свежих капель от этого потока просочится в нашу действительность.

Например, слово «жених». Это одно из имен Иисуса Христа. Вспомните притчу о десяти девах (Мф. 25, 1 — 12) и песню на вседневной полунощнице: «Се Жених грядет в полунощи...» Вспомните богослужение Страстной седмицы или крестовоздвиженской недели: «Венцем от терния облагается Жених церковный». А Пасха — «яко Жених исходяй от чертога Своего...»? Это красная нить церковных молитв и, значит, церковного мировоззрения. И великий Павел на каждом венчании напоминает нам: *Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь* (Еф. 5, 25).

С невестой всё еще нагляднее, а значит, и яснее. Белый цвет ее одежды не есть ли цвет невинности, цвет крещения, цвет верности? Сам брак не есть ли нечто библейское — и торжественно открытое, и сладко утаенное одновременно? Бог, как невесту, украл Израиль, увел народ из дома рабства и повел в Свой дом, в землю, текущую молоком и медом. Бог, как ревнивый муж, был страшнее медведицы, лишенной детей, когда Израиль блудодействовал и ходил вслед «богов иных». Это ли не язык брачных таинств и брачных переживаний?

* * *

Долгие годы книжники спорили: включать или нет Песнь песней в канон священных книг? Одни говорили «нет», а другие считали, что день, когда была написала эта Песнь, равен дню выхода из египетского рабства. Если ум твой чист, а сердце, как ветрянкой, уже переболело болезнями юношества, то ты увидишь в этой Песни,

как в зеркале, любовь Творца и отдельной души, любовь Христа и Его Церкви. И всё это в земных словах, в земных категориях. Если мы «не в теме» и абсолютно глухи к тайне брака, что мы вообще понимаем в Священном Писании?

Из всего, что есть на земле, круг священных чувств и понятий, рожденных любовью и браком, максимально близок к миру Божественных истин. Более близких аналогий под солнцем нет. Даже монашествующих, пламенеющих любовью к Богу, насколько я помню из Лествичника, можно сравнивать по степени чувства с юношами, до конца и безраздельно влюбленными.

Тема брака рождает грусть. Это грусть ученого, описывающего исчезнувшие растения. Грусть археолога, раскопавшего великолепный город, погибший то ли от болезней, то ли от нашествия варваров. Так и брак нужно воспевать, но время от времени вплетать между «осанной» и «аллилуйя» — «вечную память». Он умирает, этот нежный цветок, облагоухавший мир и родивший всё чудное. Его убивает тысяча врагов, не похожих друг на друга, собравшихся вместе только для того, чтобы воевать против общего врага. Измены, аборты, разводы. Безответственность, глупость, безделье. Трансвеститы, голубые, розовые. Феминистки, наркоманы, алкоголики. Все собрались. Никто не опоздал, не увильнул, не дезертировал. С кем воюем, господа нечестивцы? С беременной женщиной, с трудолюбивым отцом, с многодетными семьями. С Авраамом и Саррой, с Иоакимом и Анной, с Петром и Февронией...

* * *

Естественное стало редкостью. И то, что раньше было обычным, повседневным, сегодня стало почти экзотическим. В такое время мы пришли в этот мир. В такое время Бог призвал нас из небытия в бытие и повелел жить. Наше время не хуже других, просто с ним и в нем следует разобраться. «Спастись не трудно, но мудро», — сказал некто. Создать нормальную семью, выстроить внутри нее здоровые и правильные отношения, жить своей семьей как крестом и одновременно утешением — это задача и труд для нынешней эпохи. Труд, сопоставимый со столпничеством или иным подвижничеством минувших эпох.

Чтение женских журналов, доверчивое отношение к голосам ток-шоу или общественного мнения, раболепные оглядки на западный опыт, на «их» нравы приведут человека туда, куда привела старуху из сказки неуемная спесь — к разбитому корыту.

Есть у Ходасевича стихи:

Пробочка над крепким йодом,
Как ты быстро перепрела.
Так вот и душа незримо
Жжет и разрушает тело.

Человек, выпавший из пазов, из колеи правильного движения, всегда будет несчастен. Живи по моде, верь в науку, смейся над прошлыми поколениями, обколись пирсингом по всей площади тела, спи с кем хочешь — и убеждай себя, что ты счастлив. Всё равно душа будет и болеть, и ныть от этой неестественности.

И ничем ты ее, душу, не убедишь, пока не станешь жить правильно. Пока не захочешь взять на себя ответственность за чужую жизнь. Пока не отдашь свою жизнь в жертву и всесожжение. Это и есть жизнь семейная в ее идеальном варианте.

У БОГА НЕТ МЕРТВЫХ

ЧТО ПОТОМ?

Что изменило для нас Воскресение Христово? Это величайшее событие взорвало всю жизнь человечества – и то, что после жизни. Мы получили надежду, смысл и радостный ответ на самые сложные вопросы.

Булгаков, известный многим по роману «Мастер и Маргарита», дружил с Ильфом, не менее известным благодаря «Двенадцати стульям». Однажды, когда Ильф был серьезно болен, Михаил Афанасьевич пришел развлечь и ободрить друга. Он много говорил, рассказывал истории, в частности, одну, случившуюся с ним в Грузии.

В каком-то министерстве с дикой аббревиатурой в названии Булгакову и его спутникам пообещали помощь с транспортом. Товарищ, обещавший содействие, попросил подождать его, а в это время к Булгакову подошел улыбающийся человек и спросил: «Как дела?» Булгаков говорит: «Нормально. Сейчас дадут машину, и поедем на вокзал». Товарищ, лучезарно улыбаясь, говорит: «А потом?» «Потом до порта и — на пароход». Тот опять: «А потом?» Булгаков, начиная смущаться: «Потом опять на поезд». «А потом?» «Потом с пересадками — до Москвы». «А потом?» Булгаков, совсем растерявшись: «Потом с утра — в редакцию, в театр, по делам, в общем». «А потом?»

«Уж не знаю, чем бы всё закончилось, — говорит Булгаков, — но подошел тот самый, обещавший содействие, товарищ и говорит:

„Оставьте этого болвана. Он инстранец и понашему знает только две фразы"».

Булгаков засмеялся, ожидая такой же реакции от Ильфа. Но Ильф серьезно посмотрел на товарища и спросил: «А что *потом*, Миша?» Болезнь Ильфа была серьезной. Быть может, дыхание ангела смерти уже холодило ему затылок. Там, где легкомысленное сердце не замечало метафизики, для Ильфа уже звучали вечные вопросы. «Что потом?»

Милосердый Боже! Каким холодом веет от этого вопроса для тех, кто не верит в жизнь будущего века! Заставьте неверующего человека вслушаться сердцем в эти два слова: что потом? — и скрипач опустит смычок, водитель заглушит мотор, профессор захлопнет книгу. Переместите мысль о смерти с задворков сознания в центр, и в памяти оживут строчки Лермонтова: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка».

Но что я слышу? Не все скрипачи опустили смычки. Кто-то продолжает играть струнный концерт Альбинони. Не все водители заглушили моторы. Кто-то, притормозив на секунду, бодро поехал дальше. Не все профессора покинули кафедры. Остались и те, кто окрепшим голосом продолжил чтение лекции.

Откуда у них эта сила и желание жить дальше, если два слова — что потом? — доведенные до сознания, должны были положить в гроб любой оптимизм и, словно двумя гвоздями, прибить над ним крышку?

О, уверяю вас, у них есть секрет. Не от бесчувствия и не от бессмыслия они продолжают

привычный труд. Драма смерти внятна их сердцу более, чем многим другим. Но, остановившись на малое время, они произнесли волшебные слова и исцелились от страха. «Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», — вот что произнесли они, и, словно вурдалак при свете утренней зари, словно хандра при звоне колоколов, исчезла для них безмерная печаль и бессмыслица.

Христос воскрес, и апостолы, в день Распятия похожие на распуганных овец, лишившихся Пастыря, стали подобны львам. Царственным рыком бесстрашной проповеди они огласили Вселенную.

Христос воскрес, и мученики тысячами и десятками тысяч стали встречать смерть с улыбкой. Девушки спешили под меч радостнее, чем под венец, и дети опережали сильных мужчин в храбрости.

Христос воскрес, и реки премудрости потекли от уст святителей и проповедников, еще недавно живших во тьме греха и невежества, но омывшихся, но оправдавшихся, но освятившихся именем Иисуса Христа и Духом Бога нашего.

Пустыни заселились монахами, потому что Христос воскрес!

Погасли костры в демонских капищах, и сами капища превратились в храмы Божии, потому что Христос воскрес!

Женщина уравнялась с мужчиной, господин обнял слугу, личность стала важнее, чем народ и государство, потому что Христос воскрес!

Сверху донизу разорвалась завеса в Храме. Благодать Божия, не желая быть частной собственностью одного народа, и притом — неблагодарного, сообщила себя всем, кто полюбил воплощенную Истину.

Сверху донизу треснули стены ада, и несметные души, как птицы, влетели в Небесное Царство, куда раньше всех вошел спасенный верой и очищенный страданием благоразумный разбойник.

И я, без всякой нитки оказавшийся в лабиринте, потерявший сам себя и чувствующий себя никому не нужным, вдруг узнаю́, что и я не забыт. Мало того, любим и известен Ему по имени. Во вселенской пасхальной оратории несколько нот предназначены и для моего голоса.

* * *

Жить — это значит жить вечно! И нет никакого страха в словах «что потом?»

Потом будет *город... сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.* Потом будет голос, говорящий: *се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними... И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.* Потом *узрят лице Его, и имя Его будет на челах их.*

Вот что будет *потом*, и то, что будет это, так же несомненно, как то, что Бог — свят. Но не завтра это будет, и не наше дело — рассуждать о временах и сроках. Идти нужно по ука-

занному пути. Песня дорожная у нас уже есть: «Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

МЫ ЖИВЫ! МОЛИТЕСЬ О НАС!

Остались имена и даты на крестах
У тех, кто в землю лег и ожидает Чуда.
Какое имя будет на устах,
Когда я буду уходить отсюда?

Неизвестный автор

«Любовь и слезы появляются в глазу,
а западают в сердце» — примерно так
можно перевести латинскую пословицу
«Amor et lacrima ab oculo oritur
et in pectus cadit»

Нужно видеть, чтобы любить, и пословица «Глаз не видит — сердце не болит» в этом отношении оправданна. Но это не главный вид любви. Куда дороже чувство, не зависящее напрямую от зрения. С таким чувством связана вера. Мы не видели Христа телесными глазами, однако любим Его. Слово о Нем через слух вошло в наше сердце, и с тех пор наша жизнь самым серьезным образом изменилась. Глаза здесь ни при чем.

Это вполне относится к усопшим, к людям, которых мы не видим, но продолжаем любить. Для любящего человека умерший подобен уехавшему в далекую и длительную команди-

ровку. Ты не видишь его, но ведь сердце не обманешь. Оно чувствует, что любимый тобою жив. Оно зовет тебя молиться.

Мне всегда жутко думать о том, что миллионы людей, верующих во Христа, не молятся об усопших. Это протестанты. Они оправдывают свою позицию тем, что в Евангелии нет прямых повелений для такой молитвы. Как будто Христос имел целью строго регламентировать нашу жизнь. Как будто Он принес нам не Дух свободы, а новые законные требования, тысячу новых «можно» и «нельзя». Неужели Он Сам не сказал, что *Бог же не есть Бог мертвых, но Бог живых. Ибо у Него все живы* (Лк. 20, 28). А если так, то разве есть запрет на молитву о живых?

Граница между живущими здесь и ушедшими «туда» протестантам представляется непреодолимой каменной стеной. Дескать, человек прожил свою жизнь, и теперь невозможно повлиять на его участь, бесполезно Богу о нем молиться.

На самом деле граница между нами и ими весьма прозрачна. Сквозь нее видно всё, что делается по обе стороны, если духовное зрение обладает достаточной остротой. Неумирающее чувство любви к усопшим заставляет молиться Богу, Который и Сам есть Любовь, о милости к закончившему земную жизнь человеку.

В духовном мире, кроме Христа и Богоматери, нет **целых людей**. Там есть только **людские души**. Душа без тела — это **не человек, но лишь душа человека**. И тело без души — всего лишь тело человека. Смерть разрывает нас на

части, и целыми мы вновь станем не раньше, чем начнется Страшный Суд. Еще никто не выслушивал из уст Христовых окончательного слова. **Никто не отослан в ад. Никто вполне не блаженствует.** Только после воскресения тел вечность вступит в свои права, и одних людей обнимет огонь, а других встретит торжествующий голос ангельских хвалений.

До этого часа души предчувствуют и предвкушают, одни — радость, другие — муку. Молитва в это время нужна как никогда.

В Апокалипсисе Христос назван, кроме прочего, имеющим ключ Давидов. Если он затворит, то никто не отворит. И наоборот, отворенное Им никто не может затворить. Протестанты спешат затворить для усопших двери Божиего милосердия, хотя чаша долготерпения еще не полна, времена благодати продолжаются, и Сам Христос еще не сказал последнего слова о конкретном человеке.

Ладно бы речь шла о людях, не молящихся вообще. Их много таких, не могущих разлепить уста, чтобы сказать: «Господи, помилуй». Но в случае с протестантами речь идет о людях верующих. Они читают Писание, призывают Отца, стараются исполнять волю Сына.

Исключить же из своих молитв братьев и сестер, умерших раньше нас, — всё равно что выколоть себе глаз или отрезать руку. Тогда нужно перестать молиться о ком бы то ни было. Пусть каждый в полной мере отвечает за себя. Болеет человек — пусть болеет. Такова воля Божия, пусть страданием искупает грехи. Но ведь мы так не делаем. Мы науче-

ны носить тяготы друг друга и так исполнить закон Христов (см. Гал. 6, 2). Мы научены вступаться друг за друга, и лучшим способом помочь, защитить, вмешаться всегда была молитва.

Церковь — это Тело. Живые и усопшие не видят один другого, как и волосы на голове не видят кожу на подошвах ног. Но всё тело, от темени до пят, питается одной и той же кровью. Церковь — это Лоза. Не все ягоды прикасаются друг к другу, но все питаются одним и тем же соком. Усопшие христиане — члены того же Тела Христова. Лишать их молитвы — то же, что отбирать хлеб у детей. Они и беспомощны, как дети. Их глаза, во много раз превосходящие количество звезд, сияющих на небе, из духовного мира с мольбой и ожиданием смотрят на нас.

Конечно, почившие люди потеряли возможность деятельного изменения. Для них прошло время трудов. Но их души не лишились способности впитывать благодать, и для них еще не настало время воздаяния.

До чего ты красива, кроткая и простая, не любящая много говорить, знающая толк в вещах самых главных, Святая Церковь Православная. Благодаря Тебе на Страшном Суде мы услышим признательность от всех тех, за кого с любовью молились. Мы и сами по смерти надеемся утешаться молитвами тех, кто нас любит и верит в Бога.

Впрочем, главная наша надежда на Иисуса Христа — Праведника, на Его Крест и Воскресение. А всё остальное — десерт на Его трапе-

зе. Зато какой вкусный десерт, и до чего слепы те, кто не хочет есть сладкое из рук Великого Господина, приготовившего великий пир.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Ты спрашиваешь, почему я грущу? А когда ты видел меня веселым?

Понимаешь, у меня умер друг. Я и не думал, что он мне так дорог. А вот, позвонил ему, а детский голос отвечает: «Папа умер». Я, где стоял, там сел и заплакал. Валера умер! Не могу представить его бездвижным. Не могу представить гранитный памятник с его фотографией, на которой он улыбается.

Он был доктор. И в этом тоже есть какая-то доля издевательства. Он был хороший доктор, грамотный, внимательный, серьезный. Но доктора тоже умирают, а священники тоже грешат. Разве это не ужас? А ты все спрашиваешь, отчего я грущу.

Гепатит залез в его печень давно. Он рассказывал мне, что в болезнях много мистики. Вирусы ведут себя не просто как живые, а как живые и умные. Они приспосабливаются к лекарствам, изменяются, затаиваются. Они могут делать вид, что уже умерли, что побеждены, и человек успокаивается, начинает беспечно радоваться, нарушать режим... Потом болезнь вспыхивает вновь, но на этот раз очаги поражения глубже и опаснее, а старые лекарства уже не действуют. У Валеры был именно такой случай.

После первой опасной вспышки, когда специалисты говорили о двух-трех оставшихся годах, он прожил еще десять лет. В этот период мы и познакомились.

На его месте можно было, по-христиански, вымаливать у Бога здоровье или, как делают многие, по-язычески — ждать от безликого Космоса подачки в виде продления срока. Можно было истратить все деньги на новые лекарства. А можно было, сколько Бог пошлет, жить полной и красивой жизнью, радуясь каждому дню и, тем более, каждому прожитому году. Они с женой сумели заново влюбиться друг в друга и были так взаимно нежны и внимательны, что многие, быть может, им завидовали.

Валера на пару лет поехал в Ливан, в миротворческий контингент. Заработанных денег плюс сбережения хватило, чтобы улучшить жилищные условия. Слишком долго они с женой и двумя детьми мыкались по коммуналкам и съемным квартирам. Когда мы освящали эту новую квартиру, Валера сказал: «Ну вот, за это уже сердце не болит». Последние несколько лет он часто повторял эту или подобную фразу: «Уже сердце спокойно». «За это я не переживаю». Он говорил так, когда старший сын стал работать и, к тому же, познакомился с хорошей девочкой. Когда жена научилась водить машину. Когда удалось реорганизовать терапевтическую службу в округе. Время шло и постепенно его убивало. Печень уже не могла хорошо очищать кровь. Но, запрограммированная на честное исполнение своей работы, она и пропускать ее, неочищенную, не могла. Началась

внутренняя интоксикация. Он мог бы вести дневник и, как доктор, фиксировать постепенное угасание своего организма. Но он стремился реализовать себя, воплотить мечты, обеспечить семью. И он продолжал быть собранным и серьезным на работе, веселым среди друзей.

* * *

Ты спрашиваешь, почему я улыбаюсь? Знал бы ты, как он умирал. Это была оптимистическая трагедия. Когда его на пешеходном переходе внезапно сбила машина и все разрушительные процессы в организме резко усилились, и Валера, и его жена поняли, что он вышел на финишную прямую. Они стали готовиться к расставанию с мужеством самурая, делающего с утра прическу и готового к вечеру умереть. За сорок семь дней от аварии до смерти они прожили вместе еще одну жизнь.

В больнице, где его знали все и он знал каждую трещинку на стенах, отбоя не было от посетителей. Целый театр лиц прошел перед их глазами: робких, искренних, испуганных, участливых. Он говорил со всеми, даже консультировал больных и давал советы коллегам. Только жену всё время держал за руку и скучал по ней, даже когда она отлучалась на полчаса за минералкой или лекарством.

В тот самый важный день, который еще называют последним, к нему в очередной раз пришел священник. Валера недавно причащался, а сейчас уже был без памяти. Поэтому его соборовали. Всё, что он сказал в тот день, — это фраза, обращенная утром к зареванной медсе-

стре, менявшей капельницу. «Вы очень красивы сегодня», — сказал он ей. Потом он ничего не говорил и казался глубоко уснувшим. Но священник, совершавший соборование, обладал зычным басом. Совершивши Таинство, он громко произнес отпуст и этим, кажется, пробудил больного. Валера узнал священника. «Батюшка, благословите!» «Бог благословит», — священник широко перекрестил Валеру и положил ладонь ему на голову. Валера слабо, но очень тепло улыбнулся и закрыл глаза.

Священник снял облачение, сложил его в чемоданчик и успел дойти до двери, когда Валерина душа покинула вначале тело, затем больничную палату, а затем и вообще эту печальную землю.

Я вспоминаю о Валере, думаю о его смерти и радуюсь. Но эта радость не мешает мне ронять слезу, когда я представляю себе гранитный могильный памятник с фотографией, на которой Валера улыбается. Ты спрашиваешь, как это может быть? Как могут уживаться вместе и улыбка, и слезы? А по-моему, только та радость и есть настоящая, которая не мешает плакать. И только те слезы правильны, сквозь которые можно улыбаться.

КОЛОКОЛ, ЗВОНЯЩИЙ ПО ВСЕМ

Эти блины с икрой и этот бокал вина с точки зрения будущей смерти восхитительны. Неправда, что мысль о смерти тяжела и холодна. Неправда, что она отравляет чувство момента

и мешает жить. Она, напротив, творчески раскрашивает жизнь, и заставляет думать, и дает перспективу.

С одной стороны человек выходит на сцену жизни и жмурится в свете рамп, чтобы вскоре уйти со сцены в другую сторону. Туда, где темнота молчит за шевелящейся кулисой. Зал тоже прячется в темноте, и человек видит лишь первые несколько рядов да макушки музыкантов в оркестровой яме. Ничего больше полуослепший артист не видит.

Кто чаще всего думает об этом? Тот, кто чаще всех встречает очередного, отыгравшего свою роль человека на черте, отделяющей залитую светом сцену от закулисной тьмы. Это — доктор, могильщик и священник. Эти трое — мудрецы по призванию. Ловите горькие и скупые слова, слетающие с их уст. Это дорого стоит.

На искусно наложенный грим, на пыльные бутафорские костюмы и громкие заученные фразы они не обращают внимания. Пусть человек понятен для них не до конца, пусть не знают они его так, как знает его Бог. Но всё же знают они человека глубже других, и взгляд их на человека более прям и честен. Эти трое имеют больше возможности думать о сути, а не о деталях.

Доктор не всегда умен, как Чехов. Священник далеко не всегда свят. Что до работника кладбища, то и он не всегда способен, выкапывая могилу, произносить шекспировские монологи. И всё же грустное «не всегда» не совпадает с безжалостным «никогда».

* * *

Сердце сильнее всего уязвляется звуками. Плачем ребенка, голосом кукушки, скрипом двери в опустевшей квартире... Сердце Богоматери разрывалось от стука молотков, вгонявших гвозди в невинную плоть Ее Сына. Молоток, методично бьющий по шляпке гвоздя, разрывает миллионы человеческих сердец, когда рабочие на кладбище прибивают крышку к гробу. Священник тоже это слышит. Он читает Трисвятое и поет Вечную память. Он слышит стоны и всхлипы, крики и вздохи людей, которые *пока* остаются, но прощаются с тем, кто *уже* уходит. Каждый раз с кладбища священник возвращается поумневшим. Он с удивлением смотрит в тарелку с приготовленным обедом, а перед глазами у него всё еще стоят венки, кресты и раскрытый зев могилы. Новости по телевизору или голос певицы из радиоточки звучат для него кощунственно, оскорбительно. Ведь он только что слышал звон колокола, который звонил и по нем.

Настоящий поэт тоже немного священник. Он не может не писать о смерти.

Уж сколько их упало в эту бездну
Разверстую вдали.
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли...

Мир для поэта щемяще красив и трагично сиюминутен.

* * *

У вас опять выборы, а у нас — вселенская панихида. У вас — презентация новых товаров и бойкий рапорт о последних успехах. А у нас — кадильный дым и светлая мысль о неизбежном.

Мысль трепещет, как птица в клетке, и рвется в Египет. Не в Шарм-эль-Шейх и не в Хургаду, а туда, во времена фараонов. Мысль рвется в те времена, когда для людей было очевидно: на земле мы живем миг, а вне земли — вечность. И люди почитали глупостью отдавать земле с ее суетой все свои силы и не готовиться к вечному и живому будущему.

Даже во время свадьбы, в разгар пира, посвященного торжеству жизни, эти люди вносили в комнаты с пирующими мумии умерших сродников. Неважно, для чего это делалось, для приобщения мертвых к радости живых или для напоминания живым об общем исходе. Важно, что это правильно. Правильно поступают и наши молодожены, когда в канун венчания идут помолиться на могилы почивших родственников.

* * *

Если я, будущий покойник, буду думать об этом чаще, я не буду злиться на соседа (тоже будущего покойника), громко включающего музыку по вечерам. И если сосед будет думать об этом хоть изредка, разве станет он включать с наступлением темноты свою рычащую аудиосистему? Мир станет тише и задумчивее, мир будет чуток и сострадателен. Я хочу жить в таком мире.

Как же вы говорите, что мысль о смерти тяжела и несносна?

* * *

Эти капли дождя, как шмели, гулко бьющиеся в стекла, и этот запах маттиолы, заплывающий в комнату из лоджии (жена — умничка), поистине восхитительны с точки зрения будущей смерти.

Как близко друг от друга —
Жизнь и Смерть...
Но Небо не поделится секретом:
Кто должен быстро
Путь свой одолеть,
Измученный болезнями при этом,
А кто по жизни счастливо пройдет,
И долгой будет легкая дорога...
Мы о себе не знаем наперед.
И только просим милости у Бога.

Андрей Дементьев

БЕЗБОЛЕЗНЕННАЯ, НЕПОСТЫДНАЯ, МИРНАЯ КОНЧИНА ЖИЗНИ

Старушка, что называется, зажилась. До последнего у себя в селе вставала с петухами, возилась по дому и возле дома, и только с наступлением холодов позволяла внукам забирать себя на зиму в город. К концу поста городская квартира уже мучила ее, хотелось на воздух, к земле, к своей хатке, которую перед Пасхой нужно было и проветрить, и убрать, и украсить.

Но этой весной домой ее не отвезли. Ослабела бабушка. Ослабела вдруг сразу, как будто сила ушла из нее так, как уходит воздух из развязанного надувного шарика. Сначала она вставала и ходила по квартире, в основном до туалета и обратно. Затем и этот путь стал для нее непосильным. Маленькая и тихая, как больной ребенок, она лежала в отведенной для нее комнате. Внуки вставали рано и, попив чаю, уносились на работу и по делам. Правнук уходил в школу. Поэтому для старушки наняли сиделку, и та ухаживала за бабушкой. В ее комнате было чисто и тепло. Ела она мало, меньше младенца, и ежедневным занятием ее было смотреть в окно напротив и читать по памяти молитвы.

Такой я и увидел ее, высохшей, с заострившимися чертами лица, лежащей на спине и смотрящей прямо перед собой. Меня пригласили ее причастить. Зная по опыту, что люди часто зовут священника к больному, когда тот уже ни есть, ни говорить не может, то есть не может ни исповедоваться, ни причаститься, я спросил перед приходом, может ли она исповедоваться. «Она у нас очень набожная, и сейчас только и делает, что молится», — отвечала внучка. В условленный день меня забрали из церкви и привезли к старушке. По моей просьбе столик возле кровати застелили, поставили зажженную свечу и стакан, в котором на донышке была теплая вода — запить Причастие. Затем внучка с мужем и сиделкой вышли, и мы остались вдвоем.

«Вы слышите меня, бабушка?» — спросил я. В ответ она кивнула и губами сказала: «чую».

Теперь нужно было задавать вопросы, спрашивать о грехах, обо всем том море всевозможных ошибок, которые сознательно и несознательно совершаются людьми и которые, как цепи на рабах, висят на людских душах. Я задал один вопрос, другой... Старушка ничего не ответила. Она продолжала смотреть прямо перед собой, только руки сложила ладонями вместе так, как их складывают на западе, когда молятся. Это были руки, работавшие тяжело и всю жизнь. Я часто видел такие руки у стариков, перекрученные ревматизмом, худые, со вспухшими венами, и всегда мне хотелось их поцеловать. Историю XX века с его коллективизациями, трудоднями, войнами, бедностью, молчаливым терпением можно учить, не читая книг, только глядя на руки стариков, всё это переживших.

Бабушка вдруг зашевелила губами, и я склонился к ней, стараясь расслышать хотя бы слово. «За молитв святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй мене». Старушка молилась, молилась так, как ее учили родители или па́рох, с теми особыми выражениями, которые встречаются в старых молитвенниках, изданных где-то во времена Первой мировой. Она прочла Трисвятое, дошла до Отче наш и прочла Господню молитву отчетливо. Затем стала читать Символ веры. Я слушал. Там тоже попадались старые слова, сохранившиеся еще со времен Димитрия Ростовского. Вместо «нас ради» я услышал «нас диля человек и нашего диля спасения». Это было трогательно и красиво. Человек достиг заката зем-

ной жизни, готовился встретиться с Богом и уже не мог говорить, но всё еще мог молиться. Человек молился, повторяя слова, со времен детства повторенные уже не одну тысячу раз. Какие грехи она совершила? Какие из них оплакала и исповедала? За какие понесла очистительные скорби, хороня родных, болея, тяжко трудясь? Вряд ли я мог уже это узнать. Но нельзя было не причастить эту сухонькую и беспомощную женщину, лежавшую перед моими глазами и молившуюся, сложивши по-детски руки.

Не поворачивая головы и не меняя выражения лица, она приоткрыла рот, чтобы принять Святые Тайны. Затем покорно запила, два раза глотнув теплой воды из стакана, который я поднес к ее устам. Когда я стал читать «Ныне отпущаеши», старушка, словно закончив работу и собираясь отдыхать, закрыла глаза и опустила руки вдоль тела.

Уходя, я поговорил с внучкой о том, как поступать, «если что», и, отказавшись от чая, попросил отвезти меня в храм. Пока мы ехали по узким улицам перегруженного машинами города, мне хотелось думать о Марии Египетской, которая, перед тем как ее причастить, просила Зосиму прочесть молитву Господню и Символ Веры.

* * *

Бабушка отошла на Светлой седмице. Мы с псаломщиком пели над ней пасхальный канон, и казалось, что она вот-вот приоткроет уста и начнет шепотом повторять за нами: «Смерти

празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало, и, играющее, поем Виновного...»

На девятый день внучка с мужем и сыном была у нас в храме, и мы служили панихиду. Так же было и на сороковой. В сороковой день после молитвы я спросил у внучки, как их дела, как жизнь, как правнук отнесся к смерти старушки.

— Всё хорошо, отче, — ответила она, — только, кажется, будто кто-то отнял у нас что-то. Бабця (она назвала ее по-местному) не могла нам уже ничем помочь. Да мы и не хотели от нее никакой помощи. Но за те пару месяцев, что она у нас доживала, у нас так хорошо пошли все дела, и по бизнесу у меня, и у мужа на работе. А теперь как-то стало тяжелее, то тут проблемы, то там. Может, нам кто-то «поделал» какие-то пакости?

Мы поговорили с ней минут десять, и я попытался разубедить ее в чьем-то недоброжелательстве и возможной ворожбе. «У вас дома, — сказал я ей, — несколько месяцев была смиренная и непрестанная молитва. А теперь молитва прекратилась. Хотите помощи — начинайте молиться сами, как молилась она».

На том мы тогда и расстались. Я дал себе слово не забыть тот случай и непременно рассказать о нем прихожанам. Рассказать о том, как полезен бывает кажущийся бесполезным человек, и о том, что «безболезненная, непостыдная, мирная кончина жизни» есть, и мы не зря так часто о ней молимся.

У БОГА НЕТ МЕРТВЫХ

Мудрость народная предупреждает не зарекаться от сумы и тюрьмы. Кто знает, как жизнь сложится завтра. Кто знает, с кем столкнешься лоб в лоб, глубоко задумавшись и повернув за угол. Я тоже знать не знал, что целых три месяца своей жизни мне придется прятаться в чужом и незнакомом городе, а чтобы чем-то жить, работать грузчиком в овощном магазине и там же спать, получая еще полставки сторожа. От кого и в каком городе я прятался — сегодня уже неважно. Важна одна черта моей тамошней жизни, о которой хочется рассказать.

Через два квартала от нашего магазина располагалось старое городское кладбище. На нем по недостатку места уже давно никого не хоронили. Сквозь могильные плиты проросли деревья, всё кладбище утопало в зелени, и я ходил туда гулять в вечерние часы между закрытием магазина и наступлением темноты. Может быть, не в каждом городе мира найдется гражданин с фамилией Рабинович, но зато на большинстве кладбищ в нашей стране найдется еврейское поле. Шумный, неугомонный, упертый, пахнущий библейской древностью, красивый и отталкивающий одновременно, самый странный народ на земле разбрелся повсюду и везде оставил следы своего присутствия.

Та кладбищенская часть, где были похоронены евреи, находилась на самом краю, и туда я ходил чаще. Сначала меня привлекли надписи на могилах и портреты умерших. Там были

похоронены евреи, служившие в Красной армии. Те, которые поверили в революцию, повылезали на свет из всех щелей российской провинции и стали под Красное знамя. Кого-то из них убили на войне, кто-то до чего-то дослужился. На их могилах надписи были сделаны по-русски, а на фотографиях они были запечатлены в гимнастерках и портупеях. Эти мне нравились меньше всего. Больше нравились старики со странными, иногда смешными для нашего уха именами. Нравились их грустные глаза и длинные бороды. Нравилось, что жены их лежат рядом, и чувствовалось, что при жизни они были нежны какой-то другой нежностью, которая редка среди славян. Там, где надписи были сделаны на иврите, к простому любопытству добавлялся священный интерес, и я подолгу ходил среди могил Корфункеров и Зильберманов, Коганов и Кацев. Как-то не было скучно и было о чем думать, хотя нельзя было предположить, что я додумаюсь до чего-то особенного. Однако додумался.

В каптерке, где я ночевал, было Евангелие. Я открывал его временами на любом месте и читал. Читал, не всё понимая, но с удовольствием. Когда чувствовал, что сыт и удовольствие закончилось, — закрывал. И вот однажды поразил меня рассказ о богаче и Лазаре.

Вы не смейтесь над тем, что сторож овощного магазина гуляет на кладбище и читает Евангелие. И Боже вас сохрани думать, что это неправда. Ведь я же не всегда был сторожем и сейчас им не являюсь. В тот период времени я скрывался, и было от кого. Значит, и дела у

меня бывали поважнее, а образование и статус им соответствовали.

Так вот, в рассказе про Лазаря и богача меня тронула одна мысль, а именно: богач в аду переживает о братьях, оставшихся на земле. По опыту мне было известно, что когда в жизни человека наступает такой кошмар, который мы преждевременно называем адом, то можно перестать думать обо всех, даже самых близких. Тогда только воешь от душевной боли или дрожишь за шкуру. Богач, оказывается, был по-своему хорош. Он, даже попав в потустороннее пламя, сохранил в душе тревогу о родственниках. Трогательна была и просьба о том, чтобы Лазарь намочил перст в воде и прохладил ему язык. Удивило и то, что они за гробом друг друга узнали и что там могут быть длинные разговоры между святыми и грешными, между Авраамом и его потомками. С этими мыслями я и уснул в тот вечер, свернувшись в калачик, как я люблю, на вонючем одеяле синего цвета.

На следующий вечер я опять бродил среди христианских и еврейских могил, пробирался через ржавые и колючие ограды, раздвигал руками заросли папоротника и думал о своих проблемах. Мысль о том, что евреи, лежащие вот здесь, где я сейчас хожу, похожи на евангельского богача, а может быть, кто-то из них похож и на Лазаря, пришла ко мне тихо и незаметно. Как бы сама собой. Я даже не остановился, продолжил прогуливаться, но эта мысль вдруг раскрасила евангельский рассказ и даже посягнула на большее. Сильно верующим меня всегда назвать было трудно хотя бы потому, что

в жизни этого не было видно. Но, наученный еще в институте Достоевским, я считал и считаю, что истина — Христос, а если истина — не Он, то лучше я буду со Христом, но без истины. То, что евреи в Иисуса Христа не поверили, казалось мне жуткой ошибкой и огромной трагедией. При этом никакой неприязни к этому народу у меня никогда не было.

И вот тут я подумал: ведь там, за гробом, все всех узнали. Увидели люди и Моисея, и Авраама. Увидели и Иисуса Христа, и только там поняли свою ошибку. Это ж, наверное, они теперь просят, чтобы омочил кто-то перст и прохладил им язык. Наверное, жалуются, что их неправильно научили, или они сами не хотели думать о важном, и вот так расплескали жизнь по горстям кто куда, а теперь мучаются... Мучаются, но о родственниках думать не перестают. Нас они, может, и терпеть не могут, но уж своих-то любить умеют. У нас дети поголовно то «тупицы», то «болваны», а у них «Ося всегда хороший мальчик». Так, по крайней мере, я тогда думал и решил следующее: пока жизнь моя непонятна, буду ходить сюда и читать мертвым евреям Евангелие.

С тех пор прошло уже достаточно лет, но я и по сей день удивляюсь тогдашней затее. Сегодня бы я этого уже не сделал. Или побоялся бы, или сам себя постыдился бы. Хотя теперь я знаю, что решил тогда правильно. Я много потом общался со священниками и читал разные книги. У Бога нет мертвых. Внимание души приковано к месту, где лежит тело, ведь там человек воскреснет. Чтение Евангелия — это

один из высоких видов молитвы. И несомненно, покойные переживают о живых и хотят, чтобы те не повторяли их ошибки.

На работе всё было тихо и незаметно, а вот вокруг начало твориться разное всякое. Стало коротить проводку. В магазин повадились местные жулики-малолетки, и ночи перестали быть спокойными. Вдобавок у меня сильно разболелся желудок, и я перестал есть. Зато из дома сообщали, что дела решаются и скоро можно будет вернуться. Те, кто искал меня, сами стали скрываться. Мысль о доме тепло согревала.

На кладбище я продолжал ходить и читал там преимущественно Евангелие от Иоанна. Там много таких мест, где Господь обращался к обступавшим его и теснившим иудеям. Он иногда ругал их, иногда учил, иногда грозил и обличал, но они так ничего толком и не понимали. Головы их были напичканы какими-то своими мыслями. А вот черно-белые лица с надгробий смотрели так, как будто понимали всё, что я читал, и это меня одновременно и пугало, и радовало. Читал я вслух, но негромко. Находил удобное место, прочитывал главу, затем просил у покойников прощения за то, что потревожил, и отходил шагов на двадцать, на другое место.

Так продолжалось недели две. Я уже привык к ним, к тем, кого звали Шломо и Хацкель, к тем, на чьих могилах были написаны слова о скорби родных и выгравирован семисвечник. Как тут пришла новость о конце моих скитаний. Можно было пересчитать карманную мелочь и, даже не возвращаясь в каптерку, бежать на

вокзал, чтобы электричками добираться домой. Так я и сделал. Напоследок пришел на кладбище, но уже ничего не читал (Евангелие было собственностью сторожки). Просто посидел под деревьями, но уже на христианской части. Было приятно смотреть на кресты, и было жалко, что они не стоят в той части кладбища...

* * *

Я забыл бы эту историю, как забыл сотни историй своей и чужих жизней. Но я вспомнил о ней, когда среди моих друзей всё чаще стали появляться евреи. Они не решали со мной гешефты, не делали шахер-махер и не готовили гефильте-фиш. Они вообще не делали со мной ничего еврейского, но появлялись ниоткуда, говорили со мной о Боге, о Христе, о Суде и потом уходили. Некоторые стали моими друзьями, многие крестились, иных я даже не помню по имени, но за несколько лет их было много.

И вот тут в мои тяжелые мозги пришло ясное понимание того, что глаза с надгробий смотрели на меня с пониманием не зря.

Евреи всё же умеют любить своих и переживать о них даже из ада.

ТЫ ГДЕ И КАК УМИРАТЬ ХОЧЕШЬ?

Чего ты глаза вытаращил, будто я сказал что-то неприличное? Ты что, умирать не собираешься? Или ты об этом думать не хочешь? А о чем тогда думать — о футболе, о женщинах, о деньгах?

Я, например, не хочу умирать в городе. Грязь, пыль, суета. Во многих высотных домах даже грузового лифта нет. Такое впечатление, что строители их спланировали для людей, у которых в жизни не бывает ни шкафов, ни гробов, ни пианино. Вот так умрешь на девятом этаже, тебя сносить замучаются. Те мужики, что поприличнее, сплошь лентяи и через одного — сердечники. Они гроб не понесут. Придется нанимать пролетариев за бутылку. Так они тебя, с матом пополам, и потащат. Не под «Святый Боже», говорю, потащат, а под матюги.

Потом, кладбища все далеко. Будут полдня тебя везти в ритуальном автобусе, будут в пробках стоять, будут рычать сцеплением и визжать тормозами. И не будет в этой фантасмагории ни тишины, ни умиления. И кадильного дыма не будет. Как намек на смрадную жизнь, смерть будет окутана выхлопными газами.

* * *

Ты не кривись и не соскальзывай с темы. Если не я сейчас, то кто и когда с тобой об этом поговорит? О смерти говорить надо. Она сама молчит, по пословице «Когда я ем, я глух и нем», молчит и в тишине пережевывает человечество. А люди должны нарушать эту тишину. Лучше всего — молитвой, а нет — так хотя бы разговором. Даже гробовых дел мастер Безенчук, который пьян с утра, имел для смерти множество имен. Раз люди по-разному живут, думал он, значит, по-разному умирают. Одни «приказывают долго жить», другие «упокоеваются», третьи «ласты склеивают» и так далее. «Гигнулся», «кончил-

ся», «зажмурился». Все-таки лучше, чем просто «сдох». Это уже как-то совсем по-скотски.

* * *

Ты как хочешь, «сдохнуть», или «окочуриться», или «Богу душу отдать»? Я, например, хочу «упокоиться». Как дьякон в церкви гудит: «Во блаже-е-нном успении ве-е-ечный покой...»

И надо, чтобы деревья росли у могилы или цветы вокруг. Все-таки на рай похоже. А если никакой лист над головой не шелестит и если каждый луч норовит пришедшему на могилу человеку лысину обжечь, то это истинная печаль и земля изгнания.

* * *

Ангелы за душой придут, придут, родимые. Заплаканные придут, потому что подопечный их скверно жил. Как-то всё для себя жил, к Богу спиной стоял, ближнему дулю показывал. Мелко жил, без полета, без настоящей радости. Как червяк жил, всё рыл и рыл хитрые ходы в беспросветной тьме. Вот, дорылся. Собственно, и не жил совсем. Разве это жизнь, когда перед смертью вспомнить нечего, а родственники, кроме как «сколько водки на стол поставить» и «сколько венков заказать», больше ни о чем думать не будут?

* * *

Страшно будет на себя со стороны смотреть. Они тебя моют, а ты на них со стороны смотришь. Они твои негнущиеся руки в новую рубаху запихивают, галстук тебе повязывают,

туфли новые надевают, а ты смотришь. Смешно даже. Глянь, как туфли блестят. Отродясь в таких чистых не ходил. Засмеялся бы, если бы не Ангелы за спиной и не *эти*... чуть поодаль.

Эти придут, понимаешь? Ты понимаешь, бараньи твои глаза, *эти* придут! Те, которые с тобой до сих пор только через мысли общались. Они шептали, а ты гадости делал; они подзадоривали, а ты психовал без причин; ты грешил, а они твою совесть убаюкивали. Ух и страшные же они! Вот когда ты молиться начнешь... Хотя вряд ли. Не начнешь. *Там* начинать поздно. *Там* можно только продолжать то, что на земле начал.

* * *

Нет, пить не буду. И ты не пей. Не отвлекайся. Слушай.

Картину Мунка видел? «Крик» называется. Там человек на картине кричит, и его сначала слышно. Не веришь — найди и посмотри. Хоть и в Интернете. Сначала слышно. А потом крик таким пронзительным становится и до такой высокой ноты доходит, что его уже и не слышно.

Так души от страха кричат. Не приведи Господь, и ты так же кричать будешь, когда свое окаянство почувствуешь и *этих* увидишь. Самое страшное, что на тебя в это же время будут с трудом пиджак надевать и все мысли родни будут крутиться вокруг расходов на похороны и продуктов на поминки.

* * *

Опять же, время года какое будет, неизвестно. Летом страшно, что от жары вздуешься.

Мухи, вонь... Не приведи Господь. Поститься надо, чтоб сухоньким преставиться. Незачем червям пиршество устраивать. Хотя грешников и тощих вздувает...

Зимой зябко в холодную землю ложиться. И могилу копать тяжело. Гробовщикам больше платить надо. Почему тогда телу не зябко? Зябко. Оно же не навсегда мертвое. Воскреснет же. И чувство в нем не сразу погасает. Когда в крематорий, в печку, тело запихивают, так оно даже сжимается, как будто от страха. Наукой доказано.

Лучше, конечно, весной, но не ранней, когда слякоть, а после Пасхи. Если в Пасху умереть, то даже над гробом вместо простой панихиды будут петь торжественно, весело... «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его. Пасха-а священная нам днесь показа-а-ася: Пасха нова, святая...» Красота. Вечной жизнью жить хочется!

* * *

Как откуда я это знаю? У меня ж зять — батюшка. Я у него на приходе всю прошлую зиму прожил, по дому с внуками помогал, ремонт там мелкий всякий, и читать по книжкам старым научился. Я ведь книжки люблю, ты знаешь. У, брат, сколько лет без толку прожил, только под старость маленько прозрел. Сколько всего интересного зять мне понарассказывал, сколько я и сам потом прочитал!

И мне теперь как-то всё про смерть думается. Со страхом, конечно, но и с надеждой. И поговорить, поделиться хочется. А люди, как от чумного, от меня бегут. Говорят, мол, серьез-

ный человек, полковник в запасе — и с ума сошел. Глупые.

Хорошо, что я тебя сегодня поймал. Не смотри на часы. Метро допоздна ходит.

Так ты где и как умирать собираешься?

КРЕЩЕНИЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Было время, когда христиане отсрочивали Крещение. Одни, как Василий Великий, хотели, чтобы Таинство совершилось в Иордане. Другие боялись согрешить после Крещения и из-за этого полусвященного-полусуеверного страха в течение многих лет покидали Литургию после слов «Оглашенные, изыдите». Были и такие, как император Константин. Тот крестился на смертном одре. Милость совершенно особая — омыться от всех грехов перед самой смертью. Но спланировать заранее это невозможно.

Когда мы были еще совсем юными и совсем глупыми, но уже почитывали всякие книжки, мой друг Серега сказал однажды, что знает, как «обмануть христианского Бога». «Нужно просто креститься перед смертью», — сказал он и был почти прав, допустив ошибку только в одном слове. Креститься перед смертью — это значит не «обмануть» Бога, а получить от Него самый дорогой подарок. Такие подарки не раздаются направо и налево. Там, где это случилось, должна быть какая-то важная предыстория.

* * *

Их вывели из камеры ночью. Лязгнул замок, и солдат, грязно выругавшись, приказал выходить по одному. Они вышли, шесть священников и один диакон. Целую неделю им, обвиненным в антисоветской пропаганде, пришлось провести вместе. То, что выйти из этой камеры придется только в одну сторону, знали все. Они уже отпели себя заранее и всё время заключения старались много молиться, вспоминали грехи, исповедовались друг другу. Это были большей частью маститые, в летах протоиереи. Только диакон был молодой, недавно женившийся и рукоположенный. Его жена должна была вот-вот родить первенца.

В ту ночь их всех расстреляли во дворе тюрьмы, побросали тела на машину и повезли хоронить в одной из общих могил, вряд ли найденной и до сих пор.

В морозном русском небе безучастно светила луна. На дворе стоял год двадцать первый со времени Октябрьской революции и, значит, тысяча девятьсот тридцать восьмой от Рождества Христова.

* * *

«Священник работает в пожарной команде, — говорил мне назидательным тоном один опытный батюшка. — Надо крестить — крести, надо причастить — причасти. Спал — не спал, ел — не ел, никого не касается. Делай свое дело. Богу служи, и Бог воздаст».

А мы так и делали. День за днем бегали с требы на требу, с погребения на свадьбу, со свадьбы

на крестины. К концу дня, когда в душе болело, в ногах гудело, а горло не разговаривало, матушка просила: «Поговори со мной», — а батюшка знаками показывал, что не способен к общению.

В один из таких дней к нам в церковную канцелярию пришла женщина и попросила окрестить ее умирающую соседку. Я должен был куда-то бежать, кажется, в школу на беседу с учениками. Но никого больше из духовенства на тот момент в храме не было, дело отлагательства не терпело, и получалось, что идти должен был я. Хорошо было лишь то, что дом, указанный в адресе, располагался неподалеку. Я взял крестильный набор и даже взял Запасные Дары, и мы пошли.

В доме было бедно и неухоженно. Хозяйка была одинока. Она лежала на расстеленном диване у стены, и по всему ее виду было понятно, что надолго она в этом мире не задержится. Я спросил, желает ли она креститься. Женщина хриплым голосом тихо сказала «да». Раз пришел, делай дело правильно. Я совершил Крещение не «по скору», а полным чином. Затем причастил новообращенную христианку, поздравил с прощением всех ее грехов — и наконец побежал туда, где меня уже ждали.

Соседка пришла оформлять похороны уже на следующий день. Она была единственная, кто помогал одинокой женщине при жизни и кто мог взять на себя хлопоты, связанные с погребением. Она оказалась человеком верующим, и мы разговорились с ней, дескать, вот какая милость покойнице от Бога — перед самой смертью крестилась и причастилась! Не

может быть, чтобы это было случайно. Я стал интересоваться, не знает ли соседка о каких-то добрых делах усопшей.

— Она была простой женщиной. Прожила тяжелую жизнь. Работала на заводе. Муж ее бросил, детей не было. Родни тоже никакой не было. Родом откуда-то из России, из глубинки. Молчаливая такая, угрюмая даже. Редко когда что-то расскажет. Вот знаю только, что отец у нее был диакон. Его расстреляли за веру в тридцатых годах. Она тогда еще не родилась. Это ей мать потом рассказывала. Они ведь, знаете, не говорили нигде, что отец — диакон, скрывали. Кому охота быть родственниками врага народа? Говорили, что нет отца, потом — что на фронте погиб. Да-а-а, жизнь такая, что говорить. Вы сами всё понимаете. Вот, слава Богу, перед смертью хоть окрестили.

— А как отца ее звали? — спрашиваю.

— Она Ивановна. Значит, Иваном.

* * *

У нас такой закон был в соборе: ты перед смертью причастил, значит, ты и хоронишь. Было морозно, и первые комья земли, упавшие на гроб, били о деревянную крышку, как булыжники. Людей на кладбище было совсем мало. На последней молитве я помянул вслух и «убиенного диакона Иоанна».

Возвращались в город на том же автобусе-катафалке. Прислонившись к окну, я думал об отце-диаконе. Он теперь, после стольких лет, лицом к лицу увидит свою дочку, которую так и не увидел на земле. И на руках не носил, и

в школу не водил, и косички не заплетал, зато вот вымолил теперь для нее Царство Небесное.

От этих мыслей было тепло и спокойно, и ехать хотелось долго, не останавливаясь.

АДАМ! ГДЕ ТЫ?

О каких потерях плачут люди? Плачут о потерянной родине, об умерших родных, об украденных деньгах. Но разве всё это можно сравнить с потерей Рая? Богач, превратившийся в последнего нищего, — это бледная тень того изменения, которое произошло с нашими прародителями. С высоты легко упасть, но на высоту трудно подняться. И наши прародители, утратившие блаженство, стали так же жалки и беззащитны, как птенец, упавший из гнезда.

Они еще не знали, что это не последняя точка падения, что им придется падать еще, дальше, глубже, до самого ада. Их длинная жизнь, проведенная в ожидании спасения, подошла к концу, и они, отделившись душами от тел, сошли в мрачное и безрадостное место.

Шеол. Так называли евреи то царство теней, где души, потерявшие плоть, но сохранившие память и веру, ожидали Мессию. Там не было радости, песен, псалмов, но только тьма и долгое, тягостное ожидание. Лучшие из лучших тоже сходили туда. Моисей, с которым устами к устам разговаривал Бог, опустился во мрак. Самуил, Давид, Давидовы дети сходили туда же. Каждого вновь прибывшего встречали вопросом: Он пришел? Ты видел? Ты дождался?

— Нет, — отвечали один за одним нисходившие в ад и присоединялись к ждавшим.

Псалом 90-й заканчивается так: «Долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое». Эти слова исполнились на праведном Симеоне-Богоприимце. Он увидел Спасителя, он не умер раньше, чем произошло Его благословенное пришествие. И Симеон умер, как и было ему предсказано, с миром. Он, насыщенный днями, первый опустился в Шеол, чтобы сказать: «я видел». Его руки помнили тепло Иисусова тела, его глаза смотрели на Сына Божия. Бог явил ему «спасение Свое». Об этом узнали узники ада, и ждать стало легче.

Но время в Шеоле тянулось не так, как на земле. Там, где нечем развлечься, где нет никаких утешений, ожидание — это настоящая пытка. Долгих тридцать лет прошло до тех пор, пока не спустилась в ад чистая душа Предтечи, омытая кровью мучения. Его слова были еще радостнее.

— Мессия проповедует. Он исцеляет и воскрешает. То, что пророки говорили о Нем, исполняется. Спасение близко.

— Его убьют, — сказал Исайя. — Мне было открыто, и я говорил о Нем, что Он — «муж скорбей и изведавший болезни».

— И я в псалмах пел о том, что Ему пронзят руки и ноги, и что о Его одежде будут метать жребий, — сказал Давид.

— И мы с Ильей видели Его на Фаворской горе, — отозвался Моисей, — мы говорили с Ним о Его страданиях. Вы правы.

Голоса пророков раздавались громче и громче. Каждый из них что-то знал о Христе, каж-

дому была открыта Духом Святым какая-то грань Его подвига.

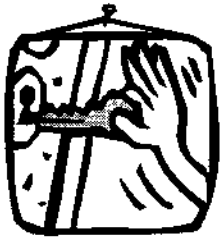
Родился в Вифлееме, Мать Его непорочна, Он въедет в Иерусалим на осле, Его предадут за ничтожную сумму денег. Шеол никогда не слышал такого оживления. Как вдруг затворы адовы затрещали. Всё пришло в движение, и раздался голос: «Поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!» (см. Пс. 23).

«Кто сей Царь славы?» — спросили перепуганные адские стражники. «Господь сил, Он — Царь славы», — раздался ответ, и густая, вековая тьма озарилась ярчайшим светом. Господь, совершивший победу, грозный и милующий одновременно, сошел в преисподнюю. Его схождение вспороло аду брюхо так, как нож кухарки вспарывает брюхо пойманной рыбе, и теперь все, кто ждал его, — свободны. Но не толпой, а по порядку устремились праведники к Спасителю. Вначале они расступились, и Христос, внимательно всматриваясь вглубь, сказал слова, однажды уже звучавшие: Адам! Где ты?

— Я здесь, Царю мой и Боже мой, — сказал тот, кто в Раю говорил: «я наг и скрылся». Прародитель с прародительницей смотрели на Христа с трепетом, в любую секунду готовые опустить глаза. Ведь это они — виновники всемирной трагедии.

Господь протянул им руки и, когда их ладони встретились, с силой повлек их наверх. Их и их детей ждал рай. Уже не земной, но новый — небесный. И он уже не был пуст. Там уже был благоразумный разбойник, не отмычкой, но покаянием открывший себе двери в страну блаженства.

ОТКРОЕМ ЕМУ ДВЕРЬ!



РАСПРАВИТЬ ПЛЕЧИ НА ПРЕДЕЛЕ ИСТОРИИ

Те времена, когда люди смотрели в будущее с оптимизмом, прошли безвозвратно. *На земле — уныние народов и недоумение... люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную* (Лк. 21, 25—26). Точнее не скажешь. У нас сегодня всё именно так. Так что, исполнилось? Будущее рисуется оптимистично только тем, кто не знает значения слова «будущее». У остальных — *недоумение* и *ожидание бедствий*.

Человечество неоднократно переживало и голод, и холод, и вооруженные конфликты разных масштабов. Но если в сознании людей пленительным и немеркнущим светом сияла идея будущего, которое нужно завоевать, приблизить, построить, на худой конец, просто дождаться, то беды заканчивались и жизнь продолжалась. Гораздо хуже, когда головы пусты, сердца холодны и «история кончилась».

Имея перед очами ума историческую перспективу, можно было в голодном 25-м году открыть «Артек». Или в системе рабфаков в неотапливаемых помещениях обучать массы рабочей молодежи теории стихосложения. Сегодня такие вещи кажутся неповторимыми.

* * *

Для неверующих будущего нет. «Как-нибудь будет», — произносят они и, глядя вперед, видят мрак, непроницаемый, как чернила. Для ве-

рующих будущее есть, но оно задрапировано в пурпурные одежды Апокалипсиса. Ни один нормальный человек (если бы выбор эпохи для жизни был возможен) не захочет жить во времена *великой скорби, какой не было от начала мира и не будет* (см. Мф. 24, 21). Обычному человеку хочется обычной жизни с безгрешными радостями и «христианской кончины, безболезненной, непостыдной, мирной». Если уж нельзя убежать от сгущающихся туч, то хочется, по крайней мере, чтобы тучи не сгущались так быстро.

Это не в нашей власти. Когда становится ясно, что проблему нельзя ни обойти, ни перепрыгнуть, остается скрепить сердце и встречать неизбежную сложность лицом к лицу. Христос зовет нас к воздержанию и молитвенному труду особенно тогда, когда очертания виденного глазами совпадают с очертаниями слышанных пророчеств. *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно... итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого* (Лк. 21, 34—36).

Итак, будем молиться. Сообщит ли телевизор о глобальных переменах в мировом климате, или опять начнутся перебои с электричеством и выплатой пенсий, или власти разрешат гей-парад... Будем молиться.

Умножение молитв не означает, что мы будем добавлять слова к словам. Скорее, мы

должны будем добавить огонь к огню и жар — к жару. А если у кого молитва еще не была огнем, то, значит, он еще ни разу не молился.

Евреи, ослепшие для нашего блага, не принявшие Мессию в Его Первом Пришествии, чтобы язычникам можно было войти в число спасенных, ждали Мессию долго и продолжают ждать*. Терпеливое ожидание закаляет душу и над неведомым приоткрывает завесу. Евреи давно поняли, что Мессия должен прийти после испытаний, по тяжести превосходящих все мыслимые пределы. В одной из их притч отец и сын идут вместе по дороге. Сын больше не может идти от усталости и спрашивает у отца, далеко ли город? Отец отвечает: как только увидишь кладбище, знай, что конечная цель близка. Мысль вполне православная и с Писанием согласующаяся. Достижение цели предваряется скорбью. Перед заходом в гавань нужно будет увидеть кладбище кораблей.

И еще считают евреи, что приход Мессии похож на роды, а роды, как известно, не только тайна, но еще и страшная боль. Поэтому, по их мнению, нужно особо и усиленно молиться,

---

* Из Писания становится ясным, что, по непостижимой премудрости Промысла Божьего, ожесточение евреев, не принявших Спасителя в Его Первом Пришествии, имело спасительный смысл для других народов: *ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников* (Рим. 11, 25). И хотя сейчас последователи иудаизма пребывают вне общения с Истинным Богом (апостол Иоанн Богослов в Откровении называет их собрание сборищами сатанинскими, что в греческом варианте звучит как *«синагога сатаны»*) (Откр. 3, 9), в конце времен не весь Израиль прельстится антихристом. Некоторое число иудеев, называемое священным остатком, обратится ко Христу и Церкви Христовой, и через них Господь спасет Израиль.

чтобы родовые схватки, имеющие напасть на вселенную в последние дни, были смягчены и облегчены Богом. Это тоже вполне православная мысль. И не только потому, что понуждает к бодрствованию и молитве. Но также и потому, что сравнивает муки Пришествия Христова с родами. В таких же категориях об этом говорит и апостол Павел: *Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1 Фес. 5, 3).

* * *

То, что исполнение мировой истории, ее конец, вернее, конец «этого века», будет событием уникальным и страшным, более или менее понятно. Гораздо труднее понять то, что в этой вселенской метаморфозе будет место для радости. *Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше* (Лк. 21, 28). Оказывается, когда большинство будет *издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную* (Лк. 21, 26), найдутся те, кто распрямится во весь рост, расправит плечи и вздохнет с облегчением. Чтобы нам тогда повести себя таким образом, нужно уже сегодня вести себя особенно. Пусть Бог и совесть подскажут, как.

В погребении самое страшное — это забивание гроба и опускание его в землю. Родственники часто лишаются чувств, кричат, забывая обо всех приличиях, бросаются в яму за люби-

мым телом. Любой священник видел это много раз. И, глядя на этот кошмар, думает священник: как же нужно прожить свою жизнь, чтобы суметь повторить Павловы слова: *Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение?* Как нужно прожить свою жизнь, чтобы не бояться ни смерти, ни посмертного суда и чтобы провожающие тебя больше молились, чем плакали? Будущий Страшный Суд — это похороны привычного мира. Мир, такой, каким мы его знаем, умрет безвозвратно. *Воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают* (2 Пет. 3, 12). Если так всё это разрушится, то какими до́лжно быть в святой жизни и благочестии нам, хотящим в тот День распрямиться и без стыда посмотреть в глаза Судии Праведному?

ОТКРЫТЬ ЕМУ ДВЕРИ

Главный праздник христиан — праздник Пасхи. Это праздник воинов, выигравших битву. Израненные, но живые; уставшие, но радостные; сжимая оружие в налившихся тяжестью руках, воины смотрят на знамя победы. Вот оно медленно, но верно поднимается над войском, и из тысячи грудей раздается победное «ура!». Это — Пасха.

А второй по значимости праздник — Рождество. Это праздник детей. Они скачут вокруг елки, взявшись за руки, срывают с ее пахучих веток пряники и конфеты, и никто их за это не ругает. Сегодня праздник, и можно всё, кроме

разве что зажигать огонь под елкой. Под каждой подушкой подарок, в воздухе запах мандаринов, и стекла окон раскрашены морозом так, что лучшему художнику повторить не под силу. Это — Рождество.

* * *

В течение одного литургического года Церковь дает нам в полной мере пережить духовное детство и духовную зрелость — по крайней мере, по разу. Сначала человек бывает маленьким. Поэтому праздник христианского детства — Рождество — стоит вначале. Затем человек вырастает и окунается в драматическую двусмысленность жизни, где можно не заблудиться и не пропасть только благодаря Пасхальной победе. Эти два праздника взаимосвязаны и натянуты между полюсами христианской жизни, как звенящая струна. Они образуют ось, вокруг которой вращается Вселенная. И мы в этом году вновь в очередной раз дышим морозным и пьянящим воздухом Богоявления.

Я не ошибся: праздник Рождества, так же как и праздник Крещения, назывался в древности Богоявлением, и долгие годы оба праздновались в один и тот же день. Поскольку воздух этого праздника — воздух радостного детства, я позволю себе объяснить его смысл еще одним детским примером. Многим из нас известно, как любопытны дети, как жадны они ко всему новому и необычному. Всклокоченный, как воробей, мальчуган вбегает во двор (класс, детскую площадку) и с сияющими от радости

глазами кричит: «Эй, пацаны, там такое!» Десятки глаз загораются в ответ: «Какое? Где?» Объяснять долго и трудно... «Айда покажу!» И вот уже быстрые детские ноги с топотом конского табуна бегут за первооткрывателем, за тем, кто первым увидел что-то необычное.

Так и нам предстоит с любопытством и замиранием сердца (ничуть не уменьшающимся оттого, что мы знаем, что произошло) побежать к Вифлеемской пещере. Ни у кого из нас нет отговорок: пойти туда должны все. Если ты любишь науку, изучаешь природу, постигаешь смысл мироздания, но не молишься Богу и не веришь в Христа Его, волхвы обличат тебя и звезды будут мерцать над тобой осуждающе. Если ты прост и неучен, зарабатываешь свой хлеб тяжелым и однообразным трудом и при этом ропщешь на судьбу, считаешь христианство привилегией сытых и праздных — пастухи станут пред тобою живым и молчаливым укором. Даже если ты осел (например, по упрямству) или вол (скажем, по неповоротливости ума) — и тогда наклонись к яслям и согрей Новорожденного паром своих ноздрей.

* * *

Одна из лютых бед нашего времени — одиночество. Классическое, традиционное общество разрушается. Слабеют кровные связи, шатается брак, естественное становится редкостью, уродливое называется нормой. Человеку, живущему среди суетливого многолюдства, может быть годами не с кем поговорить. Небо становится свинцовым, и кажется, что Там о тебе не

помнят. Земля становится неприветливой, и ты ходишь по ней так, как будто вытираешь о нее ноги, со страхом думая о том, что в нее же придется возвратиться. «Я не убил и не украл» — любит говорить про себя современный человек в качестве самохарактеристики, и, несмотря на это, живет, как Каин, стеная и трясясь.

И тут такая радость! Ко мне пришел Великий Гость. «Ко мне идешь, Господи. Меня ищешь, заблудшего» — такими словами Церковь многократно воспевает пришествие Бога в мир. Бог пришел к нам в гости. Крайне нечестиво не оказать Ему гостеприимство: не прибраться в доме своей души, не приготовить что-нибудь пусть нехитрое, но вкусное. Совсем кошмарно — не открыть Ему дверь.

Гостеприимство не зря считалось величайшей добродетелью на Востоке. Люди как будто чувствовали, что радушие к неизвестному страннику может родить из себя нечто большее. И действительно, некоторые под видом людей принимали в гости Ангелов, и за это принимали благословение, спасались от гибели... Но самым большим и неожиданным плодом гостеприимства является принятие в гости Самого Христа. Вот еще одна грань этого праздника. То есть в этот день мы и хохочущие, пляшущие возле елки дети, и — радушные хозяева, открывшие дверь на стук и неожиданно впустившие в дом Владыку мира.

* * *

Чем больше живешь и думаешь, тем больше удивляешься: как люди живут без Бога? Чем

они живут? На что надеются? О чем радуются? И вообще, жизнь ли это? Сам Христос удивлялся на земле двум вещам: вере и неверию. Он радостно удивился вере капернаумского сотника и, глядя на законников, *дивился неверию их* (Мк. 6, 6). Давайте в эти радостные дни удивим Спасителя верой. Давайте сделаем кто что может для того, чтобы в нашем пластмассово-целлулоидном мире Богу было чем полюбоваться.

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ИИСУС

Господь наш Иисус Христос есть, несомненно, сущий над всеми Бог. Его Божественная природа достаточно проявила Себя в делах, которые никто, кроме Него, не творил: воскрешение мертвых, изгнание бесов, власть над веществом сотворенного мира... Но ведь и человеком Иисус был реально, а не призрачно. Каким же был Он человеком?

Иисусу была свойственна та открытость и ранимость, та незащищенность души, которую мы можем замечать (в несравненно меньшей, конечно, степени) в людях более или менее чистых или стремящихся к чистоте. Господь смел без дерзости. Он щедр без бахвальства и сострадателен без сентиментальности. В Нем созерцается та нравственная мера и то «золотое сечение», которого взыскуют все ищущие беспримесной добродетели. Но Он — человек. Не только идеальный Человек, но и «просто» человек. Физически Ему близка и понятна уста-

лость, голод, боль, а также насыщение, радость мышечной активности, сладость отдыха. Психологически ему тоже известно всё, что может быть названо человеческим, кроме греха.

Эта добавка «кроме греха» заставляет нас напрячь ум и переворошить внутренний опыт. Грех так сросся с человеком, что мы, без всякого страха ошибиться, можем сказать, что не знаем, что значит «без греха». Вся человеческая деятельность отравлена грехом, и сто раз прав незабвенный Гоголь, говоривший о себе, что печалится, не видя «добра в добре».

Встреча с безгрешностью возможна только во Христе. Мы лечимся Христом и питаемся Им, как бы утилитарно и грубо это ни звучало. Да так и должно быть. Христом нельзя восхищаться издалека, признавать Его историчность и «вклад в учения о нравственности». Это восхищение издалека или признание заслуг есть подлинная ерунда и шелуха под видом «духовности». Христом именно нужно питаться, ибо Он есть *Хлеб, сошедший с Небес*. Им нужно лечиться, ибо Он — единственный действенный и лечебный пластырь для язв, покрывающих наши души.

Но я всё же хочу говорить, хотя бы отчасти, о том, что чувствовал Человек Иисус, живя на земле, что тревожило Его, что окружало Его и воздействовало на Его безгрешную душу.

Он был одинок; Его преследовали и оплетали сетями козней; Он был Жертвой задолго до смерти; Ему была известна боль — и всем этим Он очень близок нам и очень нам нужен. Ведь мы окружены густым облаком непонимания, нам страшно, нам больно, мы умрем...

* * *

С тех пор как Он стал учить и проповедовать, Его постоянно хотели убить. Этими словами — «искали убить Его» — пестрит весь евангельский рассказ. «И еще более искали убить Его»; «и искали схватить Его»; «Тут опять иудеи схватили каменья, чтобы побить Его»; «За что ищете убить Меня?» Эти и подобные выражения передают характер тех незабываемых событий. А характер их заключался в травле Безгрешного и поиске случая, чтобы пролить Его кровь.

Три коротких года, проведенных в путешествиях и проповеди, — и, вместе с тем, три долгих года ожидания смерти. Это были годы не видимой обычному глазу травли, годы погони за Богочеловеком. При звуке Его слов мертвые воскресают и демоны убегают, но живые люди то и дело хватаются за камни, а книжники спешно удаляются, чтобы совещаться об удобном способе устранения «этого Человека». Не ужас ли это? Чувствуем ли мы этот ужас? Замечаем ли его продолжение в истории, ведь что такое история, как не борьба греха и святости и не попытка погасить пламя праведности до конца?

Он отдаст Себя людям Сам. Собственно, уже отдал, воплотившись. Ведь вочеловечение Сына Божия — это вечное людей с Богом соединение. Но мало людям стать родственниками Богу. Они привыкли издеваться над родственниками, и этого нового Родственника им надо убить.

Он знает это. Даже в Гефсимании Он покажет власть, сказав *Это Я* и заставив пасть на

землю вооруженную толпу. То есть Его взятие под стражу, последующие издевательства и смерть были с Его стороны добровольными. Им бы не бывать, не захоти Он этого. Но для этого Он и пришел. Здесь опять вспомним, что Он — не просто Всемогущий Бог в человеческом облике, но и настоящий человек, «просто человек». Значит, Он жил три года в обстановке непрестанной опасности, в атмосфере неизбежной тревоги, которую рождает опасность. Был ли Он всегда царственно спокоен, или нервы Его знали напряжение в предчувствии опасности?

Мы, забитые до верха телевизионным мусором, так часто смотрим фильмы, где кого-то хотят убить, и этот кто-то убегает, скрывается, ищет помощи у разных людей. Мы щекочем свои нервы чужим наигранным страхом, сидя в удобных креслах, и наблюдаем за тем, как удается герою обмануть врагов и остаться в живых. А нам бы стоило думать хоть иногда о том, как томился Господь в ожидании неизбежных страданий, ради которых Он и пришел в этот мир. Он так и говорил: *Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!* (Лк. 12, 50).

Среди частых угроз, то убегая от врагов, то догоняя их, жил на земле царь Давид. Даже притворяться безумным приходилось ему, пуская по бороде слюни и ища пристанища у соседних царей. Ничего такого не делает Иисус, называемый сыном Давида. Он не бегает от врагов, а просто пешком обходит города Израиля. Но Его так часто встречают враждебно-

стью и окружают заговорами, что и Его переходы из города в город временами похожи на бегство.

* * *

Иоанн Предтеча, родившийся на полгода раньше Иисуса Христа, должен был и умереть несколько раньше. Его смерть в глазах Иисусовых должна была стать знаком приближения и Его смерти. Вот почему Он, услышав о смерти Иоанна, *удалился оттуда на лодке в пустынное место один* (Мф. 14, 13). Ему нужно было часто быть одному. И не только потому, что Он думал о грядущем страдании и разговаривал в молитве с Отцом. Эти частые удаления от всех, эти ночи, проведенные в молитве, — это ведь не только подвижничество, но и способ выживания. Иначе, не удаляясь на время от людей, среди людей не выживешь. И закон этот тем строже действует, чем более праведного человека касается. Тем более, когда речь идет о святых святейшем Слове.

Ему, наверное, было тяжело даже просто жить среди людей, не то что учить их и готовиться к смерти за них. Ведь Он, по сути, единственный здоровый Человек, вынужденный жить среди озлобленных и больных грешников. Кровоточивые, бесноватые, парализованные составляют густой фон, на котором так отчетливо вырисовывается фигура обреченного на смерть молодого, безгрешного и совершенного Иисуса.

Он не просто исцеляет людей. Он *видит помышления их* (см. Мф. 9, 4)! Непроницаемое

для обычного глаза покрывало, под которым шевелится хаос и ужас человеческого сердца, для Иисусовых глаз отброшено. И это тоже источник страданий. Страданий, совершенно непонятных для нас; страданий, которые невыносимы, если ты не любишь тех, чьи тайны тебе открыты.

Итак, Он очень одинок, Человек по имени Иисус. Он *уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам* (Флп. 2, 7). Он стал во всем, кроме греха, как мы, но пока Он не окончит служения, пока не вернется туда, откуда пришел, Он очень одинок на земле. Из Его рук едят; прикасаясь к Его одеждам, исцеляются больные, но Он всё равно одинок среди многолюдства, и это — тоже мучение.

Редкие души, подобно Лазарю, утешают Господа своей простотой и искренностью. Они даже, как Лазарь, могут получить, словно титул, имя друга Иисуса. У них дома, среди любящих и доброжелательных людей Христос находит редкий и драгоценный отдых. Марфа, Мария, Лазарь... Казалось бы, ближе всех к Нему те, кого Он избрал — апостолы. Но они так ужасающе далеки от Его образа мыслей, от понимания Его миссии, что Он однажды вынужден сказать Петру: *Отойди от Меня, сатана. Ты думаешь не о том, что Божие, а о том, что человеческое* (см. Мф. 16, 23). А ведь это было сразу после знаменитого Петрова исповедания!

Они восходят с Ним в Иерусалим и спорят при этом, кто из них должен быть больший. Он идет распинаться, а они спорят о славе. Образ

мыслей Его и их разделены пропастью, и не об этом ли говорил Исайя? Как небо отстоит от земли, так *мысли Мои отстоят от мыслей ваших* (Ис. 55, 9).

* * *

Он вошел в наше сознание и память как любящий нас. И вот мы готовы вообразить Его улыбающимся и веселым. Протестантские открытки и буклеты так и представляют Его нам — улыбающимся другом, хорошим знакомым с распростертыми объятиями. Но это совершенно исторически неверно. Любящий, если речь идет об Иисусе, — значит распятый. «Любящий» в отношении Христа не означает «весело улыбающийся», но означает «окровавленный и обессиленный, склонивший голову на Кресте». Евангельский рассказ ни разу не говорит о Нем как об улыбающемся. Зато много раз говорит о Его гневе. Он с гневом смотрит на фарисеев, *скорбя об окаменении сердец их*. Он с гневом запрещает апостолам препятствовать приходу к Нему детей. Ревность о доме Божием рождает в Нем гнев дважды, и Он выгоняет из храма торговцев. Приводить примеры можно продолжить.

Гнев есть обратная сторона любви, вернее, одна из форм действия любви. Не умеющий любить не умеет и гневаться. Он умеет раздражаться, когда его самолюбие ущемлено, но гневаться он не умет. Он толерантен — безразличен то есть. Иисус в высшей степени не толерантен.

Это действительно самый удивительный Человек. И вся история, которую мы называем

христианской, в лучшей своей части наполнена усилиями, направленными на подлинное и глубокое познание Его. Он ищет нас, а мы забываем о Нем. Когда нам весело, мы зачастую в Нем не нуждаемся. Но зато когда нам страшно, тягостно, одиноко, мы становимся способными к встрече с Ним. И это потому, *что Сам Он не имел на земле где главу приклонить,* был преследуем, был не понят, был многократно оболган и оклеветан, жил под угрозой смерти и, наконец, сделал то, ради чего пришел, — умер за наши грехи и воскрес.

АНГЕЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

Люди кратковременны. Поколения сменяют друг друга, словно волны, раз за разом накатывающиеся на берег. Если Бог скажет нечто важное одному поколению, другое поколение, пришедшее следом, может это забыть. А третье скажет: «Я ничего не знаю. Мне никто не сказал». Поэтому самые важные вещи Господь говорит перед лицом неба и земли. Это верные свидетели. От дня творения и до дня огненного Суда они не изменятся. Между ними живет человек, землю попирая ногами и к небу устремляясь лицом. Они напомнят, если нужно, забывчивому человеку то, что слышали однажды.

Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих, — это голос Моисея, предрекающего казни за отступление от Бога (Втор. 32, 1). *Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит,* — это голос Исайи,

горько сетующего на то, что предсказания Моисея об отступлении совершаются на его глазах (Ис. 1, 2). А вот и третья песнь, но уже не обличительная, а радостная, соединившая небо и землю в ту единственную ночь, которая никогда не повторится и никогда не забудется. В ней тоже говорится о земле и о небе. *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!*

Ангелы с неба запели о том, что на землю приходит мир. Мир пришел в виде маленького Ребенка, родившегося в пещере. Ангелы пели о свершившемся факте. Мир — это Христос. Он родился. Он уже на земле.

* * *

Ангелы знают больше, чем человек, но и они не знают всего. Будущее скрыто от них, и тайнам Божиим они удивляются вместе с человеком. Они, наверное, думали, эти светлые и радостные служители Воплощения, что теперь, когда Владыка поселился среди людей, люди прекратят злопамятствовать и гордиться, лгать и красть, блудить и волхвовать. Они имели все основания думать, что люди изумятся Божественному снисхождению так, как изумились они сами. «Они обрадуются и одновременно затрепещут, — думали небесные певцы, — они научатся любить и переменят жизнь так, как меняют старую одежду на новую».

Им пришлось удивиться. В очередной раз люди повели себя непредсказуемо.

Вначале они захотели убить Христа. Еще в воздухе носилось эхо ангельской песни, а в

вифлеемских окрестностях уже раздались душераздирающие крики.

Это воины на глазах матерей убивали грудных младенцев. И Христос, едва родившись, стал беженцем. Привыкшие закрывать лица при взгляде на Славу Божью, Ангелы закрывали лица, глядя на избиение детей и провожая взглядом удалявшихся Иосифа и Марию с Младенцем. «Мир уже на земле, — думали чистые духи, — но много времени пройдет, пока люди впустят этот мир в свое сердце». Они ясно понимали теперь, что история человечества будет так же сложна, как была сложна и страшна до сих пор, а может и больше. Те, кто по-настоящему полюбит Христа, возможно, будут так же малочисленны, как малочисленны эти несколько пастухов, которым они пели, в сравнении со всеми жителями Вифлеема. Их проницательный ангельский ум уже предвидел в будущем столкновение святости, которую принес с Собой Младенец, с грехом, многоголовым, грозно шипящим, не желающим умирать.

— Им будет очень тяжело, — сказал один из Ангелов другому.

— Подумай, как тяжело будет Владыке жить среди них и носить на Себе их немощь, — ответил другой.

— Им нужна вера, — добавил третий. — Хорошо, если они не забудут слова нашей песни. Давайте споем ее еще раз. Ведь она так хороша!

Они спели ее еще раз, но уже не для людей, а для себя. Ведь это была новая песня, которую еще никто и никогда не пел не только на земле, но даже на небе.

* * *

Они не ошиблись, эти светлые служители Рождества. Наша жизнь не стала легкой, но зато у нее появилась цель. Для того, чтобы на земле воцарился прочный и неотъемлемый мир, каждому из нас предстоит впустить Христа в свое сердце. И каждый, кто пробовал этого достичь, знает, насколько тяжел этот труд.

Мы трудимся. Тихий свет из вифлеемской пещеры озаряет нам путь. Когда мы падаем от греха или усталости, Ангелы спешат с небес к нам на помощь. А мы повторяем их песню каждый раз перед чтением шестопсалмия.

РОЖДЕНИЕ ОТ ВОДЫ И ДУХА

Ты хочешь креститься! Это желание робко поселилось в твоей душе уже давно. Ты отвел ему в сердце уголок и не прогнал его, а оно со временем не исчезло, но разрослось, и вот уже просится наружу, зовет тебя в храм. Слава Богу, ты хочешь креститься...

Верь, что движения твоего сердца открыты Богу, и это Он зовет тебя к Себе. Зовет так мягко, что назвать это принуждением нельзя, но вместе с тем так властно, что сопротивляться тоже невозможно. Такова Его зовущая благодать. И ты идешь на ее зов, хотя не знаешь, что тебя ожидает.

Нельзя крестить, не учив. Наш Божественный Спаситель по Воскресении Своем ска-

зал ученикам: *Научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28, 19). Слышишь, сначала «научите», а потом — «крестите». Потому что в эту воду нужно войти только раз в жизни в полном сознании того, что ты делаешь и что Бог сделает с тобой.

Вода крещения — это образ гроба Иисусова. Главное в нашей вере то, что Христос умер за грехи наши и воскрес из мертвых для оправдания нашего. Мы входим в воду крещения, чтобы соединиться с умершим за нас Христом. Священник погружает нас со словами «крещается раб Божий (имя) во имя Отца» — и вода смыкается над нашей головой. «Аминь» — и мы восстаем в первый раз. Мы были один день с Христом во гробе. «И Сына» — вода смыкается над нами во второй раз. «Аминь» — мы восстаем, бывши с Христом второй день во гробе. «И Святого Духа» — мы погружаемся в воду в третий раз; мы и третий день с Христом во гробе, для того чтобы на третьем «аминь» выйти из воды вместе со Христом, воскресшим из мертвых в третий день.

Вот главное, что ты должен понять: через воду крещения мы соединяемся по вере со Христом, умершим за нас и ради нас воскресшим. Эта вода необходима для нашей вечной жизни так, как вода потопа была необходима для казни грешников во времена Ноя. Но эта вода добрее. Та утопила беззаконников вместе с их грехами, а эта смоет грехи, самого же грешника оправдает.

Эта вода необходима, как расступившиеся воды Красного моря, пропустившие евреев и

погубившие фараона с его войском. Всякий уходящий из рабства раздражает бывшего злого господина. Хозяин смертного царства, гордый фараон — диавол — обладал тобою, и ты платил ему оброки мертвыми делами, которых теперь стыдишься. Возвеселись и возрадуйся — воду крещения фараон не пройдет. Он утонет в ней, а ты выйдешь свободным.

Всё, что сделал ты, сказал или подумал плохого, будет смыто с тебя. Это будет тот единственный день, когда вода будет не только омывать тебя снаружи, но и таинственно омоет тебя изнутри. Только в будущем не будь поросенком, не возвращайся обратно в грязь или, как пес, на свою блевотину (см. Пет. 2, 22). Бесстрашно грешащий после крещения распинает в себе Сына Божия. Бойся этого.

Ты, конечно, спросишь, что для этого (то есть для крещения) нужно? Мы живем в материальном мире и в изрядной степени страдаем материализмом даже в вещах духовных. Отвечу тебе так: для крещения нужно немногое, но это немногое дорогого стоит. Ты должен прийти к купели с верой и покаянием. Это самое главное. Во что верят православные христиане — ты узнаешь, прочитав и осознав Символ Веры, который вскоре выучишь наизусть. А покаяние — это главное украшение христианской души и единственный ключ, которым открываются двери милосердия Божия.

Раньше людей крестили на открытой воде — в море, озере, реке. Затем стали строить специальные крещальные храмы — баптистерии.

Сегодня, после долгих лет воинствующего атеизма, баптистерии есть далеко не в каждом храме. Поэтому может случиться, что тебя будут крестить не погружением (что очень желательно), а обливанием. Не смущайся этим: ты всё равно будешь крещен и ни в чем не умален перед Господом. После крещения тебя оденут в белую одежду, скорее всего, это будет чистая простыня — то немногое из материальных вещей, что нужно на крещении. Эта белая ткань на твоих плечах будет иметь тот же смысл, что и подвенечное платье невест — знак чистоты, невинности, ликования.

В ближайшие дни после крещения, а лучше на следующий день, тебе нужно будет причаститься, причем без исповеди. Обычно христиане перед принятием причастия очищают совесть покаянием. Тебе же нечего будет исповедовать. Как новокрещеный, ты будешь чище всех, и даже тех, кто на много лет раньше тебя нашел дорогу к храму. Тебе можно будет по-доброму завидовать, и все, кто не знает о чудном событии, произошедшем в твоей жизни, будут смотреть на тебя с удивлением: откуда в нем столько света, столько жизни в глазах, столько красоты, которой мы раньше не замечали?

Но будь осторожен. Молитва Господня «Отче наш» (кстати, выучи ее) заканчивается словами «избави нас от лукавого». Своим крещением ты обрадуешь несметное ангельское воинство, но сильно огорчишь клеветника и обманщика с армией его слуг. Он захочет опять заполучить тебя в свою собственность и поначалу,

ослепленный твоим невидимым сиянием, не сможет к тебе приблизиться. Но со временем окружит тебя сетью соблазнов и ловушек. Повторюсь еще раз: будь осторожен. Крестившись, ты стал сыном Матери-Церкви. Ходи на службы. Часто причащайся. Ко всему в Церкви присматривайся и всё изучай — ведь ты пока так мало знаешь. А между тем твой долгий трудный путь в Небесное Царство уже начался.

И еще несколько, пожалуй, последних советов — прочти Евангелие. Если не все четыре, то хотя бы одно из них (самое короткое — от Марка). Перед крещением попостись по мере сил один или несколько дней. Да, чуть не забыл! Ты же можешь молиться. Ведь вера дарится человеку до крещения, а молитва рождается именно от веры. Молись, как можешь, как умеешь, Богу, Который слышит тебя. Проси, чтобы крещение состоялось, чтобы Господь даровал тебе хороших друзей во Христе и мудрого духовника; молись о всех тех, кого ты любишь, о всех тех, о ком будешь молиться и после крещения.

Дорогой мой, ты хочешь креститься. Знал бы ты, как ты меня обрадовал. Только, слушай, не медли. Дни лукавы, и оттягивать незачем. Спеши стать добрым волшебником — превратить невидимую добрую мысль в видимое доброе дело. Крестись скорей. Помоги, Господи.

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Один богослов назвал настоящее лучом, беспрерывно скользящим от уже потерянного прошлого к еще не существующему будущему. С этой точки зрения категория времени — иллюзия. И в то же время каждое короткое мгновение нашей жизни — это ступень лестницы, ведущей либо ввысь, к духовным высотам, либо вниз, в бездну падения.

Совесть будит память. Разбуженная память хочет усыпить совесть, чтобы человек не уходил плакать в пустынное место, а привычно занимался обычными делами.

Для совести все совершенные дела не имеют срока давности. Все дела, имеющие нравственную оценку, совершены «сегодня». Так думает совесть. Поскольку она — от Бога, а Его жизнь — это вечное «днесь».

Время обманывает человека. На том бывшем поле, на том месте, где Каин убил брата, сегодня, возможно, стоит многоэтажный дом. А может, там — площадка для гольфа. Вы скажете играющим: «Люди! Не играйте здесь в гольф! Здесь совершилось первое в человеческом мире убийство!» А вам ответят: «Ну и что? Не живите прошлым. Живите настоящим. Играйте с нами».

Быть может, это логично. Но у совести есть своя логика. Совесть уперта и не всегда согласится даже выслушать сторонние доводы. «Вчера», «год назад» и «до Рождества Христова» для нее существуют одновременно. Раз грех, значит, грех, и нет срока давности.

Когда мы говорим (например, листая фотоальбом): «это я в школе», «это я в армии», то смысловое ударение у нас падает на текущие и изменяющиеся обстоятельства: «в школе», «в садике», «на отдыхе». Для совести же важно то, что и там, и там, и везде — один и тот же «я».

* * *

Воспоминание о грехе обожгло тебя, но ты тут же дал приказ выступить вперед армии оправданий. «Я не знал», «это было давно», «я в этом каялся», «так все делали». Если отдельную отговорку превратить в камень, то их количество будет достаточно для строительства большого здания. И ты даже можешь сказать со временем: «Учитель, смотри, какие здания!» Но непременно услышишь в ответ: *Истинно говорю тебе: не останется здесь камня на камне* (см. Мф. 24, 2).

Спрятанное будет найдено, забытое вспомнится, то, о чем, казалось, не знал никто, будет провозглашено на крышах. Подумаешь об этом, сидя на верхней полке в сауне, и по спине пробежит холодок. Вникнешь в это, стоя на остановке трамвая в крещенский мороз, и станет вдруг так жарко, что шапку снимешь.

Прошлое не исчезло. Оно просто спряталось. И тем страшнее будет потóм его внезапное появление.

* * *

Будущее тоже плодит обманы и умножает иллюзии. Оно само — будущее — еще не наступило. Еще оно само является только возможно-

стью, но оно уже пытается нам лгать и умножает обещания, как аферист при торговой сделке. В нашем фантастическом будущем мы думаем, что всё успеем исправить, мы зализем раны, прикроем наготу и стыд красивой одеждой, благородной тяжестью хороших дел перевесим мусор ошибок и подлостей. В общем, «Мы заживем... Мы увидим небо в алмазах... мы будем много работать и честно есть хлеб...» Как Манилов, возможно, мы построим чудесный мост или даже осчастливим разом всё человечество.

Когда щеки болезненно румянятся от сладких мечтаний, совести тяжело восстать против этой фикции. Все-таки мечтается о хорошем. И кому из нас не близки слова из арии князя Игоря: «О, дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить»! Кто и как в действительности «искупил свой позор», получив «свободу», знают, опять-таки, только Бог и совесть. Очевидно лишь то, что мечтать бывает очень вредно. Растравленный мечтами, воспаленный ими ум способен с еще большей силой отвращаться от действительности, гнушаться ею, удаляться от практической деятельности. Любые серьезные перемены требуют упорства и подчас рутинного труда, когда желаемая цель кажется удаляющейся, а не приближающейся. Любитель фантазий и быстрых результатов редко способен вынести полуденный жар и тяжелую работу.

* * *

Жить в долг — некрасиво. Опасно привыкать к кредитам, особенно если берешь их ради вещей и целей второстепенных. Будущим, как

кредитом, нельзя расплатиться за прошлое. Надеждой на будущее добро нельзя заглушать нравственную боль, рожденную прошлым.

Его, будущего, может вообще не быть. Ножницы в руках главы приемной комиссии легко перерезают ленточку на сдаваемом объекте. Ножницы смерти еще легче перерезают ленточку нашей жизни. Чем менее «объект готов к сдаче», тем невыносимее внезапное вторжение смерти в наши планы на будущее.

* * *

Бесплодным фантазиям о будущем соответствуют ностальгические воспоминания о былом. В «Степи» у Чехова юный герой слушал разговоры взрослых на ночлеге у костра. Ему казалось, что он видит перед собой глубоко несчастных людей, которые были безмерно счастливы в своем далеком прошлом. Этот вывод неизбежно рождался из услышанного. Обо всем, что наполняет их жизнь сегодня, люди говорили с раздражением, или злобой, или брезгливой усталостью. Когда же они вспоминали прошедшие годы, то глаза у них загорались и в голосах начинали звучать бодрые нотки. Там, в прошлом, они были сильны, умны, любимы и, главное, счастливы. Чехов вкладывает в уста юному герою важный вывод: «Русский человек не любит жить. Он любит вспоминать о жизни». Если в чеховском слове мы узнаем себя, значит, у нас внутри не всё в порядке.

* * *

В одной из проповедей митрополит Антоний (Блюм) говорит о необходимости «вернуться к

себе под кожу». То есть о необходимости жить конкретно, а не мечтательно. Но конкретно жить и мыслить может и торговец на рынке, и вор, заметающий следы. Значит, надо, чтобы в данном случае конкретность питалась не мирской логикой, а искренней верой. Ведь если современного Адама Бог, как когда-то в Раю, спросит: «Адам, где ты?», то Адам скажет либо: «Я вспоминаю прошлое», либо: «Я мечтаю о будущем». Оба ответа не должны иметь места. По крайней мере, не должны занимать столько места в нашей жизни, сколько занимают сегодня.

Чтобы не застревать в том, что было, и не создавать в уме миражи грядущего, нужно *ходить перед Богом*. Это библейское выражение означает именно жить «здесь и сейчас», но не как придется и не как захочется. Это означает жить напряженной и внимательной внутренней жизнью и относить к себе то, что Создатель сказал тогда еще Авраму: *Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен* (Быт. 17, 1). Именно исполнение этой короткой и многотрудной заповеди добавило впоследствии к имени праотца еще одну букву. Он стал Авраамом — отцом всех верующих.

Изменение имени означает внутреннюю перемену. И мы должны измениться, чтобы получить *новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает* (Откр. 2, 17).

Получение нового имени совпадет с упразднением временно́й разорванности.

Временна́я ткань, дробящаяся на столетия, годы, недели, секунды, уступит время вечности. *Времени уже не будет* (Откр. 10, 6). Значит,

прошлое больше не будет тревожить совесть и фантазии о будущем не будут отнимать у души силу.

«ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО ВИДЕВШЕ...»

Хлеб Адама оплачен по́том (Быт. 3, 19), радость Пасхи предваряется тяжестью поста. Но человек хочет есть хлеб, не потея, и хочет *войти в радость Господа своего*, не умывшись и не переодевшись.

Чтобы пасхальное приветствие, эти два великих слова, вырвалось из груди, как птицы из клетки, а не сорвалось с безжизненных губ по привычке, нужно вначале пережить Страстную неделю. Таков порядок. Вначале «Слава, Господи, Кресту Твоему Честному», а затем — «и Воскресению».

Умри со Спасителем, и тогда оживешь в Нем. По крайней мере, содрогнись, услышав о Его страдании, и дай душе выплакаться в Великую Пятницу, и тогда ликуй на рассвете Восьмого дня!

* * *

«Господи, помилуй нас», — говорим мы привычно. «Господи, помилуй Себя», — сказал однажды Петр и услышал в ответ: *Отойди от Меня, сатана* (см. Мф. 16, 22 — 23).

Для всех у Тебя, Иисусе, нашлось достаточно жалости. Даже Иуду в Гефсимании Ты назвал другом. Но жалость к Себе не была согласной с волей Отца, и Ты покорился этому. Своей по-

корностью Ты превратил добровольное страдание в неизбежное.

Если слово «Крест» синонимично слову «страдание», то был «крест» до Креста. Были тяжелые и частые удары солдат в претории, было битье «скорпионами», при котором плоть отделяется от костей. Из Тебя хотели сделать посмешище, переодевали, говорили: «Радуйся, Царь Иудейский», преклоняли колени, водили от Пилата к Ироду и обратно.

Ребенок может умереть от одного удара, предназначенного взрослому. И Безгрешный мог бы умереть от ничем не заслуженных издевательств, предназначенных самым гнусным злодеям. Но нельзя было умирать раньше Креста. *Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 15). Крест стал тем «подсвечником», зажегшись на котором, Христос до скончания века зовет к Себе всех заблудившихся в ночи греха.

* * *

И было там, на Голгофе, воплощение Давидовых песен. 21-й псалом ожил так, словно был написан кем-то из стоявших под Крестом. Там — предсмертный крик «для чего Ты Меня оставил?» В этом крике — все слезы земли, вся агония боли и все ужасы одиночества.

Там — насмешки тех, кто столпился под Крестом: «уповал на Господа; пусть избавит Его».

Там — слова о гвоздях и о разделенной солдатами одежде: «Пронзили руки Мои и ноги Мои. Можно было бы перечесть все кости Мои; а они смотрят и делают из Меня зрели-

ще; делят ризы Мои между собою и об одежде Моей бросают жребий».

Когда всё уже совершилось, Господь попросил пить (см. Ин. 19, 28), и псалом 21-й передал эстафету 68-му. «В жажде Моей напоили Меня уксусом».

И вместо раздробления голеней был глубокий удар копья между ребер. «Кость не сокрушилась» у пасхального Агнца, но два источника — крови и воды — истекли из тела Нового Адама. Ведь Еве нужно родиться из Адамовых ребер. Отныне Церковь будет умываться в этой воде, как голуби при потоке, и будет питаться этой Кровью как питием бессмертия.

Вскоре наступила суббота. Был странен покой того великого дня. Мессия — в гробу!

Кажется, жизнь потеряла смысл и продолжается лишь по инерции.

В мире стало тихо. Продлись эта тишина еще хотя бы на день, мир сошел бы с ума.

Ученики перепуганы, буквально раздавлены происшедшим. Они возвращаются к прежним занятиям. Вы слышите, сколько грусти в словах Петра «иду рыбу ловить»?

Их глаза потухли, их души пусты. Но слава Богу! Потому что пустой может наполниться, а у полного нет свободного места.

Кто-то из внимательных людей сказал, что и чаша, и кувшин полезны своей пустотой. Стены сосуда ограничивают ту «полезную пустоту», которая может быть наполнена водой, зерном, маслом...

На рассвете Восьмого дня весь мир был обрадован благословенной, ни с чем не сравни-

мой пустотой Господнего гроба. Гроб Иисуса пуст, а погребальные одежды аккуратно сложены. Не стыдно ли вам, слепые вожди слепцов, *до сего дня* (Мф. 28, 15) лгать, что ученики, придя ночью, украли Его? «Кто крадет мертвеца, да еще и нагого? — говорится в одной из воскресных служб. — Или Мертвого отдайте, или Живому поклонитесь».

Пуст, пуст гроб Иисусов! Потому полны, полны радостью и благодатью души тех, кто любит Спасителя!

Для того, чтобы твердым было всякое слово, нужно иметь двух или трех свидетелей. Так говорит Закон. Но Воскресший Христос явился не двум и не трем. Он являл Себя *в продолжение сорока дней со многими верными доказательствами* (см. Деян. 1, 3). Его видели десять апостолов без Фомы; те же, но уже с Фомою; семь апостолов на озере Генисаретском; жены мироносицы вместе и отдельно Мария Магдалина. Однажды Господь явился *пятистам братий в одно время* (1 Кор. 15, 6). И после Своего Вознесения Он не переставал являться отдельным людям, из которых наиболее известен апостол Павел.

Великие мученики, терпя страдания за Христа и изливая за Него кровь, иногда до последней капли, часто бывали утешены Его явлением.

Преподобные отцы и матери, бескровно страдая ради Христа в борьбе с грехом, также нередко видели Славу Воскресшего Господа.

Да и вся Вселенская Церковь, собираясь на воскресное богослужение и исповедуя общий

опыт апостольской веры, поет: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу».

* * *

Ради пасхального света, ради теплоты и полноты благодатной веры надо было за время поста опустошиться, вымыться и очиститься от всего второстепенного.

Но и те, кто не успел, или те, у кого не получилось, пусть не скорбят и не унывают. Явилось общее Царство. От пасхальной трапезы да насладятся все!

А постов в Православии хватает.

ПРАЗДНИК СВЕТЛОЙ ГРУСТИ

Новогодняя полночь всегда наполнена радостным шумом, звоном бокалов, добрыми пожеланиями. Но звучит в праздничном бое часов и нота грусти – о невозможном, об утраченном, о неотвратимом беге времени. Не потому ли с такой надеждой говорят люди о новом счастье, что «старому» всегда чего-то недостает?

Недавно прочел такую сентенцию: «Людям грубым подарена радость. Людям тонким подарена грусть».

Назвать себя человеком тонким не совсем прилично. Это всё равно что рассказывать о своей гениальности. Но грусть мне действительно подарена. Я часто грущу, тихо и без надрыва, грущу, не впадая в уныние. В это время

буйная радость кажется мне родной сестрой кощунства. Я наслаждаюсь грустью, и может, это вовсе не грусть, а что-то иное, и лишь бедный язык человеческий лепит свои ярлыки на совершенно разные понятия.

Грустить хорошо в Новый год. Он, с одной стороны, никакой не новый, потому что всё старое и грязное тщательно перетаскивается из одного года в другой, и качество жизни не меняется автоматически. Но всё равно это трогательное время, когда будущее кажется волшебным, а прошлое оформляется и приобретает законченный вид.

* * *

Советская власть проклевала дырку в голове рядового гражданина своими идеологическими праздниками и политинформациями. Потому 8 Марта и Новый год так были близки уставшему от общественной деятельности человеку. Но 8 Марта я всё же не люблю. Мимозы, шампанское и грубая лесть — вот и весь праздник. Куда лучше мороз, запах хвои, мандарины, бессонная ночь и глупое ожидание счастья.

Это ведь немножко похоже на смерть — состояние, когда прошлое уже закончилось, а будущее еще не началось. Так в фильме «Влюблен по собственному желанию» мужчина и женщина познали друг друга, а за окнами на электрическом табло зажглись четыре нуля. Ноль часов и ноль минут. Лучший образ для начала новой жизни трудно сыскать.

Другая сторона. Смерть и жизнь. Умирание старого и зарождение нового. Это и есть Но-

вый год. Философы (например Хантингтон) считают, что всё многообразие жизни, всё вдумчивое, всё благоговейное, всё неспешное и нежное, что есть в культуре, вырастает из отношения к смерти. Новый год — это праздник, делающий взрослых детьми, заставляющий почти физически ощутить прожитые годы и безгрешно погрустить.

* * *

Кто-то скажет, что это праздник не церковный, глупый и бессмысленный. Так оно и есть. Но ведь и человек именно таков. Самый церковный человек ведь не на сто процентов церковен. Он продолжает состоять из слабостей и глупостей, и высшим проявлением последних была бы уверенность в том, что человек уже и умен, и силен. Не умен и не силен, я вас уверяю. Всё еще взрослый ребенок, верящий в чудо и ждущий милости, — вот каков человек. И это прекрасно! Так пусть он не натягивает на лицо строгую маску, пусть не выбрасывает из жизни всё невинное и сентиментальное. Пусть в простоте сердца ставит в доме елку и дышит несколько дней запахом хвои, пусть молится в полночь и освящает именем Божиим новый виток Земли вокруг Солнца.

* * *

Лично я не хочу быть сильным. Я хочу быть слабым, как ребенок, потому что таковых есть Царство Небесное. И уже не пугает меня то, что Новый год приходится на пост. Мне и без водки и мяса праздник хорош. И неестествен-

ность жизни, при которой Новый год опережает Рождество, меня уже не мучит. Я привык к смеси двух календарей. Открою бутылку вина, обниму жену, поцелую детей. Включу телевизор. Быстро устану от глупых шуток. Выключу телевизор. Буду глядеть в окно. Дай Бог, чтобы там медленно опускались с небес на землю снежинки. Гирлянды на елке будут мигать, и на душе будет сладко и тихо.

Чего вам еще от жизни надо? Может, вам войны надо, или голода? Может, вы беженцем стать хотите? Может, давно не болели? Некоторые люди ведь столь грубы и духовно бесчувственны, что совершенно не могут и не умеют наслаждаться простыми радостями, пока серьезная беда в двери не постучит. А мне контрастов не нужно. Я и без беды буду радоваться. И радость моя будет странной, тихой и смешанной с грустью.

Хотя, может, это и не грусть вообще. Просто бедный человеческий язык клеит бирку с одним и тем же словом на совершенно разные состояния.

«КУДА» ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ

Любой математик вам скажет, что если условия задачи или вопрос сформулирован неверно, то правильного ответа не найти.

Вот и я, хоть и не математик, с большим удивлением то и дело встречаю в церковной среде дискуссии об обрядах и практике совершения Таинств, но не радуюсь возникшему удивле-

нию. Оно, удивление, есть мать философии. Правда, жаль, не всегда.

Удивляться пополам с грустью приходится оттого, что вопросы поднимаются периферийные, а спорят о них, как о Символе Веры. И главное, дело обставляют таким образом, что «или — или», дескать, «наш ли еси или от супостат наших?»

Вот, например, захотелось людям жарко заспорить по вопросу «куда читать Евангелие?» — «к людям» или «на Восток». Братья и сестры, отцы и матери, владыки и духовники, да ведь вопрос неверно поставлен. При такой постановке правильный ответ невозможен в принципе! Вопрос ведь должен звучать как-то иначе. Например: «Зачем читать Евангелие? Можно ли его просто читать, не объясняя? Должны ли люди в храме слышать и понимать прочитанное? Может ли священник, готовясь к службе, отдать большую часть сил приготовлению проповеди в ущерб канонам?» Ракурсов у проблемы много, и вопросы можно ставить больно и по существу. Ну, так давайте ставить эти вопросы. Ведь всё остальное, всё, что не по существу, это ведь технические частности, меняющиеся от местных обычаев, от ситуации, от размеров храма и возраста священника включительно.

Вот стоит в огромном храме на будничной ранней службе у Престола иерей. (Видел подобное сам, и не раз, потому не фантазирую, но рисую с натуры.) Богомольцев не густо. Иконостас массивен. Предположим, батюшка стар или схож с Моисеем не столько силой

веры, сколько невнятностью произношения, «гугнивостью» по-славянски. И читает он рядовое зачало в положенное время на Престоле, спиной к людям. И проповедь, допустим, после чтения не скажет. Так кому эта практика нужна и что в ней священного и неприкосновенного? Ведь если смысл чтения Слова лишь в том, чтобы оно было прочитано священником в «нужную сторону», а не в уши людям, так он тогда его про себя или шепотом читать может.

Неужели стоит оканчивать Академию, чтобы понять простейшую мысль: «куда» б вы Евангелие ни читали, оно должно читаться так, чтобы люди его слышали и поняли. А кроме того, зачало дневное или воскресное должно быть объяснено. Во-первых, потому, что отцы сказали: «Писание есть не то, что лишь читается, но то, что понимается». Во-вторых, потому, что как непережеванная пища усваивается несравнимо хуже пережеванной, так и словесная еда требует уяснения, толкования, размышления и запоминания. Об этом бы поговорить. Не напитаем людей словесной пищей мы, так напитают их другие, «перелазящие инуде», а мы останемся с горьким сетованием на времена и нравы.

Вот на Афоне диакон в иных монастырях чуть ли не до порога притвора доходит, чтобы читать Евангелие лицом к алтарю на Литургии. В других местах как Апостол, так и Евангелие читаются дьяконами перед центральной иконой посереди храма. А где-то в алтаре лицом на Восток. А где-то в дверях алтаря ли-

цом к людям. А на Пасху я был свидетелем и участником службы, в которой Евангелие на десятках языков читали целых полчаса и среди храма, и на балконах, и на солее. Так стоит ли об этом спорить? Ведь важнее всего то, что, где бы и как бы ни читалось Евангелие, самым главным остается вопрос, заданный эфиопскому евнуху апостолом Филиппом: *разумеешь ли, что читаешь?* (Деян. 8, 30). Ответ евнуха есть ответ миллионов людей в подобной ситуации: «как могу разуметь, если кто не наставит меня?»

Вот мы увещаем людей читать толкования святых отцов, и правильно делаем. Многие читают в домах дневные отрывки Священных текстов, а некоторые делают это и перед службой. И тоже правильно делают, ибо есть немало мест, где, не зная наперед, что читается, на службе ни слова не разберешь. Народ, не посвященный в тонкости обряда и литургические хитросплетения, выслушает Слово и жадно впитает поучение, лишь бы оно произносилось искренно и словами веры, которые «солью осолены». Остальное, право, недостойно быть предметом спора, тем более жаркого.

Когда Слово звучит, мы стоим на Суде Слова. И всё в нашем богослужении, по части чтения Писаний, должно быть подчинено единой главной цели: ясному слышанию и четкому пониманию Божиих слов. Этому должны служить и акустика храма, и четкая, правильная речь в устах служителей, и проповеднические труды тех, кто на это поставлен. Словом, всё.

Так отчего же споры? Оттого, что мы враждебны ко всему, к чему не привыкли. Это не всегда осторожность и не всегда признак ума. Такое бывает и от самовлюбленности, и от ограниченности. Златоуста вот народ прерывал от восторга аплодисментами во время проповеди. Да и произносил он их с кафедры, каковых в нашей практике нет уже давно. Боюсь, худо бы пришлось и ему, и его пастве, попадись они нам «на зубок». Уж больно непривычно ведут себя. Не от еретиков ли научились?

Обряды могут быть многоразличны. Для того, чтоб это понять, можно историю литургики подробно изучать, а можно и по миру поездить. Можно и не изучать, и не ездить, а только сесть да подумать крепко, да помолиться. Многие ложные страхи исчезнут оттуда, «идеже не бе страх». Но только надо подумать да помолиться! Если же думать некогда, а молимся мы, дескать, и так часто, тогда возникает соблазн «канонизации» местной и привычной практики с угрозой объявить еретиками всех, чья практика отлична от нашей. Это очень похоже на квасной католицизм, который долгими столетиями считал, что только его обряды и только его практика единственно спасительны и возможны. Позиция очень близорукая и губительная для своих адептов. Католицизму пришлось больно расплатиться за свои попытки уложить весь христианский мир в прокрустово ложе собственных представлений о жизни.

Но что нам католики. Ну их, не правда ли? Поговорим лучше о нашем, о старообрядчестве.

Старообрядцы новшеств не любили. Тень антихриста грезилась им выглядывающей из-за спины любого непривычного явления. И во многом они были интуитивно правы. Перемены накатывались девятым валом, и как тут было сидеть спокойно. Государство гайки закручивает, паспорта, эти мертвые бумаги с мертвыми буквами, раздает, бороды насильно бреет. В храмах стали петь многоголосно, как в опере у еретиков. Иконное письмо изменили на «фряжское». Обряд порушили и в перстосложении, и в пении «Аллилуйя», и в хождении вокруг храма на крестный ход. Надо понять и прочувствовать драматизм той эпохи и непосредственную реакцию боголюбивых душ на поток заимствованных новшеств. Всё было бы хорошо, если бы не одно «но». Старообрядцы главное от второстепенного не отличали! Вождь раскола — протопоп Аввакум, к примеру, отличался, наряду с мученическим терпением и ревностью о старине, невежеством в области главных сторон церковного учения. Считал, что Святые Дары освящаются на Проскомидии(!), то есть вовсе не понимал Литургии. А о Святой Троице говорил и писал такое, что его и еретиком-то назвать трудно, а можно назвать разве что невеждой. Получается, что ревность была о мелочах, а в главном были пробелы и провалы.

Я говорю об этом для того, чтоб мы сегодня не давали никому повода говорить об исторической «карме» нашего народа. Дескать, мы вечно о мелочах спорим, в трех соснах блуждаем и после посещения кунсткамеры гово-

рим: «слона-то я и не заметил». Враг послушает нас и, смеясь, скажет, что у русских это в крови — друг друга грызть по вопросам второго эшелона. Я говорю это для того, чтобы мы, начиная споры о благочестии, различали в предмете спора то, что относится к существу веры, от того, что относится к явлениям временным, условным, исторически сложившимся и не имеющим достоинства догмата. Эти условные явления имеют право меняться, и горе, если консервируют их на веки вечные.

Там, где благочестивый предок кричал, что царь ненастоящий, что антихрист воцарился, что благодать от мира забрана, мы его слова повторять сегодня не имеем права. Неужели даром мы учимся и мучимся, даром вглядываемся в опыт веков, чтобы потом ломать копья о вопросы второстепенные и молча проходить мимо вопросов принципиально важных?!

Нам нужна проповедь, нужна катехизация, нужна миссия. Нужен некий период собирания народной души вокруг Литургии и воскрешения, возрождения незаслуженно забытых сокровищ литургической практики Церкви. Всё остальное, по суду отеческого слова, должно рассматриваться как область вопросов второстепенных, где нам дозволено и благословлено разнообразие.

Вот об этом я думаю, слыша жаркие споры братьев и сестер, отцов и владык. Но, ставши в храме на место верующего простолюдина, я бы так сказал отцам и владыкам: «Вы, возлюбленные, читайте Евангелие в какую хотите

сторону, только так, чтобы я его расслышал и понял. А потом, не сочтите за труд, объясните мне, грешному, живые слова Живого Бога, а я, напитавшись Духом, всю жизнь за вас благодарить и молить Бога буду».

ЖИЗНЬ — НЕ ШУТКА

ПРОБЛЕМЫ С СЕДЬМОЙ ЗАПОВЕДЬЮ

Начинаемый разговор не просто труден, он тяжек. В одной из молитв, содержащихся в Требнике, священник просит Бога о милости к людям, «плоть носящим и в мире живущим». Мы именно таковы: носим плоть и живем в мире. Мы не победили страсти, но страсти до сих пор командуют нами. Мы не вышли из мира и не преобразили мир, но мир вертит нами туда и сюда, налагает оковы обычаев и привычек, грозит насмешкой или даже гонениями в случае неповиновения. Но будет совсем плохо, если мы замолчим от усталости или от ложного смирения. Будет совсем плохо, если грех не будет обличен, а христиане перестанут *непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его* (Евр. 13, 15).

Поэтому, *имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим* (2 Кор. 4, 13). Говорить же хотим о блуде не просто как о нарушении седьмой заповеди, но как о сложно выстроенной системе, убийственно действующей на веру.

* * *

Языческие культы древности были неразрывны с культовым развратом. Гнев Божий, озвученный пророками, был направлен на этот двойной разврат: разврат ума в отпадении от Бога и разврат плоти в служении ложным богам — по сути, бесам. Ложная вера — это ко-

рень зла в понимании ветхозаветных праведников, а злое и неистовое поведение — плоды от этого корня.

В наше время возможен обратный процесс. Раньше зловерие рождало разврат. Сегодня стоит ожидать, что из недр бытового и массового разврата на свет выползет какой-нибудь культ, восставшая из пепла языческая практика. Собственно, почему из пепла? В бесчисленных храмах Индии ежедневно на фаллические изваяния, в строгом соответствии с ритуалом, в положенные часы возливают топленое молоко, масло, йогурт, сыплют лепестки цветов, надевают венки и гирлянды.

В христианском мире блуд — это блуд. Он есть, но он назван по имени. За пределами христианского мировоззрения блуд — это таинство. О сексе нынче принято говорить так много и с таким серьезным видом, что скоро тема «нижней чакры» будет предваряться зажиганием ароматических палочек. Да и сегодня уже трудно найти журнал, в котором между статьей о масках для кожи лица и заметкой о размещении полочек в ванной не нашлось бы статьи «про это».

Какой-нибудь культ вокруг блуда, как воздух, нужен тем, кто не мыслит жизни без блуда. Культ дает иллюзию значительности, серьезности, таинственности. Он развратника превращает в «жреца». Много ли нужно одномерному человеку, чтобы ощутить восторг приобщения к «тысячелетним традициям»? Несколько иностранных слов (типа «кундалини», «лингам» и «йони»), несколько экскурсов

в мифологию — и человек на долгие годы обеспечен мнением, что он не просто нарушитель заповедей, а адепт древних практик.

* * *

Читая историю Ветхого Завета, не устаешь удивляться, почему евреи не вырубали до конца эти «священные рощи», за которые на них так гневался Господь? Почему вплоть до самого вавилонского плена их борьба с идолопоклонством была, в лучшем случае, половинчатой? Такие недоумения продолжаются до тех пор, пока не посмотришь на дело изнутри. Язычество вовлекало в похоть, дразнило, разжигало. Оно проникало внутрь чрева, как запретное лакомство. Грех овладевал сердцем, и выгнать его вон было тяжелее, чем отбить у врага захваченный им город.

И было ко мне слово Господне: сын человеческий! Сии люди допустили идолов своих в сердце свое и поставили соблазн нечестия своего перед лицем своим: могу ли Я отвечать им? (Иез. 14, 2—3).

Идол блуда, стоящий во святилище сердца, — вот диагноз, страшный и правдивый. Не так страшно то, что язычники, захватывая святой город, врывались в Храм и ставили мерзостных истуканов в священных притворах. По-настоящему страшно то, что идол блуда проникает в самую глубину сердца и оскверняет молитву, и делает ненастоящим покаяние, и затаивается на самой глубине человеческой души, ожидая удобного часа, чтобы заявить о своих правах на человека.

Ветхий Завет можно прочесть под этим углом зрения: многочисленные отпадения Израиля от Бога по причине крайней соблазнительности идолопоклонства. Есть блуд, а есть *дух блуда* (Ос. 4, 12). Этот дух уводит человека от Бога: *блудодействуя, они отступили от Бога своего* (Ос. 4, 12). Пророк Осия, сказавший эти слова, имел свой особый опыт постижения их глубины и боли. Ему Бог повелел взять в жены блудницу. Исполнив это, пророк узнал, какую нравственную муку приносит неверность, какую муку приносит Богу неверность Его людей. Отпадение от Господа уподоблено супружеской измене, более того — многократным, непрекращающимся изменам. Эта сцепка действует и в обратном направлении, то есть распутная жизнь приводит к забвению Бога, к измене Ему. Об этом Осия тоже говорит: *Дела их не допускают их обратиться к Богу своему, ибо дух блуда внутри них, и Господа они не познали* (Ос. 5, 4). «Дух блуда». Запомним это словосочетание.

Пророки упрекали израильтян в том, что те кланялись дереву, вопрошали жезл, бездушному металлу говорили: «Ты — отец наш». Но эти обличения были борьбой, происходящей на поверхности. Наивен тот, кто думает, что еврея в древности хлебом не корми, дай лишь преклонить колени перед языческой статуей. Не таким простым было (и остается) язычество. Не одни запреты нужны, чтобы языческие соблазны преодолеть. Истинная борьба происходит в глубине — там, где заканчиваются рациональные доводы и дух противостоит духу, сила — силе, а чудо — чуду.

Моисей перед лицом фараона совершал необычные вещи: превращал жезл в змею, наводнял жабами землю египетскую. До некоторого времени и *волхвы Египетские сделали то же своими чарами* (Исх. 7, 11). Сила египтян истощилась, *когда персть земная сделалась мошками* (см. Исх. 8, 17). Далее действовал Моисей, а египтяне терпели. Подобным образом Илия не ограничивался доводами рассудка и напоминанием заповедей Закона. Он вызвал жрецов Ваала на состязание в чуде, при котором проигравшую сторону ждала неминуемая смерть! Это были точки крайнего напряжения в ветхозаветной истории. Именно эти двое — Моисей и Илия — явились преобразившемуся Христу на Фаворе, Христу, принесшему в мир нравственные требования неподражаемой высоты. Эти двое были ближе всех ко Христу, живя до Его пришествия. Они говорили и действовали с силой и властью, подобно тому, как впоследствии действовал и говорил Сам воплотившийся Господь.

Итак, дух должен победить дух. Дух целомудрия и праведности должен одержать победу над духом блуда и нечестия. К этой мысли нам придется возвращаться неоднократно и в жизни, и в печатном слове. В молитве Ефрема Сирина, которая, если не по великопостному богослужению, то хотя бы по пушкинскому поэтическому переложению должна быть известна многим, тоже об этом говорится. «Дух праздности, уныния, любоначалия, празднословия не дай мне» — с одной стороны. «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения,

любви даруй мне» — с другой. И там, и там просьба — о духе.

То же противостояние разных «духовных практик» можно наблюдать на всем пространстве священной истории.

* * *

Вот слова Иеремии: *Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для богини неба и совершать возлияния иным богам, чтобы огорчать Меня* (Иер. 7, 18). Здесь видно, что греховный образ жизни вовлекает в свою деятельность всех: и отцов, и детей, и женщин. Но можно увидеть и то, что церемония имеет эротический характер. Текст намеренно скуп. Во-первых, все знали, о чем идет речь. Во-вторых, не стоит соблазнять несведущих. В наше время гей-парадов и легальной порнографии последний аргумент не работает. Эротичность празднования в данном отрывке заключается в том, что пирожки лепились в виде женских половых органов. И сам праздник, посвященный Астарте, заканчивался оргиями. Эта сторона языческой действительности неплохо изучена и подробно описана. Всё это было не просто стыдливым развратом, боящимся солнечного света, а мощным потоком различных ритуальных действий, где были стонущие флейты, ритмичные удары в бубны, совокупления и жертвоприношения. Действия совершались не то что без стыда, а с гордостью. Честный коммунист с меньшей радостью ходил на первомайскую демонстрацию, чем тогдашние женщи-

ны на регулярную сексуальную повинность в храм богини.

Сопротивляться организованному греху так же трудно, как трудно не приплясывать, оказавшись в гуще карнавального шествия. Повторю в который раз: не истуканы соблазняли евреев, а дух блуда вводил их в заблуждение. Собственно, тот же дух, который вводит в заблуждение и нас с вами. Слава Богу, что живем мы в те времена, когда нравственность нашего общества вопреки всем лихолетьям всё еще не утратила мощного запаса прочности, вложенного в нее Евангелием.

Или вот еще картинка. Бог, в видении, взяв пророка за волосы, переносит его в Иерусалим, чтобы он увидел мерзости, за которые дом Иудин будет наказан (см. Иез. 8). Пророк видит идолов, видит старейшин Израиля, стоящих с кадильницами в руках перед изображениями пресмыкающихся и нечистых животных. Видит женщин, плачущих по Таммузе у входа во врата дома Господня. Рассказ идет по нарастающей. Вид плачущих женщин — предпоследняя мерзость. Последняя мерзость — это люди, стоящие спиной к Храму и молящиеся солнцу. Чем же страшен этот женский плач?

Для ответа нужна справочная литература. Она расскажет нам о том, что Таммуз, или Фаммуз, есть мифологический персонаж, юный любовник Иштар (Астарты). Ему случилось умереть и сойти в царство мертвых, отчего Иштар предалась безграничной печали. Земля не рождала и люди не зачинали из-за печали богини. Затем она спускалась за возлюбленным

и воскрешала его, а в память об этом наступали торжества любви и веселья — языческого веселья и соответствующей любви.

За фасадом этой трогательной истории была всё та же храмовая проституция, пляски изнеженных мужчин с выбритыми бровями, слезы, переходящие под вечер в буйство, и т. д. Всё это было известно евреям еще по временам жизни в Египте, поскольку история Фаммуза и Астарты совпадала с историей Осириса и Исиды. Этот сюжет вообще можно назвать бродячим, настолько часто он встречается в различных культурах. Всё это не переставало владеть сердцами людей, которых Бог приблизил к Себе, хотя география их жизни и имена идолов многократно менялись. Дух блуда не менялся, и этот дух вновь и вновь уводил людей от Бога.

Сами «священные рощи», которые рубили-рубили, но до конца не вырубили, есть по названию не что иное, как эвфемизм. Буквально, это ритуальные высоты, на которых могли стоять фаллические символы и росли деревья, о которых Осия говорил: *Хороша от них тень; поэтому любодействуют дочери ваши и прелюбодействуют невестки ваши* (Ос. 4, 13).

Временами речь пророков доходит до гневного натурализма, и становится понятным, почему до совершеннолетия некоторые книги Писания читать было нельзя: *И она умножала блудодеяния свои, вспоминая дни молодости своей, когда блудила в земле Египетской; и пристрастилась к любовникам своим, у которых плоть — плоть ослиная, и похоть, как у жеребцов. Так ты вспомнила распутство молодости*

твоей, когда Египтяне жали сосцы твои из-за девственных грудей твоих (Иез. 23, 19 – 21). Всё это не обвинительные статьи по приговору евреям в некоем особенном разврате. Всё это – приговор человечеству, которое ходит по кругу, как вьючное животное, вращающее жернов, и повторяет одни и те же грехи. Вопрос в том, как бороться с похотями? Как противостоять развращению? Какую культурную альтернативу противопоставить комфортной и технологичной культуре нового Содома?

* * *

Есть эпохи, которые на человека налагают множество внешних ограничений. Нутро остается неисцеленным, но пружина сжимается. Тогда стоит снять внешние ограничители – и пружина распрямится с огромной силой. Наступит период вседозволенности и мнимой свободы. Психопаты, чей внутренний мир был завязан в узел, «развязываются» и реализуют свои мечты. Но здоровей от этого не становятся. Раскрепощенность – такая же патология, отвратительная по проявлениям, взывающая об ограничении ко всему тому здоровому, что осталось в человеке.

Всё разрешить и всё запретить – это попеременное ошпаривание и замораживание больной человеческой природы, это пытка, ведущая к смерти. Человека нужно исцелять, а не облагать запретами или раскрепощать до края.

Если блуд кем-то побеждается, то только в результате войны, причем войны жестокой. Война же не начинается просто так. Нужна

ясная цель, нужна ощутимая необходимость: либо ты, либо тебя. Либо грех до конца опозорит и уничтожит тебя, либо ты уничтожишь его, лишив власти над собой. Всё это становится возможным только при наличии веры, при живом ощущении того, что существует жизнь иная и что она, в отличие от этой жизни, вечна.

Если бы блуд побеждался без войны, Писание не похвалило бы Финееса. О нем говорится в 25-й главе Книги Чисел. Финеес пронзил копьем двух блудящих людей: еврея и мадианитянку. Почему это убийство было угодно Богу, поймем из контекста.

Путешествие еврейского народа было тяжелым не только из-за суровости пустыни. Им также препятствовали окрестные народы. Путешествовать приходилось так, как впоследствии, после возвращения из плена, приходилось восстанавливать Храм: не выпуская из рук оружия. При этом было замечено и евреями, и их врагами, что грех обессиливает израильтян и, что главное, превращает Бога из Помощника в Мстителя за грех. Поэтому воевать старались с евреями хитро: не столько оружием, сколько соблазнами, из которых блуд — самый эффективный.

Дочери мадиамские были соблазнительны и нарочито доступны. К ним в палатки входили евреи ради удовольствия, но Бог платил им за это различными казнями. Народ не вразумлялся. Продолжающаяся череда блуда и наказаний грозила полным истреблением. Тогда Финеес, воспылав ревностью о Боге, вошел в одну из таких «кущей любви» и убил обоих: еврея и

иноплеменницу. За это Бог пообещал не отнимать от его потомков священство в роды родов, а он был внук Аарона.

Всё это было бы далекой историей, не касающейся нас непосредственно, если бы не был прав Павел: *Всё, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду* (Рим. 15, 4). История Исхода яркими красками живописует выход человека из рабства диаволу. Египет — страна угнетения, аналог той страны, в которой блудный сын пас свиней, желая насытиться их, свиной, пищей. Водная преграда — Крещение. В его водах тонет преследователь, но сам крещаемый выходит из воды живым. Далее — длинный путь, полный опасностей, питание манной, этим прообразом Небесного Хлеба — Евхаристии, и множество священных событий, чей смысл раскрывается лишь в Новом Завете. Так медный змей прообразовывал Христово распятие, и Моисей, молившийся при битве с Амаликом, простирая руки крестообразно, тоже прообразовывал Крест. И вода, потекшая из скалы, и процветший жезл Аарона — всё это оттуда, из истории Исхода. Всё это о Христе, и, значит, касается нас.

Победное шествие евреев, как мы уже вспомнили, останавливали не столько мечом, сколько блудом. Значит, и наше продвижение к назначенной цели, к Небесному Царству, будут стараться остановить тем же способом. Лукавый умеет извлекать свои выводы из истории. Он продолжает действовать проверенным

методом, видя, сколь великой поражающей мощью обладает его оружие. Апостол Павел видел необходимость связывать в сознании верующих людей события древности, видел необходимость представлять описанное в Книге как текст, написанный о нас самих, а не просто о ком-то далеком. *Это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи* (1 Кор. 10, 6—8).

Нам нужна ревность Финееса, ревность, обращенная не на кого-то блудящего, но на себя соблазняющегося.

Ревность должна выражаться не в посягательстве на самоубийство, а в готовности бороться с грехом даже до крови. *И восстал Финеес и произвел суд, — и остановилась язва. И это вменено ему в праведность в роды и роды во веки* (Пс. 105, 30, 31). Говорят, Арсений Каппадокийский целовал страницу Псалтири, когда доходил до указанных слов.

Собственно, и евангельский голос Христа тоже зовет нас на борьбу бескомпромиссную, которая чревата страданием: *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов тво-*

их, а не все тело твое было ввержено в геенну (Мф. 5, 29, 30). Эта борьба была бы ненужной и бессмысленной, если бы спасение не требовало труда, если бы соблазны не препятствовали вере.

Добавим лишь, что не к членовредительству, но к тяжелой борьбе призывает Своего ученика Господь. Там, где нет борьбы, нет и победы. Но есть там скрытое рабство, тем более опасное, чем более оно завуалировано.

* * *

Перечисляя общие для безблагодатного человечества болезни, апостол Петр говорит: *Довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь нечистотам, похотям (мужеложству, скотоложству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению* (1 Пет. 4, 3). Все составные части налицо. Чревоугодие и пьянство разжигают плоть, идолослужение легитимизирует разврат, придает ему вид «традиции» и связывает с мировоззрением. Скотоложство и содомия, в свою очередь, на своем месте. Но обратим внимание на *помыслы*. Блуд, оказывается, живет не в плоти, а в голове. Точнее, в голове и в сердце, именно там, где зачинаются и вынашиваются мысли, затем превращающиеся в поступки.

Нам может казаться раз и навсегда выясненным вопрос о том, кто кого ведет в грех: плоть тянет за собой душу. Чего тут еще не ясно? Плоть тяжела, смертна, привязана к миру. Она — темница души, она — гири, препятству-

ющие полету. Примерно так мыслили античные греки. Так же мыслили гностики, «приемные дети» античных греков. Но ни те, ни другие от разврата не убежали. Более того, и те, и другие разврат оправдали, встроили в свое мировоззрение, облекли извращения в ризы высокоумия. Значит, не всё так просто.

Человек не ограничен инстинктами. Он умен и свободен. Именно поэтому его грехи так страшны и превосходят жестокость и похотливость животного мира. Еда и размножение животных не покидают законных границ инстинкта. Это не кровожадность и не разврат, которые столь часто встречаются в мире людей. Человек не может быть просто животным. Даже напрочь отказавшись от стремления к Богу, человек не будет животным. Он обречен быть или хуже животных — в случае отказа от Божественного призвания, или лучше, выше животных — в случае исполнения Божественного замысла. Непреложны дары Бога. Свободу и ум Он от нас не отнимает. И оттого, как человек использует ум и свободу, зависит его жизнь здесь и в вечности.

«Умный труд» — такое словосочетание наверняка встречалось людям, знакомым с аскетической письменностью. Умный труд — это бодрствование, внимание, молитвенное призывание Бога. Без этих сложных внутренних усилий грехи не преодолеваются и не побеждаются. В том числе и грехи плоти.

Развращенный ум гораздо чаще тянет послушную плоть на блуд, чем разгоряченная плоть ослепляет разум. Там, где случилось еди-

нократное падение, там ум сдался влечению плоти, и еще раньше — напору помыслов. Вслед за падением следуют слезы, исповедь, покаянная печаль. Но там, где грех стал нормой, там, где грех одет в высокоумие, — там душа непрестанно развращает покорную плоть и придумывает для совести оправдания. Возможно, это те самые *глубины сатанинские,* о которых говорит Апокалипсис (Откр. 2, 24).

Мария Египетская считала удовольствия плоти истинным смыслом жизни и грешила не тайком, а открыто и «по совести». Именно в области ума она и претерпела самую острую муку, поскольку плоть ее высохла за год, а с помыслами она боролась, как с дикими зверями, семнадцать лет и без перерыва. Борьба с помыслами тяжелее борьбы с плотью. Это знали и язычники, рекшие, что раны души врачуются медленнее и тяжелее, нежели раны плоти. Твое тело изможденно, твой язык прилип к гортани. Твое дыхание смрадно от неядения, но ты всё еще воспаляешься похотью. Не только когда видишь что-либо соблазнительное, но и тогда, когда удаляешься от всех и от всего. Это потому, что похоть живет не в почках, не в селезенке, не в семенниках, но в уме, по преимуществу. Оттуда царская власть ума распространяется на подвластное тело, и весь человек согрешает. Вся соль в уме.

Поэтому идейный развратитель опаснее того, кто открыто посягает на честь. В последнем случае на стороне жертвы совесть, стыд и гражданские законы. Если же позволить шепоту рассуждающего о жизни «мудреца» проникнуть в сознание неокрепшего человека, если

этот шепот оправдает грех и разрисует его яркими красками, то человек сам ринется в омут, и никто его не удержит.

Набоков ничем не был похож на развратителя миллионов. Когда, уже будучи стариком, он регулярно выходил на прогулки с шахматной доской под мышкой или с сачком для ловли бабочек в руках, в нем трудно было разглядеть разрушителя традиций и тонкого совратителя. Милый старик, изрядно образованный, преданный невинным удовольствиям... И тени изнасилованных нимфеток не стояли у него перед глазами, как «мальчики кровавые» у другого известного персонажа. Но эти обманутые и искалеченные девочки были, их было много, поскольку одно дело — блуднику пускать слюни, глядя на ребенка, а другое — узнать себя в персонаже известного произведения. Только Страшный Суд низвергнет с пьедесталов ложных героев, которым сегодня по неразумию поклоняются люди, лишенные ума, но обладающие рассудком. Только Страшный Суд даст правильную оценку трудам человеческим вообще и интеллектуальным в особенности.

* * *

Блуд не приходит один. Как ни странно, он приходит в обнимку с убийством. Это невероятно, но факт. С одной стороны сладость и замирание дыхания, а с другой — кровь и буйство кровопролития. Возможно ли это? Да, и сто раз да. История царя Давида должна убедить нас в этом (читайте в Книгах Царств историю грехопадения этого царя и пророка).

Как винные пары застилают разум упившегося человека, так и парение похоти действует на ум. Вся история человечества, а не только случай с Давидом, тому доказательство. Желание запретных удовольствий, блуд совершившийся, убийство свидетелей, ревность, аборт как убийство прелюбодейного плода и многое, многое другое. Кровь следует за блудно разлитым семенем.

По ветхому закону равно нечистыми считались как женщина в период месячного очищения, так и мужчина, имевший истечение семени. Кровь и семя здесь равно виновны в ритуальной человеческой нечистоте. Виновны не они сами по себе, но виновен человек, имеющий истечение. Во всем этом есть глубина и иносказание.

В крови — душа, но сама кровь — в семени. От семени зачинается человек, чья кровь будет в душе. Семя выше крови. Не зря Церковь на протяжении долгих столетий подчеркивает Христово безсеменное зачатие и Рождество. От Духа Свята и Марии Девы родился Христос. Но это уникальное рождение без семени мужа лишь подчеркивает важность правильного отношения к жизни пола у людей простых, но в Бога верующих.

Семя нельзя изливать как попало, с кем попало и куда попало. Прелюбодейное излитие семени есть тайный вид кровопролития, вернее — залог будущих кровопролитий.

Если некая культура узаконит разврат, то тем самым она узаконит человеческие жертвоприношения. Это — неизбежный закон, рож-

денный внутренней логикой. Раз ты блудишь открыто и ритуально во славу своих «богов», то ты будешь лить чью-то кровь, открыто и ритуально, во славу тех же «богов». Если же ты блудишь тайно, но неистово, ты тоже будешь проливать кровь, так же тайно и так же преступно. Например, через аборты.

Зверствам Гитлера, неправдоподобному бесчеловечию его «фабрик смерти» мы ужасаемся. Но сами создаем или молча соглашаемся с уже созданными «фабриками смерти» для неродившихся младенцев, соглашаемся безо всякого ужаса, с полным бесчувствием. Это — культ Молоха в его новейшем варианте.

* * *

Мы не висим в воздухе. Мы твердо стоим на почве, хранящей следы прожитых столетий. Половой вопрос всегда сопровождал масштабные процессы переустройства жизни. Часто было так: разнуздать, чтобы взнуздать. Сначала — теории обобществления женщин и детей: «Стакан воды», «Любовь пчел трудовых» (книга товарища Александры Коллонтай). Сначала ниспровержение буржуазной морали, то есть доведение до логического конца «передовых» идей самой буржуазии. Например, революционно мыслящие ученые Советской России пытались экспериментально доказать правоту предположения о происхождении человека от обезьяны. Для этого молодые добровольцы обоих полов спаривались в научных целях с человекообразными обезьянами противоположного пола. Запад визжал от восторга! Он

всегда восторженно визжал, когда мы творили невесть что, и угрюмо замолкал, когда мы приходили в разум и начинали исправляться.

Затем, когда комсомольские упражнения с комсомолками потеряли идейный вид, началось завинчивание гаек, суровый аскетизм и сублимация энергии в сторону войны и стройки. В это время сама буржуазия, видя ужасно воплотившимися собственные идеи, из чувства самосохранения возвращается к классической морали, семье, обузданию похоти. Такова была история первой сексуальной революции в России.

Затем, уже после Великой Отечественной войны, мы делали вид, что у нас другая природа, пытались украсить и очеловечить социализм. А в это время сытый мир по ту сторону преграды, названной Черчиллем «железным занавесом», сходил с ума и томился желанием явно заняться тем, чем уже давно занимался тайно.

В 1953 году в Чикаго в свет выходит первый номер журнала «Плейбой». Это — официальная дата новой волны сексуальной революции. Сначала вроде бы ничего особенного, ничего развратного. Ну, подумаешь, в середине журнала — вкладыш с фотографией красотки (в первом номере ею была Мэрилин Монро из фотосессии 1949 года). Смесь юмора, разговоров о культуре; о сексе — только между делом. Серьезные авторы в заглавиях. Набоков тот же, Маркес, Хемингуэй. Но с этих лет в культуре новейшей эпохи уже будет трудно разобраться, где кончилась культура и началась порнография, или где порнография не думала

заканчиваться, но всё это, тем не менее, относится к культуре. «Где заканчивается Беня Крик и где начинается полиция?» — спрашивали одесситы в рассказах И.Бабеля. Жанры перетекают друг в друга, оскароносные актеры снимаются в сценах с максимальными ограничениями по возрасту, классические произведения становятся основой для порносюжетов. И самым опасным итогом оказывается неразличимость граней, стирание границ между высоким и запретным. Это и есть, надо понимать, Вавилон, то есть «смешение», когда критик вынужден сказать (о фильме «Калигула»), что для истории слишком много порнографии, а для порнографии слишком много истории.

* * *

У греха всегда есть собственная идеология. Она может выстраивать систему оправданий из средств, заимствованных у мифологии, у науки, у чего угодно. Главное, она должна быть, так как без нее грех потеряет притягательную силу, и вместо обманчивой подделки под истину станет просто синонимом проклятия. Этой безыдейности грех себе позволить не может.

Какими средствами до всемирного потопа среди людей распространялся грех и греховная идеология? Нет сомнений, что до потопа люди грешили не от случая к случаю. Не по немощи и не от усталости они уступали греху. Они грешили сознательно, непрестанно, целенаправленно. Радикальность мер, которые употребил Господь для уничтожения распространившейся греховной заразы, сам потоп — доказатель-

ство необычайной масштабности греховного развития в тогдашнем мире. Греховная деятельность была смыслом жизни, подобно тому как было смыслом жизни для недавних богоборцев разрушение храмов и убийство верующих.

Так какими же средствами распространялся грех в те далекие годы? Никакими, кроме личного примера и массового беснования, способного втянуть в свои глубины слабого человека. Технических средств у греха тогда не было. Правда, добавим то, что жили тогда долго, здоровы были неимоверно. Грех еще не успел растлить природу человека, обессилить ее. Кстати, кладбищ не видели. Смерть не уцеломудривала, не приводила души в страх и умиление. Долгая жизнь и неимоверно крепкое здоровье (вещи столь вожделенные для нынешнего человека) обернулись неожиданной бедой — тотальным развратом и общей гибелью.

Нынешние процессы отличаются от тогдашних быстрым распространением любой заразы при помощи технических средств. Россию в девятнадцатом веке можно было поколебать, а в двадцатом сокрушить всего-навсего печатным станком и прокламациями. Вот что такое проигранная идейная борьба! Когда-то Павел услыхал при матери — императрице Екатерине — о революционном мятеже. «Я бы их из пушек!» — в сердцах сказал он. «Экий ты дурак, — отреагировала мать. — Разве против идей можно воевать пушками?»

Стоит ли объяснять, что в эпоху массовых коммуникаций, при помощи радио, ТВ и Ин-

тернета любая цель достигается гораздо быстрее и легче?

* * *

Если правда то, что разврат гнездится не в плоти, но в уме, то правда и то, что распространять разврат легче при помощи «умных» технологий. Не прикасайтесь к человеку, не обнимайте и не целуйте его. Покажите ему кино. Дайте ему прочесть книгу. Всё остальное совершится само, словно вы завели механизм, а потом отпущенная игрушка побежала по полу.

Отраженная реальность, именуемая искусством, имеет над человеческой душой силу великую и таинственную. И одно дело, когда художник может сказать, что «чувства добрые я лирой пробуждал», «над вымыслом слезами обольюсь» и проч. И совсем другое дело, если художник эксплуатирует имеющуюся в наличии похоть и на нее обращает действие своих произведений.

Вот Бог, говоря через Иезекииля, произносит: *Эта еще умножила блудодеяния свои, потому что, увидев вырезанных на стене мужчин, красками нарисованные изображения Халдеев... она влюбилась в них по одному взгляду очей своих и послала к ним в Халдею послов. И пришли к ней сыны Вавилона... и осквернили ее блудодейством своим* (Иез. 23, 14 — 17).

Когда внутри живет похоть и есть греховный навык, любой художественный образ греха приводит сердце в томление и разгорячение. Тогда, рано или поздно, душа пойдет на грех

(*«пошлет послов в Халдею»*) с той степенью обреченности, с какою вол идет на убой.

А теперь представим, что мужчины, нарисованные красками, ожили перед взором блудливой дочери Израиля из приведенного пророчества. Представим, что не стенные росписи, а порнофильм на простыне показали и без того осквернённой душе. Эффект умножится неимоверно. Наше время и есть то время, когда все порнографические сюжеты, собранные со всех мозаик Помпей, со всех красноглиняных чаш эллинов, со всех индийских миниатюр и статуй, опоясывающих фронтоны соответствующих «храмов», ожили, задвигались при помощи кинопленки и цифровых камер.

Конечно, грех изобрело не кино. Оно его зафиксировало. Оно впитало все жанры настоящей жизни и отобразило их вскоре после своего появления. Сначала на зрителя побежал прибывающий на станцию поезд, но вскоре из поезда вышли знакомые лица. И триллер, и порнофильм, и глупенькая мелодрама появились очень быстро, почти вслед за изобретением. Потому что кино придумал человек, и детище отобразило в себе все интуиции того, кто его родил.

Для нас, в рамках затронутой темы, важно отметить особую притягательность, которой обладает грех, выраженный средствами искусства, самым массовым и доступным из которых является кино. Если сравнить грех с боеголовкой, то искусство — лучше чего бы то ни было — способно играть роль средства доставки — ракеты. И цели для такой ракеты не

точечные, а обширные, поскольку речь идет буквально об оружии массового поражения.

У человека, не дай Бог, начались проблемы с седьмой заповедью — значит, закончатся они не скоро. Начинаются же эти проблемы нередко с забытого папой в ящике стола «взрослого» журнала, с найденного случайно ребенком диска с фильмами, предназначенными для закрытого просмотра. Однажды же возникнув, эти проблемы не просто долго длятся, но грозят никогда не исчезнуть.

* * *

Филипп Македонский открывал ворота вражеских крепостей при помощи осла, груженного золотом. В наше время роль осла и золота может играть экспорт образа жизни, культурная экспансия. Советский Союз, по крайней мере, был разрушен не залпами орудий, а контрабандой порнофильмов. Да и в освобожденном от Саддама Ираке кинотеатры «для взрослых» появились сразу вслед за танками «Абрамс». Если сломать культурный код покоренного народа, если пощекотать его там, куда он до сих пор по скромности залезть не додумался, то он — твой. Не телом твой, но больше, чем телом, — потрохами, мыслями, образом жизни. Человек, которого научили грешить «со вкусом», — это индеец, за нитку перламутровых бус продающий Манхэттен. Людям с практичным умом и дьяволом в сердце очень не хочется упускать возможности для подобных сделок.

Блуд, проникший в кровь, на правах хозяина овладевший разумом, неизбежно проявится в

артефактах. Человек снаружи хочет видеть то, что у него внутри. Всё, чем мы себя окружаем, есть манифестация нашего внутреннего содержания. Дохристианская культура различных народов открыто порнографична. Там дело касалось природы, а что природно, естественно, то и не зазорно. Я говорю это не о статуе Венеры Милосской, не о Лаокооне, не о тех «канонизированных» образцах античности, которые у нас связаны в мозгу с понятием «античная культура». Я говорю о тех статуях и рисунках, которые были рядом с «Дискоболом», но не вошли в школьные учебники. Этих последних было больше. Еще больше этого добра было за пределами эллинистического мира, и любой специалист по истории и культуре, скажем, Перу, подтвердит мои слова. Что говорить о тех, кто не знал писаного нравственного закона, если те, кто его знал, повторяли общечеловеческие грехи с ненасытимостью.

И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения, и блудодействовала с ними (Иез. 16, 17). В данном случае «мужеские изображения» это и артефакт, и драгоценность, и идол, и (возможно) эротическая игрушка. *И это было, говорит Господь Бог* (Иез. 16, 19). Это и сейчас есть, а не только было, — скажем мы, осмотревшись вокруг.

Вы садитесь в такси и видите фото известного боксера, приклеенное на приборной панели. «Водитель любит бокс», — думаете вы, хотя вы не Шерлок Холмс, и смело начинаете разговор о Косте Дзю или Джо Фрезере.

Вы садитесь в такси и видите прикрепленный к зеркалу заднего вида брелок с голой красавицей. Вы — не Шерлок Холмс, но понимаете, чем занято сердце водителя. Но вот незадача! На зеркале вы видите брелок с неодетой женщиной, а на «торпеде» — иконочку Богородицы! Здесь что думать?

Этот вариант — самый противный и самый распространенный. Это — Вавилон, то есть «смешение». Не смешение языков, людей, культур, но смешение понятий, превращающее жизнь в абсурд. Это — второе блюдо, сброшенное в тарелку с первым, на основании той мысли, что «внутри всё перемешается».

«Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Последняя часть цитаты известна многим. Но важен весь монолог Дмитрия из «Братьев Карамазовых». Важен, потому что дает понятие о борьбе за целомудрие как о борьбе тяжелейшей, и притом борьбе с самим собой.

Те, кто желает побед, доставшихся случайно и пришедших «сами собой», похожи на лжепророков, о которых сказано: *Врачуют раны народа Моего легкомысленно* (Иер. 6, 14).

* * *

Сколь многие энтузиасты растворяются в мелочах и второстепенных деталях, собираясь заняться исцелением. Скажут: «Смой косметику, надень длинную юбку, веди себя прилично». Скажут, чего нельзя, но не скажут, что надо. И разве в эпохи длинных юбок и чопорного поведения не было разврата, порой неслыханного? Самые пуританские по части моды эпохи знали своих мессалин и иезавелей. Юбки до пола не мешали этим фуриям сбрасывать стыд вместе с юбками. Поэтому не во внешних одеждах будем полагать основание нравственности.

Взрослые дяди с галстуками на шее, тайно живущие по кодексу Содома и Гоморры, придумывают молодежную моду для еще стыдливых по возрасту и невинных детей. Дети кажутся нам воплощением развязности, но это обманутые души. Настоящий разврат царит там, где он смешан с запахом больших денег и претензией на рафинированную культуру. Нам же что противопоставить?

Изведя столько времени и сил на цитирование пророков, скажу языком пророков. Нам нужен страх Божий. Это — начало премудрости. Им уклоняется всякий от зла. Это необходимый рубеж богопочитания. Не воспитаем в себе страх Божий — незачем продолжать раз-

говор, и разговаривать дальше не о чем. Нужно бояться Бога. Аминь.

Этот страх не чужд и Ангелам. Он, по слову псалма, чист и пребывает вовек. О нем нужно молиться: «Да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего».

Примером правильной богобоязненности и плодов ее — уклонения от зла — был Иосиф Прекрасный. Иоанн Златоуст в одной из проповедей говорил, что велика вера и велико мужество трех отроков перед пылающей печью в Вавилоне, но вера Иосифа и его целомудрие перед лицом соблазнов в доме Потифара стоят больше. Там — разожженная печь и смерть, кажущаяся неминуемой, здесь — печь похоти, обжигающая ежедневно. Ведь жена Потифара ежедневно говорила Иосифу, *а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею* (Быт. 39, 10). Он — раб, т. е. человек, лишенный свободы, а она — его госпожа. Он в том возрасте, когда и без дополнительных искушений юноша пламенеет различными мечтами и желаниями. Но все же Иосиф говорит: *Как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?* (Быт. 39, 9).

Лучший способ обрести страх Божий — это жить вблизи человека, у которого он есть. С этим человеком не обязательно молиться вместе. Достаточно ловить рыбу или заваривать чай. Тайным способом страх Божий сообщится от души к душе. Но в том-то и проблема, что носителей благодатного опыта до чрезвычайности мало. Остается спасаться *как бы из огня* (1 Кор. 3, 15), мобилизуя все силы на борьбу с ленью, унынием, на сопротивление соблазнам.

Ободряет, что Христос никому, кроме диавола, не говорит: Отойди от Меня. Напротив, говорит: Придите ко Мне, и еще: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37).

Не только Ветхий Завет, но и Новый, в случае прочтения под углом зрения борьбы с плотскими грехами, дает нам понять, что блуд — не просто свойство нашей испорченной природы, но оружие в руках врага, направленное против нас самих. И нужно *распять плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), чтобы врага обезоружить.

Нужно вчитываться в Писание и всматриваться в образ распятого за нас Иисуса. Поскольку Он *пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотию перестает грешить* (1 Пет. 4, 1).

Мыслью надо вооружиться — это, пожалуй, самый важный вывод из сказанного.

ЦЕЛОМУДРИЕ И БЛУД

Напился сладкого вина. Как сторожевой пес, постаревший, потерявший зубы, отложил свирепость и голову свою уткнул в женские колени.

Убаюкался воркованием, тихим и нежным голосом. Позволил гладить себя по голове. Позволил запустить себе в кудри белые, тонкие пальцы.

Тряпка. Глупец.

Эти пальцы утром вынесут твою не протрезвевшую голову из шатра. А пьяное и обезглавленное твое тело, так и не дождавшееся

ласки, останется лежать там, где ты вчера пил. Там, откуда ты выгнал вчера гуслистов, потому что голос Иудифи показался тебе слаще музыки.

Чего стоят все твои военные победы после такого жуткого и позорного поражения!

Красивая женщина. В одной ее руке меч, а в другой — твоя голова, Олоферн. Над кроватью каждого женолюба стоит повесить литографию любой из бесчисленных картин, изображающих ее триумф и твое унижение.

* * *

Насколько лучше тот, юный и стройный, умный, особенный, проданный братьями в рабство из зависти. Женщина старше его возрастом; женщина, родившаяся под знойным солнцем языческого Египта, пожелала его красоты. Она, жившая в роскоши, знавшая толк в удовольствиях, украшенная и благоухающая, могла ли подумать, что этот юный раб окажет ей сопротивление?

В нем всё — слабость. Она вся — ловушка, сеть, яма, на дне утыканная копьями.

Убегает ли мужчина от женской ласки? Не горит ли и без того в юноше огонь непонятных желаний? Может ли раб говорить хозяину «нет»? Однако он сказал. И добавил: *как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?* (Быт. 39, 9).

Царствовать над Египтом не так почетно, как одержать подобную победу.

Да и кто еще достоин власти над другими, как не тот, кто властвует над собой?

* * *

Ведь можно руками растерзать молодого льва, и можно ослиной челюстью убить в бою тысячу человек, а непобедимость свою потерять не от ран и не от ударов врага. От ласковых слов публичной женщины, от ее уговоров может размякнуть сердце, и тогда бойся, Самсон. Как барана остригут тебя, и вместе с упавшими на землю прядями волос упадут в прах и твоя сила, и твоя тайна. Прощай тогда солнечный свет — выколют тебе глаза враги, и вместо вьючного животного будешь вращать мельничное колесо.

* * *

Не велик ли царь властью своею? Не боятся ли все страны прикоснуться к нему? Я видел его и Апамину, дочь славного Вартака, царскую наложницу, сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О мужи! Как же не сильны женщины, когда так поступают они? (2 Езд. 4, 28 — 32).

* * *

И Давид, прогуливаясь под вечер по кровле царского дома, увидел купающуюся женщину. А затем были беззаконные объятия, подстроенное убийство ее мужа, смерть первенца, родившегося от прелюбодеяния... Затем родился

псалом, который читаем все мы, когда хотим покаяться перед Богом.

* * *

И разве не искусная пляска бесстыжей девицы исходатайствовала смерть Предтече и проповеднику покаяния?

Прежде чем меч исторгся из ножен, одобрительные восклицания исторглись из сердец разгоряченных мужчин — гостей Ирода. И прежде чем померкли Иоанновы очи, их глаза сияли всеми огнями пламенеющей похоти.

* * *

И куда ни глянь, куда ни кинь грустный и внимательный взгляд, везде увидишь похоть, идущую в обнимку с кровопролитием, предательством, обманом.

Мудрых много, сильных много, а Иосиф один. Украшенный невинностью, сидевший в темнице за целомудрие, он более других прообразует Христа, родившегося от Девы.

* * *

Собирайтесь вместе, Олоферн, Самсон, Давид, Амнон, Зоровавель. Подходите ближе, иродовы гости. Идите все, кто увяз в наслаждениях и за малую сладость вдоволь наелся полыни. Послушаем мудрейшего из людей, того, кто первым построил Богу храм, того, в чьем царстве золото было по цене меди. Он тоже был сластолюбцем. Триста жен и семьсот наложниц были к его услугам. В старости, среди про-

чих мудрых слов, уста его произнесли следующее: *И нашел я, что горче смерти женщина, потому, что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею* (Еккл. 7, 26).

БЛУЖДАТЬ ИЛИ ИДТИ

Победа верности и совести над гормонами или броуновское движение блуждающей души?

Помню, смотрел пару лет назад одно токшоу. Их у нас так много, что название забыть нетрудно. Обсуждались темы верности, измен, блуда. Были, как водится, психологи, депутаты, артисты. Был и известный дрессировщик кошек Юрий Куклачев. От клоуна я лично ничего серьезного услышать не ожидал, но вышло иначе.

* * *

Обидную чушь и набор банальностей несли все — психологи, звезды и депутаты. А вот клоун взял да и рассказал историю из цирковой практики. Речь шла об артисте, который женился на женщине из труппы старше его лет на десять-пятнадцать. Кажется, ему еще не было тридцати, друзья отговаривали его от подобного брака. Дескать, ты через десять лет будешь еще «ого», а она, мягко говоря, не очень. Но они все-таки поженились.

* * *

Прошли десять лет, о которых говорили друзья. Он в самом деле как мужчина оставался «ого», соответствовала их предсказаниям и она. Но чудо заключалось в том, что он любил ее, и к нежности его отношения прибавилась бережность. И жалость — в необидном смысле.

Доброжелатели, как обычно, советовали разводиться или ходить налево по причине очевидной разницы в возрасте, но наш герой был верен своей подруге и отвечал: «Она же человек». Почти по-гоголевски — так Акакий Акакиевич в ответ на насмешки говорил: «Я же брат ваш».

* * *

Снимаю шляпу перед клоуном за историю о победе совести над гормонами. А еще мудрый клоун, который улыбается на сцене и, наверное, грустит за кулисами, сказал, что слово «блуд» указывает на блуждание, то есть неприкаянность. Не нашел себя человек, вот и блудит из стороны в сторону, из постели в постель, от эмоции к эмоции. А человеку нужно найти себя и успокоиться, потому что броуновское движение неприкаянного искателя счастья ранит всех вокруг и его самого впридачу.

* * *

Удивительно мы живем, подумалось мне тогда. Князья злодействуют и лекари калечат. От священника иной раз слова не услышишь, а на правую дорожку тебя скоморох наставит. Славянская непредсказуемость. Картина маслом.

* * *

И еще одну историю я вспоминаю, когда разговор заходит об ответственности за тех, кого мы приручили. Это я уже видел не на экране, а без помощи технических средств, перед своим собственным носом. Жила-была молодая и успешная в мирском смысле супружеская пара. Были деньги, был статус, были силы. Ребенок был. Один — потому как лучше одному всё дать, чем голытьбу плодить, так ведь? И вдруг хрустальный замок превращается в груду осколков. Причиной тому автокатастрофа. Мужа после аварии парализует. Сначала отнимаются ноги, потом болезнь поднимается вверх, угрожая полной беспомощностью. Жизнь превращается в кошмар. Поиск врачей, нехватка денег, массирование пролежней, утки, сиделки. Врагу не пожелаешь. И молодая жена вскоре говорит парализованному мужу несколько емких фраз: «Я еще молодая, я жить хочу». Хлопок дверью, и до свиданья.

* * *

Я соборовал и причащал этого мужчину, и лишь из этических соображений не называю его имени. У него на момент нашего знакомства уже была вторая жена. Это была хорошая женщина, хлебнувшая горя и брошенная своим первым мужем. Она связала свою жизнь с калекой. Они были нежны друг с другом и веселы на людях. Только морщины вокруг глаз указывали на то, чего им стоило улыбаться.

* * *

А что же первая? Та, что хотела жить и жалела пролетающую молодость? Вскоре она попала в автокатастрофу. Разбилась насмерть.

* * *

Самое время поразмыслить. Перебрать в уме кубики с надписями «случайность», «возмездие», «нравственный закон», «какой ужас», «так и надо». Дело в том, что жизнь, как бы кто-то ни желал делать ее похожей на глянец, кишмя кишит подобными примерами, они и есть лицо жизни без макияжа. Об этом надо говорить и думать. Тогда шансы остаться человеком хоть чуть-чуть, но увеличатся.

* * *

У нас в Православии нет венчальной клятвы, как у католиков. Но смысл имеющейся у них клятвы стоит знать. Брачующиеся перед лицом Бога обещают быть друг с другом вместе всегда: в болезни и здоровье, в молодости и старости, в бедности и богатстве. Мы этого вслух не произносим, но, несомненно, подразумеваем. Крепость брачного союза должна быть безусловной и вечной. Этого требуют и вера, и совесть. Это и есть настоящая жизнь, а не игры в погоне за миражами.

* * *

Вижу в памяти эпизод из «Иронии судьбы». Главный герой возвращается домой из Ленинграда, устало прислонившись к стеклу вагона, а за кадром звучат стихи. Это хорошие стихи.

С любимыми не расставайтесь,
Всем сердцем прорастайте в них.
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг.

УСЕКНОВЕНИЕ ГЛАВЫ

Люди, появляющиеся на страницах Евангелия, не похожи на нас. Так нам может показаться. Они не ездят в машинах, не разговаривают по мобильным телефонам. Они не носят носков. Как бы ни были дороги их сандалии, ноги у них голы. Под их одеждами (непривычно длинными) наверняка нет нижнего белья. У них есть деньги, но нет кредитных карточек. У них есть гостиницы, но в этих гостиницах нет ни душа, ни бара. На их дорогах не увидишь дорожного инспектора, их перекрестки не оснащены светофорами. Может показаться, что и мораль Писания, и тайны Писания устарели для нашего изменившегося мира, раз сам мир так сильно изменился с тех пор. Бьюсь об заклад, вы именно так и думали, хотя бы иногда. Это соблазнительные мысли. Если «огонь благодати погас», если прав Ницше и «Бог умер», то будем грешить, не мучаясь совестью. Не так ли?

В Писании есть сюжеты, совпадающие с современностью вплоть до неразличимости. (Шепотом и на ухо скажу, что всё Писание сливается с действительностью, хотя это и не всегда очевидно.)

Смерть Предтечи — вот иллюстрация современности.

Праздник, пьянство, обилие угощений. Танцы, умелые вихляния молодого неодетого тела, заразительный музыкальный ритм. Где-то ниже цокольного этажа, в темноте и сырости подвала — палач с мечом и невинная жертва.

Отвлекитесь от смерти Предтечи и согласитесь, что, взятые по отдельности, все компоненты этого евангельского сюжета до краев наполняют историю XX века. А раз XX, то и XXI, ибо сильна инерция истории, и кто совладает с нею?

* * *

В тот день, когда праведнику отсекли голову, Ирод праздновал день рождения. Праздники, плавно перетекающие друг в друга, — это признак нашей эпохи. Потеря смысловых ориентиров рождает незамысловатый «символ веры»: *станем есть и пить, ибо завтра умрем!* (1 Кор. 15, 32).

За столом можно сидеть (как мы), можно лежать (как Ирод), можно бродить между столов с бокалом в руках, если стол шведский. Это — детали. Суть не меняется.

Человек — существо словесное, даже если он — существо жующее. Есть и не разговаривать — противно природе. Празднуют богатые — говорят о бизнесе, о мировой политике, об интригах при дворе. Празднуют бедные — говорят о бессовестности богатых, о повышении налогов, о ценах на продукты. Но и те и другие, если это мужчины, говорят о женщинах.

Женщина появляется вовремя. Молодая, почти девчонка. Непременно — глупенькая,

верящая в то, что будет молодой всегда и будет жить бесконечно. Дочь царицы, она с детства привыкла к роскоши, а значит, к разврату. Для многих богатых разврат — это следствие роскоши. Для многих мечтающих о богатстве это средство платежа за роскошь. Можно и в дорогом дворце жить в чистоте и страхе Божьем. Но то был не тот случай.

Девица танцует в разгар праздника... В предложении «Она танцует» всего два слова. Но зато сколько страсти! Мужчины сыты и пьяны. У них развязано всё — языки, завязки одежд, мысли...

Посмотрите любой музыкальный канал. Это иллюстрация того, как танцевала дочка Иродиады. Конечно, иллюстрация сглаженная, более сдержанная, но... главное остается.

Главное — это эротизм, призывность. «Вот я, — говорит она. — Ты можешь меня коснуться, можешь до меня дотронуться, ты можешь и больше...» Такие танцы направлены не на прыщавых юношей. Их объект — дяди в возрасте отца, страдающие от одышки, лишнего веса и лишних денег в кармане. «Им не хватает любви. Я продам им свою любовь», — думают жадные, гордые, расчетливые юные прелюбодейки с гибким телом и томным взглядом.

* * *

Обжорство и блуд были фоном, на котором разыгралась драма убийства Предтечи. Любой современный ресторан, в котором заказан «корпоратив» и после полуночи должны появиться «девочки», абсолютно идентичен той

атмосфере, в которой был убит Проповедник покаяния. Пиршественная зала Ирода умудрилась клонироваться и размножиться в тысячах экземпляров. Современному человеку трудно понять, как жил святой Иоанн, но очень легко понять, как жили и что чувствовали те, кто молчаливо одобрил его убийство.

* * *

Желудок сыт, когда полон. Гортань не сыта никогда. Изобретатель излишеств отнюдь не желудок, а — органы вкуса: язык и гортань. Дорогие, редкие, экзотические блюда нужны не для поддержания жизненных сил, а для вкусового удовольствия.

В самый разгар пира к сытым гостям Ирода было принесено блюдо. На нем была не очередная перемена еды, но — голова Иоанна. Это — кульминационная точка любого обжорства. Когда сытость заставляет отрыгивать, а жадная гортань рождает фантазии на тему «чего бы еще съесть?», совершенно логично, хотя и жутко, перед пирующими появляется отсеченная голова праведника. «Чего вам еще не хватает? Вам этого мало? Крови захотелось? Нате, ешьте!»

Да, братья. Культура обжорства, с тыльной своей стороны, — это культура жестокости и кровожадности.

Смертные грехи так трогательно держатся за руки, будто дети-близняшки. Только лица у этих «детей» — словно из страшного сна или фильма ужасов. «Блуд» нежно держит за руку «убийство». Лучшее доказательство — история

Давида и 50-й псалом. Не верите Библии — поинтересуйтесь статистикой абортов. Зачатые от блуда дети расчленяются и выскабливаются из материнских утроб и без числа, и без жалости.

* * *

Богатство хотело бы быть праздным. Хотело бы, но не может. Богатство требует хлопот. Богатство рождает тревогу и страх. Оно требует забот по своему сохранению и умножению. Это, по сути, великий обман.

Все, кто хочет быть богатым, хотят этого ради беззаботности, легкости жизни и доступности удовольствий. Но именно этого богатство и не дает. Беззаботности и легкости в нем нет ни на грамм. А те удовольствия, доступ к которым оно открывает, часто превращаются в мрачные и безудержные оргии. Чтобы забыться. Чтобы доказать самому себе, что я — хозяин жизни и свободно пользуюсь ее дарами.

* * *

Богачи, пирующие до утра, знают, что они улеглись на отдых на краю обрыва. Вниз спихнуть их могут в любую секунду или «заклятые друзья-завистники», или кровные враги, или взбалмошный приказ верховного правителя. Мы все — бройлеры в инкубаторе, но богачи — больше всех. Если кого-то сегодня уже убили, то они первые вздыхают с облегчением: «Слава Богу, не меня. На сегодня лимит исчерпан. Можно веселиться спокойно».

Я думаю, что без всякого страха, без содрогания, без отвода глаз встретили голову Иоанна, несомую на блюде, те, кто возлежал с Иродом. После того, как обжорство и разврат обосновались в душе, ничто не препятствует человеку сделаться жестоким и хладнокровным к чужому страданию.

XX век, как говорил иеромонах Серафим (Роуз), лучше всего символизируется изображением Диснейленда и колючей проволокой ГУЛАГа, темнеющей на фоне этого аттракциона. Друг без друга эти явления не полны. ГУЛАГ не полон без Диснейленда. Диснейленд вряд ли возможен без ГУЛАГа. Связь между ними более прочна и органична, чем может показаться.

Развратная пляска малолетней девчонки, одобрительный гогот объевшихся мужиков и окровавленная голова Пророка, внесенная в зал на блюде, представляют собой не соединение отдельных автономных деталей, но некое органическое и страшное в своей органичности единство.

* * *

Наконец, сама смерть Иоанна — это смерть образца XX столетия с его фабриками смерти. Это смерть, напрочь лишенная всякой романтики. Ни горячих предсмертных речей, ни сотен сострадающих глаз, никакой публичности. Никакой иллюзии правосудия с прокурорами и адвокатами. Всё обыденно, дегероизировано. Всё выдержано в духе концлагеря, или коммунистических застенков, или холодного и расчетливого геноцида. На худой конец, всё —

в духе политического убийства, столь тщательно спланированного, что истинные заказчики будут известны не ранее Страшного Суда.

Палач привычно делает свою работу. Какая ему разница, что перед ним на коленях — Пророк, больший всех, рожденных женщинами. Руки связаны за спиной, стоит только нагнуть его пониже и откинуть с затылка длинные пряди слипшихся волос... Вот и всё.

* * *

Это очень современный рассказ. Богатые веселятся, девочки танцуют, праведник подставляет голову под меч. И всё как в классическом театре. Полное единство времени и места.

Кстати, о театре. Давно понятно, что есть пьесы, далеко шагнувшие за пределы своего времени. Где бы и когда бы их ни ставили, сердце зрителя содрогнется. «Что он Гекубе? Что ему Гекуба? А он рыдает». Таков Шекспир. Его можно ставить и экранизировать костюмированно, с погружением в эпоху.

Но можно интерпретировать его всечеловечески и сделать нашим современником. Так уже снимали «Ромео и Джульетту», где Монтекки и Капулетти живут в современном городе, ездят на машинах и стреляют из пистолетов. Так и «Гамлета» уже не раз экранизировали, одев короля в современный костюм и перенеся диалоги из коридоров замка в современный офис. Если сделать всё это талантливо, текст и смысл не страдают. Наоборот, общечеловеческая проблематика становится очевиднее и понятнее, когда конкретные исторические

одежки с пьесы аккуратно сняты и заменены на современные брюки и галстук.

Так нужно иногда поступать и с евангельскими текстами. Положим, назвать сотника «командиром роты оккупационных войск». Перевести все денежные единицы — пенязи, таланты, кодранты — в долларово-рублевый эквивалент. Мытаря назвать «инспектором налоговой службы», блудницу — так, как называют сейчас подобных женщин. На этом пути переименований, перевода с русского на русский многие вещи удивят нас своей свежестью и актуальностью. Некоторые так даже испугают доселе непримеченной очевидностью.

Если мы этим займемся, то историю казни Иоанна Крестителя перевести на язык современных понятий будет не очень сложно. Так уж получилось, что вся она соткана из вещей, виденных нами неоднократно или хорошо известных по книгам и выпускам новостей. Жаль, конечно, но так было всегда и так будет до скончания века.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Бедный, он всегда бедный. А вот чтобы человеку среднего достатка почувствовать себя бедняком, нужно зайти в большой магазин. Или маленький, но тогда — дорогой. Или в обычные магазины, но — часто.

Елки-палки, шел себе, ни о чем не думал, был доволен жизнью, и вдруг раз — и почувствовал

себя нищим. Ничего не хотел, пока ничего не видел. Потом вдруг увидел и всё захотел.

Так, я однажды гулял по одному городу в Прибалтике (какому — не скажу). Чуть не сказал «по одному небольшому городу», как будто там есть большие города.

Это уже была заграница. Уже были визы, таможенные сборы, декларации. А ведь я был там еще школьником. Ходил с экскурсией по всевозможным улочкам и соборам, дышал заплесневелым воздухом и впитывал впечатления.

А теперь оказался там опять на пару дней по личным делам и снова ходил по тем же улочкам, вспоминал детство и вглядывался в лица прохожих.

Ходить по магазинам я ненавижу. Выбирать, присматриваться для меня так же тяжело, как для приговоренного к повешению выбирать себе веревку. Но если уж я дорвусь до покупок — держите меня! Легче будет вытащить из-за стола с зеленым сукном заядлого картежника, чем меня оттащить от покупок. И накуплю же всякой дряни, так что месяц будет стыдно, но не успокоюсь.

Так было и в тот раз. Славянская моя душа презрительно отворачивалась от витрин и созерцала шпили соборов и порхающих голубей. Но так было лишь до первого захода в магазин. Стоило мне зайти в магазин мыла, как я вышел из него с полным кульком пахучего товара и без четверти денег в кармане. Потом был магазин сувениров, магазин янтаря, магазин с бальзамами (впрочем, я обещал не говорить, в каком городе был).

К вечеру, когда солнце лизнуло красным языком своим шпили церквей и черепицу крыш и закатилось на отдых, когда ночь вывела на улицу одних людей и накрыла других одеялом законного отдыха, я остался на улице чужого города. До поезда оставалось еще три часа.

Злой на себя за дурно растраченные деньги, я пошел на вокзал пешком. Есть и такое в славянской душе — проиграв миллион, экономить на спичках. И вот по дороге, когда до вокзала оставалось идти минут десять, увидел я магазин чая. Чай мне нужен был, как зайцу стоп-сигнал. Но привлекло то, что там люди не только покупали, но и пили чай.

— Здравствуйте.

Ни одна душа не отреагировала, как будто сговорившись. «Гады, националисты», — подумал я, и к букету испорченного настроения добавилась еще одна пикантная нотка.

— Можно чаю?

— Зеленого, черного? С жасмином, с бергамотом, с липой? С сахаром, с медом...

— С медом, — выпалил я, потому что понял: если продавщицу не прервать, то бесстрастно произносимый синонимический ряд товаров и услуг будет звучать до отхода моего поезда.

Она назвала цену и стала заваривать чай. Я прислонил к стене кульки и расстегнул пару пуговиц на плаще.

Через минуты две чай мне подал юноша, лет шестнадцати, голубоглазый и курчавый, похожий на мать.

— Ваш сын? — спросил я от нечего делать.

— Да, — буркнула хозяйка, давая понять, что не хочет ввязываться в разговор.

В это время дверь хлопнула, и из посетителей магазина остался я один. Было уже довольно поздно.

— Вы гость? — неожиданно спросила она, энергично вытирая прилавок.

— Да, — ответил я, тоже давая понять, что не желаю ввязываться в разговор.

— Вам понравился наш город?

— Ужасно, — сказал я, и в этих словах не было ни капли неправды.

— Вы купили, я вижу, много подарков. Может, купите у меня несколько пачек чаю? Есть чай из Цейлона, Индии, Китая...

— Нет, нет. Поверьте, я люблю чай, но сильно растратился и не могу купить ничего, кроме постели в поезде.

— Ладно, — сказала хозяйка и продолжила остервенело и молча протирать прилавок.

Лимон плавал на поверхности, чай дымился, а я дул на него, потому что не умею пить горячее.

— У вас есть дети? — спросила вдруг хозяйка.

— Да. Двое. Девочки.

— Вы счастливый человек.

— Согласен. Но ведь и вы счастливы. У вас есть сын.

— Мой сын... — она произнесла эти слова мечтательно и мягко. Потом, будто вспомнив, что здесь посторонние, добавила сдержаннее: — Это мое счастье и моя опора. Вы похожи на доктора, — продолжала она. Я пожал в ответ

плечами. — И мне хочется поделиться с вами тем, что лежит у меня на душе.

— Я — незнакомый вам иностранец.

— Тем лучше. Вы никому не расскажете, и, может, никогда больше не будете в нашем городе.

Я пил чай, а она продолжала:

— Я хотела его убить. Его отец бросил меня, и я решила сделать аборт. Подруга договорилась с доктором, тетя дала денег, и я пошла в больницу. Мне было лет двадцать. Никто ни о чем ни разу не говорил со мной серьезно. Что я могла понимать? И вот я вхожу в кабинет, ложусь по приказу на кресло... (Она всё трет уже сияющий прилавок и, не поднимая глаз, продолжает рассказ. Из подсобки слышно, как моет стаканы и что-то мурлычет под нос ее сын.)

— А за окном больницы — храм. И там начинается служба. Был какой-то праздник. И вдруг начинают звонить колокола! Звон врывается в кабинет, а я лежу на кресле с расставленными ногами. Доктор гремит рядом своими хирургическими инструментами... И вдруг какая-то сила подбрасывает меня на ноги, я одеваюсь на ходу и пулей вылетаю из кабинета. Этот звон стоит в моих ушах до сегодняшнего дня. Я слышу его каждый раз, когда смотрю на моего мальчика. Страшно подумать, что его могло бы не быть рядом со мной.

Мой чай остывал. Я пил его и смотрел на женщину, которая, казалось, разговаривала сама с собой и вытирала прилавок.

— Спасибо. Мне пора на поезд.

— Жаль, что вы ничего не купили у меня для своих девочек. Но все равно, будьте здоровы.

Я вышел из магазина и поспешил на вокзал.

В поезд я вошел за две минуты до отправления.

ЖИЗНЬ — НЕ ШУТКА

Размышления священника о женско-мужской дружбе

После грехопадения вражда вошла в человеческое естество. Человек взбунтовался против Бога. Природа взбунтовалась против человека. Внутри человеческой природы муж восстал на жену и жена воспротивилась мужу. Дети презирают отцов и отцы перестали любить рожденных ими. Весь мир пришел в блудное и неистовое брожение. С тех пор нормальные отношения невозможны.

В нынешнем нашем состоянии дружба между мужчиной и женщиной невозможна. Я плачу от этих слов. Я хотел бы дружить с сотнями женщин, не замечая их женственности. Но я не могу. Если ты можешь — ты или дурак, или Антоний Великий, причем не вошедший в подвиг только, а уже вышедший из него. Антонию Великому я готов мыть ноги и пить после этого воду. Но мимо дурака, считающего себя бесстрастным, я готов пройти не здороваясь.

Дальнейший наш разговор раздваивается. Мнящим о себе, что они чисты, нужно перевернуть страницу. Тот, кто знает о себе, что он грешник, пусть читает дальше.

В вечерних молитвах мы читаем: «семя тли во мне есть». Евангелие от Марка говорит о том, как растет семя: оно растет до времени неприметно для того, кто его в себе носит. И лишь потом выращивает из себя зелень и колос в зелени. Это справедливо и по отношению к греху, и по отношению к праведности. Если ты не грешил блудом, не факт, что ты целомудрен. Грех мог спать, и некому было разбудить его. Если ты не был жаден, не факт, что ты останешься добрым, если вдруг станешь владельцем сокровищ. В общем, если тебя не жгло то или иное искушение, Боже тебя упаси думать, что ты свободен от этого. Просто для этого огня солома в тебе еще не высохла.

Монахи, уходившие в пустыню и десятилетиями томившиеся в огне сладострастия, разве были развратнее прочих людей? Конечно, нет. Они испытали томление человеческой природы, которая противится греху, живущему в ней. Сам ад восстал на них, и они победили ад внутри своего немощного тела. Кому-то может показаться, что эти подвижники, не желавшие прикоснуться даже к руке матери, боявшиеся женщины больше, чем огня, сексуально озабочены или что-то в этом роде. Таковые пусть знают: подвижники, обнажая сердце, сходили на такую глубину бытия, на которой всё тайное становилось явным. Там припудренные флером приличий страсти становились явны, там змееныши становились драконами, а отцы боролись с ними. Дурачье, целующее женщину в шейку и не возбуждающееся от этого, — это именно дурачье, сошедшее во глубину ада и не чувствующее этого.

Обычный человек на такую глубину не ныряет. Хоть ваша дама и носит жемчуг на груди, но на глубину обретения жемчуга нырнет едва ли. Так же и вы, знающие о жизни великих, сами едва ли поймете, какова эта жизнь по опыту. От нас требуется хотя бы знать о том, что на глубине дышать тяжело, и воздух расходуется быстро, и разные морские животные угрожают твоей жизни, — то есть о том, что там жизнь другая, и пожаловаться некому. Такова же и жизнь духа. Те, кто лучше нас, оставили нам некие правила или межевые знаки — куда не ходить, чего беречься.

Один из этих межевых знаков написан черным по белому: «с женщиной не дружи». Ты хихикнул? Ты мне не веришь? Я тебе заранее сказал, что я — слаб и грешен. Но прислушайся к голосу слабого грешника. Один из генералов, на заре моей юности общавшийся со мною, говорил так: «брось шутить, брось мечтать, все пути ведут в кровать». Это не пошлость. Это правда, хоть и по-армейски прямолинейная. Вперед, мой целомудренный брат! Дерзай и хлебай баланду жизни, пока не поверишь.

Святые сказали, что когда человек находит свою половину, весь мир теряет признаки пола. У «него» есть «она», все остальные — просто люди. Брак спасает от всемирного разлияния в блудную лужу. Сродни браку — монашество. Кроме этих двух уздечек, мне неизвестны иные способы уцеломудрить и взнуздать человечество. Причем молодой жених или неопытный монах могут валять дурака в разговорах с противоположным полом. Это — промас-

ленная пакля, не знающая о своей горючести. Добрый муж и искусный монах бегут от всего того, что иного пола, что не от твоей плоти.

Если тех, кто лучше нас, жгло то, от чего и нам стыдно, то куда же деваться нам, живущим в миру? Да никуда. От перемены места жительства ничего существенно не изменяется. Нужно знать духовные законы. Знаем же мы законы вроде «сунь пальцы в розетку — ударит током». Должны знать подобные — «дерзнешь на запретное — будешь сильно наказан». В том-то и подвиг: мир влечет к себе, а ты боишься Бога.

«И что же нам делать, о чем же нам петь, над чьими плечами моя голова?»

Конечно, парням и девушкам нужно общаться. По великому счастью, в реальной жизни молодые люди вовсе не так развратны, как их сверстники в телевизоре. Те, последние, знакомятся быстро и тут же начинают раздевать друг друга. А эти, настоящие, стыдливы и боязливы. Они боятся лишнее сказать и случайно прикоснуться друг к другу. Закон совести гораздо более могуществен, чем это кажется многим. И молодежь реальная всегда лучше, чем та, образ которой маячит в новостях. Поэтому нужно дружить, и общаться, и с трепетом, вспотевшею рукою держаться за руку подруги. Нужно идти на первый поцелуй как на воздушный таран с неприятелем — с ужасом — и в ожидании смерти. Нужно быть готовым драться до смерти со всяким человеком, посягнувшим на честь твоей невесты. Нужно, чтобы жизнь оставалась жизнью, а разврат струился

гнойным ручейком, как тот ручей из помойной ямы, что всегда струится на задних дворах деревенской хаты. Он всегда был, но никогда не тек по главной улице.

В общем, я бы не давал паскудству того места, которое оно хочет себе вытребовать. Оно как было в ночном горшке, так в нем и осталось. Всуе ему желать размазаться по всему лицу мироздания. До прихода антихриста не будет такого.

Нам нужно постараться докопаться до той глубины, на которой Ромео и Джульетта не будут смешными и на которой первый поцелуй будет сродни — из окопа в атаку. То есть нужно дойти до тех живых глубин бытия, на которых живое остается живым и рождается с трепетом, а не превращается в паскудную привычку на манер жевания фаст-фуда.

Юноши, бойтесь девушек и трепещите перед их для вас неисповедимой тайной.

Девушки, дорожите собой и не меняйте целый рубль на сто монет по копейке.

Мы все участники тайны. За то, как мы к ней относились, Великий Бог спросит нас в последнюю секунду мира. И жизнь — не шутка. Это — подвиг. Мальчики и девочки, подумайте об этом.

БОЛЕЗНЬ И ГРЕХ

Прочная связь между болезнями и грехами утверждается в Евангелии почти на каждой странице. Достаточно вспомнить слово, сказанное при Овчей купели: Иди и *не греши боль-*

ше, чтобы не случилось с тобою чего хуже (Ин. 5, 14). Или исцеление расслабленного, которое Христос совершает не раньше, чем простив человеку грехи (см. Лк. 5, 23). Евангельская логика проста, как всё, исходящее от Бога: будь мы безгрешны, мы были бы и бессмертны; будь мы бессмертны, мы бы и не болели.

Творец мира, одевшись в человеческую плоть, являл Свое доброе всемогущество, **прощая грехи, исцеляя болезни, воскрешая мертвецов.** Все эти три вида мессианской деятельности неразрывно связаны и равно необходимы, поскольку человечество именно **грешно, смертно и болезненно.**

Если бы Христос не делал хотя бы что-то одно, стройность Его дел была бы под угрозой, Божественность Его посланничества была бы под сомнением. Если бы Он только исцелял, не воскрешая, смерть сохраняла бы свою молчаливую тиранию, и всякий умеющий думать отказался бы признать в исцелении истинное благо, раз смерть по-прежнему сильна. Еще хуже было бы, если бы Христос исцелял, ни слова не говоря о грехах. Он весьма польстил бы испорченному человечеству, которое и по сей день готово сказать: «верните мне здоровье, но не спрашивайте меня о грехах». Христос не сделал этого. Его любовь не соскользнула к вседозволенности. Он научил нас на боль физическую и на нравственную грязь смотреть сразу, одним взглядом охватывая то и другое.

Человека нельзя избавить от страданий, не изменив его при этом так, чтобы он стал бессмертным. А бессмертие возможно только для

безгрешного существа. Потому и отогнал Господь согрешившего человека от Древа Жизни, чтобы не стал человек **злом бессмертным**. Как ни странно это звучит, но для грешника смерть — объективное благо. Бог не хочет увековечить человека в его оскверненной данности, но хочет прежде исправить и очистить его, а уж затем даровать бессмертие.

* * *

Теперь окунемся в действительность, покинув высоту умозрений. Мы болеем и будем болеть, пока не отдадим рано или поздно с последним выдохом душу в руки Создателя. Болея, мы бываем раздражительны, нетерпеливы и малодушны. Весь мир тогда сжимается для нас до размеров пульсирующего зуба, раскалывающейся головы, ноющей печени. И мы ищем избавления от страданий. Как хорошо, что в регистратуре или в приемном покое нам не напоминают о связи между грехами и болезнями. Как хорошо, что из окошечка не высовывается лицо регистратора и не обращается к нам с хитрым прищуром: «Что, милый, допрыгался?» Наша медицина лечит болезни, не рассуждая об их нравственных первопричинах. И это хорошо. Хорошо, что доктор — обычный грешник, и ему в голову не приходит вгонять пациента в краску, устраивать исповедь или читать мораль. Духовные вопросы остры. Неумелое обращение с ними способно более навредить, чем помочь. Поэтому и хорошо, что логика поликлиники не совпадает с логикой Литургии и прочитанного Евангелия.

* * *

Эта шизофрения двойных стандартов грозит превратиться (а может, уже превратилась) в приобретенное уродство, в родимое пятно нашей жизни. Узнавая правду и не умея воплотить ее в жизнь, не умножаем ли мы тем самым и без того до краев налитую чашу внутренних страданий? Стоит ли узнавать правду, причем правду вечную, чтобы остаться при своей обычной лжи? Может, об этом сказал Соломон: *кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1, 18)?

* * *

Я остаюсь при той мысли, что автономность медицины от Евангелия имеет свои плюсы. Но христианскую логику я сам должен внести в историю своей болезни и своего выздоровления. Пусть доктор говорит, что «еще поживем», пусть сестра по дороге на операцию повторяет ободрительные мантры. Я-то сам прекрасно знаю, что в выздоровлении и продолжении жизни смысл есть только тогда, когда есть намерение жить лучше и стать чище. Многое зависит от врачебного искусства и качественных лекарств. Но Хозяин жизни будет решать судьбу больного еще и с той точки зрения, захочет или не захочет больной сделать из болезни нравственные выводы. «Я буду жить?» — спрашивает пациент. «Жить-то будешь, но как и для чего? — спрашивает в ответ, как мне кажется, Хозяин жизни. — Если как прежде или даже хуже, то зачем?»

* * *

Связь между **болезнями** и **смертью** кажется очевидной. Связь между **грехом** и **смертью** следует осознать благодаря Евангелию и первым главам книги Бытия. Когда первые две связки станут понятны, останется выяснить теперь уже неизбежную связь между **болезнями** и **грехом**. Ну и, наконец, самое главное. Победителя этого триединого, сплетшегося до нерасторжимости змеиного клубка зовут — Господь Иисус Христос.

НЕ ОСУЖДАТЬ

Есть подкупающие простотой слова о том, как избежать строгого и неизбежного Суда Божьего. Знают их многие, в том числе и те, для кого чтение и слушание Евангелия не является главным занятием жизни. Вот эти слова: *Не суди и не будешь судим.* Или, что то же: *Каким судом судите, судят вам; какой мерой мерите, отмерят вам.* Смысл второго слова равен смыслу первого, поскольку если ты отказался от строгости в отношении чужих грехов, то смеешь надеяться на милость к себе со стороны Бога.

Простота Евангелия не отменяет его глубины и сложности. Во-первых, мы не имеем права путать добро и зло, уравнивать их и, по причине боязни впасть в осуждение, отказаться от нравственных оценок. Без понимания, что такое «хорошо» и что такое «плохо», жизнь человеческая вряд ли вообще возможна. Чтобы,

по слову псалма, уклониться от зла и сотворить благо (Пс. 33), нужна и нравственная чуткость, и опыт, и способность к здравым суждениям. «Не суди» вовсе не должно означать «перестань думать» или «перестань отличать добро от зла».

Человек, Который в высшей степени был чуток и непогрешителен в вопросах греха и праведности, был *человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5). В Его учении не было ласкательства, лицемерия, человекоугодничества. Даже враги говорили о Нем: *мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице* (Мф. 22, 16). Христос, таким образом, более кого бы то ни было имел право строго относиться к грешникам. Однако именно из Его уст раздавалось: *и Я не осуждаю тебя* (Ин. 8, 11), и удивительная молитва за распинателей была произнесена Им на голгофском Кресте.

Научиться не осуждать можно только у Иисуса Христа. Если мы научимся этому, то на деле исполним Павлово повеление: *в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе* (Флп. 2, 5). В этих чувствованиях неминуемо должны соединиться сострадательная любовь к грешащему человеку и мысленное неотождествление грешника с грехом. Человек — не изобретатель греха, а жертва. Грех обесчестил, обезобразил человека, но не истребил Божественного образа. Так смотрит на человека Христос. Если хотим не судить, придется этому взгляду научиться. Если ум не

имеет навыка осуждающе реагировать на происходящее вокруг, значит, мысль о Боге от ума неотлучна.

Исполнение заповеди «не суди» не означает прекращения мыслительной деятельности. Наоборот, это — пик мыслительной деятельности и умного труда. Поможет и память о своих грехах, глубокий вздох о которых всегда уместен. Поможет понимание того, что Знаток сердец человеческих и Царь мира — Господь один только может произнести безошибочный приговор человеку. Он один знает, кто мог исправиться и не исправился, а кто не сделался лучше, потому что не мог. Он знает и коварство диавола, и слабость человека, и прилипчивую тяжесть обстоятельств, и еще много того, от чего зависит правильный суд и что сокрыто от глаз человеческих.

Редко говорится о том, что косвенным осуждением может явиться похвала. Вы можете восторженно хвалить знакомого доктора, священника, школьного учителя, а между строчек этой похвалы будет угадываться порицание в адрес других священников, докторов, учителей. Это может звучать: дескать, вот этот, да, великий человек, а тот, так — мелочь. Это может и не звучать, но подразумеваться, и выходит, что заповедь о неосуждении усложняется, и что даже в похвалах мы должны быть сдержанны и внимательны.

Неоценимым подспорьем для уменьшения грехов является сознательное бегство от сплетен. Стоит перестать вникать в дела, которые лично тебя не касаются, стоит пресечь празд-

ное любопытство, как костер осуждения лишится большей части дров и начнет погасать.

У нас составился словесный портрет человека, которому по смерти Христос ничего осуждающего не скажет, но, указав на райские врата, скажет: «Заходи». Это человек, напрочь лишенный праздного любопытства. Для слушания чужих тайн у него не было ушей, и для разговоров о чужих грехах его язык был не приспособлен. Свои грехи он помнил. Слова Давида *грех мой всегда предо мною* для него были не просто словами. Когда на весы мыслей ложились грехи людей, на вторую чашу тут же опускалась память о милости Бога и Крови Нового Завета. Он *поучался в законе Господнем день и ночь*, хотя ничто снаружи не выдавало в нем подвижника, и людям он казался лентяем, или никчемой, или «ни рыбой ни мясом». Да он и был никчемным человеком, который не одевал нагих, не спал на полу, не преуспел в посте, не научился молиться огненно и чудотворно. Все его силы ушли на внутреннюю борьбу со своим неразумным сердцем, которое всю жизнь порывалось украсть у Бога царское достоинство, чтобы развешивать на всех свои ярлыки. Этого он сердцу не позволил. Насколько тяжело ему далась эта внутренняя работа, нам, любителям осуждения, сказать трудно. Но Христос, обещавший не судить того, кто не судил, просто и без Суда скажет этому человеку: «Заходи» и укажет на жемчужные ворота в золотой стене.

ЭДИТ

В центре парусного корабля возвышается мачта. А в центре европейского города возвышается шпиль собора. Соборный колокол пугает по воскресеньям птиц и мешает спать тем, кто не любит молиться. Вокруг собора, чаще всего — квадратом, расположена площадь. В зависимости от времени года она бывает то местом народных собраний с духовым оркестром и выступлением мэра, то местом оживленной торговли. Во все стороны от площади убегают узенькие улочки. Дома на них стоят столь близко, что солнечный луч бывает редким гостем на стенах первых этажей. Сыростью и древностью пахнет на этих улицах, если, конечно, хозяйка не вылила прямо перед вашим носом грязную мыльную воду или кухонную лохань с рыбьей чешуей. Сейчас такое случается редко, но раньше...

* * *

Та история, которую я хочу рассказать, случилась именно «раньше». Это было между двумя мировыми войнами, которые, по правде, стоило бы назвать бойнями. Жизнь была бедная, злая и неуверенная. Люди в те годы стали криво ухмыляться при слове «честность» или «благородство». Многие понятия испарились, всем не хватало денег, все не доверяли друг другу и на ночь крепко запирали двери. В городском храме службы шли регулярно, и люди ходили на них регулярно, но это была холодная регулярность. Точно так же и

стрелки часов на башне ходят по кругу, оставаясь мертвыми.

Впрочем, было в этом городе несколько человек, которые по временам молились очень истово, со слезами и подолгу. Это были несколько «девочек» из заведения мадам Коко. Да, господа! В каждом европейском городе, наряду с парикмахерскими, кафе и ателье верхней одежды, непременно есть хотя бы один дом, войти в который можно по одной лестнице, а выйти — по другой. Это — дом свиданий, веселый дом, или публичный. Называйте как хотите. Если есть человеческое жилье, то могут быть и паразиты: грызуны, насекомые... Если есть цивилизация, то есть и одно из ее проявлений — древняя язва, неистребимое зло, проституция. Как-то окунувшиеся в разврат, кем-то обманутые, часто задавленные нуждой, женщины, живущие в таких домах, никогда не остаются без работы. Потому-то и не совпадают там зачастую вход и выход, что незачем, краснея, встречаться в дверях соседу с соседом или профессору со студентом.

* * *

Жизнь в этих домах начинается тогда, когда в обычных жилищах мамы рассказывают детям на ночь сказки. А когда те же дети просыпаются утром и мамы выливают за дверь в канаву содержимое их ночных горшков, в тех домах наступает мертвая тишина. Неестественная жизнь имеет свой неестественный график. Во всем доме только несколько человек с наступлением утра вели активный

образ жизни. Это сама мадам Коко (никто не знал, когда она спит), уборщица и сторож, он же дворник и вышибала. Уборщица, мадам N, мыла полы, громко шлепая мокрой тряпкой. Сторож, мужчина лет сорока, в прошлом цирковой акробат, молча курил в углу прихожей. Рядом с ним, беззаботно болтая не достающими до земли ножками, сидела его дочь. На вид ей было лет шесть. Это было щуплое, слабо развитое дитя, похожее на маленького воробышка. Звали ее грозно. Звали ее так же, как звали когда-то умную женщину, спасшую свой народ от врагов. Во многих галереях мира вы при желании увидите разной кистью и в разные времена написанные картины под названием «Юдифь с головой Олоферна». Девочку звали Юдифь, но на языке ее страны имя звучало несколько иначе — Эдит.

Картинной галереи в их городе не было. Но даже если бы и была, Эдит не смогла бы посмотреть на картины с изображением своей знаменитой тезки. Эдит была слепа. Ее глазки смотрели прямо перед собой, но ничего не видели.

* * *

Женщины в доме мадам Коко девочку очень любили. Вся нерастраченная жажда семьи, материнства, вся жажда дарить, а не продавать любовь изливалась на эту слепую девочку. Ее тискали, прижимали к груди, ее носили на руках, причесывали, ее баловали сладостями.

«Если бы можно было купить ей новые глазки, я не пожалела бы всех своих денег», — говорила подругам долговязая Элизабет. Ее

собственная дочь жила в другом городе у бабушки.

«Мы бы все не пожалели», — вторили ей женщины. Их любовь к Эдит была неподдельной. В этом доме, где грех обжился лучше любой ласточки, забравшейся под стреху, маленькая Эдит, казалось, воплощала ту нормальную жизнь, где женщина вечером ложится в постель к мужу и просыпается утром.

* * *

Я уже говорил, что «воспитанницы» мадам Коко временами молились горячо и подолгу. Обычный человек вряд ли поймет, что такое молитва проститутки. Да лучше бы ему этого и не понимать. Но ведь Страшного Суда еще не было. И не мы, а Христос, Тот Самый, Который распялся за нас, будет этот Суд вершить. Эти женщины тоже любили Спасителя. Любили хотя бы за то, что Он не карает их немедленно, не испепеляет после очередного греха, но терпит и продолжает ждать. Вера жила в них на самом дне сердца, и они стыдились выпячивать ее наружу. Но иногда волны раскаяния начинали вздыматься, и дно души обнажалось. Тогда слезы лились рекой, и горькие вздохи нельзя было слушать без содрогания. Это бывало не часто и не у всех. Но это бывало, видит Бог, бывало.

В том городе, где человек зарабатывает на жизнь в ночном заведении, он вряд ли часто будет молиться в местном храме. Особенно если городок мал и все лица знакомы. Но неподалеку от этого городка был другой, кажется, Лизье. В этом городе был монастырь, а в мона-

стыре — мощи древней святой подвижницы. Святыня привлекала в обитель толпы паломников, среди которых было легко затеряться. Туда и ходили время от времени молиться и долговязая Элизабет, и курносая Жанна, и еще несколько их подруг по ремеслу и несчастью.

* * *

Есть, конечно, вещи, которые трудно забыть. Но чаще всего забывать легче, чем помнить. Никто уже не вспомнит, как и когда к необычным паломницам пришла мысль согласно и усиленно молиться Господу о даровании зрения маленькой Эдит. Но ведь не родились же эти женщины сразу проститутками. У них были обычные матери, и эти матери читали своим дочкам Евангелие. Даже если они были неграмотны, они пересказывали своим дочерям то, что слышали в церкви. Так или иначе, обещание Спасителя исполнить любую просьбу, которую двое или трое согласно принесут Отцу во имя Его, падшим женщинам было известно.

Солнце уже встало, но еще не начало печь, когда аккуратно и скромно одетые трое «воспитанниц» мадам Коко уходили из города в направлении ближайшей обители. Рядом с ними, смешно перебирая ногами и держась за руки взрослых, шла Эдит.

* * *

Существует одно старое и святое предание о некой блуднице, которая, возвращаясь домой после совершенного греха, увидела мать, ры-

дающую над только что умершим младенцем. Сострадание прожгло сердце падшей женщины. Невыносимую боль этой матери она почувствовала как свою и начала молиться. Она, конечно, знала, кто она; знала, как не любит Бог разврат сынов и дочерей человеческих. Но боль сострадания покрыла собою всё, отмела стыд, прогнала сомнения, зажгла веру. Настойчивой была молитва и краткой...

Краткой, потому что после нескольких горячих просьб блудницы Господь ответил чудом — Он оживил дитя. Дивны дела Твои, Господи!

Боже вас сохрани не верить в правду подобных историй. Это значило бы, что вы презираете грешников и не верите, что Бог может слушать их молитвы. А может быть, вы вообще не верите в силу Божию?

Лично я верю, верю и в то, что было очень давно, и в то, что было гораздо позже. А позже было вот что.

* * *

Три дня спустя по дороге из монастыря в город возвращались три женщины из дома мадам Коко. С ними, держась за руки взрослых, возвращалась маленькая Эдит. Она уже не смотрела прямо перед собой невидящими глазами. Она то и дело вертела головой в разные стороны и смотрела впервые на придорожные деревья, на птиц в небе, на прохожих, идущих навстречу. Девочка возвращалась зрячей. Она еще не привыкла к такой значительной перемене в своей жизни и удивленно снизу вверх заглядывала в лица своих старших попутчиц. А

те отвечали ей полными любви взглядами. Глаза у всех троих были красными от слез, а лица сияли счастьем.

* * *

Если эта история не на сто процентов совпадает с действительностью, то неточности будут касаться лишь мелких деталей. По сути всё сказанное — правда. И правда эта тем более очевидна, что девочка, прозревшая по молитвам падших женщин, известна всему миру. Помните, в начале рассказа мы сравнивали ее с маленьким воробышком? Именно с этим прозвищем ее знал впоследствии весь мир. Эдит Пиаф — ее сценическое имя. «Хрипящий воробей» — шутливо называли ее французы. «Пиаф» на парижском жаргоне как раз и означает «воробышек».

МЫСЛИ О ПОКАЯНИИ

Покаяние — это заповедь. *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15). Заповедь же дается на всю жизнь. Сказано: *приимите, ядите, сие есть Тело Мое* (1 Кор. 11, 24). Значит, не один раз надо причаститься, но причащаться всю жизнь: или доколе Господь отсюда призовет, или *доколе Он придет* (1 Кор. 11, 26). Нельзя сказать: «Я однажды выполнил заповедь». Заповедь должна исполняться постоянно. Поэтому нельзя сказать: «Я однажды покаялся. Больше каяться не в чем». Но нужно говорить: «Я обратился и покаянием вошел в Церковь.

Продолжать же каяться буду всегда, ибо есть в чем».

* * *

К покаянию понуждает испорченная наша природа, и сам грех есть не столько нарушение данных правил, сколько гной, текущий из отравленного источника. Чтобы грех не мучил и не собирал с человека дань в виде «мертвых дел», нужно совершенно преобразиться. Поэтому Преображение — самый важный праздник после Пасхи и Рождества. Поэтому всякий может повторить вслед за Апостолом: *не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю.* И еще: *не я делаю то, но живущий во мне грех* (Рим. 7, 15, 20).

* * *

Грехом и смертью поражена и заражена вся природа человеческая. Отдельный человек, будучи неповторимой личностью, есть также и носитель общей природы. Пока хотя бы один представитель человечества болен грехом, никто, будучи человеком, не может быть вполне от греха свободен. Грех — общий враг и общая беда. И не только люди, но и *вся тварь совокупно стенает и мучится доныне* (Рим. 8, 22).

Без Христа мы совершенно беспомощны в этой борьбе. *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим* (Рим. 7, 24—25).

Покаянные труды есть усвоение плодов Христовой победы.

* * *

Грехи различаются тяжестью и количеством, но не нам, грешникам, их измерять. Любые наши долги неоплатны. *У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят* (Лк. 7, 41). Но платить обоим было нечем, и прощать нужно было обоих. Условно говоря, один торговал наркотиками, а другой обвешивал на базаре, торгуя черешней. Но ни тому ни другому платить нечем. В милости нуждаются оба.

Покаяние — всечеловеческое занятие.

* * *

Входить ли в точное и подробное перечисление грехов? Классифицировать или анализировать их? Этот вопрос тревожит не одну христианскую совесть. Истинное покаяние чувствительно к тончайшим действиям греха, но чуждо мелочности. Вытирая пыль, мы не считаем пылинки. Математическая точность в перечислении грехов не равна покаянию. Покаяние — это, скорее, слезы без слов, чем много слов без слез. Блудница, омывшая ноги Христа слезами и вытершая волосами головы, услышала: «Прощаются тебе грехи твои», — хотя подробного исповедания она не принесла.

* * *

У воцерковленного человека есть соблазн заменить борьбу с собой, искоренение гордыни и самолюбия на своеобразное «отцеживание комаров». Оставаясь тяжелым и вздорным,

или ленивым, или склочным человеком, христианин, оставив *первую любовь* свою (Откр. 2, 4), то есть первую радость о Господе и первые слезы, заменяет христианскую жизнь на псевдохристианскую мелочность. Жить с ним рядом легче не становится, но сам себя он может мнить подвижником.

* * *

Бог знает о нас всё. Если мы не до конца облысели, то, причесываясь, снимаем с расчески некую часть оставшихся на ней волос. Мы не считаем их и почли бы за глупость заниматься таким подсчетом. Но Бог посчитал то, что мы не посчитали, ибо у Него *власы главы нашей изочтены* (см. Мф. 10, 30). То же касается и грехов. Вряд ли нужно знать о себе всё, что знает о нас Бог. Это невместимо и непереносимо. Мы идем на покаяние, движимые внутренней болью. Идем к Тому, Кто *больше сердца нашего и знает всё* (1 Ин. 3, 20).

* * *

Нужно наставление в заповедях. *Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай* (Рим. 7, 7). Но не нужно карикатурно копировать великих отцов древности и пытаться «отполировать» душу до зеркального блеска с помощью внутреннего делания. К этому способно очень мало людей даже внутри монашествующих. Нужно быть максимально честным по отношению к себе, не «лезть на небо с ускорением», не мечтать и воевать с господствующей страстью.

* * *

Враги человеку — домашние его (Мф. 10, 36). Это не только родственники по плоти. Это и те страсти, те грехи, с которыми сроднился человек, которые человек считает неотъемлемыми от себя и потому не борется с ними.

Покаяние — это объявление себе войны, причем войны с той страстью, которая заметнее всех и находится на поверхности. Покаяние — это именно война с собой, а не изучение в период поста товарных этикеток на предмет наличия в продукте сухого молока.

* * *

Общее число заповедей, данных Богом через Моисея, — 613. Книжники выяснили, что 365 из них являются повелительными и соответствуют числу дней в году. А оставшиеся 248 являются запретительными и соответствуют числу костей в теле человека. Всё это и свято, и важно, и удивительно. Но сознание Ветхозаветной Церкви тревожилось вопросом: какая заповедь бóльшая? Ведь не могут быть равнозначными заповеди о почитании родителей и о пришивании кистей на края одежды! Однако и то и другое — от Бога. Поэтому с вопросом «что важнее?» подходили ко Христу книжники. Он отвечал, да и они в ответ на его вопрос говорили, что бóльших заповедей две: всецелая любовь к Богу и любовь к ближнему, равная любви к себе. И то и другое невозможно без покаяния.

* * *

Покаяние примиряет человека с Богом. *Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте: смех ваш да обратится в плач, и радость — в печаль. Смиритесь пред Господом, и вознесет вас* (Иак. 4, 8—10).

Покаяние примиряет человека с ближними. Кающийся в своих грехах не замечает чужих грехов, перестает осуждать, никого не мнит быть хуже себя. Отсюда — открытая дверь для деятельной любви и добрых дел.

Без покаяния служение Богу — лицемерие, любовь к ближним — льстивое и тщеславное человекоугодие.

* * *

Евреи считали себя семенем Авраама и людьми свободными. Они считали себя близкими Богу, Христос же говорил: *вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели; и не имеете слова Его пребывающего в вас* (Ин. 5, 37—38).

Мы считаем себя людьми кающимися, но всё может статься, — что покаяния истинного в нас нет ни на спичечную головку, но всё подменено досадными мелочами, скрывающими отсутствие любви.

* * *

Покаяние ровняет путь. Оно наполняет низины и срезает холмы. Оно одно приводит ко Христу. Если по пути покаяния человек пришел ко Христу, то он отныне должен предсто-

ять Христу. Это предстояние тоже будет называться покаянием, хотя это будет иной его вид.

Великие отцы рыдали, стенали и слезили всю жизнь. Их слезы были пролиты не столько о фактах, сколько об общей порче, не только о себе, но и о других.

Мы сами, имея начаток духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего (Рим. 8, 23).

* * *

Покаяние далеко выходит за рамки исповеди и способно охватить собою всю жизнь. Только не думайте, что истинно кающегося человека можно будет заметить за версту по унылому виду. Нет. *Истинно кающийся человек боль сердца своего спрячет и явит людям свое светлое и умытое лицо, по заповеди* (см. Мф. 6, 17 — 18).

* * *

Не удастся принести Богу покаяние и плоды, достойные покаяния, без помощи Самого Бога. Молитва Златоуста: «Даруй мне благодать Твою, да прославлю Имя Твое святое» — в отношении покаяния уместна как никогда.

Пока продолжается эра милосердия и не наступила эра воздаяния, пока открытые Христом двери Им еще не затворены, нужно поспешить «разорвать сердца свои пред Господом». Только нужно делать это честно, мужественно и не разменяваясь на мелочи.

СМИРЕНИЕ

Когда мы говорим об Отце, то мысль неотлучна от величия и всемогущества. С того времени, как в мир пришел Сын, стало возможным говорить о смирении.

Если бы Он не был равен Отцу, то ни рождение в пещере, ни воспитание в доме плотника, ни самая смерть на Кресте, предваренная клеветой и предательством, не были бы достаточны для этого разговора. Говорить о добровольном, ни с чем не сравнимом смирении можно, только зная, Кто родился в Вифлееме, плотничал в Назарете, учил в синагогах и страдал на Голгофе.

Ему это всё не было нужно. Он это делал для нас. Теперь на подвиг души Своей Он взирает с довольством (см. Ис. 53, 11), но что сказать нам о смирении Духа? Сын смирился, сделавшись явным и унизившись. Дух смиряется, оставаясь в тени, не показывая Лица, всё совершая во имя воплотившегося Сына.

Внутри Божественной природы три Ипостаси упреждают Друг Друга в смирении. *Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну* (Ин. 5, 22). Сын ничего не делает для Себя и во имя Свое, но только во имя Отца. Дух действует во имя воплотившегося Сына, напоминая Его слова и дела, утешая верующих взамен скрывшегося на время от взоров Искупителя. Каждый из Трех не ищет славы Себе, но возносит и прославляет Другого.

* * *

Хотя и сказал Христос, чтобы мы научились у Него смирению, так как Он *кроток и сми-*

рен сердцем (Мф. 11, 29), заниматься этим по-настоящему мало кто хочет. При слове «смирение» никаких ассоциаций, как правило, не возникает или возникают ложные, связанные с унынием и комплексом неполноценности. И это значит, что нет у нас этой добродетели, не узнали мы цену ее, не полюбили, а полюбив, не взыскали и не присвоили после многих трудов. Оттого и мятутся души наши и нет в них мира, что найдет покой душе своей (см. Мф. 11, 29) только научившийся у Господа Иисуса.

* * *

Заговорите при мужчинах о футболе, о машинах, о женщинах, о пиве, на худой конец. И оживятся глаза, и найдутся слова для развития темы, и родятся тут же идеи и предложения.

Заговорите при женщинах о чьих-то семейных тайнах, о нарядах, о чем-то блестящем, о любви... Эффект будет тот же.

Но попробуйте заговорить о смирении. Это прозвучит так же странно, как птичье пение. На вас посмотрят так, как если бы вы заговорили на непонятном языке. Это потому, что у нас совсем нет смирения и запах его нам незнаком. А между тем жизнь человечества должна строиться по образу отношений внутри Троицы, и догмат о Троице есть наша социальная программа.

* * *

Вместо смирения есть смиреннословие, то есть привычные обороты речи, якобы свидетельствующие о христианском сознании, или

вздохи о том, что «я грешен», что «все мы грешные». Еще есть призыв к смирению тогда, когда неприятность нельзя устранить и остается только терпеть. Это правильно. Это «теплее». Но гораздо важнее говорить и думать о том смирении, при котором добровольно убегают от славы, не ищут ее, а получив, делятся ею с удовольствием и без зависти. Смирение Троицы — это прославление Другого взамен Себя. Это — радость о славе и об успехе Другого. У этого смирения в перспективе — вечность. А то терпение жизненных невзгод и неудач, которое мы привычно называем смирением, будет жить только на этой земле, где плачут и умирают. На *земле* живых будет другое смирение, Божественное.

ЛЮБИТЬ ВСЕХ?..

Легко любить человечество. А ты попробуй полюби соседа. Ох уж эти ближние... Ну как их полюбить: всех и сразу? Или по очереди? Начать с тех, кто поумней да покрасивей? Или с тех, с кем удобно вместе добираться на работу? И где ее взять, любовь к людям? Ведь сердцу не прикажешь. Или прикажешь?

Не нужно ждать от человека, что он будет одинаков со всеми людьми. Если человек ведет себя одинаково с друзьями и врагами, родственниками и соседями, знакомыми и незнакомыми, то мы имеем дело с психом или роботом. Такой человек неадекватен, не умеет подстра-

иваться под ситуацию, не делает «поправку на ветер». Не стоит грызть себя за то, что при виде одного знакомого сердце радостно бьется, и ты бежишь в его объятия, а при виде другого возникает такое чувство, будто раскусил улитку, и хочется спрятаться в ближайшую подворотню. А где, спрошу я вас, было бы место для подвига? Где бы нам тогда и напрягаться, и трудиться над собой, и прятать свои эмоции, свернутые в трубочку, в задний карман подштанников? Свое неровное отношение к пестрому миру нужно воспринимать как часть того букета, который неповторимо красив и не поддается стандартизации.

* * *

Есть заповедь о почитании отца и матери. Заповедь не оговаривает нравственные качества отца и матери, ты должен их чтить независимо от того, алкаши они или трезвые трудяги. Зная всю сложность нравственной жизни, Господь потому и не сказал «люби отца и мать», а сказал «чти», повелевая тем самым делать над собой благое насилие в случае, если отец и мать любви недостойны. Так же и в отношениях с другими людьми. Кому честь — честь, кому страх — страх. Иных должен бояться, потому что они начальники, но ты любишь и слушаешься их без труда, ибо они располагают к себе. А иных должен любить в силу кровных связей или еще почему-то, но мучаешь себя этой заказной любовью, потому что пребывание под одной крышей с этими людьми вызывает у тебя аллергию.

И так всю жизнь. Конечно, если будешь любить Родившего, будешь любить и рожденных от Него. Только настоящая любовь к Богу позволяет относиться к людям ровно и правильно. Поскольку мы хромаем в исполнении первой и главной заповеди, то и мучаемся от неровных отношений, от симпатии и антипатии и разрываемся на части стремлениями своего неочищенного и неразумного сердца.

* * *

Переведем вопрос в практическую плоскость. Вас ожидает рабочий день, а соседа по рабочему столу вы на дух не переносите. Что делать? Уходите на работу, как на войну, зная, что вам предстоит схватка. Наспех выпив чаю и садясь в метро или троллейбус, молитесь о том, чтобы Бог дал вам силы и разум вести себя правильно и ровно. «Научи меня прямо и разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не осуждая и не огорчая», — так молились оптинские старцы, так молись и ты. Святой Амвросий Оптинский говорил, что если нет любви, то через силу нужно делать дела любви, и Бог, видя твои труды, подарит тебе любовь.

Например, у твоего ненавистного соседа развязались шнурки или выправилась из штанов рубашка. Дело любви — не дать ему быть посмешищем для коллектива, а тихо подсказать, что исправить в одежде. Или у него (нее) упала на пол папка с документами. Помоги поднять, согнись, корона не свалится. Так делами любви, сделанными через силу, ты можешь размягчить сердце бывшего недруга

и привлечь к себе Божию любовь. Дай денег, подвези, поздравь с днем рождения, заступись, если можешь и если есть нужда. И всё это — через силу, по долгу, с неким насилием над своим строптивым и нелюбящим сердцем. Только на этом пути тебе может открыться опыт внутреннего примирения с теми, с кем ты внутренне же враждовал.

* * *

Другое дело, если кто-то ищет твоей особой приязни, хочет открыть тебе сердце и ждет того же от тебя. Если ты не чувствуешь в этом человеке сотаинника и бережного хранителя твоих секретов, то не спеши вступать в дружескую близость. Живущих с тобой в мире пусть будут тысячи, говорил Серафим Саровский, но тайну свою открывай из тысячи одному. Человек всегда был ненадежен, а сегодняшний человек тем паче может не сохранить твою тайну, грубо повести себя с тем, что для тебя нежно и дорого. Чтобы не увеличивать раны, лучше искать некую дистанцию в общении с окружающими людьми — конечно, без презрения и высокомерия.

Если же люди ждут от тебя особого участия в их жизни, сострадания, совета, а ты вовсе не находишь в себе способности им помочь — устранись. Устранись мягко, стараясь никого не оскорбить даже взглядом, потому что далеко не каждый может выслушивать чужую тайну и не испортиться от этого. Знай свою меру.

Хорошо бы быть таким, как воздух, — всегда нужным и всегда незаметным. Никому не навязываться, ни из кого не высасывать кровь

и вместе с тем приходить вовремя туда, где ты как раз в это время нужен. Это великий талант.

Преподобный Антоний Великий сказал: от ближнего жизнь и от ближнего — смерть. Великий Бог мерой Своего отношения к тебе избирает меру твоего отношения к окружающим людям. Поскольку терпит и любит и благотворит нам Бог, и мы должны учиться терпеть, любить и благодетельствовать. Помоги нам, Господи.

НАУКА БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Умение быть счастливым зависит, среди прочего, и от внимательности. Научись замечать окружающую красоту — и путь к счастью наполовину пройден...

Счастливы народы, способные к созерцательности. Это те, кому зимой не нужно паровое отопление. У греков тепло, и там расцвела философия. На Востоке тепло, и там любят молча сидеть часами. Сидеть и думать.

Людям, вечно скачущим, как блохи, холерикам, никогда не могущим успокоиться, созерцатели кажутся лентяями. Но это не лень. Временное молчаливое бездействие — это способ выживания, способ сохранения душевного здоровья. Как бы кто ни спешил и как бы кто, напротив, ни ленился, мы все окажемся в одном месте в одно время. Греки об этом догадывались, на Востоке это всем известно с детства.

Пережитый инфаркт заставляет человека ходить медленно. И не только медленно ходить.

Он заставляет пропускать мимо ушей и глаз ту информацию, без которой раньше жизнь не мыслилась. Размеренно дыша и двигаясь неторопливо, проходит выживший после инфаркта человек равнодушно мимо рекламных щитов и газетных киосков, мимо баров и касс футбольного стадиона. Равнодушно потому, что еще недавно он лежал совершенно голый под простыней. Стены вокруг были кафельные и потолок — белый. В венах торчали иглы, а во рту была трубка. А теперь он идет на своих ногах, втягивает носом холодный воздух. Он жив и счастлив. Больше ничего не надо.

Есть радикальные способы «осчастливливания» несчастных людей. Собственно, это — способы вразумления, или, что то же самое, способы вправления мозгов. Человек не замечает воздуха, хлеба, свободы, здоровья. Не замечает, не ценит, не наслаждается. Вместо этого он томится жаждой славы, завистью, мечтами о неземной любви или огромном богатстве. Стоит забрать у него на малое время истинно необходимые вещи, а потом, когда тоска о второстепенном сменится жаждой необходимого, вернуть их ему.

Схема проста и безотказна. Чтобы ощутить счастье от двух часов свободного времени или от куска хлеба с сахаром, нужно пойти в армию на срочную службу. Дефицит воздуха ощущается при помощи полиэтиленового кулька. Можно также дожить до астмы. Самое недолгое предварительное заключение многих отрезвило и поставило на правый путь. Теми, кого не поставило, должны будут заняться длительные сроки.

* * *

«Людям свойственно ошибаться». Людям трудно режиссировать исправительные сценарии. Чаще всего этим занимается Тот, Кто всё делает безошибочно. Бывают, однако, и среди людей мудрецы, способные врачевать чужие раны неожиданным способом. Когда один юный монах сильно страдал от блудной похоти, игумен попросил другого монаха, кузнеца, побить юношу. Была инсценирована ссора, прозвучали обидные слова, и тяжелый кулак старшего брата прогулялся по шее младшего. Когда же побитый монах пришел к игумену жаловаться, начальник еще и отругал его и выгнал вон с позором. Через два дня игумен посетил молодого брата. Тот лежал на полу весь в слезах, раздавленный скорбью и обидой. «Мучит ли тебя блуд, чадо?» — спросил игумен. «Какой блуд, отче? Я еле жив от обиды», — отвечал тот. Игумен скрыл в седой бороде начавшую появляться улыбку. Он не ошибся в выборе лекарства. Блуд отступил.

Если у нас нет таких игуменов, то у нас всё равно есть Тот, Кто создал мир и миром управляет. Он растирает и смешивает составные части — порошки и травки — для горьких и полезных пилюль. И наши неприятности — не более чем лекарства, составленные Его рукой. В этом смысле Он — настоящий Аптекарь. Не такой, как сейчас принято. Сейчас нет аптек, наши аптеки — это лишь магазины с лекарствами, а в настоящей аптеке ты приносишь рецепт, аптекарь лично для тебя сам (!) изготавливает необходимое лекарство в нужном количестве.

Я помню во Львове такие фармацевтические заведения классического средневекового типа.

Но нынче — o tempora! — редкостью стали и настоящие аптеки, и озаренные свыше игумены. Зато микстуры производятся, пилюли принимаются, больные выздоравливают. Хотя и не все.

* * *

Любителю жаловаться непременно будет еще хуже, чем сейчас. Чтоб этого не было, нужно немедля прикусить жалующийся язык и произнести слова, с которыми Златоуст окончил земную жизнь: «Слава Богу за всё!»

Не все любят Златоуста, не все читали Платона, но зато все слышали и рассказывали анекдоты. Один из них построен на подобной логике. Напомним тезисно. «Тесно жить? Купи козу. — Какую козу? И так жить негде! — Купи, говорят, козу. — Купил. Хоть умри, жить невмоготу. — Продай теперь козу. — Продал. Слава Тебе, Господи! Как без козы хорошо!»

От Платона, или от старшего брата, или из анекдота ты узнал об этом — неважно. Неважно, что читал. Важно, чему научился. Итак, любишь жаловаться — готовься пожить с козой, привязанной к спальной кровати у изголовья. Чтобы впредь не жаловался.

* * *

Мы живем не в теплых краях. Чтоб согреться и пропитаться, нам нужно затратить куда больше времени и сил, чем греку или египтянину. Однако наличие сандалий не делает филосо-

фом автоматически, а наличие валенок автоматически из числа людей, способных к философии, не исключает. Можно и нам, при всей загруженности, найти часок, чтоб молча посидеть в час заката или на лавочке возле дома, или на балконе. Посидеть, подумать, понаблюдать, как ветер у деревьев ветки качает. «Всё хорошо, всё — слава Богу. Мирен сон и безмятежен даруй ми. Ангела Твоего хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя от всякаго зла».

Можно оградить комнату крестом на четыре стороны и заснуть сном спокойного и, значит, счастливого человека. Ведь в принципе-то всё хорошо.

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ГОСПОДИ!

Иногда название книги лучше самой книги. Автор угадывает насущную тему, но не может ее до конца раскрыть. К примеру, Леонтьев пишет книгу «Современный европеец как орудие всемирного разрушения». Кто не купится на такое название? Я купился, но пользы получил больше от названия, чем от самой книги. И на том спасибо. Правильно сформулированная проблема лучше, чем сотня хороших, но невпопад произнесенных ответов.

Или Бердяев пишет книгу «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан». Так это же у всех на слуху! «Дайте нам, — можно воскликнуть разом в тысячу глоток, — ответ на наши вопросы. Ведь и мы чувствуем, что христианство высоко и благородно, а христиане

сплошь низки и ничтожны. Мы чувствуем правду ваших вопросов и ждем от вас ответов». Зря ждете. Вопрос хорош, но ответ неверен. По крайней мере, Бердяев правильного ответа не дает. Вся польза — в вопросе. В нем, как в математике, — половина ответа. Таких примеров, когда человек ставит хорошие вопросы, но дает на них неточные, сбивчивые, неадресные ответы, существует множество.

Не хочу готовых ответов. Хочу вслушиваться в вопросы. Одна из книг митрополита Антония (Блюма) тоже звучит вопросом — «Может ли еще молиться современный человек?»

Покойный владыка был по образованию врачом. Он умел прикладывать ухо к груди больного и прислушиваться к легочным хрипам и сердцебиению. Как пастырь и проповедник, он тоже всматривался и вслушивался в человеческую жизнь, а обдуманные слова его часто звучали как диагноз. Названная книга важна уже самой постановкой вопроса. Действительно, если молитва — это не просто чтение молитвослова и осенение себя крестным знамением, а предстояние Богу, может, даже и без слов, то способны ли мы еще на это?

* * *

Молитва требует отрешенности *(всякое ныне житейское отложим попечение)*, а у нас суета стала тем, чем вода является для рыбы. Всё бегом, все наспех, во всем хочется получать быстрый результат без особых усилий.

Молитва — это всегда впервые. Ничего по привычке, ничего «на автомате». Каждый раз —

напряжение сердца и ума, внимательность, бережное произнесение слов, которые становятся огненными. Нужна основательность. Нужна серьезность. Не парить умом, не облетать вселенную, а стоять на месте и копать там, где стоишь. И еще — всем всё простить. И еще — начинать с «подай», «помоги», «исцели». Но постепенно переходить к «благодарю», «спасибо», «слава Тебе», а затем совсем умолкнуть.

Если молитва это не слушание органа, сидя на лавке, и не сотрясание воздуха привычными текстами, то может ли еще молиться современный человек?

* * *

Горячее всех и внимательнее всех молятся люди скорбящие и страдающие. Если отчаяние побеждено, если нет маловерия и малодушия, то скорбь превращается в лучшего наставника и учителя молитвы. «Божиим сверлом, — говорил один из оптинских старцев, — открывается сердце, и происходит в человеке то, над чем подвижники трудятся годами». Но ведь мы не хотим страдать. Сама мысль о том, что духовное богатство можно приобрести ценою душевной или телесной боли, ненавистна современному человеку. Влюбленный в комфорт и земное счастье, он скорее откажется от веры, от молитвы, от Самого (не дай, Господи) Христа Спасителя, чем согласится снимать с себя ветхую кожу и обновляться. Словам об *узком пути и тесных воротах, ведущих в Царство,* слишком тесно и узко в сознании «обычного человека». И что же делать? Служить благо-

дарственные молебны! Я не обмолвился. Нужно служить благодарственные молебны.

* * *

Богу не жалко изливать на людей всевозможные блага, лишь бы люди не превращались в ненасытных чудовищ. Лишь бы не забывали о Том, Кто является источником всех благ, и поднимали к Небу благодарные взоры.

* * *

Современная цивилизация — это цивилизация ненасытных глаз, самолюбивых сердец и непрестанно жующих челюстей. Возьмите любого жителя Земли, того, кто уже отшагал и оттрудился, отскорбел и отпраздновал свою меру. Того, кто уже стал прахом и воскреснет в Оный грядущий День. Где бы и когда бы он ни жил, он не потреблял даже малой доли тех «товаров и услуг» (простите за неизбежную пошлость), которые потребляются нами. Пальцев не хватит, чтобы перечислить все цивилизационные достижения, направленные на то, чтобы человек был счастлив. И пусть он остается всё же несчастным, пусть победы эти «пирровы», нам живется и мягче, и вкуснее, и комфортнее, чем кому бы то ни было раньше. Так давайте же будем благодарными за то, чем мы пользуемся, за то, что нам подарено.

* * *

Среди бесчисленных драгоценных слов, произнесенных златоустым Иоанном, есть слова о том, что Бог ждет от нас благодарности за уже

оказанное благо, чтобы затем дать еще больше. Ведь, повторюсь, у Бога нет ни жадности, ни зависти. Он богат всем и готов дать всем всё, лишь бы это было нам на пользу.

Итак, пусть человек не умеет каяться, пусть он боится скорбей, не стремится к духовным глубинам, опутан суетой, как паутиной. Пусть. Покуда он остается человеком, у него должно оставаться чувство благодарности. Он может войти в область молитвенного света, благодаря Господа и Хозяина жизни за утреннюю свежесть, за ночной отдых, за хлеб на столе, за беседу с другом. Он может и должен приносить благодарность за возвращение сына из армии, за успешно прошедшие роды у дочери, за благополучное возвращение из командировки, за новую интересную книгу. Я могу перечислять и далее многоразличные случаи, требующие от нас благодарности. Если делать это с логической последовательностью, вся жизнь наша превратится в повод к благодарности. Литургический возглас «благодарим Господа» станет внутренним прочным каркасом нашей жизни.

Там, где в русском тексте говорится о «неблагодарных», в славянском тексте стоит слово «безблагодатные» (см. Лк. 6, 35). *Благодатность* — это не только богословская проблема и тема межконфессионального диалога. Это тема видового отличия человека от остальных существ. Это внутреннее качество, не позволяющее человеку превратиться в демона. И это одновременно означает — *благодарность*.

Любой священник скажет, что львиную долю заказных молебнов на приходе составляют мо-

лебны просительные. Даже в старом требнике страницы с последованием благодарственного молебна могут быть не засалены и не потерты, как будто их никогда не открывали. А я мечтаю о том, чтобы прихожане подходили к священнику чаще всего не с просьбой помолиться «о поступлении», «о исцелении», «о благополучном возвращении», а главным образом поблагодарить Бога за полученное от Него благо.

Вернее, пусть молятся обо всем, о всех нуждах, но после просьб пусть всегда приходят опять для молитв уже благодарственных.

* * *

Человек, научившийся часто и от сердца говорить Богу: «благодарю Тебя, Господи», со временем сможет благодарить не только за сытость, но и за скудость; не только за исцеление, но и за продолжающуюся болезнь. Благодарность Богу начнет насыщать его сама по себе, вне зависимости от личных прошений. Это будет уже настоящее, тихо ликующее христианство.

Я верю в то, что изнеженный и расслабленный, внутренне засоренный и дезориентированный человек может постепенно научиться всему небесному и великому, если начнет с земного и маленького.

Он еще может молиться, современный человек. И всего-то надо, чтоб начать, — это остановиться и задуматься. А затем, расправив плечи, как солдат перед генералом, сказать негромко: «Благодарю Тебя, Господи». Можно при этом улыбнуться.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жития святых — это литературный жанр. И как у каждого жанра, у него есть свои характерные черты. Поскольку это очень древний вид литературы, а Церковь — среда весьма консервативная (что само по себе прекрасно), то и агиография сохраняет в себе множество свойств, полученных ею многие сотни лет назад. Современный же человек — это минимизатор. Становясь чем далее, тем более плоским, он не понимает и отвергает всю пышную сложность прежних эпох, а значит, и своего прошлого. Многое кажется ему смешным, многое — наивным. Во многие вещи он верить отказывается. Святыми для него сегодня являются актеры и спортсмены, а жития этих «святых» умещаются в формат светской хроники или скандалов. Логический конец этого процесса заканчивается в аду. И что делать? Не пропадать же людям. Нужно идти друг другу навстречу, то есть приближать жития к современному пониманию, а людям интересующимся устремляться навстречу святым. Знакомство с любым из святых — это личная встреча двух человеческих душ. Встреча «через годы, через расстоянья». Именно пронзительной глубиной личного чувства эти знакомства и отличаются. Весь остальной исторический антураж — как то эпоха жизни святого, одежда, нравы, быт, смены царственных династий — отступает на задний план и становится вторичным. Мы бы очень хотели, чтобы у живущих ныне людей было как можно больше друзей из

числа уже живущих в Небесном Иерусалиме. Мы бы очень хотели, чтобы люди общались со святыми, учились у них и брали с них пример, исполняя Павловы слова: «Подражайте мне, как я Христу». С этой целью мы и будем стараться рассказывать о святых с чувством личной теплоты, как о великих, но всё же друзьях, преодолевая шаблонность и схематизм, мешающие личному общению.

Это похоже на снятие ризы с древнего образа. Риза драгоценна и хороша, но древние краски лучше. Так, в начале XX века открылась миру рублевская «Троица», благочестиво спрятанная предыдущими поколениями за килограммами серебра. «Троица» была так хороша, что сами ризы были восприняты как скрытое иконоборчество. Также может быть вреден сусально-возвышенный стиль в разговоре о святости для изломанного человека XXI века. Путь непрост, но дорогу осилит идущий.

БЕГСТВО ОТ МИРА

Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни...
(Пс. 54, 8)

О святых людях, оставивших мир и ушедших в пустыни, говорится, что они «убегали от мира». Думаю, что это не образный речевой оборот. Скорее, это точное название того, что эти люди делали. Они, скорее всего, бежали так, как бегут километровую дистанцию, сдавая норматив.

Километр — самая тяжелая дистанция. На стометровке нужен взрыв и мощное ускорение. На трех километрах нужна выносливость и расчет сил. Там может открыться второе дыхание. На километре же нужны и взрыв стометровки, и стайерское, длительное усилие. Те, кто убегал из мира, бежали километровую дистанцию.

Так могут бежать по перрону к отходящему поезду те, от кого собирается внезапно уехать любимый человек. Они бегут, огибая препятствия и ненароком задевая кого-то.

Точно так же, максимально напрягая силы, бегут те, кому угрожает опасность, те, за кем гонятся многочисленные и вооруженные враги. Мы все видели это в кино, и дай Бог нам не знать, что это такое на практике.

Мне кажется, именно так убегали из мира Антоний, Онуфрий, Пимен. Так ли вообще бегут в монастырь? Должно быть, так, потому что уход в монастырь — это бег за Любимым, Который хочет уехать. Это бег от врагов, которые вооружены и не знают жалости.

* * *

И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени (Откр. 12, 14).

* * *

Пустыня Библии — это не географическое понятие. Барханы, верблюды и «белое солнце» могут отсутствовать. Главное, чтобы не было людей и их отравленной грехом цивилизации.

Лесные дебри и горные утесы — это тоже пустыня, если там живет в молитве добровольно сбежавший из мира человек.

Даже не будучи богатыми верой, люди находят разные формы бегства от суеты. Туристы, геологи, охотники, скалолазы — всё эти люди, чье количество в иные времена достигало заумных чисел, пили чай у костра из железных кружек, а кто-то из них под гитару пел, зачем они сюда забрались. Оказывалось — «за туманом и за запахом тайги».

Отсюда, с привалов и ночевок, под сияющими звездами, огни больших городов казались тусклыми. Жизнь в этих городах казалась суетливой и мелкой, а человек, глядя в опрокинутую чашу неба, ощущал себя философом и вдыхал воздух свободы.

* * *

Цивилизация кажется значительной вблизи. Она мощна, сложна, «хитросплетенна». Как у бегемота, которым Бог напугал Иова, у этого «животного» *сила в чреслах его, и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья* (Иов. 40, 1 — 13). С таким зверем невозможно воевать. Но от него можно уйти, и это будет победой.

* * *

Дело в том, что мир не только угрожающе велик, организован, мощен. Дело в том, что он не любит пользоваться силой и предпочитает

скорее пленить, обмануть, влюбить в себя, нежели ломать через колено и насиловать. Эта вавилонская блудница хочет любви, а не покорности, ищет сердца, а не уплаты налоговых сборов.

* * *

Неотразимо красивая и одновременно неистово развратная красавица смотрит с презрением на всех, кто в нее влюблен. На вершинах безумия она даже может требовать смерти за одну ночь любви с собою. Все ей желанны, как жертвы, и все ей безразличны, как личности. Словно древний демон из сказки, она любит вас, пока ест вас. Проглотив, она вас забывает, и глаз ее выискивает новую жертву. Таковы богини разврата и кровавых жертв. Тот, кто пренебрег ее красотой, тот, кто не поддался ее очарованию, для нее смертельный враг и обидчик.

Такова же цивилизация. Таков «мир», если говорить о нем словами Иоанна Богослова и Исаака Сирина.

От мира нужно бежать. Для начала его нельзя любить. *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2, 15 — 16).

* * *

Господь Иисус мог смирить искусителя в пустыне сильной рукой, мог без труда победить его и подвергнуть позору. Но тогда этой

победой не смогли бы воспользоваться люди. Нужно было победить так, чтобы способ борьбы мог быть усвоен всеми детьми Адама. И Христос победил именно так: на каждый соблазн отвечая цитатой из Второзакония, смиренно и сдержанно. Спаситель выбил из рук врага, один за одним, все три вида оружия: *похоть плоти* (сделать камни хлебом), *похоть очей* (прельститься красотою царств мира) и *гордость житейскую* (сделать чудо: броситься с высоты в надежде на ангельскую помощь).

Давид победил Голиафа и как трофеем пользовался его мечом. Христос победил лукавого, и открыл нам его козни, и научил сопротивляться, *чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы* (2 Кор. 2, 11).

* * *

Всё это — плоды **пустынной** победы. И можем ли мы усвоить эти дары, не имея опыта пустыни? Думаю, нет. Нужна, как говорил Григорий Богослов, «неподвижность глаз и языка». Нужна сознательная отстраненность от дел мира, хотя бы на малое время, отстраненность, подобная безразличию мертвеца к осеннему показу модных новинок. Так, как в стихах сказано:

Уединение. Уйди
В себя, как прадеды — в феоды.
Уединение. В груди
Ищи и находи свободу.

М.Цветаева

Выше всех те, кто жил в пустыне, не уходя из мира. Например, блаженная Ксения. В акафисте сказано, что она «в суете града великаго аки пустынница жила еси, молитвы к Богу возносящи непрестанно». Или — Василий Блаженный. Это ведь вам не Антиохия, и не Палестина, чтобы всю жизнь прожить одетым лишь в набедренную повязку. Однако долгие годы промучился, синея от холода на улицах Третьего Рима, «нагоходец Василий», согреваясь словами сорока Севастийских мучеников: «Люта зима, но сладок рай».

* * *

Во внутреннюю ли, во внешнюю ли пустыню, навсегда ли или время от времени, но нужно уходить, убегать, удаляться. Причем пораньше, чтоб не так, как запутавшийся барин-писатель (разумею Толстого), — уйти на старости **в никуда** и умереть без Причастия.

Вслед уходящему завоет и заломит в отчаянии руки разукрашенная блудница-мир. Плюнь в нее, скажи, «чтоб ты пропала», и уходи, ускоряя шаг.

Затем будет страшное знакомство с собой. Сам себя человек не знает, пока не окажется в полном одиночестве, в земле сухой, в земле тени смертной, *по которой никто не ходил, и где не обитал человек* (см. Иер. 2, 6). Все страсти проснутся, все мелкие змейки станут драконами. Всё, о чем даже не подозревал человек, станет явью, и горькое познание себя родит плач такой силы, что нужно будет, воистину, жить в пустыне, чтобы так плакать.

Уже вслед за тем, как останется далеко позади мир со своей обманчивой ложью; вслед за тем, как страх и недоумение родят слезы и первые крохи смирения, даст почувствовать свое приближение и *главный виновник* всех трагедий.

Он не любит проигрывать и не умеет прощать. Ты и так плюнул в него, когда крестился. Этот плевок он тебе не простил. Крепись. Дальше говорить не о чем. Зови Иисуса, зови Его Мать, зови Предтечу. Теперь твой голос, зовущий их Имена, надолго станет признаком этого места, независимо от времени года и времени суток. Такова последовательность: уйти от мира, смирить себя, Именем Божиим сразиться со змеем.

* * *

Только в пустыне возможна настоящая встреча человека с самим собой, настоящий взгляд Дориана Грея на свой портрет. Пустыня красива, молящемуся человеку она вожделенна, но всё же жизнь в ней страшна.

Какие слова должны звучать в сознании, чтобы смотреть на мир, не прельщаясь? *Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4).

Или, может, это: *выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями* (2 Кор. 6, 17).

* * *

Конечно, не стоит бежать на вокзал за билетом. Но стоит, вместо просиживания вечера перед телевизором, выйти в соседний парк, чтобы, подняв воротник и засунув руки в карманы, не спеша прогуляться, читая в уме псалмы. Возвращаясь домой, можно отказаться от лифта и подняться на свой этаж пешком. Можно лечь спать не поужинав и перед сном досыта почитать Исайю или Откровение. Уже засыпая, можно вспомнить о том, что патриарх Иаков спал, подложив под голову камень, а некоторые сейчас вовсе не спят, стоя на молитве. Сокрушенно вздохнув, можно уснуть. Ваш путь к пустыне начался.

СВЯТОСТЬ МЕЛЕТСЯ НА ЖЕРНОВАХ

Святость мелется на жерновах, святость вытаптывается в точиле и куется ударами молота. Иными словами, она появляется в результате труда, борьбы и сопротивления. Тот, кто топчет точило, хочет получить вино. Но тот, кто «топчет» святых, хочет их уничтожить. Вместо этого он отделяет сок от кожуры и косточек, то есть отделяет душу от тела.

Когда пролилась кровь, то есть когда молодое вино стекает и пенится, а под ногами остается мокрая каша из кожицы и семян, топтать больше нет смысла.

И если кто-то хочет уничтожить зерно и мелет его с остервенением, то, вместо уничтожения, произведет муку и прекратит молоть, раскрасневшись от работы.

* * *

Иосиф был рабом, Даниил был пленником, трое отроков были предназначены в пищу огню. Их непорочность, мудрость и верность были испытаны. Илия был гоним от своих, Елисей жил во время войн с соседями. Кто и когда наслаждался миром? Соломон. Но его мир был приобретен ценою подвигов отца, да и к чему привело его наслаждение миром и мудростью?

Хочется, конечно, не знать ни войны, ни гонений, ни голода. Но этот снаружи подаренный мир, это сытое спокойствие, пусть даже относительное, не есть цель и не есть мир окончательный. Внутри каждого человека и так идет война. Помыслы, сталкиваясь, осуждают и оправдывают друг друга. Ум и совесть стремятся к одному, *но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного* (Рим. 7, 23). Мирное время дано для того, чтобы человек занялся собой, занялся делами своего внутреннего дома и очистил его. Эта уборка есть аскетизм и внутреннее делание.

Кто не хочет очищать себя усердием в добрых делах, внимательными молитвами, покаянием и воздержанием, тому придется довериться Лекарю. Тот, Кто не желает смерти грешника, будет вынужден употребить и жгучую мазь, и тугую повязку, и острый скальпель. Житейские беды, внутренние и внешние, как свора спущенных с цепи собак, будут грызть человека, будут смирять его, будут стапливать с него жир, будут помогать ему спасаться.

Если целый народ забыл о молитве, посте и милостыне, то беда ждет такой народ. Беда будет одновременно карой и врачевством. Для тех, кто озлобится, — карой. Для тех, кто вразумится и покается, — врачевством.

Внешние беды тоже выползают изнутри. *Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших?* (Иак. 4, 1). Грех, который не побежден внутри, обязательно накопится, словно вода в туче, и прольется наружу злобой, клеветой, бранью. А затем — ударом, местью, войной.

Желающий жить в мире должен вести внутреннюю войну. Желание мира и при этом полное нежелание вести внутреннюю борьбу, более того — абсолютное неведение о законах внутренней жизни рано или поздно разразится войной неслыханной. Недаром две мировые войны, самые масштабные, самые беспринципные, самые бесчеловечные, произошли в двадцатом веке. Этот век унаследовал от двух предшествующих пафос веры в человеческий разум. Двадцатый век обогатился техникой и наплевал на этику. Он был весь в плену у внешнего мира, он смеялся над теми, кому был дорог мир невидимый и внутренний. Двадцатый век даже убивал таких людей. В результате на темном дне жизни ожили и пришли в движение древние чудовища. Эти чудовища быстро вырастали, питаясь грехом, который расцветал и рос повсюду, ничем не сдерживаемый.

Мы не хотим повторения ужасов прошлого века. Но мы должны понимать, что не повто-

рение мантры «это не должно повториться», а только глубокая и внимательная внутренняя работа связывает и обессиливает мировое зло.

* * *

Если жизнь более или менее спокойна и все вокруг более или менее молятся, то Антоний уйдет в пустыню. Там он вытерпит и переживет такое, что слово бессильно будет это передать.

Если все вокруг по приказу царя сошлись на поле у подножия огромного идола, если все готовы по звуку свирели, цитры и кимвала поклониться истукану, то для трех юношей наступил момент Истины. Умирать ведь всё равно. Лучше умереть за Бога.

То, что тогда Господь спас тех трех, то, что Он не дал пролиться крови Исаака, не отменяет внутреннего мученичества. И Авраам внутренне пережил смерть сына, и отроки в Вавилоне распрощались с жизнью ради Истины. Их души расплавились в огне всецелой преданности, и в этом огне от них отделилась всякая нечистая примесь.

Не будем ждать великих потрясений и жестоких испытаний. Лучше займемся отделением от золота души низких примесей. Займемся при помощи внутреннего труда. Это родит своеобразную боль и множество неприятностей. Но это неизбежно, поскольку и зерно в муку превращается при помощи жернова, и виноград отдает сок или под топчущими ногами, или под прессом.

ПРОПИСАНЫ В НЕБЕСНОМ ИЕРУСАЛИМЕ

Онуфрий Великий 63 года прожил в пустыне. Прожил, как птица, не распахивая землю, не сея, не собирая в житницы. Исполнил Евангельские повеления буквально. Даже если бы он один был такой, и тогда нельзя сказать, что Слово Божие приятно слушать, но невозможно выполнить. Заблуждаешься, Лев Николаевич. Возможно.

Онуфрий был гол, как Адам, и молился, как ангел. А мы? Что мы? У нас всё иначе. Попробуйте раздеться и в голом виде прочитать хотя бы вечернее правило. Стыдно станет. Получится какая-то мелкая гадость и нелепость. То-то и оно.

А Онуфрия Бог одел по всему телу мягкими, как пух, волосами. И пальма, росшая возле его жилища, двенадцать раз в году отягчалась плодами. Совсем как те деревья в грядущем Царстве, о которых сказано в Откровении. Не могу не склониться перед памятью этого человека. Хожу одетый и «собираю в житницы», но радуюсь о том, что я с преподобным Онуфрием в одной Церкви.

* * *

Праведный Иоанн Кронштадтский жил в миру, а служил так, будто только что спустился с неба. Вся жизнь, словно столб огня, рвущийся к Богу. Священников на Руси и было, и есть множество, а Иоанн один. Пастырство оправдал, священство возвысил, перед всеми открыл

зарытое сокровище. «Сказку о попе и о работнике его Балде» можно было написать только до Иоанна. Теперь нельзя. Лучшее покрыло худшее. Один Иоанн с Чашей в руках заслонил собой толпы ленивцев и фольклорно осмеянных персонажей. Ухватимся за его руку. Глядишь, оправдаемся.

* * *

Святитель Лука удивителен. Если заболею тяжко, хотел бы у него лечиться. Йодом крест на больном месте начертит, склонится к уху, скажет: «Молитесь Богу». И сам молиться станет. Затем, не прекращая молитвы, возьмет скальпель, сделает надрез, начнет операцию. Всё четко, без суеты, строго и милостиво. А уста под врачебной маской шепчут: «Господи, помоги. Ты — доктор, я — Твое орудие».

И поднимаются, поднимаются с постели неисцелимые прежде больные. Морг ждал и не дождался. Скажет: «Благодарите Христа. Это Его милость». А вечером на службу. Читать молитвы, предстоять Богу и, обратившись к людям, говорить слово Истины. И за Луку благодарю Тебя, Господи.

* * *

Блаженная Ксения. Теплое солнышко над холодной землей. Странница — «Ксения». Любила мужа и умерла для обычной жизни после его смерти. Молилась за любимого, просила, умоляла спасти, утешить, упокоить его душу. Потом всех полюбила и за всех молитвы стала приносить.

Походите полдня по кладбищу, почитайте псалмы у незнакомых могил. Поспите ночь на лавке. Ксения вот так сорок с лишним лет прожила. Тысячам помогла, многие сотни вымолила.

* * *

Ох, святые, святые! Всё у вас болело, как у всех людей. Болели натруженные руки, болело милующее сердце. Вы победили. Дайте теперь у вашего огонька погреться. Дайте насмотреться на вас. Осанка у всех негордая, взгляд прямой, одновременно и скорбный, и радостный. Каждый в отдельности красивее всех. К каждому на руки хочется забраться котенком и урчать довольно в безопасности.

Вот Иоанн Русский, плен, побои и унижение претерпевший. Вот Матрона, глазами слепая, а сердцем зрячая. Вот Георгий, стройный, сильный, красивый, на бесов ужас наводящий. А вот и он, самый любимый, всех других добрейший, но могущий и пощечину отвесить, — Угодник Чудотворец Николай.

А где тот, который прославил Бога тем, чем грешит и стар и млад, — языком? Вот он, Златоустый Иоанн, измученный земной жизнью и радостный в Господе.

А где тот, кто совместил в своей жизни все мыслимые монашеские подвиги: и столпничество, и затвор, и старчество? Где преподобный Серафим? Вот он, радование наше. Вот он, тихий и светлый, ростом маленький и духом великий. Вот он, любимец Божией Матери.

Где Варвара, где «невеста Христова прекрасная»? Где она, познавшая Бога через наблюдение за прекрасным миром? Где она, за Сладчайшего Жениха своего истерзанная и изувеченная немилосердно? Вот и она рядом с Екатериной. Обе статные, красивые не поземному. Глянешь и опустишь глаза.

* * *

Я ведь тоже крещен. А раз крещен, то, значит, и прописан в Небесном Иерусалиме. Господь неба и земли мне, как и многим, определил в оном месте свой уголок, свою «жилплощадь», прописал меня в вечности. Попасть бы в место это.

Боже, пощади. Боже, не наказывай. Боже, не вспоминай грехов моих. Я, как Кукша, говорю: «хоть с краечку, но в раечку». Только бы видеть и слышать вас всех, Аллилуйя Богу поющих.

Только бы. Если бы. Хоть чуть-чуть бы.

* * *

«Подражайте мне, как я — Христу», — сказал апостол Павел. Кстати, где он? Где эти уста Христовы? Где этот пламенный в ревности богоносец? Вот он, чаша, полная благодати. Целую твои стопы.

Буду подражать и тебе, и всем похожим на тебя. Не буду обезьяной. Буду учеником.

Во многом не успею, многое не получится. Но буду дергаться и стараться, буду усиливаться и стремиться, как безногий пловец на Параолимпийских играх. Есть и для таких атлетов награда.

* * *

Пусть склеятся протестантствующие уста. Бога вы, святые, мне не заслоните. Только лишний раз укажете и жизнью, и молитвенным положением рук на Святых Святейшее Слово. И укажете, и помолитесь. Даже если бы не молились, любил бы вас всё равно.

Грешно таких, как вы, не любить.

ПРОРОК ИЛИЯ

Перед Вторым Пришествием мир будет представлять собой нечто страшное. Он и сейчас уже страшен, если сравнить его с жизнью столетней давности. Но там, в будущей неизбежной перспективе, бесы будут безработны, поскольку люди превзойдут их в лукавстве, злопамятстве, гордости и ненависти к Богу. Редкие верующие души будут томиться так, как томился Лот в Содоме, и ради них времена сократятся. В эту гущу развратившегося человечества, в этот воспаленный гнойник сойдет, как блеснувшая молния, Христос — уже не для того, чтобы спасать, но для того, чтобы топтать точило гнева Божия. Христос придет сокрушать и уничтожать то, что воспротивилось исцелению. Апокалипсис на контрасте с Евангелием Рождества, где Господь слаб и беззащитен, описывает Христа как сильного Воина, духом уст Своих убивающего нечестивого.

Но как перед Первым Пришествием Христовым и рождением от Девы родился от стари-

цы Елизаветы Иоанн, и как перед проповедью Христовой заиорданская страна огласилась проповедью «большего из рожденных женами», так и перед Вторым Пришествием Христовым в мир придут Илия и Енох. Придут обличать антихриста и проповедовать покаяние.

В одном из псалмов Давид спрашивает: *Кто есть человек иже поживет и не узрит смерти?* (Пс. 81, 49). Енох и Илия — это те, кто не вкусили смертную горечь и взяты с телом живыми из этого мира. Оба они — сильные борцы с нечестием. Енох — седьмой от Адама пророчествовал допотопному человечеству. А Илия, живший в период закона, обличал детей Израиля и ревновал о славе Истинного Бога. Им и придется вернуться на землю в самые нечестивые времена, придется говорить правду, придется и умереть за нее. Смерть они претерпят уже перед самым концом мира, как и Предтеча был убит незадолго до опустошения преисподней Воскресшим Христом.

Пророк Илия и Иоанн Предтеча очень похожи друг на друга. Оба девственники, постники, оба жили вдали от людей. Одевались в похожую одежду. Звали людей на прямые пути. Но главное, были одного духа. Иоанн «предшел пред Господом в духе и силе Илии». Потому и спрашивали его книжники: «Ты пророк? Ты Илия?» И Христа спрашивали Апостолы, дескать, книжники учат, что вначале нужно прийти Илии. Христос отвечал, имея в виду Иоанна, что Илия уже пришел, и сделали с ним, что хотели.

Илия жил в тяжелые времена. Народ даже при Моисее умудрялся отливать золотого тель-

ца со словами: «Вот Бог твой, Израиль». А что говорить о временах, когда цари стали идолослужителями? Нечестивый Ахав царствовал над израильтянами, и еще более нечестивая жена его Иезавель покровительствовала жрецам Ваала. С истинно женской, нерациональной, безграничной ненавистью Иезавель преследовала пророка. И в этом он тоже похож на Иоанна — тот пал жертвой Иродиады, не терпевшей его обличений. Вынужденный скитаться, прятаться, Илия жаловался Богу: «Пророков Твоих убили, алтари разрушили, остался я один, и моей души ищут». На что Господь ему, а через него всем нам открывает тайну: у Бога есть в Израиле семь тысяч мужей, не поклонившихся Ваалу. Так сохраняется святой остаток во все эпохи, каким бы массовым ни было отступление и какой бы ожесточенной ни была борьба против истины.

В наказание за измену Богу Илия вымаливает у Господа засуху. Неизбежный при засухе голод должен заставить людей от бездушных идолов обратиться к Господу неба и земли. Засуха длится сорок два месяца, или три с половиной года. Запомним это число. Ровно столько продлится царство антихриста. Сам же Илия спасается от засухи в пустых местах, и Господь питает его.

О том, кто служил Илии в пропитании, — отдельная речь. Во-первых, его кормили птицы. Во-вторых, люди. И в-третьих, Ангелы. Все роды живых существ служили Илии, потому что он служил Богу. Из птиц Господь избрал ворон. Эти жадные до всего блестящего,

вороватые, шумные, прожорливые птицы, ужасно похожие характером на некоторых людей, носили пророку хлеб и мясо. Они не съедали его, хотя в обычной жизни едят всё подряд. Так иногда Богу служат самые неожиданные слуги. Из людей тоже был избран необычный помощник. В Назаретской синагоге Христос говорил, что много было вдовиц в Израиле во дни Илии, но ни к одной из них не был послан пророк, а только в Сарепту Сидонскую. Женщина-вдова, имеющая одного сына, приняла Илию и согласилась испечь ему опреснок из оставшихся муки и масла. За это Бог благословил ее, и *водонос муки не оскуде и чванец елея не умалися* (3 Цар. 17, 16). Чудо взаимной милости. Непонятно, кто кого кормит: женщина Илию — или Илия женщину с сыном? Конечно, Господь — их обоих: язычницу-финикиянку и израильского пророка, столь непохожих наружно и столь близких духовно.

У женщины разболеется сын и умрет. Умрет единственная опора в грядущей старости. А она очень точно, по-библейски, выскажет свою скорбь: зачем ты пришел и напомнил мне мои грехи? Вблизи святых, как возле сильного источника света, видны все оспинки и морщинки, то есть все греховные изъяны. Женщина справедливо думает, что возле великого человека особенно заметны ее обыденность и греховность. Может, поэтому умер сын. Илия воскрешает мальчика, и это будет первое в истории Ветхого Завета воскрешение одного человека по молитвам другого.

Что касается Ангела, то он готовил Илию к длинному путешествию. Он разбудил спящего пророка и дал ему еду и питье. Илия опять уснул, и через некоторое время был разбужен Ангелом теми же словами: «Восстании, яждь и пий». После этого Илия сорок дней шел не останавливаясь до места встречи с Господом. Ему, ревностному и горячему, было дано познать, что Господь кроток и тих. Там, где Бог явился Илии, вначале явились бури и ветры, трясшие землю и разрывавшие камни. Но не было в них Бога. А потом повеял тихий прохладный ветерок. И там — Господь.

Не в образах и тенях, а разумно, лицом к лицу, Илия увидит еще раз Господа много лет спустя. Это будет на горе Фавор, куда Илия придет от небес и куда душа Моисея придет из преисподней. Там эти величайшие праведники Ветхого Завета, горячо служившие Богу и страстно желавшие видеть Его лицо, предстанут преобразившемуся Иисусу Христу. Они будут беседовать с Ним о Его будущем страдании и грядущей славе. Они будут видеть человеческое лицо Того, Кому служили до Воплощения.

Где ты сейчас, великий пророче? Где кони твои и колесница огненная? Далеко ли до тех времен, когда ты придешь на землю с последней проповедью, или нам можно еще пожить, не страшась антихристовых страхов? Беседуешь ли ты с Христом о Его тайнах и о будущем мира или просто молишься Ему? Если молишься, помолись о нас, грешных.

СВИДЕТЕЛИ ЧУДА

В священном и неприступном Апокалипсисе Престол Божий изображен окруженным четырьмя животными. Они исполнены очей спереди и сзади, подобны, соответственно, льву, тельцу, человеку и орлу летящему. Они шестокрылаты. Не имея покоя ни днем, ни ночью, они взывают: *свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель* (см. Откр. 4, 6—8). Подобно тому, как великий Бог воспевается четырьмя особыми существами, тайна Богоматеринства на земле была вверена четырем особым людям. Вот их имена: Иосиф Обручник, праведная Елизавета — мать Предтечи, Симеон Богоприимец и пророчица Анна.

ИОСИФ

Ничем не выделявшемуся из окружающих людей, плотнику по профессии, старцу по имени Иосиф Господь уделил неслыханную благодать. Во дни Своего младенчества воплотившийся Единородный Божий Сын, никого не имеющий отцом, кроме Бога, называл старца Иосифа папой. Невинные и безгрешные у всех младенцев уста, несравненно более святые у Господа Иисуса, с любовью лепетали это имя, которое по-арамейски звучит как «авва». Уже одно это заставляет затрепетать. Нужно было иметь беспримерное смирение и чистоту, чтобы удостоиться такой чести.

Когда Иосиф узнал, что Мария имеет во чреве, он не хотел Ее обличать, но решился тайком отпустить Ее. Дело в том, что закон повелевает казнить смертью деву, потерявшую девство до брака. Иосиф поступил по-новозаветному, т.е. нарушил букву закона и совершил милость. *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 12, 7), — звучало в его душе. Для того чтобы разрешить его недоумения, неоднократно к Иосифу посылались Ангелы. *Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их* (Мф. 1, 20, 21). Вскоре Иосифу пришлось, опять же по повелению Ангела, брать Дитя и Матерь и бежать в Египет. «Что это за Спаситель людей Своих, которого нужно Самого спасать от убийц и преследователей?» — мог подумать праведник. Но он, не усомнившись, продолжает свое служение, как телохранитель Господний, бежит в указанную страну и со временем возвращается назад.

Он учил маленького Христа держать в руках долото, рубанок и стамеску. Столярные инструменты совсем не изменились с того времени, и Христос зарабатывал Свой земной хлеб, подобно тысячам людей, которые сегодня трудятся руками. Более того, Иосиф по долгу названного родителя учил Спасителя заповедям, объяснял смысл праздников и Закон. А неподражаемый в смирении Иисус — Творец Закона — с любовью и интересом слушал праведника, опять-таки смиренно говорящего о делах Божиих.

Всё это умилительно, чудотворно, я бы сказал, грандиозно, если бы это слово было уместно. Но слово это сюда не идет, так как не было ничего грандиозного в маленьком Назарете, а была благодать, действующая и проявляющаяся так, как никто из людей не ожидал и не мог подумать.

Если Иосиф сегодня будет молиться о нас, то Господь, содержащий всё в Своей власти, вряд ли откажет тому, кого удостоил тогда на земле называться Своим отцом.

ПРАВЕДНАЯ ЕЛИЗАВЕТА

Елизавета была по-нашему матушкой, то есть женой священника. Она первая на земле назвала Деву Марию Матерью Господа (см. Лк. 1, 43). Каждый еврей несколько раз в день должен читать слова из Писания — «шма исраэль!», то есть «слушай, Израиль». Это краткий Символ Веры ветхозаветной Церкви: Слушай, Израиль, Господь Бог твой — Господь един есть. Читала эту молитву и Елизавета, ибо она была праведна пред Богом, *поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно* (Лк. 1, 6). Она больше других верила и знала, что Господь един и нет другого. Когда же родственница ее отроковица Мария пришла к праведнице, Дух Святой исторг из ее сердца исповедание Христа Господом, а Марии — Матерью Господа. Мы так легко и радостно сегодня называем Богородицу Матерью Света, Дверью спасения, одушевленным Храмом и еще многими

другими образами и поэтическими выражениями благодаря тому, что этот священный труд восхваления Владычицы когда-то давно начала жена священника Захарии.

ПРАВЕДНЫЙ СИМЕОН

Елизавета торжествовала и радовалась о славе Богоматери. Но не только слава была предуготована Марии, а и страдания, и подвиг. Об этом сказал другой святой человек — Симеон. По вдохновению он пришел в храм тогда, когда Мария и Иосиф совершали законные обряды над Младенцем Спасителем. Не медом были слова Симеона для святого семейства. *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, (и Тебе Самой оружие пройдет душу) да откроются помышления многих сердец* (Лк. 2, 34—35).

Симеон пророчествовал о крестных страданиях Христа. Он, как Давид, будто видел перед глазами голгофскую трагедию. *Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище: делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий* (Пс. 21, 17—19).

Давид видел только страдающего Праведника, а Симеон видел рядом стоящую Мать. Он видел, как Ее душу пронзает невозможная скорбь, как эта скорбь делает Богородицу чувствительной ко всем скорбям человечества и

сострадательной ко всем бедам Адамова рода. Он видел, как открываются перед Ней книги человеческих совестей, и Она становится молитвенницей за всех скорбящих. Вряд ли хватит слов, чтобы объяснить всё, что он видел. Вряд ли и Сама Мария до конца тогда понимала, что это значит, но лишь запоминала и складывала в сердце Своем виденное и слышанное.

ПРАВЕДНАЯ АННА

Четвертым человеком была Анна пророчица, прожившая с мужем всего лишь семь лет, а затем опаленная скорбью вдовства и всецело предавшая себя Богу. В те дни ей уже исполнилось 84 года, и всё это время она *не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь* (Лк. 2, 37). Просветленная и очищенная, она могла узнать среди множества людей, находившихся в Храме, Честнейшую херувим со Христом на руках. Анна подошла к святому семейству, стала славить Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме (см. Лк. 2, 38).

Эта женщина менее всего известна среди перечисленных лиц. Но она особенно мила нам потому, что долгие и тяжелые десятилетия церковной истории судьба Православия в нашей стране была вверена вот таким вдовам и праведницам, не отходившим от храма, в меру сил служившим Господу и «говорившим о Нем всем».

* * *

Вот четверо великих, мало заметных во время земной жизни, навеки вошедших в библейский рассказ и, что более радостно, навеки вошедших в Царство Небесное. Два мужчины и две женщины. Плотник и книжник, жена священника и вдова. Ни одного юного, ни одного в цветущих и молодых годах.

Это были люди, долголетней жизнью и верностью Закону доказавшие Богу свою любовь к Нему. Люди, перенесшие множество бед и испытаний. Они ничего не ждали уже и не хотели для себя на земле. Все их мысли были устремлены к будущей жизни. Весь жар неостывшего сердца был направлен на ожидание Искупителя. Именно поэтому им, и только им, Господь открыл тайну Богоматеринства. Даже не всю тайну, а лишь отдельные грани ее.

Для того чтобы чистыми глазами смотреть на иконы Богородицы, чистыми устами повторять Ей вслед за Архангелом: радуйся, Благодатная, — нужно всматриваться и в эти священные фигуры, которые окружают в евангельском рассказе Приснодеву и призывают нас принести Ей должные хвалы.

АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

В декабре, когда снег, как правило, уже покрывает землю, мы празднуем память Андрея Первозванного. Этот декабрьский снег определяет точку обзора, с которой интереснее всего смотреть на Апостола и его к нам приход.

Там, откуда к нам пришел Андрей, дети не играют в снежки, не катаются на санках и не лепят снежную бабу. Их зима — это наше лето. Нам легко и приятно путешествовать в те края. Но им отправляться в нашу сторону и холодно, и страшно. Тот Крым, в котором мы чаще всего греем свои кости, для жителей Римской империи был северной ссылкой, некой Сибирью в нашем понимании. Когда Климента Римского или Иоанна Златоуста ссылали на север, то это был север для них. Для нас это — юг. Если же наш юг — это их север, то кто мы такие в их глазах, как не жители полуночной, холодной страны, гиперборейцы, медведи, дикари?

Зачем из солнечной Палестины, обутый не в теплые сапоги, но в легкие сандалии, приходил к нам на заре христианской эры родной брат апостола Петра? Зачем вообще путешествуют люди?

Купцов гонит в дорогу жажда прибыли и неусидчивый характер. Домосед не станет купцом. Он, скорее, станет ремесленником. Нужно иметь характер азартный, беспокойный, нужно, чтобы вместе с кислородом в крови бегали пузырьки авантюризма. Только в этом случае человек купит товар, снарядит корабли, наймет охрану и отправится в путь. Так ли путешествовали апостолы? На известных нам языках скажем: нет, nein, no. И не ошибемся.

Можно путешествовать, чтобы захватывать чужие города, уводить пленных, везти на телегах добычу. Этот вид путешествий — военный поход — тоже не апостольский.

Можно покидать родные края, спасая жизнь свою и своих домашних. С древних времен до сегодняшнего дня в мире живут миллионы беженцев, под свист стрел или под звук автоматных очередей, освещенных заревом пожаров, ушедших с насиженных мест в поисках безопасности. Этот вид перемещения в пространстве к апостолам тоже никак не относится.

Есть, наконец, еще один вид путешествий, выдуманный греками. Это путешествия из любознательности, из желания повидать неизвестные земли, узнать что-то новое, научиться чему-то у жителей незнакомых стран. Сличаем с апостолами и находим полное несоответствие.

Не беглецы и не захватчики, не авантюристы, не торгаши и не бродячие философы. Кто же они такие?

* * *

Феномен апостольской проповеди не вписывается ни в одну готовую схему. Он ни на что не похож, и его не с чем сравнивать. Как водный поток из источника, это явление проистекает из уникального факта Пятидесятницы. Человек, к которому прикоснулся огонь, не может неподвижно стоять на месте. Он реагирует, чувствует боль, его мышцы сокращаются. И человек, на которого в виде огненных языков сошел Утешитель, тоже не может оставаться на месте. Он не принадлежит себе. То, что дано ему, — не его собственность. Он должен **послужить**. И вот он идет, готовый дойти до края земли, и проповедует.

Человеческая жизнь коротка, и апостолам надо спешить. Тем более что против них наточены лезвия мечей и копий, против них собрались на совет мудрецы и сильные земли. Апостолы идут на верную смерть, но не идти не могут. Огонь Пятидесятницы не гаснет.

Они идут в города, туда, где есть науки и ремесла, где множество людей собрано вместе, и, значит, у Слова может быть множество последователей. Идти по селам и маленьким поселениям непрактично. Это так же опасно (в селе, как и в городе, разъяренные язычники способны на убийство), но перспективной паствы там меньше, и нравы грубее, и привязанность к древним культам глубже. Апостолы идут в крупные торговые и культурные центры: Коринф, Солунь, Афины, Рим.

Здесь опять, как следопыт перед неизвестным следом, мысль останавливается. Зачем апостол Андрей пришел на Киевские горы? Никаких городов, никакой цивилизации. Только непроходимые леса, малочисленные и дикие племена и торговый путь, транзитом проходящий через огромные неосвоенные территории.

Может, он шел, не думая останавливаться? Может, неожиданно, без всякого приготовления, сердце его вдруг учащенно забилось, и чуткая совесть расслышала слова Святого Духа о том, что здесь будет после? Как бы то ни было, приход к нам апостола Андрея и его пророчество об этих местах удивительны вдвойне. Еще рыба не успела отметать икру, а он уже издали благословил ту, будущую молодую рыбку, которая должна будет появиться.

Славяне любят знак Креста, часто изображают его на себе, проявляя любовь к Тому, Кто потерпел за нас Распятие. Возможно, истоки этой любви длинной и незримой цепочкой связаны с тем Крестом, который Андрей водрузил на горах Киевских.

* * *

Так вот Ты какой, Сыне Божий, и вот каково обещанное Тобою излияние Святого Духа. Под Его действием Твои ученики дошли до тех стран, о которых слухом не слышали, и преподали им спасительную благодать. А в нашем случае преподали так, что она столетиями ждала своего часа. Не улетела, как облако, и не испортилась, как залежавшаяся пища. Но сияла, подобно солнцу, над головами здесь живущих людей и переливалась над ними радугой, пока не выпала крупной алмазной росой на сердце князя Владимира.

Снег хрустит под ногами, осыпается с дрогнувших веток, летит в лицо. Да... Далеко на север дошли твои, обутые в легкие сандалии, ноги, святой Андрей. Спасибо тебе за всё.

АПОСТОЛЫ ПЕТР И ПАВЕЛ

Кому и когда первому показалось, что церковная жизнь делает людей однообразными, так сказать, равняет по шаблону, неизвестно. Но мысль эта, как и прочие сорняки, легко укоренилась. Голыми руками ее не вырвешь. Мне же, как ни гляну на икону Петра и Павла, хочется и плакать, и сме-

яться. Радуюсь оттого, что такие разные — и вместе. Печалюсь оттого, что многим это непонятно. К ним — настоящее слово.

Трудно найти в мире людей столь не похожих друг на друга, как Петр и Павел. Начнем с семьи. Павел — девственник. Он хотел, чтоб люди подражали ему и, будучи свободными, всецело служили Богу. А Петр женат. Христос приходит к нему в дом и исцеляет его тещу. И потом в апостольских трудах супруга была его спутницей и помощницей. Семейный человек и старый холостяк — это люди с разных планет. Отметим для себя эту психологическую разницу, чтобы потом еще более прославить Бога.

Петр знает Христа во плоти. Совместные путешествия и молитвы прилепили сердце Петра к Иисусу Христу от начала. «Куда пойдем? У Тебя глаголы вечной жизни». Петр был очевидцем многих чудес. Он привязался ко Христу особенным образом. Не только благодать влекла его, но и годы, прожитые вместе, сама неотлучность от Учителя. Павел же Христа во плоти не знал и даже этим хвалился. Иоанн Предтеча — это конец пророков и начало апостолов, то есть конец тех, кто говорил, не видя, и начало тех, кто видел и свидетельствует. Точно так же апостол Павел — конец апостолов и начало святых Отцов, тех, кто не видел и не знает Христа во плоти, но знает Его сердцем и служит Ему не менее тех, кто вместе с Ним ел пищу.

Петр прост. Что такое рыбак? Натруженные руки, запах соленой воды и жизнь впро-

голодь. Это у нас рыба дороже мяса. А если есть ее каждый день и ее же выменивать на хлеб и другие продукты, то отношение к ней будет другое. Рыбаку не до книг, не до высоких созерцаний. Он суров, и большинство его молитв — о хорошем улове.

Павел — мудрец. Он — знаток Закона. Каждая йота в священных книгах была им общелована неоднократно. Он не белоручка, нет. В религиозных школах у евреев отроки вместе со святыми книгами изучали ремесла. Слова Закона не для корысти, это не золотой венец и не лопата. Это и не средство для личной похвальбы, и не способ зарабатывать. Павел шьет палатки. Нуждам его и тех, кто с ним, служат его собственные руки. Но главное в нем — это высокий пафос горящего сердца и широкая образованность. Эллинские поэты ему не чужды. Его послания столь обширны и тайноводственны, что Петр — рыбак — находит в них нечто «неудобовразумительное».

Они разделили мир. Петр пошел к обрезанным. Павел же, отряхнув с ног пыль синагоги, ушел к язычникам. Те были более благодарные слушатели. Их сердца были более открыты, а у Павла было много слов и образов, чтобы коснуться этих сердец. Каждый из них спешил. Ведь мир велик, а дни человека посчитаны и вздохи его взвешены. Нужно было успеть обойти как можно более городов, чтобы на базарах и в синагогах говорить, убеждать. А потом ночью за городом или в подвалах богатых домов крестить, преломлять хлеб, рукополагать пресвитеров.

Они относились друг к другу без всякого пиетета и могли не сходиться во мнениях и спорить, могли обличать друг друга наедине и при свидетелях. Слово «великий», которое мы сегодня прилагаем к одному и к другому, они прилагали только к воплотившемуся Богу, Которого один из них знал дольше, другой меньше, но любили они Его одинаково. Собственно, эта любовь ко Христу и ставит их рядом друг с другом. Эта любовь приводит их в столичный город, чтобы пострадать за имя Христово в одно и то же время.

Еще одно не должно быть умолчано. Апостолы Петр и Павел — люди кающиеся. Наибольшую славу в проповеди Евангелия Христос уделил бывшему предателю и бывшему гонителю. Не чистых Ангелов и не незлобивых младенцев Господь поставил у ворот Небесного Иерусалима. Ключи Царства, власть вязать и решить Он дал тем, кто по опыту знает, что такое тяжко согрешить и прогневать Бога. Апостолы не осуждают грешников, но сострадают им. Сами они спасены не «от дел», но по милости. Это делает их близкими нам и вселяет в нас надежду.

В Рай они вошли не теми, какими когда-то были. Нужны были слезы и труды, угрозы и преследования. Нужно было в корне перемениться. Знаком этой перемены стала перемена имен. Симон стал Петром, то есть «камнем», Савл стал Павлом, то есть «маленьким». Меняйтесь и вы, говорят нам первоверховные. Тем, кто сможет измениться, Господь наречет новое имя, которое известно только Богу и тому, кто его носит.

Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя (Ин. 21, 17), — говорил Петр.

Жизнь — Христос, и смерть — приобретение, — говорил Павел (Флп. 1, 21).

Совершенно разные по всем жизненным обстоятельствам: по воспитанию, по темпераменту, образованию, семейному состоянию, — апостолы стоят рядом друг с другом, объединенные одной верой, одним покаянным порывом, одним желанием послужить Сыну Божию. Такими видим мы их на иконах.

Может, кому-то кажется, что церковная жизнь равняет людей по одному шаблону. Вряд ли это верно. Праздник Первоверховных апостолов Петра и Павла не оставляет места подобным суждениям.

АПОСТОЛ ПЕТР

Нам, людям, нельзя быть самоуверенными. Одно из наших имен — немощь. Вместо «человека умелого», «человека разумного» наука могла бы нас назвать «человеком немощным». Даже те, от которых менее всего ожидаешь дрожи в коленях, по временам ослабевают и теряют самообладание. Яркий пример — апостол Петр. Волевой и смелый, горячий и порывистый, этот апостол вошел в историю не только исповеданием веры в окрестностях Кесарии Филипповой и проповедью Благой Вести, но и отречением во дворе архиерея.

Кто-то не боится вступить врукопашную с двумя или тремя противниками, но каменеет

от страха при звуке бормашины. Кому-то не страшны ни болезнь, ни бедность, но изгнание из отечества может свести его в гроб. Другими словами, у нас есть всегда хотя бы одна болевая точка, и прикосновение к ней для нас нестерпимо. Победа над собой потому всегда была более славной, чем победа над тысячами внешних врагов.

* * *

Петр — пример человека, который, как Иаков, дерзает бороться с Ангелом, но может испугаться собачьего лая. Так тезка его — Петр Первый одолел и Софью, и Карла, но до смерти боялся тараканов. Эти «камни» не боялись ударов молота, но их могли пробить насквозь равномерно падающие капли воды.

* * *

Вода, кстати, и проявила это свойство души апостола. Увидев Христа, ходящего по морю, Петр попросил разрешить ему также по воде прийти ко Христу. Услышав из уст Господа: «Иди!», он пошел, но... испугался волн и ветра. Акафист Сладчайшему Иисусу говорит о том, что внутри у Петра была в это время «буря помышлений сумнительных». Душа смутилась от наплыва разных помыслов, испугалась сама себя в этом новом, неожиданном состоянии, и, как итог, Петр начал тонуть.

* * *

Нечто подобное было и во дворе архиерея. До этого Кифа бросался с мечом на воинов, пришедших в Гефсиманию. Он даже отсек

ухо одному из пришедших. Но вот во дворе у костра, когда утихло волнение в крови, когда Невинный уже был связан и торжество зла становилось густым, как тучи, Петр испугался женщины. В известное время он был готов драться с мечом в руках против любого мужчины. Он не врал, говоря, что готов за Христом и в темницу, и на смерть идти. Вот только человек сам себя не знает, и храбрый Петр оказался трусом перед лицом служанки, приставшей к нему с вопросами.

* * *

Я хочу бросить тень на святого? Боже, сохрани. Я радуюсь его немощи? Нет. Я оплакиваю в нем себя и тебя, потому что вижу в нем слепок со всего человечества.

Писание не по ошибке и не случайно открывает падения праведных. Лотово пьянство с последующим кровосмешением, Соломоново женонеистовство, Давидов блуд... Это не для того, чтобы грешники оправдывали себя чужими грехами. Это для того, чтобы на фоне самых лучших людей мира, которые, оказывается, тоже грешники, засиял Единый Безгрешный, и мы могли на Литургии петь «Един Свят, Един Господь, Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь».

* * *

Свое согрешение апостол Петр оплакивал всю жизнь. А вот оплакал ли я свои грехи? Научился ли у Петра покаянию? Ведь и мы, греша, отрекаемся от Господа. «Тебе Единому согре-

шил», — говорит Давид, потому что грех — это не нарушение параграфа из книжки с моральными правилами. Грех — это деятельное отречение от Творца, отказ Ему служить.

* * *

У Арсения Тарковского есть стихотворение, в котором автор во сне переживает весь ужас отречения и просыпается встревоженным. Вот это стихотворение:

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате,
Что теперь вспоминать?

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо —
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь — от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идет петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

Что здесь удалось поэту?

Удалось чужой грех почувствовать как свой, а может — найти себя самого в чьем-то опыте греха и последовавшего затем исправления. Евангелие ведь должно говорить и обо мне. Среди блудниц и прокаженных, мытарей и книжников где-то всегда есть мое место. Если его нет — Евангелие незачем читать ни дома, ни в храме. Тогда это всего лишь история о людях, встретивших Бога когда-то давно и где-то далеко. Тогда это не про меня, а значит и не для меня. Но в том-то и раскрывается всё волшебство жизни Бога среди людей, что, говоря с самарянкой у колодца, Он и со мной разговаривает. И Петр, трижды повторяющий «не знаю Человека», тоже меня касается. Арсений Тарковский это почувствовал.

* * *

Не он один. Когда крещеный люд стопроцентно присутствовал на службах Страстной Седмицы, тогда множество сердец отвечали, вначале содроганием, а потом — слезами, на все события Великого Четверга и Великой Пятницы. Затем, когда благочестие ослабело, об этом стало возможно писать и размышлять как бы со стороны. Но и тогда честный разговор о святых событиях пронзал душу. Пронзает он ее и поныне.

«— Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки, — значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Он посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил:

— Небось, была на двенадцати евангелиях?

— Была, — ответила Василиса.

— Если помнишь, во время тайной вечери Петр сказал Иисусу: «С тобою я готов и в темницу, и на смерть».

А Господь ему на это: «Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». После вечери Иисус смертельно тосковал в саду и молился, а бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал Его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику и били, а Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед... Он страстно, без памяти любил Иисуса, и теперь видел издали, как Его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взгляд на студента.

— Пришли к первосвященнику, — продолжал он, — Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь. Одна женщина, увидев его, сказала: «И этот был с Иисусом», то есть, что и его, мол, нужно вести к допросу. И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него, потому что он смутился и сказал: «Я не знаю Его». Немного

погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять отрекся. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с Ним в саду?» Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые Он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В Евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...

Студент вздохнул и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль».

Это Чехов. Рассказ «Студент». Это произведение Антон Павлович считал лучшим из написанных им рассказов. Опять Петр, опять поющий петух и опять неудержимо текущие слезы из глаз у тех, кто всё это почувствовал.

Чехов делает из произошедшего очень правильный нравственный вывод. Всё, о чем говорили, это не о ком-то где-то, а о нас и про нас.

«Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, все, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...

Он оглянулся. Одинокий огонь спокойно мигал в темноте, и возле него уже не было видно людей. Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра».

Конечно, Петр нам близок. Нам близко его исповедание веры, и им мы уповаем спастись. Нам близко всё то, что Петр написал в посланиях и что рассказал устно, а за ним записал Марк. Но нам близко и падение Петра, его позор, его слабость. Это и наш позор, потому что мы не лучше Кифы. Мы хуже его, просто о наших грехах не известно всему миру, как известно об отречении Петра.

Если мы прикоснемся краешком своей души к душе апостола, мы сразу заплачем. Но слезы эти будут сладкими. Это будут слезы хотя бы частичного покаяния. Это будут слезы души, ощутившей самое главное. Кстати, об этом тоже есть у Чехова.

«И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекав-

ших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле».

Лучше не скажешь.

ПОБЕДОНОСНЫЙ ВОИН ГЕОРГИЙ

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте — Георгия!
М. Цветаева

Миссионерству нужно учиться у Христа. Он говорит с людьми о тайнах Неба при помощи самых простых вещей, с которыми ежедневно имеют дело рыбаки, землепашцы, домохозяйки. Что толку тянуть нити тонких рассуждений с простыми людьми? Есть ли польза окунаться в глубины священных текстов при разговоре с теми, кто с трудом умеет читать и работает всю неделю не разгибаясь?

И вот Господь, видя перед Собою женщин, говорит о муке и закваске, о потерянной монете, о светильнике, освещающем дом. Для рыбаков у Него есть слово о неводе. Для крестьян — о земле и семени. Он, пришедший с Небес, рассказывал им правду о Небе, одевая ее в одежды привычных понятий, и только с книжниками позволял Себе цитировать псалмы или пророков.

Любой земной труд, дающий людям тепло и пищу, может стать пособием в понимании реальности высшего порядка. А что же воины? Они, одетые в железо, носящие на теле отметины прошедших битв, суровые и немногословные? Их труд тоже может приоткрывать завесу тайн? Да и труд ли это — по звуку трубы или голосу командира бросаться в бой, рубить и колоть плоть подобного тебе человека?

Христос говорил и о битвах. Но мало. Его речь, обращенную к воинам, продолжил апостол Павел. *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной. Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие* (Еф. 6, 11—17).

Радостно читал эти слова всякий христианин, носящий на поясе меч. Радостно пробегал по этим строчкам и храбрый юноша по имени Георгий. Он узнавал в них себя и свои труды. С тех пор как священное имя Троицы прозвучало над ним, а крещальные воды трижды сомкнулись над его головой, он узнал, что есть иные битвы, и победителям в них готовятся иные венцы.

Сдержать свой гнев; себя, а не врага схватить за горло и не дать гневной речи пролиться из уст — это не легче, чем схватиться с противником в рукопашной. Силен был Самсон, но, побежденный женской лаской, потерял бдительность и попал в позорное рабство. Значит, целомудрие сильнее крепких мышц и драгоценнее перед Богом. Сколько рук ежедневно протягивается в ожидании милости? Разделить с нищими свой хлеб, отдать им часть жалования — это ли не дело, достойное верующего сердца?

Множество упражнений есть для тела. Не меньше их и для души. Строгий пост, ночные молитвы, хранение уст, чтение слов Господних. Всё это полюбил молодой христианин, стройный осанкой, но еще более стройный в мыслях; красивый лицом, но душой прекрасный еще более.

Когда накроет на стол хозяйка в ожидании дорогого гостя, то, кроме еды и питья, кроме ножей и вилок, хочет поставить на стол цветы. Пусть радуются глаза пирующих. Когда выстроит дом мастер, то хочет украсить стены рисунком, а окна — резным узором. Пусть будет в доме не только тепло и чисто, но пусть будет и красиво. Когда украсится душа добродетелями, то хочет пострадать за любимого Господа.

«Пусть и моя кровь прольется за Того, Кто Кровь Свою за меня пролил», — думает душа. Если же знает Господь, что по силам это душе, что не тщеславие, не горячка гордости, а любовь говорит в человеке, дарит Господь такой душе тяжелые и сладкие муки во имя Свое.

Римское царство обширно, и нелегко им управлять. В усмирении бунтов, в расширении и защите границ, в денежных и административных реформах проводит дни и ночи Диоклетиан — император. И еще есть у него забота — служить древним богам, тем, которые дали Риму власть и силу. Этим богам должны служить все. Горе тому, кто откажется надевать на богов гирлянды цветов, воскурять фимиам, поклоняться им.

Нет ничего проще, чем умереть в такое время. Скажи только: «Я — христианин» — и дотерпи до конца обрушившиеся муки. Скоро, очень скоро тогда сменишь земную жизнь на небесную. Только дотерпи до конца.

«Разве я убегал от врага? Разве видел противник в бою мою спину? Разве десятки раз не готовился я умереть? Тогда были битвы за кесаря, за империю, ради добычи. Неужели теперь, когда нужно служить Царю Небесному, задрожу при виде огня и железа, отведу в сторону взгляд?» Так думал Георгий, раздавая имение нищим, прося их молитв, готовясь идти к мучителям.

Сильна бывает любовь. Но чем сильнее она, тем лютее ненависть к бывшему любимцу, если он сменил господина и прежнему служить не хочет. Ничего не пожалел Диоклетиан для Георгия. Свинцовые палки, воловьи жилы, уксус и соль для натирания свежих ран, колесо, усеян-

ное шипами. Сотню людей можно было б замучить тем, что терпел Георгий. Плоть отставала от кости, но мысль от Христа не отставала. Оком ума смотрел на Христа Георгий, а на избитое тело свое смотрел как на чужое. «Не оставляй меня, Иисусе. Помоги мне дотерпеть до конца».

В ужасе отворачивались и убегали люди. Только царь, не отрываясь, мрачно смотрел на юношу. И Небесный Царь смотрел на Георгия. И Ангелы удивлялись страдальцу, но не смели спросить: «Доколе?»

Всё когда-то закончится. Есть у всего предел. Понял царь, что не сломит Георгия. Понял Георгий, что скоро увидит Спасителя. После жестоких мук меч показался ему игрушкой. Стал на колени воин, никогда, кроме как на молитве, не стоявший на коленях. Голова отделилась от тела, и ясными были глаза.

Моли Бога о нас, Георгий. О тех, кто плавает в море, о тех, кто терпит беду, о тех, кто идет на бой. Обо всех, кто тебя любит. Обо всех, кто любит Христа.

Тебе, близко к Нему стоящему, Христос ни в чем не откажет.

ЛЮБИМЫЙ БОЛЬНОЙ

Целительная сила великомученика Пантелеимона

«Есть у Царя любимый больной, и я лечил его», — так отвечал отцу юный врач Пантелеон, объясняя свое долгое отсутствие дома. На

самом деле юноша принял Крещение и провел несколько дней у своего духовного наставника Ермолая, занимаясь изучением догматов и молитвой. Этот юноша вскоре многочисленными исцелениями, совершенными во Имя Иисуса Христа, прославит Бога. Затем Господь окажет юноше особую честь: не только в Него веровать, но и за Него страдать. Посреди переносимых страданий Сам Господь переименует Своего раба, назвав его Пантелеимоном. С этим именем мы и знаем святого врача и великомученика.

«Есть у Царя любимый больной». Эти слова можно повторить, применяя их к каждому человеку. Господь совершенно нелицеприятен. Ему свойственно любить всех людей одинаково. Авраам, Павел, Давид отличаются от нас не степенью пристрастного к ним отношения со стороны Бога, но степенью своей отзывчивости на Господню любовь.

За всех вместе и за каждого в отдельности Христос умалился в Рождестве, унизился в Страдании и прославился в Воскресении.

«Ранами Его мы исцелились», — говорит пророк Исайя. «Исцелились», потому что без Христа, без этого Небесного Врача, смертельным недугом болеет человечество. Любимое создание — человек — тяжело и неисцельно страдает. «Есть у Царя любимый больной»...

Пантелеимон «лечил его». А я?

Душа моя, которая дороже всех сокровищ мира, получает ли всё необходимое для здоровья? Мой внутренний мир, который шире всего холодного космоса, согрет ли Евангелием?

Земля моего сердца спит, заросшая бурьяном, или проснулась, взрезанная покаянным плугом?

«Любимого больного» нужно лечить. Царь беспокоится о его здоровье. У Царя больше нет забот, как только переживать об этом! Его Царство твердо и непоколебимо. Никто снаружи не угрожает ему, никто внутри больше не восстает против него. И любящее сердце Царя страдает только оттого, что любимые им продолжают болеть.

Бог веселится, видя исправление человека, и вместе с Ним ангельский мир волнуется могучими волнами радости, «великой радости о едином грешнике кающемся».

Каждый подчиненный подстраивается под начальника. Секретарши одеваются по вкусу шефа, чиновники пишут отчеты и рапорты по форме, понятной руководству. Наш Владыка не хочет ничего внешнего. Внутреннее здоровье беспокоит Его, и надо нам заняться этим здоровьем. Исцеляться самому и способствовать выздоровлению ближних — единственный способ угодить Творцу неба и земли.

* * *

Исчезнувшего на несколько дней Пантолеона искал не только отец. Земной царь тоже искал его, поскольку юноша был придворным лекарем. На вопрос: «где ты был?» царь услышал такой ответ: «Мой Отец приобрел для меня имение в наследство, и я знакомился с этим приобретением». Говоря царю об отце, святой имел в виду Бога. По слову Христа, Отец благоволит

дать нам Царство (Лк. 12, 32). Это будущее Царство Пантолеон изучал, знакомясь со Святым Писанием и постигая искусство молитвы. Только что омытый Крещением от грехов, напоенный благодатью, юноша опытно постигал, что *Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17).

Знать о том, что будущий век реален, более того — реальнее нынешнего, обязан каждый христианин. Благодать учит человека не прилепляться к нынешнему миру, но стремиться к будущему.

Когда евреи приблизились к границе Земли Обетованной, этому земному прообразу Царства Небесного, Господь повелел Моисею выбрать по одному человеку из каждого колена. Эти двенадцать человек должны были высмотреть *землю Ханаанскую* (см. Числ., гл. 13). Они пошли и вернулись, неся вдвоем на плечах одну (!) виноградную кисть. Даже если бы они не ходили так долго по пустыне, земля показалась бы им прекрасной. На контрасте же с землей сухой и безводной это был рай!

* * *

Подобное «высматривание земли» существует и в отношении будущей жизни. Как тогда, так и сейчас есть небольшое число избранных, которые видели Горний Иерусалим, наполнились силой будущего века, действенно источают ее другим. Таков, например, Серафим Саровский. Во времена Пантелеимона это были многочисленные мученики за Христа, само название которых на греческом языке —

мартирос — означает «свидетель». Несомненно, Ермолай рассказывал своему духовному сыну не только о Сыне Божием, но и о торжествующем соборе и церкви первенцев, написанных на небесах, о духах праведников, достигших совершенства (см. Евр. 12, 23).

Двое людей задавали Пантелеимону вопросы. Он не солгал обоим, хотя и ответил притчей, а не буквально. Если бы он просто сказал, что крестился и был в доме священника, нам не было бы чему научиться. А так, в двух коротких ответах — целая трапеза сокровенных сладостей.

Бог непрестанно думает о нас. Надо и нам чаще думать о Боге.

В Его доме *обителей много* (Ин. 14, 2) Надо нам готовиться к тому, чтобы в них поселиться.

В общем, нужно «лечить больного, которого любит Царь» и «знакомиться с имением, которое подарил Отец».

Если задуматься, то всё это очень похоже на совет апостола Павла Тимофею: *Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно* (1 Тим. 4, 16).

ЛЮБИМЫЙ СВЯТОЙ

Чудеса святителя Николая

Так сложилось (не по случаю, а по Промыслу), что о самых любимых святых мы меньше всего знаем. Речь идет о Божией Матери и о святом Николае. Смирение не ищет показать себя и прославиться. Смирению хорошо в тени, поэтому и «Благо-

словенная между женами», и самый любимый на Руси святой прожили так, что известных фактов их земной жизни очень немного. Тем ценнее та слава, которую они приобрели после ухода из этого мира. Трудно найти христианский город на карте мира, где Матерь Божия не проявила бы Свою чудотворную любовь, исцеляя, защищая, вразумляя нуждающихся в помощи людей. Это касается и Мирликийского архиепископа.

Его помощь быстра и удивительна. Он и строг, и милостив одновременно. Из угла, где горит лампадка, он внимательно смотрит на простолюдина и на толстосума. В каждом храме есть его образ, и даже если мы больше никого из святых не знаем, то, увидев икону святителя Николая, сразу чувствуем себя в храме, как дома. Одно чудо из тысяч мне хочется вспомнить и пересказать.

Этот случай описан у С.Нилуса в одной из его книг. Речь там шла о воре, который имел суеверную любовь к Угоднику, и всякий раз, идя на воровство, ставил святому свечку. Не смейтесь над этим вором, братья. Это только со стороны кажется, что глупость очевидна. При взгляде изнутри зоркость теряется, и мы сами часто творим неизвестно что, не замечая нелепости своих поступков. Так вот, вор ставил святому свечи и просил помощи в воровстве. Долго всё сходило ему с рук, и эту удачу он приписывал помощи Николая. Как вдруг однажды этот по-особенному «набожный» вор был замечен людьми во время воровства. У простых людей разговоры недолгие. Грешника, пойманного на

грехе, бьют, а то и убивают. Мужики погнались за несчастным. Смерть приблизилась к нему и стала дышать в затылок. Убегая от преследователей, он увидел за селом павшую лошадь. Труп давно лежал на земле, из лопнувшего брюха тек гной, черви ползали по телу животного, и воздух вокруг был отравлен запахом гнили. Но смертный страх сильнее любой брезгливости. Вор забрался в гниющее чрево и там, среди смрадных внутренностей, затаился. Преследователям даже в голову не могло прийти, что убегавший способен спрятаться в трупе. Походив вокруг и поругавшись всласть, они ушли домой. А наш «джентльмен удачи», погибая от смрада, разрывался между страхом возмездия и желанием вдохнуть свежего воздуха.

И вот ему, едва живому от страха и вони, является святитель Николай. «Как тебе здесь?» — спрашивает святитель. «Батюшка Николай, я едва жив от смрада!» — отвечает несчастный. На что святой ему отвечает: «Вот так мне смердят твои свечи».

Комментарии кажутся излишними. Мораль — на поверхности. Молитва грешника смердит, а не благоухает. Нужно не только молиться, но и жизнь исправлять, по мере сил. Так? Так. Но это выводы верхнего слоя. Есть здесь и более глубокий урок. И как говорил кто-то из литературных героев: «Так-то оно так, да не так».

Святитель Николай всё же спас грешника! Молитва хоть и смердела, но до святого доходила, и в нужное время он о грешнике вспомнил. Пусть моя свеча ныне смердит, пусть она

еще долго смердеть будет (ведь не скоро запах выветривается), но я всё равно ее ставить буду.

Молиться чисто и горячо, как свеча горит, в один год не выучишься. Молиться так, чтобы Богу это приятно было так, как нам ароматом кадила дышать, — это труд всей жизни. И радуюсь я, что Господь накажет, и Он же потом пожалеет. А святые в этом Богу подобны.

* * *

Или вот еще случай. Дело было в Киеве при немецкой оккупации. В одной семье умирает мать. Остаются трое детей, мал мала меньше, а отец — на фронте. Дети кладут маму на стол. Что дальше делать, не знают. Родни никого, помочь некому. Знали дети, что по покойникам читать псалмы надо. Псалтири под руками нет, так они взяли акафист святителю Николаю, стали рядышком у мамы в ногах и читают. «Радуйся, добродетелей великих вместилище. Радуйся, достойный Ангелов собеседниче. Радуйся, добрый человеком наставниче». Конечно, какая тут радость. Один страх и горе. Но читают они дальше и доходят до слов: «Радуйся, неповинных от уз разрешение. Радуйся, и мертвецов оживление...» И на этих словах — Свят! Свят! Свят! — мама открыла глаза и села. Пожалел Угодник. Приклонился на детские слезы.

* * *

Образ святителя Николая созвучен и понятен нашей душе. Святой по себе книг не оставил. И народ наш больше верит делу сделан-

ному, чем слову сказанному. Николай нищих любит, а у нас почти вся история — сплошная история нищеты, простоты и убожества. Когда итальянцы тело святого украли и к себе увезли, появился праздник «летнего Николая». Греки его до сих пор не признают, а предки наши этот праздник по-особому осмыслили.

Деды дедам сказывали, что сошли как-то с небес Николай да Касьян по земле походить, помочь, может, кому. Глядь — а в глубокой луже мужик с телегой завяз. «Пойдем, — говорит Николай Касьяну, — подсобим мужичку». А Касьян говорит: «Неохота ризы райские пачкать». Ну, Никола, делать нечего, сам в грязь полез и телегу вытолкал. Умилился Господь на такое человеколюбие и дал Николе два праздника в год — летом и зимой. А Касьяну — раз в четыре года — 29 февраля. Вот так.

В общем, с Писанием мы до сих пор плохо знакомы, невежества и грубости у нас тоже хватает. Даже поделиться можем. Но если увидит наш человек икону Николы Угодника, сразу три пальца щепоткой сложит и перекрестится. Скажет: «Радуйся, Николае, великий чудотворче», — а святой Николай с небес ответит: «И ты не горюй, раб Божий. Прославляй Господа Вседержителя и словом, и делом».

Много святых на земле было, много еще будет. Но мы так к Чудотворцу привязаны, будто живем не в нашей полуночной стране, а в Малой Азии, и не в эпоху Интернета, а в IV веке, в эпоху Первого Вселенского Собора. И это даже до слез замечательно.

ПАСТУХ И ПАСТЫРЬ

Встреча со святителем Спиридоном Тримифунтским

То, что святитель Спиридон не похож на остальных святителей, становится понятно даже после первого взгляда на его икону. Древние святители чаще всего изображаются с непокрытой головой. Таков Златоуст, таков Василий Великий и многие другие.

Святители поздних эпох, кроме привычного архиерейского облачения, имеют на голове митры. Митрой украшен Феодосий Черниговский, Тихон Задонский, Иоасаф Белгородский. Перечислять можно долго. А вот святитель Спиридон, современник Николая Чудотворца, не простоволос, но и не в митре. У него на голове — шапочка из овечьей шерсти. Пастухом долгие годы был этот удивительный муж, а когда воля Божия привела его на епископскую кафедру, чтобы пасти словесных овец Христовых, то образ жизни Спиридон не поменял. Крестьянская еда, воздержность в быту, доходящая до бедности, пастушеская шапка — всё это так не похоже на признаки святительского сана. Зато внутренние богатства благодати, которые носил в себе святитель Спиридон, заставляли современников вспоминать имена пророков Илии и Елисея.

IV век, век жизни святителя, был тем временем, когда успокоившаяся от внешних гонений Церковь стала терзаться внутренними болезнями. Ложные учения, ереси стали тревожить

умы верующих людей. Эпоха требовала богословского подвига и защиты апостольской веры на отточенном языке философских понятий. Спиридон менее всего подходил для этого. Он был молитвенником, подвижником, праведником, но никак не книжником и не оратором. Однако святой пошел на Никейский Собор, созванный императором Константином по поводу учения александрийского пресвитера Ария.

Ересь Ария поколебала вселенную. Этот священник дерзнул учить, что Христос не Бог, что Он не равен Отцу и было время, когда Сына Божия не было. Те, кто носил Христа в сердце, содрогнулись, услышав такие слова. Но те, кто еще не победил свою греховность и кто слишком доверял своему разуму и логике, подхватил Ариево кощунство. Таковых было много. Украшенные внешним знанием, кичливые и говорливые, эти философы страстно доказывали свои мнения. И святой Спиридон решил вступиться за Истину. Отцы Собора знали, что этот епископ в пастушеской шапке свят, но не искусен в слове. Они удерживали его, опасаясь поражения в диспутах. Но Спиридон совершил нечто неожиданное. Он взял в руки кирпич и, сотворив молитву, сжал его в руках. Слава Тебе, Христе Боже! В руках святого старца вспыхнул огонь, потекла вода и осталась мокрая глина. Кирпич, силою Божией, разложился на свои составные части.

«Смотри, философ, — сказал с дерзновением Спиридон защитнику арианства, — плинфа (кирпич) одна, но в ней — три: глина, огонь и вода. Так и Бог наш един, но три Лица в Нем:

Отец, Слово и Дух». Против таких доводов должна была умолкнуть земная мудрость.

* * *

Это не единственное чудо святителя, и мы не случайно упомянули ранее имена Илии и Елисея. Великие пророки Израиля всем сердцем служили Богу, и Бог совершал через них удивительные чудеса. Мертвые воскресали, прокаженные очищались, Иордан разделялся надвое, небо заключалось на годы и отказывалось проливать дождь. Казалось, что Свою власть над сотворенным миром Господь временами отдавал Своим избранникам. Третья и Четвертая Книги Царств подробно рассказывают об этих чудотворцах.

Спиридон был подобен им. Киприоты-земледельцы были счастливы, имея такого архиерея, поскольку небо слушалось святого. В случае засухи молитвы Спиридона преклоняли Бога на милость, и долгожданный дождь поил землю.

Подобно Елисею, который проверил наличие на себе духа Илии, разделив воды Иордана (см. 4 Цар. 2, 14), и святитель повелевал водной стихией. Он шел однажды в город, чтобы вступиться за несправедливо обвиненного знакомого, и разлившийся ручей угрожал преградить ему дорогу. Святой запретил воде именем Божиим и продолжил путь.

Неоднократно смерть отдавала свою добычу, и по молитвам святого воскресали мертвые.

Нужно заметить, что житие святителя Спиридона известно нам не полностью, но лишь в

небольших фрагментах. И даже то малое, что известно, поражает могуществом силы и славы Божией, действовавшей через этого человека.

Знакомство со святыми и со всем тем сверхъестественным, что было в их жизни, является пробным камнем для человеческого сердца. Очевидно, мы не можем повторить жизнь великих угодников. Но радость о том, что такие люди есть, и вера в то, что описанные чудеса действительны, говорит о том, что мы с ними одного духа. Пусть они, эти святые люди, полны, как море, а мы — как наперсток, но и в нас, и в них одна и та же живая вода. Если же человек скептичен к слышанному, то вряд ли в его сердце живет вера в Того, для Кого нет ничего невозможного.

* * *

Илия и Елисей — великие святые, но не их именем назывались израильтяне. Отец народа и одновременно отец всех верующих — Авраам. Это его непостижимая преданность Богу стала основой всей последующей священной истории. Одной из главных черт, характеризующих Авраама, было милосердие и странноприимство. Когда мы говорим о святителе Спиридоне, мы всегда вспоминаем праотца, поскольку любовью к нищим и странникам святитель вполне ему уподобился.

Любовь к людям выше чудес. Тот, кто может открывать нуждающимся вместе с сердцем и кошелек, и двери дома, тот — настоящий чудотворец. Бóльших чудес не надо. А если они и

будут, то только при наличии главного чуда — человеколюбия.

Дом Спиридона Тримифунтского не закрывался для странников. Из его кладовой любой бедняк мог взять в долг любое количество пищи. Возвращал долг бедняк, когда мог. Никто не стоял рядом и не контролировал количество взятого и возвращенного.

Вместе с тем жестокие и корыстолюбивые люди встречались в лице Спиридона как бы с Самим Богом, страшным в Своей справедливости. Житие описывает несколько случаев, когда святой наказывал и посрамлял купцов, не стыдившихся наживаться на чужой беде.

Бывает, что человеку нужен не столько Небесный Отец, сколько Небесный «Дедушка», снисходительный к ошибкам и позволяющий порезвиться. Так, современника Спиридона Тримифунтского Николая Чудотворца с течением веков переодели в Деда Мороза и приспособили к разносу подарков. А ведь святой Николай не только тайком подарки раздавал. Временами он мог употребить к дерзким грешникам и власть, и силу. Так было при земной жизни. Так продолжается и сейчас, когда души праведных созерцают Христову Славу.

Спиридон добр, как Николай, и, как Николай, — строг. Одно не бывает без другого. Умеющий любить правду умеет и ненавидеть ложь. Человек, неправедно гонимый, человек, чувствующий слабость и беззащитность, в лице Спиридона может найти сильного защитника и скорого помощника. Только пусть сам чело-

век, просящий помощи, не будет несправедлив к ближним, поскольку у святых Божиих нет лицеприятия.

* * *

Среди тех радостей, которые дарит человеку христианская вера, есть радость обретения чувства семьи. Верующий никогда не бывает одинок. Вокруг него всегда *облако свидетелей* (Евр. 12, 1). Жившие в разные эпохи и в разных местах люди, достигшие Небесного Иерусалима, составляют ныне церковь *первенцев, написанных на небесах* (Евр. 12, 23). С любовью наблюдают они за нами, всегда готовые, в ответ на просьбу, прийти на помощь.

Один из них — святитель Спиридон, радость киприотов, керкирская похвала, Вселенской Церкви драгоценное украшение.

КОГО ТЫ ЛЮБИШЬ?

Победа преподобной Марии Египетской

Я люблю Марию Египетскую. Вот люблю — и всё. С тех пор как услышал ее житие, не проходит недели, чтобы не вспомнил о ней. Сам, как священник, читал его на пятой седмице поста в полумраке при свечах и не меньше четырех-пяти раз всегда останавливался, сглатывал комок, стоящий в горле, и вытирал слезы.

Сотни мыслей одолевают меня в связи с этой женщиной. Одна или две из них мне кажутся

важными. Во-первых, мне больно оттого, что таких людей, какой была Мария до покаяния, и было, и есть очень много. Мне понятно, что кроме покаявшихся мытарей и блудниц, описанных в Евангелии, были тысячи тех и других, так и не исправившихся. Эти люди живут на острие ножа. Они балансируют над бездной, ежедневно — и еще более еженощно — погружаясь в адскую реальность. То, что обычному человеку нужно доказывать, прожженный грешник понимает без дополнительных аргументов. Наркоманы, например, знают, что есть ад: они в нем живут. И проститутки знают, что есть ад. Они знают это не умом, ум их как раз убежден в обратном. Это знает их душа. Душу невозможно обмануть, она страдает от неестественной жизни, от сотен партнеров, меняющихся, как колготки. Умом они придумали себе какое-то оправдание и носят его на себе, как бейджик. Но душа выше логики, она знает больше. Это знание изживает блудниц изнутри, и поэтому почти все они или пьют, или колются. Сквозь толщу веков для миллионов таких людей преподобная Мария показывает путь выхода. Почему они не идут по этому пути? Меня это мучит.

Что пленяет меня в ней, той, еще не покаявшейся? Честность. Блудницы вообще честны. Им незачем притворяться, все о них и так всё знают. По авве Дорофею, лгать можно словом и лгать можно жизнью. Ложь словом — это понятно. Ложь жизнью — это притворство. Это ситуация, когда развратник притворяется целомудренным, скряга и кровопийца — благодетелем. От этой второй лжи проститутки избавлены.

Тогда как «обычные» люди бывают причастны ко многим грехам, но пытаются выглядеть людьми порядочными, блудницам незачем притворяться. Ниже падать нельзя, и они, находясь на дне, могут быть предельно искренними. Остерегайтесь говорить с ними о нравственности. Они, как сточные канавы общества, знают всё, чем общество живет. Знают правду о «высокоуважаемых мужчинах» и об их «женах с безупречной репутацией». Раздраженная проститутка может отбрить любого. Она — на дне и, твердо упираясь в него, может говорить всем правду.

Мария не брала денег за блуд. Мысль об этом заставляет меня вздрогнуть. Здесь — корень ее спасения. Она честно думала, что смысл жизни — это плотские сласти. Ее невообразимый блуд — это искренняя самореализация. Как садовник-любитель не берет денег за выращенный им цветок или художник-аматор рисует не для продажи, а для души, Мария утопала в блуде ради блуда, а не ради наживы. Если бы к цепям разврата она добавила цепи сребролюбия, не вырваться бы ей из этой трясины вовеки.

Большинство гулящих женщин гуляет потому, что «нравится». То, что «быт заел» и «детей кормить надо», — это отговорки, придуманные после, комариный писк, пришедший из ума. Большинство из них не бросают свой проклятый образ жизни потому, что ничего не умеют делать, не хотят и не могут жить иначе, привыкли к праздности и дешевой роскоши своей профессии. У блаженной Марии этого не было. Эта великая женщина умела прясть и ткать, умела прокормить себя еще в период блудной

жизни. Она умела не зарабатывать тем, в чем видела цель и суть. Когда Бог ей открыл истинную цель жизни и истинную суть ее прошлого, она мужественно пошла вперед, не оглядываясь, и сегодня может молиться о нас.

Таким был, кстати, апостол Павел. Он честно ненавидел христиан, от всей души любил закон и всё, что делал, делал до конца. Я думаю, что такие цельные и горячие натуры пристально высматривает Христос. Христос ищет таких людей — искренне заблуждающихся, ревностных в своих ошибках, но цельных и нелживых. Всезнающий Христос из них готовит светильников для всего мира.

Большинство из нас гнусны и гнилы не потому, что грешат, а потому, что грешат и каются вполдуши, вполсилы, кое-как.

Лермонтов сказал однажды:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви.
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Лермонтов в этих строчках вторит Апокалипсису. Господь упрекает неких людей за то, что они ни горячи, ни холодны. О, если бы ты был холоден или горяч! *Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 16). Мария всю жизнь была горяча, и это — точка, в которой она и Бог встретились.

Хождение по водам и знание демонов, прозрение мыслей человеческих (то, что мы видим в ее житии) меня интересуют далеко не в первую очередь. Всё это внешние знаки внутрен-

ней победы. Она себя победила. Она совершила то, что в глазах всех мудрецов, где б они ни жили, стоит больше, чем выигранная война.

Образ этой великой женщины вошел в кровь нашего народа. Возможно, она сиянием своей святости озаряла Федора Михайловича, когда он писал о Сонечке Мармеладовой. Может быть, о ней думал Пастернак, когда писал о Магдалине:

Чуть ночь, мой демон тут как тут,
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата,
Когда, раба мужских причуд,
Была я дурой бесноватой,
И улицей был мой приют.

Есть в нашей речи глупые, слюнявые вопросы. Один из них: кого ты любишь? Его задают сюсюкающие бабушки заласканным внукам. Влюбленные с влажными глазами газели носят его на устах. Я побаиваюсь этого вопроса. Но если ночью меня разбудить и спросить: «Кого ты любишь?» — вполне вероятно, что я скажу: «Я люблю Марию Египетскую». Вот люблю — и всё.

КРЕСТИТЕЛЬ

Выбор святого князя Владимира

Если человеку повезло родиться в такой семье, где несколько поколений живут бок о бок, то, вероятнее всего, воспитывать его будет ба-

бушка. Мать будет кормить грудью, отец будет хмурить брови, если ребенок сделает что-то не так. А вот рассказывать о том, откуда взялись луна и звезды, какие в древности жили герои, почему звери не умеют разговаривать, и многом другом будет бабушка. Бабушкина любовь — это инстинкт, помноженный на опыт, это — грусть и нежность, рождающиеся от соприкосновения старости с новорожденной невинностью.

Если бы не пушкинская няня, мы вряд ли читали бы сказки Александра Сергеевича. И если бы не бабушка князя Владимира, он вряд ли крестился бы, а значит, и наша история потекла бы по совсем иному руслу. К своей обычной ласке Ольга добавляла крестное знамение. Она наверняка шептала молитву, глядя на внука, и это был первый посев, который со временем принес неожиданный и богатый урожай.

Церковная поэзия называет Ольгу утренней звездой, появление которой на небосводе Отечества предваряло восход Ясного Солнышка — князя Владимира. Владимир вымолен бабушкой, точнее, ею был вымолен тот могучий поворот руля, который был сделан ее внуком. Удобнее всего сравнивать тот исторический поворот с изменением курса большого корабля:

Вот паруса надулись, ветра полны.
Громада движется и рассекает волны.

Святитель Николай Сербский пишет, что огромная нива, распростершаяся от Дуная до Тихого океана, начала вспахиваться и засеваться евангельским словом, начиная с Крещения

Владимирова. В сравнении с огромностью этой нивы и Римская империя, и Византия кажутся малыми островками.

Обескровленная религиозными войнами, разуверившаяся сама в себе и в Истине, которую так долго и горячо исповедовала, Европа спасла себя в Америке. Белый человек с Библией в руках нашел за океаном новую родину и стал обживать ее, стремясь превратить в земной рай. Византия же спасла себя в Руси. Вернее, спасла не себя. Меч Магомета сокрушил ее могущество. Византия успела перепрятать сокровище, которым хвалилась и ради которого жила, — Христианство. Она принесла его на Русь. «Для Православия Скифия значила столько же, сколько Америка для западного христианства, и даже больше», — пишет святитель Николай.

Русь приняла христианскую веру в готовом виде — как ограненный, отшлифованный алмаз в дорогой оправе византийского обряда. Достойно удивления, что это сокровище Господь вручил народу, не искушенному в земной премудрости и науках, народу без написанной истории и без самой азбуки. Другие трудились, *а вы вошли в труд их* (Ин. 4, 38), — эти слова Христа уместно применить и к новому христианскому народу Руси.

Для труб евангельских на новой земле не было Иерихона. Разрушать было нечего, кроме деревянных истуканов. Ни пирамид, ни пагод, ни мраморных скульптур, ни философии, ни театра, ни высокой поэзии... ничего похожего на Рим и Грецию, на Египет и Вавилон

с их пышным и соблазнительным язычеством. Всё примитивно, всё близко к природе. Но и сам грех необуздан, как разгулявшаяся стихия.

* * *

Когда Бог хочет воплотить Свои направленные в вечность планы, Он ищет на земле людей, способных Ему помочь. Его выбор не сиюминутен. Если бы люди вместо Бога делали этот выбор, они непременно ошиблись бы. Ведь люди, в отличие от Бога, не знают тайну человеческого сердца. Так и Самуил, глядя на внешность, ошибался, кого из сыновей Иессея помазывать в цари над Израилем (см. 1 Цар. 16, 6 — 12). В случае с Русью Господь тоже совершил выбор, совершенно невозможный с точки зрения простого человека. Он выбрал Владимира.

Любовь к земным сластям, пороки и суеверия покрывали Владимира с головы до ног. Но нутро его, как сердцевина в дереве, было здоровым. Ему предстояло преобразиться, из гусеницы стать бабочкой и силой живого примера позвать за собой всех подвластных людей. Бог видел, что душа князя и мужественна, и не лжива. Он грешил, не зная истины, но был способен оставить грех, познав истину.

Его, как и нас, в вопросах веры и религиозной самоидентификации окружали и звали к себе иудаизм, ислам и Христианство. Свой выбор князь должен был осуществить, не имея достаточных знаний как религиозных, так и исторических. Предстояло решать, руковод-

ствуясь природным умом, здравым смыслом государственного мужа и интуицией.

Бог особо печется о князьях и царях. Фараон при Аврааме и Навуходоносор при Данииле видят пророческие сны или же особо вразумляются Богом. Это потому, что судьбы мира и жизни миллионов людей зависят от их решений. Это в полной мере касается и Владимира, даже когда он еще был язычником и вместе со всем народом стоял на историческом перепутье.

Его аргументация отказов в принятии всех вер, кроме Христианской, может звучать наивно. Но это та ситуация, о которой римляне говорили: «Повод ничтожен — причина велика». Католики и мусульмане отвергнуты по причинам далеко не принципиальным. Только иудеям князь задает вопрос, являющийся одновременно веским контраргументом: «Если ваша вера самая лучшая, где ваша земля, где государство и почему Бог рассеял вас по миру?» Но повторюсь, отвержение вер было совершено не на основании тех слов, которые были сказаны исламским, еврейским и западным миссионерам. Это было дело Промысла Божия, в котором Владимир исполнял роль орудия.

Из единого в то время христианства (до Великой схизмы более полувека) князь избирает восточный вариант. Если службы латинян послов не трогают, то византийская литургия, напротив, заставляет Владимировых купцов забыть, где они — на небе или на земле. Светлый образ княгини Ольги как нельзя кстати появляется в сознании послов. Они, растроганные богослужением, говорят, что мудрейшая Оль-

га не избрала бы Христианство, не будь оно самой лучшей верой. Проповедь греческого миссионера и икона Страшного Суда, образы которой он растолковал князю, сыграли свою роль. Владимир решает креститься. С тех пор и мы, его поздние внуки, чтим иконы, не мыслим веру без благолепного богослужения и, конечно, любим бабушек, воспитавших нас.

* * *

В Крещении Владимиром Руси есть еще элемент, рождающий вопросы. Князь крестил народ без предварительного оглашения, волевым усилием. «Кто не придет на Днепр креститься, тот мне недруг», — сказал Владимир, и после этих слов трудно было найти человека, желающего стать добровольным врагом князю. У Лескова в повести «На краю света» один из главных героев говорит, что «Владимир поспешил, а греки слукавили». То есть что греки наспех окрестили народ, не уразумевший начала веры. В этих словах есть правда, и отворачиваться от нее не стоит. В память о тех временах осталось в нашем языке слово «куролесить». Оно означает «делать нечто непонятное», а родилось из греческого «Кирие элейсон», то есть «Господи, помилуй». Службы долгое время совершались пришлым греческим духовенством на незнакомом для славян языке, и новокрещенный люд ходил в храмы, где греки «куролесили».

Но правда и то, что Русь полюбила новую веру. Прилепленное снаружи отлипнет через короткий срок, а вошедшее внутрь останется и углубится. Так углубился в русском народе

посев Владимира, и в скором времени из недр новокрещенного народа рождаются богатыри духа — истинные монахи и подвижники. Та чудесная жизнь Палестины и Египта, глядя на которую в пятом, шестом веках удивлялось небо, повторилась на киевских горах в веке одиннадцатом. Затворники и молчальники, бессребреники и молитвенники, которых боялись бесы и слушались мертвые, не могли бы появиться, если бы не всецелая преданность русичей Христу и Евангелию. Достаточно на один день посетить Киево-Печерскую Лавру и бегло ознакомиться с ее историей, чтобы понять — Владимир не поспешил и не ошибся в выборе.

Да, правильный порядок действий предполагает научение и лишь после того — крещение. Русь же крестили так, как крестят младенцев, — без сознательной и взрослой веры. Когда мы крестим малышей, мы реально и действенно соединяем их с Иисусом Христом. Дети этого не понимают, хотя Таинство совершается в полной мере. Далее следует учить ребенка и делать всё, чтобы подаренная вера была усвоена и полюблена. Если взрослые не сделают этого, реальность рискует смешаться в такую кашу, о которой трудно будет вынести однозначное суждение. Если же крестить ребенка, а затем учить его вере и воцерковлять, то всё становится на свои места и вопросы снимаются.

* * *

Итак, Русь была крещена, как ребенок, и требовала дальнейшего научения и возрастания в вере. При Ярославе появились школы и

библиотеки, пришли грамотные люди из Болгарии со славянскими книгами, появилось духовенство из числа коренных жителей. Дело Владимира нашло органическое и основательное продолжение. Но вскоре пришли монголы, и высокий полет закончился. Книжная мудрость и живая проповедь из разряда естественной необходимости надолго переходят в разряд редкого исключения. Русь занимает место среди христианских народов, но место это особое. Русь, как бы в ожидании своего часа и своей миссии, затаивается на долгое время, оставляя другим историческую сутолоку и решение больших вопросов.

Сегодня нам, вооруженным знаниями и чувствующим ответственность перед Богом и будущим, следует потрудиться на уже засеянной ниве, войти в труд тех, кто жил и трудился до нас. По количеству крещений и обращений, по количеству восстановленных и заново построенных храмов и обителей наше время справедливо названо Патриархом Алексием II временем «второго Крещения Руси». Только нам — правнукам святого Владимира — следует сегодня поступать иначе. Нам мало строить храмы. Нужно и учить людей вере. В эпоху всеобщей грамотности безграмотность в вопросах веры приобретает особенно страшные свойства. Владимир делал то, что Бог ему приказал, то, что почувствовало его сердце. Он не ошибся, но он ждет, что потомки продолжат его труд, так, как композитор хочет, чтобы его ноты были прочитаны, разучены и талантливо исполнены.

ЗАПАХ СВЯТОСТИ

Знакомство с преподобным Иовом Почаевским

Великие события часто происходят на вершинах гор. На Почаевской горе в XIII веке след Своей стопы оставила Богородица. Вскоре на месте Ее явления возник монастырь. В XVI веке игуменом Почаевской обители стал монах по имени Иов.

В миру его звали Иваном, в честь Крестителя и Предтечи Христова. В монашестве — Иовом, в честь многострадального библейского праведника. В своей жизни он сумел объединить «долготерпение многострадального праотца» и «Крестителево воздержание». После его блаженного упокоения не только целебный источник и чудотворная икона притягивают на Почаевскую гору тысячи паломников, но и нетленные мощи святого Иова. Это не Синай в Египте и не Иерусалим в Израиле. Это — Почаев на Волыни. Жалко, если ты живешь в Украине и ни разу не смотрел на бескрайнее небо с высоты Почаевской горы. И совсем уж стыдно, если ты знаешь много о происходящем вдали и совсем не знаешь о святынях, находящихся рядом.

На самом нижнем уровне — уровне чувств — смерть связана с запахом. Тяжелый и сладковато-удушливый, это, кажется, он заставляет всех находящихся в доме, где лежит покойник, разговаривать шепотом. И еще холод. Человеческая плоть, всегда встречающая тебя теплом

при поцелуе или рукопожатии, по смерти обжигает безжизненной холодностью мрамора.

Теплота и благоухание далеки от обычной смерти, как далек январь от августа. Теплота и благоухание — это имена молитвы. Молитва греет душу и благоухает, как кадильный дым. Если я узнаю, что чье-то тело и после смерти остается теплым и благовонным, о чем это будет говорить? О том, что душа, жившая в этом теле, продолжает молиться Богу. О том, что эта душа во дни земной жизни так горячо стремилась ко Христу и так тесно с Ним соединилась, что даже плоть, эта тяжелая одежда и грубая оболочка, пропиталась святостью и не хочет гнить после разлучения с душой. Я говорю об Иове Почаевском.

О нем тяжело сказать: «Он умер». Точнее сказать: «Его душа покинула тело три с половиной столетия назад — в 1651 году». А прожил он на земле 100 лет, из которых 90 был монахом! Такого игумена на Почаевской горе не было ни до, ни после Иова. Впрочем, что я говорю! Он и сейчас остается игуменом своего монастыря, и у него до сих пор можно брать благословение.

Через восемь лет после своего преставления Иов явился Киевскому митрополиту Дионисию и сказал, что Бог желает «прославить его кости». Митрополит не обратил внимания на сказанное ни после первого, ни после второго(!) видения. И только после третьего раза, когда преподобный употребил угрозу, пришлось митрополиту собираться в путь и ехать в монастырь Почаевский.

Исцеления и чудеса начались сразу, как только могила праведника была разрыта и гроб извлекли из земли. И еще раздалось благоухание. Сильное и тонкое, чудное, нерукотворное.

Святое тело положили рядом с пещерой, в которой Иов проводил многие дни, упражняясь в непрестанной молитве. Осенняя память преподобного совпадает с памятью Печерских отцов Дальних пещер. Подражая этим родоначальникам русского монашества, Почаевский игумен любил пещерное одиночество и умное предстояние перед Богом. Одно из песнопений службы преподобному Иову говорит следующее: «Открой уста твои, пещера каменная, и скажи нам, как часто потоки слез Иова омочили тебя? Как его воздыхания стен твоих не расторгли? Как свет Божественный тебя не ожег? Как Ангелы подвигам Иова удивлялись?»

Свет Божественный действительно озарял тесную пещеру. Это видел однажды один из учеников Иова. Это был тот же огонь, одетым в который стоял при служении литургии Сергий Радонежский. Это был тот же свет, которым сияло лицо Серафима Саровского при беседе с Мотовиловым. Это был свет Фаворский, свет благодати, подаренной обновленному человечеству.

Интересно, что фамилия Иова была Зализо, т. е. «Железо». Своей твердостью и постоянством в добре преподобный свою фамилию оправдал. Даже, думаю, если бы и вправду было у Иова железо вместо плоти и костей, то истерлось бы и искрошилось оно раньше 100-летнего возраста. Человек слаб, но его гибкая слабость

может быть долговечнее твердости мертвого вещества.

От долгого стояния на молитве, от беспрестанных и многолетних трудов у преподобного болели ноги. Вначале отекали, затем покрывались ранами. Со временем раны начинали гноиться и кровоточить. И вот теперь это тело, которое когда-то отставало от костей, которое прежде смерти было умерщвлено трудами, лежит рядом с местом своих подвигов и благоухает.

Его нетленную руку можно поцеловать. Она тепла, и если тебе будет страшно, то вовсе не оттого, что ты прикасаешься к мертвому, а оттого, что ты грешен, а Иов свят.

На иконах он держит свиток, на котором написан стих из 15-го псалма: *Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления* (Пс. 15, 10).

Он очень силен, Иов Зализо. Это хорошо знают демоны. Когда игумен несколько раз в году покидает место своего покоя, когда он на плечах священнослужителей в праздники обносится на крестном ходе вокруг своего монастыря, демонское полчище рыдает на многие километры вокруг. Но не только поэтому силен Иов. Он силен потому, что способен пробить брешь в самой неприступной крепости — в привычном бездуховном человеческом мировоззрении. На обычную жизнь с ее горестями и удовольствиями, на смысл жизни, на царствующую ныне смерть и на будущее всеобщее воскресение человек после знакомства с преподобным Иовом начинает смотреть иначе.

Холод умирающей жизни и ее греховный смрад хоть ненадолго, но отступят. Захочется тоже ожить, потеплеть от молитвы и запахнуть святостью.

СВЯТИТЕЛЬ ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

Он известен нам и любим нами за главный труд всей своей жизни – Жития Святых. Труд этот, даже при беглом знакомстве, представляет собой такую глыбу, что поднять ее под силу только титану духа.

Слово «подвиг» проще всего и чаще всего ассоциируется с героизмом на войне. Воцерковленным людям известно и другое значение этого слова. Значение, связанное с корнем «двиг». Совершает подвиг тот, кто сдвигает себя с мертвой точки, тот, кто **движется** в нужном направлении, преодолевая страх, лень и усталость. Жизнь по заповедям Евангелия, жизнь в молитве и воздержании требует непрестанного усилия, то есть подвига. Но и в этом случае «подвиг» ограничен представлениями о монашестве, юродстве, столпничестве, странничестве. То, что существует подвиг *умный*, думают нечасто, а ведь именно его совершил Ростовский Митрополит Димитрий. Чтобы понять глубже эту мысль, возьмем примеры из областей близких, но всё же других.

Гнедич, много лет проведя в трудах, перевел с греческого «Илиаду» и «Одиссею». Современники сочли его труд *интеллектуаль-*

ным подвигом во славу родной словесности и мировой культуры. И это правда. О людях, всю жизнь занимающихся переводами Данте, Шекспира, Вергилия, нужно говорить шепотом и с уважением. Это почтовые лошадки цивилизации, перевозящие с континента на континент и из эпохи в эпоху драгоценный груз лучших человеческих мыслей. Они часто бывают неприспособленны к жизни, одиноки и лично несчастны. Они могут годами не покидать свои кабинеты, как Кант, живший у моря и ни разу не видевший его собственными глазами. Физик, химик, философ, писатель — разве это не рыцари, честно служащие своему возвышенному идеалу? Их труд требует жертв, лишений, аскетизма, и они на это готовы. Не зря говорят на Востоке, что чернила ученого подобны крови мученика.

Димитрий Ростовский во всем был похож на ученых затворников. Только его труд выше. Он трудился ради Христа и Церкви. Кроме необходимой усидчивости, терпения, многолетнего напряжения всех душевных сил нужна была горячая вера и большая любовь.

Святитель Димитрий был человеком Церкви до последнего ноготка. Он был полностью погружен в Писание и Предание, жил богослужением и дышал еще на земле воздухом Небесного Царства. Вот записи из его дневника, приоткрывающие его внутренний глубоко церковный мир. «В лето от воплощения Бога Слова 1705-е, месяца февруария, в 9-й день, на память мученика Никифора, сказуемого Победоносца, в отдание праздника Сретения

Господня, изрекшу Симеону свое моление: **ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко,** в день страданий Господних пятничный, в который на кресте рече Господь: **совершишася**, — перед субботою поминовения усопших и пред неделею Страшного Суда, помощью Божией и Пречистой Богоматере, и всех святых молитвами, месяц август написася. Аминь». Это слова человека, живущего в Церкви так, как рыба живет в воде. А вот слова святого отца, написанные на смерть матери: «В самый великий пяток спасительныя страсти, мать моя преставися в девятый час дня, точно в тот час, когда Спаситель наш, на кресте страждущий за спасение наше, дух Свой Богу Отцу в руце предал... А и то за добрый знак ея спасения имею, что того же дни и того же часа, когда Христос Господь разбойнику, во время вольныя страсти, рай отверзал, тогда и ея душе от тела разлучитися повелел». Весь внутренний мир, как видим, словно закваскою заквашен событиями литургического года и ежедневного богослужебного круга.

* * *

На Жития святого Димитрия сегодня слышится немало нареканий. Диалоги кажутся длинными и пафосными, манера однообразной. Христовы страдальцы первых веков изображены непобедимыми героями, в сравнении с которыми гонители — не более чем злобные и слепые в своем неверии карлики. Человеку, знающему, какой кровью умылась Церковь в 20-м веке, знающему, как не похожи недавние

страдания бесчисленных мучеников и исповедников на те, которые описаны у святителя Димитрия, читать его Жития бывает тяжело. В чем здесь дело? Дело в духе тогдашнего времени и в образовании, которое получил святой.

Жития святых — это словесная икона. Димитрий Ростовский писал свои иконы в барочном стиле. Так он был воспитан. Вся образованность, из Киевских школ распространявшаяся по Руси, была полуеретична. Это были те страстные восторги, которые пришли на Русь с Запада. Страстность и восторженность вошли в проповедь. С тех пор она криклива, безжизненна и искусственна. Страстность вошла в архитектуру, и храмы стали снаружи щегольскими, а внутри полными резьбы, от которой рябит в глазах, дешевой позолоты и пузатых ангелочков — копий античных амуров. Страстным стало пение, многоголосое, оперное, итальянское. Не хватало только органа или скрипичного концерта посреди службы. И лики на иконах покрылись румянцем, то ли стыда, то ли отменного здоровья. Благословляющие персты стали пухлыми, обратная перспектива исчезла, уступая место технике портрета. Это было великое и незаметное (!) отпадение от Православия. Незаметное потому, что Таинства продолжали совершаться, и Символ Веры пели в храмах без еретических добавок. Но **западное пленение** совершилось. Некритично впитав в себя католическую мистику и эстетику, народ через сто лет начнет некритично впитывать вольтерьянство. А затем — социалистические идеи. А затем...

Святитель Димитрий жил в этой атмосфере. На его искреннюю любовь ко Христу и благодатный церковный опыт наложились и католический пиетет, и барокковая эстетика. Святость была возможна лишь в случае победы внутреннего опыта над внешним воспитанием. И Димитрий не был одинок.

Та же борьба предстояла всем таким, как он. Стефан Яворский, Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский и другие были людьми, которые изнутри преодолевали внешнее западное давление и церковное, и государственное.

* * *

Новые агиографы напишут проще и точнее. Они уйдут от «плетения словес» и стилистических завитушек. Как апостол Павел, *в простоте слова, чтобы не упразднить Крест Христов,* они напишут о далеком и близком прошлом Матери-Церкви. Но им, как и Димитрию Ростовскому, нужно будет жить в Церкви, и жить Церковью, а не просто «оказывать Ей услуги извне». Чтобы написать о святом, нужно войти в общение со святым и нужно, чтобы святой твоему труду не воспротивился. Труду Святителя Димитрия святые не только не противились, но и помогали ему.

Так, 10 августа 1685 года между звоном к заутрени и чтением кафизм явилась святому великомученица Варвара. Димитрий взмолился Варваре о том, чтобы она умолила Бога о грехах его, на что услышал: «Не ведаю, умолю ли, ибо молишься по-римски». Эти слова Святитель истолковал в том духе, что к молитве он ленив

и молится кратко, как у римлян принято. На слова Варвары он опечалился, но услышал от нее: «не бойся» и другие утешительные слова. Вскоре проснулся он с радостью в сердце и надеждой на Варварину помощь. Так же в иное время, после целонощного труда, под утро мало задремав, увидел Димитрий мученика Ореста, о котором только что писал. Мученик показал ему раны, полученные за Христа, которые у Димитрия остались неописанными.

Так что ответ на труды был еще при жизни, и ответ не от читателей только, но и от героев святых повествований. Сегодня Димитрий Ростовский с теми, о которых писал при жизни. Больше других знавший о святых, Димитрий видит сегодня их лица. Любивший при жизни земной воспевать Иисусово Имя, он сегодня присоединил свой голос к небесному хору.

Святитель Димитрий умел петь и любил пение. «Взирай с прилежанием», «Иисусе прекрасный», «О горе мне, грешнику сущу» — эти и многие другие канты, написанные святителем, поются до сих пор. Незадолго до смерти, почувствовав себя худо, святитель позвал к себе в келью певчих. Он попросил их спеть те песнопения, которые написал в юности. Потом долго рассказывал о том, как молился в молодости, как горел желанием угодить возлюбленному Господу. Затем отпустил певчих, а любимому келейнику поклонился до земли. Эту ночь он провел в молитве. В положении молящегося человека, на коленях, перед образом, его и нашли утром. Дно гроба, по предсмертной просьбе святителя, выстлали черновиками его сочинений.

* * *

Не только жития описывают кончину святителя. В скудные и тяжелые годы изгнания, в конце 20-х годов, в Париже писал об этом Иван Бунин. Один из его коротких рассказов так и называется — «Святитель». Автор вспоминает обстоятельства смерти святого и еще вспоминает одного знакомого мужика из «прошлой», дореволюционной жизни. У этого мужика была икона, изображавшая Димитрия, молитвенно стоящего на коленях. Хозяин иконы имел к святому глубокую любовь, доходящую до нежности. Он часто обращался с молитвой к святому, говоря при этом: «Митюшка, милый!»

«Только один Господь, — заканчивает рассказ Бунин, — ведает меру неизреченной красоты русской души».

СВЯТОЙ ИОАНН РУССКИЙ

Есть на Руси святой, к имени которого добавлено слово «грек». Это Максим, образованный монах, приехавший на Русь заниматься переводом Священных книг. Неласково поступила с ним новая родина. Оклеветали, осудили и, по сути, сгноили в тюрьме. Преподобный Максим всё претерпел, смирился и с молитвой на устах покинул скорбную землю. На стене темницы оставил надпись: «Благословен смиривший мя».

И есть в Греции святой, к имени которого добавлено слово «русский». Это — Иоанн Русский, исповедник. Греки не были к нему так

суровы, как русские к Максиму Греку. Когда Иоанн жил на земле, греки сами стонали под гнетом турок и насущный хлеб смачивали слезами.

Иоанн родился в Малороссии, там, где речь украинская ближе всего к себе самой, — на Полтавщине. Как солдат в войске царя Петра, Иоанн участвовал в русско-турецкой войне и оказался в плену. Насколько сладко крещеному человеку в турецкой неволе, любому из нас представить нетрудно. «Худшим народом из всех исповедующих ислам» называл турков Николай Сербский. И раньше были, и сейчас есть много благородных, милостивых, великодушных мусульман. Но те, в чьи руки попал Иоанн Русский, были не таковы.

За отказ принять ислам Иоанна жестоко били, сожгли волосы на голове, морили голодом. С готовностью умереть, но от Христа не отказаться, страдалец претерпел всё. Работать и жить его отправили на конюшню.

На чужой стороне солнце иначе светит. Самый вкусный хлеб жуется, как вата. Но вкусного хлеба у Иоанна не было. Были однообразные, медленно тянущиеся дни, тяжелый труд и повелительные окрики на непонятном языке. Хорошо, если у человека, попавшего в такую беду, есть вера и молитва. Иначе можно зачахнуть от печали, сойти с ума, сломаться и принять чужую веру. У нашего Иоанна было то, о чем говорит его тезка Иоанн Лествичник: «Сжатая вода поднимается вверх, а скорбящая душа возводит очи к Богу». Конюшню он орошал по ночам слезами и превращал ее молитвой

в благоуханный храм. Животные полюбили его и с нежностью тянулись к нему бархатными губами, ластились, как когда-то в Раю — к Адаму.

Турецкое селение имело греческое название — Прокопион. И храм там был в честь Великомученика Георгия. На паперти этого храма праведный Иоанн провел множество ночей, стоя на коленях, по памяти читая молитвы из Всенощной службы. Насколько можно часто, принимал пленник в этом храме Причастие.

Людям дано распознавать святость. Пусть не всегда, пусть не сразу, пусть не без ошибок, но сердца человеческие смягчаются, ощущая благодать. Если святой одет в шелк и бархат, святость затмит красоту его одежд. Если святой беден, святость сделает бедность незаметной. Турки почувствовали в своем рабе неземную силу и красоту. Они стали предлагать ему поменять место жительства на обычный дом, удобный и чистый. Иоанн Русский отказался. Кто почувствовал пользу болезни, тот не хочет выздоравливать.

Однажды, когда хозяин, по закону своей веры, отправился в Мекку, в дом собрались гости. Все блюда были вкусны, но вкуснее всего был плов. Кто-то сказал: «Жаль, что хозяин не ест с нами этот чудесный плов». Кто-то с улыбкой ответил: «Скажи этому русскому, пусть отнесет». Смеясь, позвали с конюшни Иоанна, дали блюдо и велели отнести в Мекку. Взяв блюдо и поклонившись, святой удалился. А вскоре вернулся с пустыми руками и сказал, что повеление исполнено. Веселью гостей не

было предела: «Какой хитрый русский! Ай да святой! Съел плов так быстро».

До чего же пришлось всем удивиться, когда хозяин вернулся из хаджа и с собою принес блюдо. Когда он увидел его в своем шатре, плов был горяч так, как будто только что был приготовлен.

Век земной праведного Иоанна был недолог, и начинающаяся слава не успела его испортить. Не старше сорока лет он покинул землю. Перед смертью причастился. Священник, боясь с Причастием идти в дом мусульман, прислал Святые Тайны внутри яблока. А через три года этому же священнику во сне явился святой и сказал, что тело его Бог сохранил нетленным, и желает Бог тело его открыть и прославить.

Люди всех вер и всех национальностей стали почитать праведного Иоанна Русского. «Святой человек, не лишай нас твоей милости», — молились они ему.

В 20-х годах прошлого столетия малоазийские греки воевали с турками. Эти события вошли в историю под именем малоазийской катастрофы. Многие греки бежали и, убегая, уносили с собой святыни. Так тело святого Иоанна попало в Грецию. В 1925 году оно нашло покой в селении Новый Прокопион. Это селение на острове Эвбея знают сегодня все греки.

Тело Иоанна Русского сохранилось чудесно. Глядя на его мощи, трудно поверить, что прошло без малого триста лет со дня его преставления. Когда преклонишь колени у его гроба, сразу захочешь плакать спокойными и радостными

слезами. А на улице возле храма, в небольшой часовне можно надеть на голову шапочку и на тело — пояс. Эти предметы освящены на мощах святого. Шапочку — чтобы мысли просветлели, а пояс — чтобы плоть от страстей не бесилась.

И в это время ты очень точно понимаешь, что самое необходимое для человека — это светлость ума и победа над страстями.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

— Жарко. Очень. Еще мухи эти... — Он мотнул головой, и несколько мух отлетели в стороны, но тут же сели опять, одни — на влажный нос, другие — на голову возле глаз. — Был бы рядом ручей или речка.... Стой! Что это пахнет так?

Он встал на задние лапы и с силой втянул в себя воздух. Мед так не пахнет, и малина тоже. Это что-то вкуснее и необычнее. Медведь опустился на четыре лапы и пошел на запах, ломая ветки и раздвигая кусты.

На поляне был человек. Маленький и совсем не страшный. Таких людей можно не бояться. Ни топора, ни ружья в руках у него не было. Руки были немного подняты, и он с кем-то разговаривал, стоя на коленях. С кем — непонятно. На поляне больше никого не было.

— Иисусе, монахов радосте. Иисусе, пресвитеров сладосте. Иисусе, девственных целомудрие. Иисусе, грешников спасение.

Медведь, конечно, не понимал человеческой речи, но, когда человек повторял одно и то же слово — Иисусе, запах, гуще меда и слаще ма-

лины, волнами подплывал к его ноздрям. И не он один это чувствовал. Несколько птиц замерли на ветках и, любопытно склонивши набок голову, наблюдали за человеком. Казалось, что листья на деревьях перестали шуметь и муравьи в траве перестали суетиться. Человек молился, и природа, затаив дыхание, слушала его разговор с Создателем.

Сама природа молиться не может. У нее есть законы и инстинкты, но нет свободы. Есть чувства, но нет слова и разума. Природа ждет, когда начнут молиться люди, чтобы затем сладко замереть и прислушиваться.

Медведю вдруг так понравился этот маленький и нестрашный человек. Так вдруг захотелось подойти к нему и потереться мордой о его ноги. Захотелось поиграться, как тогда, в детстве, когда он с братьями возился и кувыркался весь день, а мать шлепала их лапой по загривку, но без злобы, а тоже играючи.

Он заурчал и двинулся к человеку. Тот опустил руки и обернулся. Когда он посмотрел медведю в глаза, зверь опустил голову и пригнулся. Точь-в-точь, как те львы, что ластились к Даниилу во рву, словно кошки.

Человек улыбнулся, встал с колен и медленно пошел в махонький домик, в котором, наверное, жил.

— Ну вот. Ушел.

Глаза у медведя стали грустными, но уже через минуту они засияли радостью. Человек вышел из домика и направился к нему. В руках у него было что-то похожее размером на камень, а цветом на кусок земли.

— На-ка, пожуй, косолапый.

Медведь взял губами осторожно с человеческой руки еду и проглотил ее в мгновенье. Вкусно. Но, может, это не сама еда такая вкусная. Может, она пропахла этим словом, которое человек повторял так часто. У него и руки пахли этим словом, и весь он был какой-то особый, сладкий, что ли.

— Ну, иди, иди теперь.

Человек потрепал его за ухом и повернулся уходить.

— Моя бы воля, никуда бы отсюда не ушел, — подумал, вернее, почувствовал медведь. Но не послушаться маленького, вкусно пахнущего человека было невозможно. Он повернулся и, как ребенок, которого попросили выйти из комнаты взрослые, нехотя углубился в лес.

Он, конечно, еще придет сюда. И не раз. Разве можно не идти на такой запах? Разве можно не смотреть, пусть даже из чащи, не выходя на поляну, на такого человека? Как вы думаете, люди?

Медведь еще обязательно придет.

А вы?

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

Жизнь и подвиг блаженной Ксении Петербуржской

Из всех городов России Петербург — самый нерусский город. На политической карте мира только в Африке множество стран имеют гра-

ницы, нарезанные под линейку. Это — наследие колониализма.

Также под линейку построен Петербург. Москва обрастала пригородами так, как купчиха обрастает юбками, как луковица обрастает плотью. Столетиями органически растут города. Но не Петербург.

Распланированный под линейку, он возник в считанные годы, тогда как другие города наживали мясо на костях, обрастали слободами и пригородами на протяжении целых столетий. Построенный под прямым углом, утопивший под мрамором тысячи душ, давший фору Риму, Амстердаму и Венеции вместе взятым, вырос он на гнилых болотах ни с того ни с сего — и тут же ощетинился пушками против врагов и крестами против демонов.

* * *

Молодой город уже через полстолетия подтвердил свою русскость своей святостью. Одной из первых и неофициальных его святых была женщина, казалось бы особо ничем не примечательная. Город был имперский, служивый, чиновничий. Сотни Акакиев Акакиевичей сновали туда и сюда с казенными бумагами. Нищета зябла на морозе и протягивала руки за милостыней. Было много церквей, но мало подвига Христа ради и мало милосердия.

Вдруг появляется женщина, раздавшая всем всё и молящаяся обо всех так, как будто это ее родные дети. Бездетные женщины, как правило, жестоки. Зэки, провожающие на свободу друзей, поздравляют их, но хоронят в душе го-

речь обиды. Ведь те уже уходят, а они еще остаются. Бескорыстно вымаливать другим то, чего сам лишен, — это высшая степень любви.

Ксения Григорьевна очень любила своего мужа. Прожили в браке они недолго и детей не нажили. Внезапная смерть супруга перевернула с ног на голову всю жизнь молодой вдовы. В браке ведь муж и жена сочетаются в одну плоть. И если одна половина раньше другой переступает грань жизни и смерти, то и вторая половина влечется за грань, хотя время ей еще не пришло. Тогда человек прежде смерти умирает.

Одни умирают для общественной жизни и спиваются. Другие умирают для греховной жизни и начинают подвиг ради Бога.

Ксения хотела, чтобы муж ее был спасен для вечности. Лишившись временного семейного счастья, она хотела, чтобы в вечности она и он были вместе. Ради этого стоило потрудиться. И вот молодая вдова начинает безумствовать, по-славянски — юродствовать. Она отзывается только на имя своего мужа, одевается только в его одежды и во всем ведет себя, как сошедшая с ума. Отныне и на полстолетия за личиной безумия она сохранит непрестанную молитву о своем муже.

Молящийся человек всегда от молитвы о ком-то одном переходит к молитве о многих. Сердце разгорается, расширяется в любви и охватывает собою путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, умирающих и много других состояний, в которых пребывают мятущиеся людские души. Большое начинается с малого. Стоит полюбить кого-то одного и невидимо про-

лить кровь в молитве об этом одном — как тут же откроются бездны и перед мысленным взором окажутся тысячи скорбящих, трепещущих, унывающих, нуждающихся в молитве.

Ксения нашла это, хотя этого не искала. Она хотела вымолить для блаженной вечности душу любимого мужа — Андрея Федоровича. Но эта горячая молитва об одном человеке сделала ее молитвенницей обо всем мире. Так из маленького вырастает большое. Так люди находят то, чего не ждали.

Ксения Григорьевна не родила детей от Андрея Федоровича, которого любила. Не насладилась семейным счастьем, не увидела внуков. Однако она вымаливает людям решение многообразных житейских проблем: примирения с тещами и свекрухами, обретения места работы, размены жилплощади, избавления от бесплодия...

Обычно кто чего не имел, тот того не вымолит. Не воевавший не понимает прошедшего войну. Не рожавшая не поймет многодетную. И так далее... А вот блаженная Ксения, хотевшая, но не имевшая мирского счастья, без всякой зависти вымаливает это самое счастье всем тем, кто обращается к ней.

* * *

Петербург — самый нерусский город. Спланированный под линейку, как Африка, нарезанный наподобие пирога, он весь родился из ума, а не от жизни. Однако заселили его русские люди, и уже через полстолетия родились в нем русские святые.

Они преодолели и собственную греховность, и неестественность среды, в которой жили, и явили нам торжество Вселенского Православия на продутых всеми ветрами северных широтах никому до сих пор не известной местности под названием Санкт-Петербург...

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Есть вопросы, кажущиеся простыми. Ответы на такие вопросы почти всегда ошибочны. Например: «Зачем нужны священники?» — «Ну, батенька, это просто. Крестить, хоронить, молебны служить».

Ответ неверный. В первую и главную очередь, священник нужен для того, чтобы служить Литургию. У многих возникнет вопрос: а что такое Литургия? Хорошо. Первый правильный ответ рождает следующие правильные вопросы.

В храме читают Часы. А в алтаре священник стоит перед жертвенником и приготавливает хлеб и вино для Безкровной жертвы. Берет большую просфору и, держа в правой руке копие, трижды осеняет просфору знаком креста. На каждом крестном знамении говорит: «В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

Если бы не Литургия, мир давно бы забыл о Первом Пришествии Спасителя, и никто бы не был готов ко Второму.

Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему (2 Тим. 2, 8).

Священников на Руси были тысячи. Это были монахи и бельцы, образованные и едва умевшие читать. Одни стали персонажами сказок, другие вошли в святцы. Но никто из них не служил Литургию так, как служил ее отец Иван Сергиев, он же — праведный Иоанн Кронштадтский.

Этот человек, родившийся на холодном севере нашей и без того холодной страны, воспитанный бедными и набожными родителями, стал эталоном для всех священников до самого Судного дня.

По звуку камертона выстраиваются голоса поющих. Слушая Баха и Моцарта, можно понять, что такое музыка. Понять, кто такой священник, можно, глядя на Иоанна Кронштадтского. По камертону его литургических возгласов стоит настраивать разноголосицу многолюдного священнического хора.

У него многому можно поучиться. Вернее, нет в священнической жизни такой грани, которая в жизни отца Иоанна не засияла бы, подобно бриллианту. Он был милостив к бедным; непримирим и строг в отношении безбожия и различных умственных шатаний; он помогал начать новую жизнь тысячам людей, опустившимся на самое дно. Сказать, что он молился горячо, значит ничего не сказать. Он молился чудотворно, и когда он разговаривал с Богом, то бытие Божие, присутствие Бога здесь и сейчас ощущались людьми как первая и главная реальность.

* * *

В те годы, когда о. Иоанн начал свое служение, Русская Церковь осваивала новый, а вернее хорошо забытый старый, вид деятельности — миссионерство. Вектор действия был направлен на восток, туда, где на огромных просторах империи жили многочисленные некрещеные народы. Волна миссионерской активности даже выплеснулась за пределы страны: в соседней Японии трудился Николай Касаткин, впоследствии названный равноапостольным.

Иоанн Сергиев хотел послужить делу православной миссии и вначале серьезно думал о проповеди в далеких краях. Но... Внимательный взгляд вокруг открыл ему картину странную и жуткую. Ничуть не меньше, чем язычники, в просвещении Христовым светом нуждались крещеные люди. Среди богатых и образованных — разврат и вольнодумство. Среди простого народа — невежество, пьянство, озлобленность. Чтобы спасать из адовых челюстей бесценные души, не нужно никуда ехать. Поле для борьбы открывается на каждом шагу, в каждом селе или городе.

Отца Иоанна можно назвать всероссийским батюшкой, но всё же он в первую очередь — Кронштадтский. Это в низкие двери кронштадтских лачуг входил он после службы, неся в руках пакеты с едой или лекарства. На улицах этого приморского военного городка озябший бедняк мог нежданно-негаданно получить в подарок от молодого священника пальто или сапоги. Там о. Иоанн причащал умирающих,

крестил детей, служил молебны, и там он начал ежедневно совершать Божественную Литургию.

* * *

Святые будут судить мир. Об этом говорит апостол Павел. Святые уже сегодня судят мир. Судят одним фактом своего существования. Людям было бы легче находить себе оправдание, если бы не было тех, кто преодолевает мирскую логику и живет Христовым умом. Люди, в сердцах которых нашел покой Иисус Христос, в исходном положении такие же, как и мы. Молились тому же Богу, боролись с теми же страстями, читали ту же Книгу. Почему они светлы, как солнце, а мы нет — загадка.

Может, святость подобна таланту, и сколько ни учи ребенка музыке, Моцартом ему не стать? Возможно. Отец Иоанн служил ту же Литургию, что и мы, но нам не дано служить так, как он. Не дано. А может, не хотим?

* * *

Литература о кронштадтском батюшке огромна. Это и описание чудес, и различные воспоминания, и злобные прижизненные нападки либеральной печати (святых любят не все). Есть и его дневник — «Моя жизнь во Христе». Со всем этим не то что сто́ит, а надо ознакомиться. Но каждый раз от разговоров о «Доме трудолюбия», о путешествиях по России с непрестанными службами и частыми исцелениями, о корзинах писем с просьбой по-

молиться* нужно возвращаться к разговору о главном — о Литургии. Между словом Литургия и жизнью о. Иоанна можно поставить знак равенства. Уже видя на горизонте грозовые тучи надвигающихся гонений, о. Иоанн показал всему миру, и особенно всему клиру, каким сокровищем мы обладаем и как им надо пользоваться.

Иоанн означает «Божия благодать». Это имя, ставшее у нас крестьянским и простонародным, носил Предтеча. Им был украшен любимый ученик Господа. Так же звали самого огненного и златословесного проповедника. В этом же ряду стоит и наш сородич — Иоанн Сергиев-Кронштадтский.

К святым обычно обращаются: «моли Бога о нас». К о. Иоанну можно обращаться: «научи нас понимать, любить и служить Божественную Литургию».

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

Людям не привыкать спускаться за сокровищами под землю. Земля богаче всех, и нужно либо тревожить ее недра, либо на время прощаться с солнечным светом и спускаться под землю самому, чтобы завладеть золотом, нефтью, углем, солью, металлами...

* Для принятия корреспонденции, адресованной батюшке, в Кронштадте было организовано специальное почтовое отделение. Ежедневно туда приходили сотни и тысячи писем и телеграмм.

Бывает, что опытный человек, держа в руках горящий светильник, говорит своему неопытному товарищу: «Спускайся за мной». Наверное, это искатели приключений или драгоценностей, подумаем мы, услыхав такие слова. И можем ошибиться. Потому что есть на свете места, куда нужно спуститься с горящим в руках светильником, спуститься вслед за опытным проводником, но не в поисках материальных сокровищ. Духовные сокровища, оказывается, тоже иногда хранятся глубоко под землей.

Киево-Печерская Лавра прекрасна собою. Когда бы ни смотрел на нее, когда бы ни ходил по ней, когда бы ни стоял на ее службах, всегда можешь сказать о ней Соломоновыми словами: *Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!* (Песн. 4, 7).

Но блажен тот, кто знает о корнях этой красоты, блажен тот, чья слеза падала на эти корни.

Если Лавра — дерево, то красота ее в ветвях и листьях, а сила — в корнях, т.е. в пещерах лаврских. Оттуда начинался монастырь. Туда, в темноту пещерную, на заре русского христианства уходили мужественные и цельные люди в поисках Света Господнего, Который просвещает всех (см. Ин. 1, 9).

Не странно ли то, что за Светом эти люди уходили в пещеры? Конечно, странно, но не для всякого ума. Странно для ума, который годен лишь на то, чтобы лакейски обслуживать земную жизнь. А если же человек может повторить за апостолом: мы имеем ум Христов (1 Кор. 2, 16), то для него это — продолжение

всего удивительного, о чем возвестило Евангелие. Если Бог Един в Существе и троичен в Лицах, если в Иисусе Христе соединился Бог и человек, если в Марии сочеталось девство и материнство, то почему бы не поискать особой благодати, уйдя не только от людей, но и от солнечного света?

* * *

Первым был Антоний. Он принес на нашу недавно крещенную землю монашеский образ жизни, и звали его так же, как звали первого монаха на земле — Антония Великого. Любовь к Иисусу Христу у этого земного Ангела была столь сильна, а общение с Ним столь постоянно, что на людях авва появлялся редко. Но каждое появление среди монашеской братии и богомольцев было подобно выходу солнышка из-за тучи и несло с собой всегда бесценные советы, духовные врачевания, неземную силу. Мы и сейчас не можем приложиться к мощам родоначальника Лавры. По повелению преподобного Антония мощи его погребены в недоступном для монахов и паломников месте.

Зато множество его учеников и последователей лежат в Ближних и Дальних пещерах перед нашими глазами. Пещеры Лавры, возлюбленные, — это настоящее кладбище, дышащее силой и святостью тех, кто на нем лежит. Вы посещали когда-нибудь кладбище, чтобы вдохнуть силу, исполниться бодрости, приобрести мудрость? Нет? Так почему же вы не идете в пещеры к преподобным?

Их безмолвие будет полезнее моих слов. Хотя очень полезно перед тем, как пойти на молитву к отцам, почитать о них, познакомиться с «Киево-Печерским патериком». И тогда иди, спускайся, освещая путь дрожащим огоньком свечи, проси исцеления, защиты, помощи.

* * *

В тяжелых крестных страданиях Христос одержал победу над нашей греховностью. Своей крестной смертью Сын Божий попрал, разрушил, победил нашу смерть.

Преподобные отцы были подражателями Спасителю. Будучи Христовыми, *они распяли плоть со страстями и похотями* (см. Гал. 5, 24). Христова победа над смертью со временем проявилась среди Печерской братии многообразно и удивительно.

Так, ученик Антония Агапит, монастырский врач и целитель, перед смертью сражался за душу искусного врача-иноверца. Тот предрек святому смерть через три дня и в противном случае обещал принять Православие, зная, что его прогнозы безошибочны. Агапит вымолил себе продолжение жизни, переживая не о своей отсрочке, а о душе ближнего.

Монах Афанасий, «бессмертный» по имени, умер и был приготовлен к погребению. Но перед самыми похоронами ожил. Не отвечая ни на какие расспросы, он попросил позволения затвориться в келье, где проплакал много лет, ни с кем не разговаривая. Лишь перед своим вторым успением он просил монахов не покидать обитель, во всем слушаться наставников и

молиться ежечасно Христу и Богородице. После этого мирно почил до дня общего воскресения.

Один из отцов занимался погребениями и ухаживал за могилами. Звали его Марк-гробокопатель. Не он боялся смерти, но она боялась его. Не только боялась, но и слушалась. Несколько раз преподобный Марк, понуждаемый обстоятельствами, просил умирающих еще пожить или мертвого на время воскреснуть. Всякий раз смерть вела себя, как раба, отступая от больных или возвращая уже охладевших.

* * *

Таких историй — неложных, святых, удивительных — здесь много. Сам воздух пещер — это воздух победы над смертью, Христовой победы, которую усвоили люди, пожертвовавшие собою ради Христа.

Если смерть, этот *последний враг* (1 Кор. 15, 26), вела себя здесь без привычной наглости и безнаказанности, то, значит, и другие враги были здесь побеждены. Воздух пещер — это воздух победы над духом блуда, духом сребролюбия, духом лени. Кратко сказать, нет такого нечистого духа, который не был бы побежден и посрамлен жившими здесь отцами. А потому и мы, когда мучаемся от нечистых страстей, — да бежим за помощью к Моисею Угрину и к Иоанну Многострадальному. Не можем сдержать свой язык, «и празднословный, и лукавый», — да просим помощи у Молчаливого Онуфрия и у многочисленных затворников, ни с кем, кроме

Бога, не говоривших годами. Страдаем от лени — есть для нас врачи, к чьим именам, как награда, прибавлено слово «трудолюбивый».

Думаю, нет такой нужды, в которой мы не нашли бы помощника из числа святых Печерских угодников Божиих. Узнать об этих врачах и обратиться к ним за помощью — необходимый труд всякого больного, знающего о своей болезни.

Киев красив с высоты крутого правого берега, на котором расположилась Лавра. Отсюда город не кажется шумным. Поезд метро, бегущий по одноименному мосту, похож на проворную гусеницу. Машины — те и вовсе движущиеся точки. А Днепр всё так же течет, как и во времена Антония и Феодосия, и всё так же смотрятся в него, как в зеркало, проплывающие облака.

Если мы отсюда, с лаврской высоты, не смотрели на Киев, значит, мы никогда не были в Киеве. А если камень лаврских дорожек помнит тяжесть нашей походки, но пещеры Лавры не помнят нашего молитвенного шепота, значит, мы никогда не были в Лавре.

ПОЛНЫЕ БОГОМ

Слово о мучениках

В одной из серий «Семнадцати мгновений весны», где Штирлиц уже под колпаком, где подозрения растут, а воздуха становится всё меньше, его — полковника Исаева — ведут в подвалы гестапо. По коридору навстречу с по-

сторонней помощью двигаются до неузнаваемости изуродованные заключенные. Справа и слева из соседних камер даже через бетонные стены слышатся жуткие вопли истязуемых. Штирлица по всем законам жанра не пытают, а только дают возможность переночевать среди этих криков на панцирной кровати. Дают посмотреть на орудия возможных пыток. Они лежат на столике, накрытые белой материей. Пилы, щипцы, сверла, гладкие и никелированные — они похожи на врачебные инструменты. Видно, уж такова диалектика: пытают и мучат тем, чем спасают и лечат.

От одной подобной ночи можно сойти с ума, и от одного вида мучилищных орудий можно рассказать всё, что знаешь, плюс прифантазировать, если объем показаний мал. Не зря ведь документы, составленные в сталинских застенках, изобилуют самыми гротескными, неправдоподобными признаниями. Их можно было бы считать фантазиями, если бы их не было так много и если бы машинописные листы с этими «фантазиями» не подписывали ползающие в крови по цементному полу, за одну ночь поседевшие люди.

Человеку легко сделать больно. Будучи последним, самым искусным творением Бога, человек чрезвычайно нежен. Чуть холоднее — и он уже зябнет, синеет кожа, стучат зубы, и вместе с коченеющим телом цепенеет мысль. Кто замерзал, тот знает: во время холода невозможно думать.

Чуть горячее — и он не знает, куда себя деть. В сознании самого упертого атеиста оживают

мысли об аде, стоит ему минут на пять пересидеть дольше положенного на верхней полке сауны.

Одна-две ночи без сна — и ум, как балерина, на цыпочках становится близ тонкой грани, отделяющей разум от безумия. Любую власть, любую роскошь в это время человек вменяет в мусор и без раздумий предпочтет всем благам мира возможность закрыть глаза и забыться сном хотя бы на час. А ведь это — не мучение в чистом виде, это всего только лишение необходимого, некоторая чрезмерность в условиях жизни. Еще огонь не жег тело и острое железо не прикасалось к нему. Еще не выворачивались суставы и не разрывались сухожилия. Еще не отнимали от человека родных и близких и не обнажали на позор перед глазами толпы.

И вот теперь, когда мы довольно сказали о немощи человека и о том, что сделать больно ему легко, можно говорить о мучениках. Тайна их терпения — в их благодатности. Ведь без благодати Божией взгляд на орудия пыток может лишить человека сознания. Мученичество — это один из первых исторических плодов Пятидесятницы. В своем настоящем, подлинном виде христианство — это явление сверхприродное. Из жителя мира сего оно делает человека жителем мира иного, с иными чувствами, иными мыслями, иными свойствами. Если человек обновился под действием благодати, то он может плакать там, где другие смеются, детской забавой считать то, чего страшится большинство. Может он и терпеть муки так, как будто находится в чужом теле.

Среди людей, перенесших за Христа страдания, были такие, которые отрекались и потом каялись в этом, были колеблющиеся и малодушные, были потерявшие силу и храбрость из-за совершенного греха. Но всё же большинство мучеников — это люди, сохранившие благодать крещения. Прежде крещения они, как правило, были наставляемы в вере. Они приходили ко Христу свободно и сознательно, приходили разумно под действием Слова. До крещения их ожидал процесс оглашения. Он состоял из посещения богослужений с непременным оставлением храма после слов «оглашенные, изыдите». Писания они не только слушали в храме, но и изучали отдельно, под руководством епископа или пресвитера. Они учились поститься и молиться, могли выполнять церковные послушания и только после длительного искуса подходили к воде для того, чтоб наполниться Духом.

Опыт крещения, опыт благодатной перемены сохранялся в душах навсегда и был оттиснут так прочно, как образ царя чеканится на золотой монете. Их внутреннее сердечное чувство могло еще долго питаться чувством перемены, наступившей после Таинства, чувством контраста между прежней жизнью и новой. Крещение и следующее за ним частое участие в Евхаристии дарует человеку Христа со всеми Его совершенствами. Рай становится близок. Божественный мир становится реальней, чем мир видимый. Видимое и переживаемое сердцем ощущается как первая и главная реальность, тогда как окружающий мир — реальность вто-

рая. Вот поэтому дыбы, колеса, топоры и пилы теряли свою обычную страшность, становились похожими на игрушки малых детей. Мученики были полны Богом, и отречься от Него было просто невозможно. Ради этой суетной и исчезающей жизни? Она и так потеряла вкус. Ради удовольствий бесящейся плоти? Но плоть смирилась и высохла, научилась повиноваться уму и уже не диктует, как раньше, своих требований. Ради богатства и почестей? Это так смешно, что на это не стоит давать ответа. Может быть, ради семьи и детей? Но ведь они тоже участники Таинств, и они читали о семи братьях Маккавеях и матери их Соломонии.

Эта твердость обескураживала палачей. Настоящих мясников и садистов между ними не так уж много. Любой мучитель чаще стремится, не прибегая к пыткам, запугать, сломить человека и подчинить его своей воле. Любой палач знает, что ножи, котлы и плети страшнее не тогда, когда пущены в дело, а тогда, когда костры разводят, ножи точат, а плети вымачивают. Ожидание боли, как правило, больнее самой боли.

И вдруг ясный и не ускользающий взгляд; прямая, хотя и лишенная надменности, осанка; внятные слова, произнесенные не дрожащим голосом; готовность стоять на своем до конца. Девушки давали связать себе руки так спокойно, будто им заплетают волосы и готовят к брачной церемонии. Старики твердо и не спеша поднимались на связки дров, готовые запылать через минуту, так, будто всю жизнь ждали этого мгновения.

Если крик глашатая оповещал о готовящемся на площади мучении для христиан, юноши выбегали из своих домов и бежали на площадь с большей проворностью, чем их сверстники-язычники бегут, соревнуясь в ловкости и силе. Они бежали разделить мучения с братьями и сестрами и вместе с ними получить венец. Стыдно и страшно оставаться в земле изгнания, быть может, на долгие годы, в то время как молившиеся с тобою уже готовы уходить Домой.

Всё это было столь ошеломительно и ново, всё это охватило столь многие народы и страны, всё это, как закваска, положенная в муку, заквасило все возрасты человеческой жизни — детство, юность, зрелость, старость, что мы до сих пор изумляемся их страданиям каждый раз, когда совершаем их память. Писатели последующих эпох раскрасили страдания мучеников пышными диалогами, иногда даже сообщили им некий драматургический пафос, тогда как это было ослепительное, как молния, и неожиданное явление новой жизни в одряхлевшем и измученном мире.

То, что были они — Георгии, Димитрии, Варвары, Екатерины из того же, что и мы, теста, и то, что были они тем же миром (буквально) мазаны, пугает и радует одновременно. Пугает оттого, что на фоне святых не знаешь, куда себя деть, вспоминаешь вопль из Апокалипсиса: *Горы, покройте нас* (см. Ос. 10, 8). И радует тем, что есть у тебя заступники, так сильно любящие Царя и так сильно Им любимые в ответ, что Царь им ни в чем не откажет.

Согретые Пасхой

Балканы. Сербская деревушка, XIV век.

Стоян был самым красивым юношей не только в своей деревне, но и в окрестных. Высокий, чернобровый, с уже покрытой черным пушком верхней губой, он давно заставлял тревожно биться не одно девичье сердце. Родители его умерли, и юноша жил в доме дяди — кожевника. Местные турки тоже любили Стояна, а кади* — тот и вовсе часто звал парня к себе и подолгу с ним беседовал, угощая сладостями.

То ли кади был хитрый, то ли Стоян — глупый, то ли некому было его уберечь, но решил он принять ислам. Кади уговорил. Сербы поплакали, турки порадовались, а потом жизнь потекла своим чередом.

* * *

Наступила Пасха. Светозарная ночь опустилась на Балканы. В каждом христианском селе горели свечи, и радостью горели глаза людей. Сулейман — так теперь звали Стояна — не мог уснуть. Он вышел на улицу, и ноги сами повели его к храму. Там только закончилась полунощница, и крестный ход с иконами и хоругвями уже выходил на улицу. Медленно и торжественно три раза обошли церковь люди. И вот в ночной тишине раздался громкий голос священника: «Слава Святей Единосущней и Животворящей Троице!» Сотни душ ответи-

* Кади — в мусульманских странах судья, единолично осуществляющий судопроизводство по закону Шариата (правовые и религиозные нормы, основанные на Коране).

ли «Аминь», и в воздухе раздалось победное «Христос воскресе из мертвых!»

Сердце, как пойманная в сети голубка, забилось в груди Сулеймана. Ни о чем не думая, он побежал к людям, чтобы присоединить свой голос к их хору, чтобы обняться с ними и разделить их радость. Каков же был его ужас, когда он увидел, что все, от мала до велика, сторонятся его, как прокаженного. Он понял, что нарушил их радость, и на возмущенных лицах читал: «Ты не наш».

* * *

— Скажи, кади, если кто-то продал мне свинец вместо серебра, а я по неопытности купил его, законна ли эта сделка?

Судья сидел на мягких подушках и, глядя в окно, перебирал четки.

— Нет, сынок, эта сделка незаконна.

— Могу ли я отдать свинец и забрать свое серебро?

— Можешь, сынок, — сказал кади, неподвижно глядя на дерево за окном. Но уже через секунду его глаза расширились, а лицо изобразило смесь ужаса и удивления. Его приемный сын, его ученик Сулейман снял с себя турецкую феску, бросил на пол и, наступив на нее обеими ногами, сказал:

— Забирайте свой свинец и своего Магомета. Отдайте мне мое серебро — моего Христа.

* * *

Стояна казнили на следующий день. Сначала его сильно избили, но быстро поняли, что

это не поможет. Потом хотели морить голодом, но у парня в глазах было написано, что и этого он не боится. Спешили: нужно было не дать христианам окрестных сел узнать об отречении и собраться вместе. Дело могло перерасти в бунт. Поэтому юношу и судили, и обезглавили быстро.

Он вел себя смело и даже не дал завязать себе руки. Только сильно побледнел, когда увидел палача с обнаженной саблей. Были бы живы мать и отец, не избежать бы истерик и крика. А так сотни пар глаз молча и внимательно смотрели на юношу. Кто-то шептал молитву, чьи-то руки перебирали четки, кто-то лишился чувств. А турки спешили, потому что знали — кто-то мог сжимать кулаки или греть в широкой ладони рукоятку ножа.

Когда голова отделилась от тела, народ охнул и стал креститься. Мертвый он был еще красивее, чем живой. Черные глаза его были открыты, и даже не знающий грамоту мог прочитать в них надежду и молитву юноши к Тому, за Чье имя он только что умер.

* * *

В Болгарии, Греции, Сербии эти истории не были редкостью. Пятьсот лет, шутка ли сказать — полтысячелетия, христиане здесь платили за веру кровью. Подробный курс истории Христианской Церкви никто из них не читал. Может быть, имена Траяна, Нерона, Веспасиана значили для них не больше, чем для нас — фамилии китайских писателей. Но чашу мучеников они пили до дна, и опыт их был тож-

дествен. И тех, и других согревала Пасха. Не иудейская, с печеным ягненком и горькими травами, а христианская — с ночным торжеством и чувством того, что стоишь на пороге Вечности. В этом опыте стиралась грань между мирянами, духовенством и монашествующими. Перед лицом смертельных угроз пасхальная радость была общей и питала всех одинаково.

Когда молодая римлянка Перпетуя вздрагивала всем телом от звука лязгающего замка и открывающейся двери в ее темницу, то стражники, улыбаясь, бурчали: «Что ты будешь делать *там*, когда увидишь зверей на арене или разложенные перед тобой орудия пыток?» — «*Там*, — отвечала молодая женщина, — во мне будет *Другой*, Который вместо меня перетерпит мои муки». *Другой* был со всеми и везде, где только ни лилась кровь за Его имя. Чтобы умереть за Него, мало верить верой философов и верой ученых. Нужно верить верой Авраама, Исаака и Иакова, верой Петра и Павла, верой Стефана. Эту веру рождает Пасха.

* * *

Первый век в Риме, семнадцатый в Греции, двадцатый в России... За Христа умерло и в Нем воскресло множество людей, ныне душами собравшихся воедино. Хлеб в виде зерен рассеивается по полям, чтобы потом собраться в одно в виде свежей горячей буханки. Святые живут в разных странах и в разное время, носят разную одежду и говорят на разных языках. Но имя Иисуса им понятно, кто бы его ни произнес. Сегодня они в белых одеждах стоят

перед Престолом Агнца. Они пришли от великой скорби, и одежды их белы оттого, что вымыты кровью Безгрешного.

Есть смысл всмотреться в сияющие лица богомольцев на наших пасхальных всенощных, в нашем третьем тысячелетии. Возможно, мы смотрим в лица еще не прославленных святых, на иконы, еще не ставшие чудотворными...

ВЕРНОСТЬ ДО СМЕРТИ

В углу моей комнаты висит икона Спасителя с горящей перед ней лампадой. Я привык к ней и редко задумываюсь над тем, какое место икона занимает в моей жизни. Православное украшение интерьера, что-то привычное для молитвы, одна из обрядовых сторон Церкви, красота, наконец... Вот что значит икона для бытового сознания. Но за этими красками разверзаются бездны.

Приближается первая неделя Великого поста. Я готовлюсь к проповеди о торжестве иконопочитания, перебираю в памяти всё, что знаю о «богословии в красках». Две вещи вспоминаются ярче всего.

Средневековая Грузия. Маленькую христианскую страну постоянно терзают различные захватчики. Храбрые благоверные воины и мученики за Христа — самый многочисленный лик грузинских святых. Верность Христу буквально оплачивается кровью.

Очередной враг — царевич Джелаль-ад-Дин — захватывает Тбилиси. Он повелевает снять купол с кафедрального собора и усаживается на

него. Внизу, у моста через Куру, поставлены иконы — те самые, перед которыми молились многие поколения горожан. Царевич повелевает жителям города подходить по одному и, плюнув на образ, живым перейти на другой берег. Возле икон стоят воины с обнаженными мечами, и несогласных ждет неминуемая смерть. Подходит первый человек. Крестится, склоняет голову и в последний раз целует знакомый образ. Острый меч мгновенно отсекает голову, и тело первого мученика бросают в реку. Подходит второй, происходит то же. Третий, четвертый... Люди стоят в длинной очереди за смертью, трепещут, молятся, однако, крестясь, целуют иконы и, обезглавленные, падают в реку.

До позднего вечера шли ко Христу православные тбилисцы, омывались кровью и уходили в Небо. На иконы не плюнул никто. С удивлением смотрел Джелаль-ад-Дин на мучеников, которых он захватил, но не поработил.

Средневековая Япония. Европейские мореплаватели открывают для себя этот островной народ и открывают для японцев европейскую цивилизацию. Гавани полны кораблей, чьи паруса украшены крестом. Диковинные товары наводняют страну. Проповедуется новая вера. Европейцы изучают японский язык, переводят на него Евангелие. Множество туземцев откликается на проповедь о Христе, принимает новую веру. Сёгуны (правители) благоприятствуют этому и даже позволяют совершать службы и молиться в своих замках. Но вскоре японцы чуют неладное. Успех католической миссии грозит колонизацией страны. Религия может послужить инструментом политики. К

тому же наводнившие страну миссионеры не являют пример христианской жизни. Представители разных монашеских орденов враждуют друг с другом. Японцы принимают радикальное решение — они выгоняют всех европейцев и запрещают им впредь появляться на островах. Япония на долгие столетия сознательно изолирует себя от всего мира. Благодаря этому она избежит судьбы многих стран Индокитая и никогда не будет колонией. Но внутри страны остается много христиан-японцев. Что делать с ними? Их решают выявить и уничтожить.

Выявляют христиан особым способом.

Сёгунам ясно, что есть вещи, которые христианин не сделает ни при каких условиях. Например — не наступит на икону Христа. И вот вооруженные отряды объезжают страну и в каждой деревне предлагают людям одно и то же — попрать ногами образ Спасителя. Расчет оказался верным. Верующие сразу обнаруживают себя категорическим отказом.

Их всех ждала мучительная смерть.

Для грузин и японцев, для греков и русских, для православных христиан любой национальности всегда было ясно, что Христос — не только Слово Отца, но и Образ Бога невидимого. Чтить нужно не только Его Книгу, но и Его Образ. Икона не тождественна природе Изображаемого, но тождественна Его Личности.

В углу моей комнаты висит икона Спасителя с горящей перед ней лампадой. Я часто смотрю на этот образ и привык к нему. Но сегодня, вспоминая мучеников, я смотрю на икону как будто впервые — и вижу в ней святыню, за которую можно умереть.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЙТИ СЕБЯ В РОДНОЙ КУЛЬТУРЕ **3**
Культура — мировоззрение — религия 4
Культурный слой 9
«Человек — это продукт чтения» 15
Заметки о литературе 20
Перед лицом вечности. Слово о Гоголе 24
Мелодия для странника 29
Кино и христианство 31

ОБ ЭКОНОМИКЕ И НРАВСТВЕННОСТИ **37**
Азбука экономической грамотности
Записки Дон Кихота 38
Мертвые души 43
Неэкономические факторы экономики 51
Чехов в супермаркете 57

ГЛАВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ **65**
Пастухи и плотники 66
Рыбаки и рыбки 69
Сказка о репке 73
Главная реальность 78
Страна чудес 84
Поиск смысла жизни 98
Мудрец и проповедник 102
Прорыв в вечность
Воскресение Христово как смысл жизни 110

ЖИВ ЛИ Я? **115**
Кто внушил нам молчать о самом главном? 116
Вера 120
Задача номер один 124
Жив ли я? 129
Вечные вопросы 133

«Никто» или «некто»? 139
Манна 145

НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ 151
О жестокости Ветхого Завета 152
Последний обманщик 159
«Кесарю — кесарево, а Божие — Богу...» 166
Случай в бакалейной лавке 170
«Куда несешься ты? Дай ответ!» 176
Дороги 180
«Умом Россию не понять...» 185
Билет на «полчаса тишины» 188
Обманутые дети лживой эпохи 193

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ! КАК СПАСАТЬСЯ? 199
Индивидуализм и коллективизм 200
Пятая заповедь 215
Ложные боги жестоки 221
Дохристианское воспитание 224
Чтобы спасти ребенка, нужно вначале спасти взрослого... 244
Семья — школа самопожертвования
Апология женщины 287
Что значит быть взрослым? 306
Крест и утешение
Размышление о таинстве брака 312

У БОГА НЕТ МЕРТВЫХ 317
Что потом? 318
Мы живы! Молитесь о нас! 322
Оптимистическая трагедия 326
Колокол, звонящий по всем 329
Безболезненная, непостыдная, мирная кончина жизни 333
У Бога нет мертвых 338
Ты где и как умирать хочешь? 343
Крещение перед смертью 348
Адам! Где ты? 352

ОТКРОЕМ ЕМУ ДВЕРЬ! **355**
Расправить плечи на пределе истории 356
Открыть Ему двери 360
Человек по имени Иисус 364
Ангельская песнь 371
Рождение от Воды и Духа 374
Между прошлым и будущим 379
«Воскресение Христово видевше...» 384
Праздник светлой грусти 388
«Куда» читать Евангелие 391

ЖИЗНЬ – НЕ ШУТКА **399**
Проблемы с седьмой заповедью 400
Целомудрие и блуд 428
Блуждать или идти 432
Усекновение главы 436
Колокольный звон 443
Жизнь — не шутка
Размышления священника
о женско-мужской дружбе 448
Болезнь и грех 452
Не осуждать 456
Эдит 460
Мысли о покаянии 466
Смирение 473
Любить всех?.. 475
Наука быть счастливым 479
Благодарю Тебя, Господи! 483

ЖИТИЯ СВЯТЫХ **489**
Предисловие 490
Бегство от мира 491
Святость мелется на жерновах 498
Прописаны в Небесном Иерусалиме 502
Пророк Илия 506
Свидетели чуда 511
Иосиф 511

Праведная Елизавета 513
Праведный Симеон 514
Праведная Анна 515
Апостол Андрей Первозванный 516
Апостолы Петр и Павел 520
Апостол Петр 524
Победоносный воин Георгий 532
Любимый больной
Целительная сила великомученика Пантелеимона 536
Любимый святой
Чудеса святителя Николая 540
Пастух и пастырь
Встреча со святителем Спиридоном Тримифунтским 545
Кого ты любишь?
Победа преподобной Марии Египетской 550
Креститель
Выбор святого князя Владимира 554
Запах святости
Знакомство с преподобным Иовом Почаевским 562
Святитель Димитрий Ростовский 566
Святой Иоанн Русский 572
Преподобный Серафим 576
Безумная любовь
Жизнь и подвиг блаженной Ксении Петербуржской 578
Святой праведный Иоанн Кронштадтский 582
Киево-Печерская Лавра 586
Полные Богом
Слово о мучениках 591
Согретые Пасхой 597
Верность до смерти 601

Протоиерей Андрей Ткачев

МЫ ВЕЧНЫ! ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТОГО НЕ ХОТИМ

Редакторы *К.Н.Годовникова, Р.А.Замтарадзе, Р.Г.Неведрова*
Подготовка к печати *А.В.Гущина, А.А.Мелкова*
Макет и компьютерная верстка *А.В.Пинчук*
Дизайнер *О.Л.Балаклеец*
Художественный редактор *Н.В.Дымникова*

Подписано к печати с оригинал-макета 7.09.2012.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 32,3. Тираж 6 000 экз. Заказ № 3787.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru